

THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

**THE BELARUSIAN
ARCHEOGRAPHICAL
YEAR-BOOK**

Founded in 2000

Volume 11

Minsk
2010

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 11

Мінск
2010

УДК 930.25(476)(058)

У адзінаццатым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» друкуюцца матэрыялы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, кадыкалогіі, тэксталогіі і гісторыі дзяржаўных устаноў. Публікуюцца дакументы па сярэдневяковай, новай і найноўшай гісторыі Беларусі, агляды архіўных фондаў і іншыя матэрыялы.

Прызначаны для архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), У. І. АДАМУШКА,
Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА, В. А. ГАПАНОВІЧ, С. У. ЖУМАР,
Дз. У. КАРАЎ, У. К. КОРШУК, В. А. КОСМАЧ, У. П. КРУК,
М. В. ЛАРЫН (*Расія*), І. Б. МАЦЯШ (*Украіна*), В. Л. НАСЕВІЧ,
Ю. У. НЕСЦЯРОВІЧ, В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар),
А. Я. РЫБАКОЎ, І. В. САВЕРЧАНКА, А. М. САРОКІН,
В. Дз. СЕЛЯМЕНЕЎ, В. У. СКАЛАБАН, У. В. ФЯДОСАЎ,
М. Ф. ШУМЕЙКА

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі ад 13.12.2005 № 207 «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навук

© БелНДДАС, 2010

АРТЫКУЛЫ

А. М. Запартыка, Г. В. Запартыка
БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ АРХІЎ-МУЗЕЙ
ЛІТАРАТУРЫ І МАСТАЦТВА. ПАЧАТАК

(Да 50-годдзя заснавання)

Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ) быў створаны ў 1960 г. як Цэнтральны дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва БССР. 24.03.1976 г. ён рэарганізаваны ў Цэнтральны дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва БССР. З 21.05.1993 г. мае сучасную назву. На 01.06.2010 г. у БДАМЛМ захоўваецца 475 фондаў, асноўную частку якіх складаюць асабістыя архівы пісьменнікаў А. Адамовіча, М. Багдановіча, Я. Брыля, М. Гарэцкага, В. Быкава, К. Каганца, А. Куляшова, Янкі Купалы, Якуба Коласа, М. Лынькова, І. Мележа, Я. Пушчы, М. Танка, І. Шамякіна; кампазітараў А. Багатырова, Г. Вагнера, Я. Глебава, В. Залатарова, Ю. Семянякі, Я. Цікоцкага, М. Чуркіна; акцёраў і рэжысёраў Г. Абуховіч, А. Кістава, А. Клімавай, Г. Макаравай, П. Малчанова, Б. Платонава, К. Саннікава, С. Станюты, У. Уладзімірскага, Р. Янкоўскага; спевакоў Л. Александровскай, І. Балоціна, С. Друкер, М. Забэйдзі-Суміцкага, Р. Млодак; мастакоў і скульптараў І. Ахрэмчыка, В. Волкава, А. Глебава, А. Грубэ, А. Кашкурэвіча, А. Марыкса, С. Селіханова, А. Тычыны і многіх іншых.

9 чэрвеня 2010 года споўнілася 50 гадоў з часу стварэння Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва. Сёння гэта архіўная ўстанова вядомая як у Беларусі, так і ў свеце, і перш за ўсё тым, што захоўвае ўнікальныя асабістыя фонды беларускіх пісьменнікаў, мастакоў, акцёраў, кампазітараў, фонды беларускіх тэатраў, кінастудыі «Беларусьфільм», рэдакцый літаратурна-мастацкіх часопісаў і газет і інш.

У гісторыю архіва-музея ўпісаны выдатныя падзеі жыцця краіны, яе літаратуры, мастацтва, культуры. Пра гэта ўжо многа напісана і сказана. Сёння ж гаворка пойдзе не толькі пра гісторыю, але найперш пра прадгісторыю Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва.

Вядома, што ў 1960-я гады ў многіх рэспубліках СССР пачалі стварацца архівы літаратуры і мастацтва: у 1960 г. — у Беларусі, 1966 г. — ва Украіне і Азербайджане, 1968 г. — у Літве, 1969 г. — у Ленінградзе, 1970 г. — у Грузіі, 1986 г. — у Арменіі. У гэтым шэрагу, як бачым, пачынальнікам была Беларусь. Але першым такім архівам на тэрыторыі Савецкага Саюза стаў Цэнтральны дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва СССР, створаны ў Маскве ў 1941 г. ЦДАЛМ СССР амаль адразу ўключыў у аб'екты свайго камплектавання і асабістыя архівы дзеячаў літаратуры і мастацтва нацыянальных рэспублік. Так узніклі ў названым архіве фонды народных пісьменнікаў Беларусі Янкі Купалы і Якуба Коласа, якія пасля былі перададзены ў ЦДАЛМ БССР. За тры дваццаць гадоў, ад часу ўзнікнення ЦДАЛМ СССР і да стварэння ў 1960 г. у Беларусі архіва літаратуры і мастацтва, маскоўскімі архівістамі быў

назапашаны вялікі вопыт працы з асабістымі архівамі, архівамі творчых арганізацый, рэдакцый часопісаў і газет, створана метадычная база. Трэба прызнаць, што той вопыт з узнікненнем архіваў літаратуры і мастацтва ў рэспубліках быў атрыман і з вялікім поспехам укараняўся ў іх практыку, у тым ліку і ў Беларусі. І ўсё ж, што лягло ў аснову стварэння Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, як рабіліся першыя крокі, як нараджалася ідэя? Традыцыйна ўсякі артыкул па гісторыі архіва-музея пачынаецца з 9 чэрвеня 1960 г. І гэтую дату ніхто не збіраецца аспрэчваць. Фонд Архіўнага ўпраўлення МУС БССР № 249, які зберагаецца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, якраз і дазваляе даследаваць перыяд нараджэння ідэі і падрыхтоўкі яе рэалізацыі. Было, зразумела, і ўказанне «зверху», але да гонару дзеячаў архіўнай справы Беларусі тых далёкіх гадоў рэагаванне на ўказанне, калі яно з'явілася, было ўжо падрыхтавана, а ідэя выступала на нашай ніве. Некалькі дакументаў, размешчаных ніжэй у іх храналагічнай паслядоўнасці, даюць аб гэтым вельмі дакладнае ўяўленне.

1 кастрычніка 1957 г. газета «Савецкая Беларусь» апублікавала артыкул навуковага супрацоўніка Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР Н. Фраловай¹ «О литературных архивах», у якім атрымалася роля спецыялізаванага архіва і прапанавалася ідэя перадачы літаратурных архіваў на дадзеным этапе ў дзяржаўныя архівы, а праз кароткі час газета «Літаратура і мастацтва» — артыкул супрацоўніка таго ж інстытута Д. Бародзіча² «Даўно наспеўшае пытанне», дзе ўжо рэкамендавалася «Саюзу пісьменнікаў БССР і Дзяржаўнаму архіўнаму ўпраўленню БССР* усур'ёз заняцца справай стварэння літаратурнага архіва». Рэагаванні на гэтыя публікацыі з боку Архіўнага ўпраўлення ў дакументах фонду не выяўлены. Толькі ў маі 1958 г. у даведцы начальніка ЦДАКР БССР В. Ільчовай³ на імя А. Азарава⁴ будзе згадана публікацыя Н. Фраловай і выказана думка аб будучым літаратурных архіваў. Але складанне такой даведкі магло быць выклікана наступнымі падзеямі, якія, бяспрэчна, паўплывалі на прыняцце будучых рашэнняў.

У пачатку 1958 г. еўрапейская арганізацыя архівістаў «Круглы стол архіваў», якая існавала па-за структурай Міжнароднага савета архіваў, прыступіла да падрыхтоўкі штогадовай канферэнцыі. Для IV канферэнцыі «Круглага стала архіваў» была абрана тэма «Новыя галіны выкарыстання дакументальных матэрыялаў», сярод раздзелаў якой была тэма «Архівы і гісторыя літаратуры»⁵. Для падрыхтоўкі зводнага даклада сакратарыятам канферэнцыі ўсім дырэкцыям нацыянальных архіваў была разаслана анкета. Такую анкету атрымала і Архіўнае ўпраўленне МУС БССР, зразумела, праз Галоўнае архіўнае ўпраўленне МУС СССР. Захаваліся два дакументы, якія сведчаць, што тэма «Архівы і гісторыя літаратуры» ў беларускіх архівах вивучалася і анкета ў Маскву адсылалася: «Перечень материалов литературного характера, имено-

* Так у тэксце. Трэба—Архіўнае ўпраўленне МУС БССР.

щихся в ЦГАОР БССР» і «Список исследователей, работавших в Госархиве Минской обл. по литературным темам»⁶. Амаль адначасова, 6 сакавіка 1958 г., Галоўнае архіўнае ўпраўленне МУС СССР разаслала цыркулярны ліст «Начальникам центральных государственных архивов СССР, начальникам архивных управлений и отделов МВД=УВД республик, краев и областей», у якім пасля кароткай гістарычнай прэамбулы даваліся ўказанні: «В целях коренного улучшения работы по выявлению и собиранию документальных материалов личных фондов государственных и общественных деятелей СССР, выдающихся представителей социалистического труда, деятелей науки, техники, литературы и искусства ГАУ МВД СССР предлагает изучить этот вопрос и обсудить его на Научном совете в 1958 году. Копию стенограммы или протокола заседания Научного совета вышлите в ГАУ МВД СССР»⁷. Адрозна заўважым, што ў Беларусі праблемы літаратурнага архіва і архіваў асабістага паходжання вельмі моцна звязваліся і ішлі побач. І хоць, як бачым, гаворка ў цыркуляры вялася пра асабістыя архівы і неабходнасць іх камплектавання ў межах існуючых архіваў, беларускія архівісты адразу загаварылі пра стварэнне спецыялізаванага архіва. Канферэнцыя «Круглага стала архіваў» прайшла 20—22 мая 1958 г. у Вісбадэне і Франкфурце-на-Майне (ФРГ). Савецкія архіўныя ўстановы былі прадстаўлены дэлегацыяй у складзе трох чалавек: намесніка начальніка ГАУ МУС СССР Л. І. Якаўлева і кіраўнікоў архіўных служб Беларусі А. І. Азарава і Украіны С. Д. Пількевіча. Даклад «Архівы і гісторыя літаратуры» зрабіў Л. І. Якаўлеў, беларускі кіраўнік выступіў па тэме «Дапамога архіваў народнай гаспадарцы»⁸. Але яркія даклады аб даследаваннях па гісторыі літаратуры, якія праводзіцца ў еўрапейскіх архівах, аб лёсе літаратурных твораў і дакументаў пісьменнікаў, лёсе дакументаў розных творчых устаноў не пакінулі А. І. Азарава абьякавым. Верагодна, што тая паездка і пачутыя выступленні былі моцным стымулам, каб распачаць працу па стварэнні ў Беларусі літаратурнага архіва.

3—4 ліпеня 1958 г. у Мінску прайшла рэспубліканская нарада работнікаў архіўных устаноў БССР, прысвечаная 40-й гадавіне Дэкрэта СНК РСФСР ад 1 чэрвеня 1918 г. «Аб рэарганізацыі і цэнтралізацыі архіўнай справы», на якой прысутнічалі архівісты многіх саюзных рэспублік. Адным з першых на гэтай нарадзе прагучаў даклад Н. Ф. Фраловай. Тэкст даклада цалкам паўтараў яе артыкул з «Савецкай Беларусі», і тым не менш меў вялікі рэзананс. У «Зварот да ўсіх архівістаў рэспублікі», які падпісалі ўдзельнікі нарады, быў уключаны і пункт аб стварэнні літаратурнага архіва. Па матэрыялах гэтай нарады для Савета Міністраў БССР была складзена даведка, дзе нават прапанавалася зацвердзіць «штаты» будучага літаратурнага архіва.

Канчатковую ролю ў вырашэнні праблемы стварэння літаратурнага архіва ў БССР адыграла Палажэнне аб Дзяржаўным архіўным фондзе СССР, зацверджанае 13 жніўня 1958 г., у якім, акрамя традыцыйна справаводных дакументаў устаноў і прадпрыемстваў, замацоўваліся і дакументальныя матэрыя-

лы дзяржаўных, палітычных, грамадскіх дзеячаў, дзеячаў навукі, тэхнікі, літаратуры і мастацтва і інш. У сувязі з гэтым начальніку аддзела камплектавання Архіўнага ўпраўлення МУС БССР Т. А. Трухіной⁹ было даручана правесці аналіз стану захавання архіваў асабістага паходжання ў Беларусі. Будучы глыбокім спецыялістам, Таісія Анатолеўна Трухіна правяла вялікую аналітычную працу, у якой закранула ўсе аспекты праблемы. Ужо з самой назвы дакумента вынікае яе стаўленне да ўзніклай сітуацыі — «Канцэнтрацыя ў дзяржаўныя архівы фондаў асабістага паходжання і праблема арганізацыі і камплектавання Цэнтральнага дзяржаўнага літаратурнага архіва БССР». З кароткай аўтаграфічнай прыпіскі, якая была зроблена крыху пазней, вядома, што даклад гэты быў прачытаны супрацоўнікам АУ МУС БССР у «верасні—кастрычніку 1959 г.». На ст. 16 (арх. 38) дадзенай працы Т. А. Трухіна абгрунтавае і неабходнасць разгляду праблемы камплектавання асабістымі архівамі і дакументамі па гісторыі літаратуры і мастацтва тым, што «пытанне аб стварэнні ў Беларусі дзяржаўнага літаратурнага архіва знаходзіцца напярэдадні свайго становаўчага рашэння». Сапраўды, ужо ў сярэдзіне 1959 г. (значыць, тэкст рыхтаваўся і пытанне абмяркоўвалася напрыканцы 1958 г.) С. І. Сікорскі¹⁰ ў артыкуле «Аб стане работы і задачах архіўных устаноў БССР», надрукаваным у навукова-інфармацыйным бюлетэні «Вопросы архивоведения», падкрэсліў: «Адной з актуальных задач архіўных устаноў БССР з'яўляецца арганізацыя прыёму на дзяржаўнае захоўванне матэрыялаў асабістага паходжання, г. зн. дакументаў дзяржаўных і грамадскіх дзеячаў, прадстаўнікоў навукі і культуры, перадавікоў сацыялістычнай вытворчасці. Да цяперашняга часу ў рэспубліцы адсутнічае які-небудзь адзіны парадак захоўвання гэтых матэрыялаў. Рукапісы і матэрыялы пісьменнікаў і літаратуразнаўцаў часткова прымаліся Інстытутам літаратуры АН БССР, але цяпер у сувязі з недахопам памяшканняў такі прыём спынены. У большасці дакументы асабістага паходжання знаходзяцца ў неўпарадкаваным стане ў выдавецтвах і рэдакцыях часопісаў і газет, а таксама ў прыватнай уласнасці. Зразумела, што пры такіх умовах не можа быць гаворкі пра шырокае выкарыстанне гэтых каштоўнейшых крыніц па гісторыі айчынай навукі, тэхнікі, культуры.

У сувязі з гэтым, на наш погляд, наспела неабходнасць стварэння ў Беларусі рэспубліканскага дзяржаўнага архіва літаратуры і мастацтва, які б займаўся зборам, захоўваннем, навуковай апрацоўкай і выкарыстаннем матэрыялаў беларускіх пісьменнікаў, кампазітараў, артыстаў, мастакоў. У сваю чаргу, дзяржаўныя архівы павінны заняцца зборам асабістых дакументаў дзяржаўных і грамадскіх дзеячаў, вучоных, перадавікоў сацыялістычнай працы»¹¹. Пытанне ад задумы да пастановы Савета Міністраў БССР ад 9 чэрвеня 1960 г., як бачым, вырашалася вельмі хутка і з высокай актыўнасцю. Было ў гэтым не толькі імкненне быць дысцыплінаванымі ў адносінах да новага Палажэння аб Дзяржаўным архіўным фондзе, але і глыбока патрыятычнае жаданне заснаваць установу, якая б канцэнтравала дакумен-

тальныя крыніцы па гісторыі нацыянальнай літаратуры, мастацтву, культуры. Пра гэта вельмі ярка гаворыць апошні з прапанаваных дакументаў — выступленне Т. А. Трухіной на семінары архіўных работнікаў у Архіўным упраўленні пры Савеце Міністраў БССР у кастрычніку 1960 г.

Цікава, што менавіта ў арганізацыйны перыяд пачалося і камплектаванне будучага літаратурнага архіва. Фонд № 1 паэта Міхася Машары¹² паступіў у красавіку 1960 г. і першыя здатчныя вопісы на яго былі зроблены супрацоўнікамі Архіўнага ўпраўлення пры Савеце Міністраў БССР І. Шышонкам¹³ і Г. І. Балашовай¹⁴. Першы штатны расклад архіва ўключаў усяго трох супрацоўнікаў. Загадам начальніка АУ пры Савеце Міністраў БССР ад 01.08.1960 г. быў прыняты на працу першы навуковы супрацоўнік ЦДАЛІМ БССР — Камарова Клара Якаўлеўна¹⁵, 10.08.1960 г. — архіварыус Турко Ганна Дзмітрыеўна¹⁶, 27.09.1960 г. быў прызначаны дырэктар Цэнтральнага дзяржаўнага архіва літаратуры і мастацтва БССР — Жорава Клара Сцяпанаўна¹⁷.

Ніжэй прыводзяцца архіўныя матэрыялы НАРБ, якія ляглі ў аснову стварэння Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва.

¹ Фралова Нона Фёдараўна (1929 г. нар.), супрацоўнік Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР у 1952—1958 гг.

² Бародзіч Дзмітрый Захаравіч (1922 г. нар.), супрацоўнік Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР у 1956—1960 гг.

³ Ільчова Валянціна Андрэеўна (1926 г. нар.), гісторык, архівіст. З красавіка 1952 г. да ліпеня 1959 г. — начальнік ЦДАКР БССР.

⁴ Азараў Абрам Ігнатавіч (1907—1990), гісторык, архівіст. З 1943 г. па 1974 г. ўзначальваў Дзяржаўную архіўную службу Беларусі.

⁵ Матэрыялы IV канферэнцыі «Круглага стала архіваў» былі надрукаваны ў бюлетэні «Вопросы архивоведения» за 1959 г., № 1, с. 102—132.

⁶ НАРБ. Ф. 249. Воп. 5. Спр. 682. Арк. 9—22.

⁷ НАРБ. Ф. 249. Воп. 5. Спр. 680. Арк. 31—32.

⁸ Змест выступленняў А. І. Азарава і іншых прадстаўнікоў савецкай дэлегацыі прыведзены ў прадмове А. В. Шаблоўскага да Матэрыялаў IV канферэнцыі «Круглага стала архіваў» у бюлетэні «Вопросы архивоведения» за 1959 г., № 1, с. 105—106.

⁹ Трухіна Таісія Анатолеўна (1926—1968), гісторык, архівіст. З 1948 г. працавала ў АУ МУС БССР, з 1950 г. на працягу 18 гадоў ўзначальвала аддзел камплектавання АУ МУС БССР (з 1960 г. — АУ пры Савеце Міністраў БССР).

¹⁰ Сікорскі Сяргей Іванавіч (1907—1960), партыйны і савецкі дзеяч, адзін з арганізатараў і кіраўнікоў партызанскага руху ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны, Герой Савецкага Саюза. У 1956—1960 гг. ўзначальваў Міністэрства ўнутраных спраў БССР, у сістэму якога ўваходзіла Дзяржаўная архіўная служба.

¹¹ Вопросы архивоведения. 1959. № 2. С. 21—22.

¹² Міхась Машара (Міхаіл Антонавіч) (1902—1976), беларускі паэт, прэзаік, драматург, перакладчык.

¹³ Дадатковыя біяграфічныя звесткі пра Івана Шышонка не ўстаноўлены.

¹⁴ Балашова Галіна Іванаўна (1930 г. нар.), архівіст. У 1953—1963 гг. была навуковым супрацоўнікам АУ МУС БССР (з 1960 г. — Савета Міністраў БССР).

¹⁵ Камарова Клара Якаўлеўна (па мужу Арлова) (1934 г. нар.), гісторык-архівіст.

¹⁶ Турко Ганна Дзмітрыеўна (па мужу Харавец) (1940 г. нар.), філолаг, архівіст. З красавіка 1976 г. да жніўня 1995 г. ўзначальвала аддзел камплектавання ЦДАЛІМ БССР, з 1996 г. на пенсіі.

¹⁷ Жорава Клара Сцяпанаўна (1926—2005), філолаг, архівіст. З 1960 г. да 1982 г. была дырэктарам Цэнтральнага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва БССР.

№ 1

О литературных архивах

Общезвестно, что литературные архивы — личные фонды писателей, архивы литературных редакций и издательств — имеют важное общественное и научное значение.

Литературные архивы во многом способствуют успешному развитию такой науки, как литературоведение. Невозможно сколько-нибудь глубоко и серьезно изучить творчество писателя, проследить его творческую эволюцию, не имея его рукописей, черновых набросков, писем, различных вариантов и редакций того или иного произведения.

Все эти материалы представляют несомненную ценность для исследователя, который стремится проникнуть в творческую лабораторию писателя, изучить, осознать и раскрыть его индивидуальное своеобразие и художественное мастерство. Во многих случаях эти материалы помогают охарактеризовать общественную среду, в которой создавалось то или иное произведение, дают возможность воссоздать картину развития литературы на определенном этапе.

Неоценимо значение литературных архивов и при подготовке к печати научных изданий литературного наследия. Они являются первоисточниками для специалистов-текстологов при восстановлении авторского текста и при составлении комментариев к нему.

Отсюда понятно, почему столько внимания уделяется сбору и сохранению материалов, отражающих историю развития литературы и культуры с незапамятных времен и до наших дней. Пушкинский дом в Ленинграде, Ленинградская публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина*, Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве** — это кровяные центры культуры советского народа.

У нас же в республике, несмотря на то что белорусская литература занимает достойное место среди литератур братских народов СССР, до сих пор не уделяется должного внимания собиранию и сохранению литературных архивов.

Первые робкие шаги в этом отношении были предприняты в 1954 году сектором рукописей и изданий Института литературы имени Янки Купалы

* Цяпер Расійская нацыянальная бібліятэка.

** Цяпер Расійскі дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва.

АН БССР. Однако своей основной задачей этот сектор считает сохранение по преимуществу оригинальных рукописей, вариантов, черновых набросков произведений, писем писателей. В свое время сектор неоднократно обращался к писателям республики с просьбой передать на хранение в институт свои архивные материалы. К сожалению, это обращение не получило отклика.

Одновременно сектор рукописей обратился по этому же поводу к редакциям газет, журналов и издательств. Однако те материалы, которые редакции смогли предоставить в распоряжение сектора, в научном отношении оказались малоценными, так как они в большинстве своем состояли не из подлинных авторских рукописей, а из последующих редакций, обработанных литсотрудниками.

В настоящее время сектор рукописей не имеет возможности сосредоточивать и сохранять у себя полностью архивы литературных редакций газет, журналов и издательств. Это под силу только крупному специальному учреждению — литературному архиву.

Но поскольку подобный архив в нашей республике еще не организован, а архивные материалы редакций имеют несомненную ценность для изучения истории литературы, назрела необходимость подумать, как лучше и полнее сохранить эти архивы.

До сих пор условия хранения архивов редакций газет, журналов и издательств в нашей республике оставляют желать много лучшего. Как, например, сохраняются архивы в таких литературно-художественных журналах, как «Польмя» и «Беларусь»? По установившейся в этих редакциях странной практике подлинные авторские тексты, как правило, не сохраняются, хотя понятно, что именно они представляют ценность для исследователя, а не выправленные редакторами экземпляры, предназначенные для набора.

Однако даже эти видоизмененные тексты сохраняются далеко не полностью и нередко теряются. Редакционные архивы — рукописи стихов, рассказов, повестей, статей, романов, опубликованные и неопубликованные, письма в редакцию и ответы на них скапливаются в столах сотрудников в неразобранном виде в течение нескольких лет подряд.

Еще хуже обстоят дела с архивом Белгосиздата*. Для архива не отведено помещение. Архивные материалы издательства, представляющие исключительную ценность для изучения работы автора над рукописью, размещаются на складе, в совершенно не приспособленном для этого помещении. Многие материалы не разобраны и не приведены в порядок. Отыскать нужные рукописи очень сложно, так как к ним почти невозможно подступиться. В результате ценные архивы Белгосиздата подвергаются порче и частичному уничтожению и говорить о возможности их научного и практического использования не приходится.

* Дзяржаўнае выдавецтва БССР створана ў 1921 г., з 1963 г. — выдавецтва «Беларусь».

Нам кажется, что целесообразно поставить вопрос о передаче архивов литературных редакций газет, журналов и издательств государственным архивным учреждениям для их более полной и лучшей сохранности.

Н. Фролова

научный сотрудник Института литературы имени Янки Купалы Академии наук БССР

Друкуецца па копіі

НАРБ. Ф. 249. Вон. 5. Спр. 682. Арк. 5—7.

№ 2

Даўно наспеўшае пытанне

У нашым друку неаднаразова ўзнімалася пытанне аб неабходнасці збірання і захоўвання літаратурных архіваў. Але па-ранейшаму ўсё застаецца без змен.

Між тым каштоўнейшыя літаратурныя матэрыялы, у тым ліку рукапісы, пісьмы, дзённікі многіх пісьменнікаў Беларусі, апынуліся ў розных архівах і музеях Масквы, Ленінграда, Кіева, Вільнюса і ў іншых месцах. Апрача таго, асобныя важныя гісторыка-літаратурныя матэрыялы трапілі ў прыватныя рукі і да іх ніякага доступу няма.

Рэдакцыі некаторых часопісаў і газет, выдавецтвы, у чыё распараджэнне трапляюць аўтографы або машынапісныя рукапісы пісьменнікаў, амаль заўсёды знішчаюць іх, пакідаючы ў сябе толькі рабочыя, перапрацаваныя экземпляры. Ды і гэтыя матэрыялы часам захоўваюцца абы-як.

Неабходнасьць стварэння Беларускага дзяржаўнага літаратурнага архіву даўно наспела. Час, нарэшце, Саюзу пісьменнікаў БССР і Дзяржаўнаму архіўнаму ўпраўленню БССР усур'ёз заняцца гэтай справай.

Д. БАРОДЗІЧ

Друкуецца па копіі

НАРБ. Ф. 249. Вон. 5. Спр. 682. Арк. 8.

№ 3

т. Азарову А. И.

Справка

В газете «Советская Белоруссия» № 232 от 1 октября 1957 г. была опубликована статья научного сотрудника Института литературы АН БССР Н. Фроловой.

В статье подняты очень важные вопросы о необходимости сохранения архивных материалов редакций литературных газет и журналов. Сотрудники института, преследуя цель сохранения указанных материалов, добились выделения в институте 2-х комнат под архив и провели необходимую работу по сбору материалов из редакций. Как сообщила т. Фролова, редакции газеты ЛиМ, журналов «Польмя» и «Беларусь», чтобы не приводить в порядок материалы и освободить столы и шкафы, охотно пошли на их переда-

чу. Принятые материалы, а это, в основном, рукописи и машинописные экз. статей, очерков, стихов и др., приведены в порядок, отсистематизированы и на них составлен карточный учет. Из-за отсутствия достаточного помещения в институте сбор материалов прекращен, и они по-прежнему находятся в редакциях в беспорядочном состоянии.

Помимо этого, институт разослал письма всем писателям Белоруссии. Некоторые писатели охотно отозвались на это предложение и сдали часть своих архивов.

Подобными методами случайного и частичного сбора материалов вряд ли возможно разрешить проблему в целом о сохранении для истории этих ценных материалов.

Полагаю, что подобная документация должна храниться в ЦГАОР БССР*, создав для этого специальный отдел фондов литературы и искусства. В настоящее время в архиве имеются на хранении 64 рукописных и машинописных текстов повестей, пьес и др. литературных произведений (фонд Управления авторских прав при СНК БССР. Список прилагается). Почти совершенно отсутствуют материалы редакций газет и журналов, нет личных фондов писателей, поэтов, деятелей искусства. Все это остро ощущается исследователями, работающими по истории литературы и искусства.

В последние 2—3 года в архиве работают писатели и научные работники Института литературы и искусства АН БССР и Союза советских писателей Белоруссии: И. Клаз**, Атрошенко***, Фролова, Гуревич****, Бородич, Масленников***** и др. над темами «Первое белорусское товарищество драмы и комедии (1917—1920 гг.)», «Белорусская советская пресса 20—30-х годов», «Белорусская советская литература периода коллективизации», «Очерки по истории белорусской литературы», «Романов Е. Р. — как белорусский этнограф» и др. Сбор материалов, в основном, проводится по газетам и фонду Наркомпрос БССР. Другими источниками архив, к сожалению, не располагает.

В. Ильичёва

12.05.58 г.

НАРБ. Ф. 249. Вон. 5. Спр. 682. Арк. 2—4 (рукопис В. Ильичовой).

* Цэнтральны дзяржаўны архіў Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва БССР.

** І. С. Клаз (1922—1980), празаік. У 1956—1966 гг. быў загадчыкам аддзела інфармацыі штотыднёвіка «Літаратура і мастацтва».

*** А. Я. Атрошчанка (1906—1973), тэатразнавец. З 1957 г. навуковы супрацоўнік Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР.

**** Э. С. Гурэвіч (1921 г. нар.), літаратуразнавец, крытык, доктар філалагічных навук.

***** П. В. Масленікаў (1914—1995), мастак тэатра, мастацтвазнавец, педагог. Заслужаны дзеяч мастацтваў Беларусі.

№ 4

ПЛАН

работы Архивного управления МВД БССР на II-е полугодие 1958 года
(фрагмент)

23. Провести совещание при начальнике управления по вопросам выявления и собирания в государственные архивы фондов личного происхождения государственных и общественных деятелей, представителей науки, техники и культуры.

НАРБ. Ф. 249. Вон. 5. Спр. 64. Арк. 30.

№ 5

ОБРАЩЕНИЕ

участников республиканского совещания
работников архивных учреждений Белорусской ССР,
посвященного 40-летию Ленинского декрета
«О реорганизации и централизации архивного дела»,
состоявшегося в г. Минске 3—4 июля 1958 г.,
ко всем архивистам республики

(фрагмент)

Принять меры к концентрации в государственные архивы республики архивных материалов из музеев и библиотек, а также документальных материалов деятелей литературы, искусства, науки и поставить вопрос о создании в республике центрального литературного и технического архивов.

НАРБ. Ф. 249. Вон. 5. Спр. 646. Арк. 177—178.

№ 6

СПРАВКА

о состоянии архивного дела в Белорусской ССР.
По материалам совещания руководящих и научных работников
архивных учреждений Белоруссии, посвященного 40-летию архивного
строительства в Советском Союзе

(фрагмент)

3. Утвердить штаты Центрального государственного литературного архива республики и лаборатории по реставрации и микрофотокопированию документальных материалов при Центральном государственном историческом архиве БССР и его филиале [...]

9. Архивному управлению МВД республики совместно с Академией наук БССР провести изучение и учет архивных фондов, отражающих историю и культуру белорусского народа, но хранящихся в других советских и зарубежных архивах; принять меры к возвращению в БССР материалов, относящихся к профилю государственных архивов республики, и провести микрофотокопирование материалов, отражающих историю и культуру бе-

лорусского народа. Приступить к концентрации в государственные архивы документальных материалов личного происхождения.

Министерству финансов республики выделить на проведение этих работ необходимые ассигнования.

Приложение № 1

ШТАТЫ

Центрального государственного литературного архива и лабораторий по реставрации и микрофотокопированию документальных материалов при центральных и областных государственных архивах республики в количестве 43 единиц с месячным фондом заработной платы 24 550 рублей, в том числе:

Наименование учреждений и их подразделений	Наименование должностей	Количество единиц	Должн. оклад	Месячный фонд зарплаты
1	2	3	4	5
Центральный государственный литературный архив БССР				
	начальник архива	1	1200	1200
	старших научных сотрудников	2	880	1760
	научных сотрудников	2	690	1380
	старших архивариусов	2	450	900
	секретарь-машинистка	1	410	410
	уборщица	1	300	300
	Итого	9		5950

НАРБ. Ф. 249. Вон. 5. Спр. 648. Арк. 27, 29, 33.

№ 7

УТВЕРЖДЕН КОЛЛЕГИЕЙ
МВД БССР (протокол № 11
от 14 октября 1958 г.)

ПЛАН

**мероприятий МВД БССР по выполнению постановления
Совета Министров Союза ССР от 13 августа 1958 г. № 914
«Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде
Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР»**
(фрагмент)

I. В соответствии с приказом МВД СССР от 29 августа 1958 г. № 575 и в целях улучшения постановки архивного дела в республике просить Совет Министров БССР и ЦК КП Белоруссии решить вопросы:

3) о создании в гор. Минске Центрального государственного архива литературы и искусства и Центрального хранилища микрофотокопий уникальных документов.

НАРБ. Ф. 249. Вон. 5. Спр. 648. Арк. 57.

№ 8

НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО
АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
МВД СССР
ПОЛКОВНИКУ
товарищу БЕЛОВУ Г. А.

ОТЧЕТ

о работе архивных учреждений Белорусской ССР за 1958 год

(фрагмент)

В целях улучшения постановки архивного дела в республике Министерство внутренних дел БССР представило в ЦК КПБ и Совет Министров БССР докладную записку с конкретными предложениями, на основании которой разработан проект постановления Центрального Комитета и Правительства по этому вопросу.

В проекте постановления предусматриваются завершение работы по упорядочению и улучшению условий хранения архивных материалов министерств и ведомств, строительство новых зданий для государственных архивов Витебской, Гомельской, Минской, Молодечненской областей, создание Центрального государственного архива литературы и искусства, Центрального хранилища микрофотокопий уникальных документов, увеличение штатов государственных архивов республики и другие вопросы.

Проект постановления согласован в ЦК КПБ и находится на рассмотрении Совета Министров. Некоторые вопросы, внесенные на рассмотрение Правительства, нашли свое разрешение в Госплане и Министерстве финансов БССР. Так, на 1959 год утверждено дополнительно 49 штатных единиц для Архивного управления, центральных, областных, городских архивов и лаборатории по микрофотокопированию и реставрации документальных материалов, ассигновано 500 тыс. рублей на строительство здания Государственного архива Минской области, выделены строительные материалы для капитального ремонта зданий центральных архивов...

НАРБ. Ф. 249. Вон. 5. Спр. 650. Арк. 2.

№ 9

**Концентрация в государственные архивы фондов
личного происхождения и проблема организации и комплектования
Центрального государственного литературного архива БССР***

(фрагмент)

Большой и важной частью общей проблемы концентрации в госархивы фондов личного происхождения является задача обеспечения сохранности материалов деятелей литературы и искусства и создание в связи с этим Центрального государственного литературного архива в БССР.

Эта задача крайне актуальна сегодня в связи с тем, что до настоящего времени в Белоруссии не имеется учреждения, которое бы занималось планомерным собиранием и хранением подлинных документов литературного наследия белорусских писателей, а также документов художников, артистов и других представителей искусства Белоруссии.

Прежде, чем перейти к вопросу об организации и комплектовании Литературного архива БССР, следует отметить, как обстоит дело с собиранием и хранением литературных материалов в зарубежных архивах и центральных государственных архивах СССР, используя для этого опубликованный в бюллетене ГАУ сводный доклад «Новые области использования архивных документов», рассмотренный международной конференцией «Круглого стола архивов», состоявшийся 20—22 мая 1958 г. в Висбадене и Франкфурте-на-Майне (ФРГ), раздел «Архивы и история литературы».

В этом докладе, например, отмечается, что «в США и Англии национальные архивы всегда очень неохотно покупали или принимали на хранение архивы частных лиц; эти материалы в основном поступали в Британский музей и в Библиотеку Конгресса. Совсем недавно в США произошли некоторые изменения в этом вопросе, национальному архиву в Вашингтоне было разрешено принять на хранение документальные материалы частного происхождения, непосредственно отражающие политическую жизнь страны. В Швеции документы писателей и рукописи литературного характера сдаются на хранение исключительно в библиотеки.

Архивисты других стран всячески стараются пополнить фонды своих архивов документальными материалами частных архивов или, во всяком случае, облегчить сдачу этих материалов в государственные архивы. Обычно архивы оставляют за собой право хранения документальных материалов политических деятелей, дипломатов, военных, а материалы писателей и поэтов передаются на хранение в библиотеки. Этому правила придерживаются архивисты Австрии, большинства земель Западной Германии, Бельгии, Ни-

* У першай частцы даклада даецца характарыстыка фондам асабістага паходжання і фамільным фондам, якія захоўваюцца ў дзяржаўных архівах БССР.

дерландов, Италии, Дании и т. д., хотя провести четкое разграничение функций архивов и библиотек в этой области весьма затруднительно.

Что делать, например, с документальными материалами писателей, которые занимали какие-либо государственные посты и переписка которых касается не только вопросов литературы, но и различных политических проблем?»

Истории известны много примеров этого. Занимались литературной деятельностью глава Правительства Литбела В. Мицкевич-Капсукас* и председатель первого ЦИК БССР Мясников**, современный латвийский писатель Лацис*** является председателем Совета Министров Латвийской ССР, Корнейчук**** зам. председателя Совета Министров УССР, многие др. советские писатели являются депутатами Верховных Советов и работают в различных общественных организациях.

Безусловно, неправильным будет, разрознив эти фонды, поместить рукописи и документы литературного характера в библиотеку, а оставшиеся материалы в архив. Отмечается, что такое деление фондов до последнего времени практиковалось в иностранных архивах, но в настоящее время архивисты большинства стран стоят за принцип неделимости фондов. Таким образом, делается вывод о целесообразности концентрации литературных документальных материалов в государственные архивы, исходя из правил недробимости фондов и принципа происхождения, где, кроме того, хранится большое количество документальных материалов различных учреждений, по которым возможно и в большой степени проводится изучение истории литературы. В докладе приводятся интересные сведения об использовании документов государственных архивов по историко-литературной тематике. Отмечается, что в большинстве стран преобладают исследования биографического и генеалогического характера, но также проводятся исследования и по темам, сопрягающимся с политической историей, как отношении писателей к государственным властям. «В СССР, Франции, Венгрии и Польше, где исследования в области литературы ведутся в архивах в большом масштабе, темы работы исследователей более разнообразны: подготовка собраний сочинений и издание корреспонденции писателя, изучение влияния литературных произведений, духовной жизни, культурных связей с границей, истории книги и библиотек (и специальные исследования каталогов старинных библиотек), истории печати и особенно истории театра».

* В. С. Міцкевіч-Капсукас (1880—1935), літоўскі літаратурны крытык і палітычны дзеяч.

** А. Ф. Мяснікоў (Мяснікян) (1886—1925), армянскі пісьменнік, партыйны і дзяржаўны дзеяч.

*** В. Ц. Лацис (1904—1966), латышскі пісьменнік і дзяржаўны дзеяч.

**** А. Е. Карнійчук (1905—1972), украінскі драматург і грамадскі дзеяч.

Для исследований биографического характера используются церковно-приходские книги, акты гражданского состояния и дела писателей, состоящих на государственной службе, т. е. личные дела, а также фонды учреждений народного образования и искусства, дела по наблюдению за писателями со стороны органов полиции, фонды юридических учреждений, фонды университетов и др. учебных заведений. Одним из источников для биографических исследований являются также нотариальные архивы. Например, во Франции существует при Национальном архиве Центральный нотариальный архив Парижа и департамента Сены, имеющий на хранении 80 миллионов актов, самые ранние из которых датированы концом XV века, являющийся одной из наиболее ценных коллекций Европы. На основании просмотра материалов этого архива: брачных контрактов, завещаний и посмертных описей, документов о разделе имущества и т. д. были внесены уточнения в биографии многих писателей-классиков. К сожалению, среди наших архивистов распространено мнение, что нотариальные конторы являются совершенно не актуальными фондами: и не подлежат сдаче в госархивы.

В сводном докладе также отмечается, что в нотариальных конторах хранятся посмертные описи многочисленных библиотек частных лиц (с начала XVI в.). Эти описи представляют большой интерес для изучения влияния и распространения того или иного литературного произведения.

В нашей практике встречались посмертные описи библиотек частных лиц (настоятеля монастыря) в фондах судебных учреждений, в делах о наследовании имущества.

Наиболее важным источником для исследований отдельных литературных произведений являются материалы учреждений цензуры. В фондах цензуры, например, встречаются рукописи, изъятые у писателей, а также рукописи с внесенными цензурой поправками. Кроме того, очень интересные документы встречаются в фондах полиции и особенно в фондах судов о судебных преследованиях и процессах против писателей и журналистов.

В Советском Союзе проблема обеспечения сохранности литературных материалов разрешается путем создания специального Центрального государственного архива литературы и искусства, который имеет на хранении громадное количество важнейших фондов литературного характера и которому предоставлены преимущественные права по собиранию документов по истории литературы и искусства.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранится большое количество документов и рукописей писателей (Достоевского, Короленко, Некрасова, Толстого и др.), а также документальные материалы театров, издательств, редакций литературных газет и журналов, культурных организаций и т. д.

ЦГАЛИ СССР комплектуется путем покупки архивов писателей как у наследников, так и у других лиц, или путем получения этих материалов в

дар или на хранение. Если документальные материалы писателя куплены архивом, то они поступают в полную собственность государства и их использование не ограничено. Если документальные материалы переданы архиву в дар или на хранение, за писателями и его наследниками сохраняется авторское право в пределах, установленных советским законодательством; архивовладелец может запретить публикацию или использование документов или разрешить их использование лишь отдельным лицам.

Так, например архив французского писателя Ромен Роллана*, хранившийся в опечатанных пакетах в Государственной библиотеке им. Ленина в Москве, согласно его завещательного распоряжения, вскрыт в январе 1955 г., через 10 лет после его смерти (в 1944 г.).

Примером приобретения архивов писателей от их наследников может служить поступление в 1958 г. в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР заграничного архива А. И. Куприна, содержащего около шестидесяти рукописей рассказов, очерков, статей, фельетонов и стихотворений, публиковавшихся в основном только в зарубежной печати, а частично еще совершенно не видевших света. В числе них киносценарий «Моя звезда», рассказы «Строчка Ивановна», «Ральф», «Одиночество» и другие.

В составе архива более 500 писем; среди корреспондентов И. Е. Репин, Р. Роллан и многие другие выдающиеся деятели литературы и искусства. Архив приобретен у дочери писателя К. А. Куприной.

Народная артистка СССР А. А. Яблочкина** передала с ЦГАЛИ свои материалы, относящиеся к ее биографии, роли, статьи и выступления, воспоминания об А. И. Южине***, М. Н. Ермоловой****, А. П. Ленском****, письма к ней К. С. Станиславского*****, В. И. Немировича-Данченко*****, А. И. Южина, Г. Н. Федотовой*****, В. Н. Рыжовой***** и многих других артистов Малого, Художественного и периферийных театров, фотографии ее в жизни и в ролях. Имеются материалы по Малому театру и материалы, связанные с деятельностью А. А. Яблочкиной во Всероссийском театральном обществе; списки артистов, программы юбилейных спектаклей, докладные записки и другие.

* Рамэн Ралан (1866—1944), французскі пісьменнік, грамадскі дзеяч, музыкант, ганаровы член АН СССР.

** А. А. Яблочкина (1866—1964), драматычная актрыса, народная артыстка СССР.

*** А. І. Южын (1857—1927), рускі акцёр і тэатральны дзеяч.

**** М. М. Ярмолава (1853—1928), руская актрыса.

***** А. П. Ленскі (1847—1908), рускі акцёр і рэжысёр.

***** К. С. Станіслаўскі (1863—1938), рускі рэжысёр, акцёр, педагог.

***** У. І. Неміровіч-Данчанка (1858—1943), рускі рэжысёр, тэатральны дзеяч, пісьменнік, драматург.

***** Г. М. Фядотава (1846—1925), руская актрыса.

***** В. М. Рыжова (1871—1963), народная артыстка СССР.

Фонды государственных учреждений и организаций, ведающих литературой и искусством, сдаются в Литературный архив по истечении срока хранения в ведомственном архиве.

Однако Литературный архив не является в нашей стране единственным учреждением, собирающим и хранящим материалы литературного характера. Документальные материалы и рукописи четырех крупнейших писателей хранятся в соответствующих хранилищах: в Институте русской литературы Академии наук СССР («Пушкинский дом»), Музее Л. Н. Толстого, Архиве А. М. Горького при Институте мировой литературы Академии наук СССР и Библиотеке-музее В. В. Маяковского.

Кроме того, многочисленные мемориальные музеи занимаются собиранием личных вещей и отдельных рукописей других писателей с целью их экспонирования. Таковы, например, музеи Ф. И. Достоевского, А. П. Чехова и Н. А. Островского в Москве, музей Т. Г. Шевченко в Киеве, мемориальный музей И. Франко в Дрогобычской области, литературно-мемориальные музеи Я. Купалы и Я. Коласа в Минске и т. д.

Рукописи литературного характера хранятся также и в Библиотеке им. Ленина (в Москве) и Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Существует якобы разграничение по профилю собираемых материалов между архивами с одной стороны и библиотеками, музеями с другой. Так, например, как будто Библиотека им. Ленина покупает преимущественно рукописные книги XIX в., в то время как Центральный государственный архив литературы и искусства занимается в основном материалами советского периода.

В будущем, согласно положению о Государственном архивном фонде СССР, предполагается концентрация всех документальных материалов писателей из библиотек и музеев в государственные архивы.

В Белоруссии, как уже ранее отмечалось, документальные материалы литературного характера хранятся в:

1) Музеях Я. Купалы и Якуба Коласа, где собраны сохранившиеся рукописи произведений и документы, относящиеся к жизни и творчеству этих писателей.

2) Рукописном отделе Белорусской государственной библиотеки им. В. И. Ленина — рукописи произведений, письма Я. Коласа, Я. Брыля, Бядули, Дунина-Марцинкевича, Каганца*.

3) Институте литературы АН БССР, которым собраны частично материалы из редакций газеты ЛиМ, журналов «Польмя» и «Беларусь», представляющие собой рукописи и машинописные экземпляры статей, очерков, стихов и др. документы белорусских писателей. Институтом были разосла-

* К. Каганец (К. К. Кастравіцкі) (1868—1918), беларускі пісьменнік, мастак, грамадскі дзеяч.

ны письма всем писателям Белоруссии с предложением о сдаче личных фондов. Некоторые писатели охотно отозвались на это предложение и сдали часть своих архивов.

Однако в настоящее время прием материалов Институтом литературы якобы прекращен ввиду отсутствия помещения для дальнейшей концентрации материалов.

Производившийся ранее прием материалов носил также выборочный характер, принимались материалы редакций не полностью, а только лишь рукописи произведений наиболее известных и значительных писателей.

4) Государственных архивах БССР, где имеются на хранении фонды издательств, учреждений цензуры, редакций газет и журналов, Управления авторских прав, театров, Комитета и отделов по делам искусств и др., в составе которых имеются материалы по истории литературы и искусства, а также и рукописи отдельных произведений.

5) Действующих учреждениях, организациях, обществах творческого направления, располагающих документами, отражающими деятельность этих учреждений, а также творческими материалами представителей литературы и искусства Белоруссии.

Ознакомление отделом комплектования с порядком хранения рукописных материалов и материалов на правах рукописей в ряде этих учреждений (Белгосиздат, редакции журналов «Беларусь», «Малодосць», «Польмя» и газеты «Літаратура і Мастацтва») показало, что условия хранения, учет и использование этих материалов организованы крайне неудовлетворительно.

Таким образом, общее положение дел в Белорусской ССР с обеспечением сохранности, собиранием и научной обработкой, заключающей в себе учет, описание и каталогизацию, материалов деятелей литературы, артистов, художников, скульпторов, музыкантов и др. обстоит совершенно неблагоприятно.

Если материалы действующих литературных и культурных учреждений еще контролируются архивными органами и наравне с материалами других учреждений в порядке планового приема поступают в государственные архивы, то материалы личных фондов писателей никем регулярно не собираются и не хранятся, т. к. отсутствует в республике какое-либо учреждение, которое в законодательном порядке имело бы право и обязывалось бы разыскивать, выявлять и осуществлять прием, хранение и научную обработку этих материалов.

В результате этого богатейшие материалы, отражающие культуру белорусского народа, распланы по хранилищам различных библиотек, музеев, архивов различных городов. Большое количество их находится за пределами Белорусской ССР. Особенно печальную участь разделили литературные и искусствоведческие материалы дореволюционного периода. В Белоруссии, например, отсутствует какое-нибудь более или менее полное собра-

ние документов личных фондов или рукописей произведений писателей до революционного периода.

Если мы посмотрим путеводитель по Центральному государственному архиву литературы и искусства СССР, осуществлявшему также и концентрацию материалов личных фондов представителей национальных литератур, то увидим, что белорусская литература представлена в этом архиве всего одним фондом «Янки Купалы», содержащим одну единицу хранения — рукопись одного его произведения. Это объясняется тем, что этот архив принимал только лишь на хранение поступавшие к нему каким-либо путем материалы белорусской литературы, а специально розыском этих документов не занимался.

Некоторой исторической обусловленностью объясняется наличие большого количества документов по истории белорусской литературы и искусства в библиотеках и государственных архивах Литовской ССР, в г. Вильнюсе.

В дореволюционный период Вильно был центром генерал-губернаторства, в которое входили и белорусские губернии. Этот город был крупным культурным центром, к которому тяготели литературные силы края, в том числе и Белоруссии. Здесь находились Университет, Попечитель учебного округа, Цензурный комитет, издательства, издававшие также и белорусскую литературу. В связи с этим именно в Вильно, в учреждениях, библиотеках, архивах накапливались и хранились материалы, отражающие белорусскую культуру.

После революции и гражданской войны Вильнюс остался за пределами Советского государства, в связи с чем документальные материалы, находившиеся в Виленских учреждениях и архивах, избежали в свое время включения в состав Государственного архивного фонда СССР и концентрации в государственные архивы. Кроме того, в Вильно бежало много белорусских буржуазных националистов, вывезших с собой из Белоруссии много памятников белорусской культуры, а также документальных источников по истории литературы. Ими же в Вильно, в период вхождения его в состав панской Польши, началось осуществляться собирание документов по истории и культуре белорусского народа. В Вильнюсе одними из этих эмигрантов, братьями Луцкевич, был создан для собирания документов по белорусской истории и культуре Белорусский музей. В панской Польше Вильно также был крупным культурным центром, к которому тяготели культурные силы Западной Белоруссии, в Вильно были редакции и издательства белорусской литературы, поэтому в Вильно, особенно в составе быв. Белорусского музея, имеется также большое количество документов, отражающих деятельность писателей Западной Белоруссии.

В 1939 г. музей был закрыт и в дальнейшем комплекс его материалов оказался разорванным между ЦГИА Литовской ССР и Библиотекой АН Литовской ССР.

Материалы этого Музея содержат большое количество документов о Якубе Коласе, Элоизе Пашкевич (Тетке), Максиме Богдановиче, Змитроке Бядуле, Кондрате Крапиве, Филиппе Пестраке, Максиме Танке и др. (их рукописи, письма, личные документы)*.

Учитывая, что вопрос об образовании в Белоруссии Государственного литературного архива находится накануне своего положительного разрешения, следует остановиться на некоторых проблемах комплектования его документальными материалами.

Пути комплектования этого архива, таким образом, должны быть следующими:

1) Выявление и собирание документальных материалов литературного наследия и материалов, отражающих развитие белорусского искусства, в хранилищах различных музеев, рукописных отделах библиотек, институтов, государственных архивах других республик, у частных лиц.

(Во Львове в составе фонда «Львовского университета» обнаружены документальные материалы об Элоизе Пашкевич).

2) Приобретение личных фондов писателей, артистов, художников у самих владельцев, наследников или других лиц в дар, на хранение или путем покупки. Эта работа должна производиться путем осуществления разъяснительных и пропагандистских мероприятий, доказывающих преимущества сдачи личных архивов на государственное хранение, обеспечивающее сохранность и контролируемое государством научное использование их («Тагильская находка», о которой писал Иракий Андронников**).

3) Плановый периодический прием документальных материалов от действующих писательских и других творческих организаций и объединений, редакций литературных и искусствоведческих журналов и газет, издательств, театров и т. д.

Следует оговориться, что нельзя представлять себе, что в Литературный архив должны концентрироваться документальные материалы всех учреждений, сколько-нибудь связанных с литературой и искусством. Существует много учреждений, осуществляющих административное управление над учреждениями и организациями, непосредственно занимающимися творческой деятельностью, как например Министерство или отделы-управления культуры, среди материалов которых, безусловно, имеются документы по истории литературы и искусства, но тем не менее преобладают в них административные вопросы, имеются такие учреждения, литературные вопросы у которых

* Документы Беларускага музея імя І. Луцкевіча, якія пасля яго ліквідацыі ў 1944 г. трапілі ў Дзяржаўны архіў ЛітССР, у 1960 г. былі перададзены ў наваствораны ЦДАЛІМ БССР. Зараз у БДАМЛІМ Ф. № 3.

** Маецца на ўвазе выдадзеная ў «Бiblioteке «Огонька» кніга І. Андроннікава (М., 1956), у якой аўтар расказаў пра лёс архіва А. Карамзіна, выяўленага ў Ніжнетагільскім краязнаўчым музеі.

являются только одной частью их компетенции, как, например, издательства и учреждения цензуры. Их материалы отражают историю печати гораздо шире, не только литературной, но и политической, научной, военной, технической и т. д., поэтому не от всяких издательских и цензурных учреждений материалы подлежат приему в Литературный архив.

Материалы учебных заведений как специальных (литературные факультеты, театральные, музыкальные, художественные школы и училища), так и общеобразовательные безусловно также содержат отдельные документы, относящиеся к истории литературы и искусства, однако преимущественно отражают учебные вопросы и подлежат сдаче в государственные архивы общего профиля.

Таким образом, концентрации в Литературный архив подлежат только лишь фонды учреждений и организаций творческого направления.

Отсюда необходимо очень осторожно подходить к вопросу о том, что возможно и целесообразно было бы передать Государственному литературному архиву из других государственных архивов БССР.

Безусловной передаче Литературному архиву подлежат личные фонды деятелей литературы и искусства, число которых, к сожалению, у нас составляет всего один фонд в Государственном архиве Минской области. Это фонд белорусского писателя и публициста Ельского А. К.^{*}, содержащий 30 ед. хр. за 1851—1855 гг.

Из ЦГАОР БССР должна быть передана рукопись произведения Тишки Гартного «Бацькава воля»^{**}.

Фонды учреждений, относящихся к профилю Литературного архива, составляют в наших архивах также незначительное количество. Имеются только в ЦГАОР БССР:

1) р-256 (1923—1928 гг.) Центральное бюро Всебелорусского объединения писателей и поэтов «Молодняк» при Институте белорусской культуры, 18 ед. хр. 1925—1927 гг.^{***},

2) р-257 (1926—1933 гг.) Белорусское общество драматических писателей и композиторов, 121 ед. хр. за 1927—1933 гг. (или Управление по охране авторских прав при Белорусском товариществе драматических писателей и композиторов)^{****}.

Имеется в госархивах несколько фондов театров, однако судя по составу материалов, эти фонды целесообразнее оставить по месту их настоящего хра-

* Документы А. К. Ельскага паступілі ў ЦДАЛІМ БССР у 1962 г. У БДАМЛІМ Ф. № 43.

** «Бацькава воля» — гэта раздзелы 1—4 вядомага рамана Цішкі Гартнага «Сокі цаліны». Зараз захоўваецца ў БДАМЛІМ. Ф. 15. Воп. 1. Адз. зах. 2.

*** Документы перададзены ў ЦДАЛІМ БССР у 1964 г. У БДАМЛІМ Ф. № 225.

**** Документы перададзены ў ЦДАЛІМ БССР у 1964 г. У БДАМЛІМ Ф. № 81, у ЦДАКР БССР захоўваўся пад № 257.

нения, т. к. они содержат преимущественно документы административного содержания, финансовые и бухгалтерские документы, документы по личному составу коллективов артистов и обслуживающего персонала. Материалов репертуарного характера, режиссерской работы или эскизов декораций и костюмов в их составе не имеется (ЦГАОР ф. ф. р-247, р-366, р-367).

Отсюда следует сделать вывод, что передача этих фондов в Литературный архив на первом этапе его комплектования нецелесообразна. В дальнейшем, в связи с возможным пополнением этих фондов материалами, более полно отражающими развитие театрального искусства, перемещение этих фондов в Литературный архив окажется более приемлемым.

Комплектование Литературного архива, таким образом, должно производиться преимущественно за счет новых поступлений материалов в состав Государственного архивного фонда, а не внутреннего перемещения материалов из одного государственного архива в другой.

Явно неправильным является намерение рассматривать задачу комплектования Литературного архива как стягивание в него из других государственных архивов БССР фондов и даже частей фондов и отдельных единиц хранения, имеющих по содержанию связь с вопросами литературы и искусства.

Такой взгляд на вопросы комплектования явно ошибочен. Во-первых, в данном случае недопустим разрыв фонда. Во-вторых, нецелесообразен и не желателен разрыв комплекса фондов учреждений одной губернии и одного масштаба (например, Витебской губернии и губернских учреждений). В-третьих, такую цель неправильно ставить и невозможно осуществить, как изъятие из всех государственных архивов всех материалов о литературе и о писателях и сосредоточить их только в литературном архиве.

Искусство и литература народа так тесно переплетены со всякой другой его деятельностью и жизнью государства, что документы отдельные о писателях возможно встретить в фонде любого учреждения. Следует иметь в виду, что принцип комплектования наших архивов не тематический, а фондовая принадлежность материалов.

В Государственных архивах, в различных фондах будут встречаться документы о жизни и деятельности писателей, которые должны храниться и использоваться в составе этих фондов, но не передаваться в Литературный архив, который должен комплектоваться документами личных фондов и фондов специфично литературных или искусствоведческих учреждений и организаций, в основе деятельности которых лежит исключительно творческое начало (а не управленческое).

Применение в практике архивного дела микрофотокопирования документальных материалов значительно расширяет возможности комплектования в Литературном архиве.

* Фонды гэтраў былі перададзены ў ЦДАЛІМ БССР на працягу 1960-х гг.

В целях пополнения фондов белорусских писателей, например, основные документы которых невозможно уже будет собрать полностью в силу утраты большого количества документов в связи с войнами и другими причинами, в некоторой степени удастся пополнить все же микрофотокопиями документов из фондов, подлежащих хранению в других государственных архивах.

Вот такой путь поступления в Литературный архив материалов (в микрофотокопиях) из других белорусских архивов оправдан и должен будет осуществляться, однако очень продуманно и системно, а не все подряд, что относится к литературе.

Например, в отношении «газетного стола Канцелярии Витебского губернатора» нет большой необходимости создавать для Литературного архива полный дубликат его в микрофотокопиях, т. к. если эти материалы понадобятся в комплексе, то их можно использовать и в ЦГИА БССР. Но вот, например, если в фонде Богдановича* не окажется рукописи какого-либо его произведения, которое имеется в составе фонда «газетного стола», то тогда микрофотокопию ее целесообразно присоединить к личному фонду Богдановича.

Таковы пока теоретические позиции, с которых представляется целесообразным подходить к вопросам комплектования Государственного литературного архива.

В практике работы безусловно встретится множество затруднений, о которых пока сказать ничего нельзя, но преодоление которых возможно внесет некоторые уточнения в настоящее изложение.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА КОМПЛЕКТОВАНИЯ (ТРУХИНА)

Прытиска рукой Т. А. Трухіной: Доклад зачитан для сотрудников Архивного управления БССР в сентябре—октябре 1959 г.

НАРБ. Ф. 249. Вон. 5. Спр. 682. Арк. 23—42.

№ 10

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ БЕЛОРУССКОЙ ССР товарищу КИСЕЛЕВУ Т. Я.**

До настоящего времени документальные материалы, отражающие историю белорусской культуры, хранятся в редакциях газет, журналов, издательствах, музеях, театрах, у частных лиц и т. д.

Сохранность этих материалов не обеспечена, есть случаи уничтожения подлинных рукописей писателей и других ценнейших документов по истории культуры белорусского народа.

* Прыклад умоўны. На той час фонду М. Багдановіча ў дзяржаўных архівах БССР не існавала. У 1968 г. у БДАМЛМ быў створаны «Збор матэрыялаў сямі Багдановічаў». Цяпер Ф. № 153.

** Ц. Я. Кісялёў (1917—1983), дзяржаўны і партыйны дзеяч БССР. У 1959—1978 гг. — Старшыня Савета Міністраў БССР.

В целях концентрации и улучшения хранения документальных материалов литературных, театральных, музыкальных и художественных организаций, издательств и других учреждений, ведающих вопросами литературы и искусства, Министерство внутренних дел Белорусской ССР просит создать в гор. Минске Центральный государственный архив литературы и искусства БССР.

Штаты и фонд заработной платы для указанного архива предусмотрены народнохозяйственным планом Белорусской ССР на 1960 г.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
БЕЛОРУССКОЙ ССР

(С. СИКОРСКИЙ)

4 февраля 1960 г.

№ 10/1 — 122

гор. Минск

НАРБ. Ф. 249. Вон. 5. Спр. 755. Арк. 1.

Паўторны ліст такога ж зместу быў адасланы ў Савет Міністраў БССР 4 мая № 4/495. Там жа. Арк. 29.

№ 11

СОВЕТ МИНИСТРОВ БЕЛОРУССКОЙ ССР ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 9 июня 1960 года № 323

гор. Минск

О создании Центрального государственного архива литературы и искусства БССР

В целях концентрации и улучшения хранения документальных материалов литературных, театральных, музыкальных и художественных организаций, издательств и других учреждений, ведающих вопросами литературы и искусства, Совет Министров Белорусской ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Создать в гор. Минске Центральный государственный архив литературы и искусства БССР.

Зам. Председателя

Совета Министров Белорусской ССР

И. Климов*

Управляющий делами

Совета Министров Белорусской ССР

А. Рудак**

Бз-10

Тираж: 220 экз.

* І. Ф. Клімаў (1903—1991), дзяржаўны дзеяч БССР, адзін з кіраўнікоў партызанскага руху на Міншчыне. У 1953—1968 гг. намеснік Старшыні Савета Міністраў БССР.

** А. Дз. Рудак (1911—1997), адзін з арганізатараў і кіраўнікоў камуністычнага падполля і партызанскага руху ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Пасля вайны працаваў у розных партыйных і дзяржаўных установах.

Разослано горисполкомам
и райисполкомам

НАРБ. Ф. 249. Воп. 5. Спр. 755. Арк. 60.

№ 12

Должностные оклады работников Центрального государственного архива литературы и искусства БССР

(першы штатны расклад ЦДАЛМ БССР)

№№ пп	Наименование должностей	Должностной оклад (в рублях)
1.	Начальник архива	1200
2.	Старший научный сотрудник	880
3.	Старший архивариус	450

Начальник Архивного управления
при СМ БССР

(А. Азаров)

НАРБ. Ф. 249. Воп. 5. Спр. 755. Арк. 64.

№ 13

Об организации Центрального государственного архива литературы и искусства БССР

*(Выступление на семинаре архивных работников в Главном архивном
управлении при Совете Министров БССР)*

Октябрь 1960 года

В июне 1960 г. решением Совета Министров Белорусской ССР было принято постановление об организации в Минске Центрального государственного архива литературы и искусства БССР.

Необходимость образования такого архива была явно очевидна в связи с тем, что в республике не было учреждения, которое бы собирало, обрабатывало и хранило литературное наследие белорусских писателей, а также документы о художниках, композиторах и артистах. Документальные богатства, характеризующие развитие белорусской национальной литературы и искусства, расплывались, частично погибали, частично в разрозненном виде собирались некоторыми музеями и библиотеками. Не было единого центра, и сбор носил случайный и выборочный характер. Многие ценные материалы оказались за пределами республики, в городах Украинской и Литовской ССР, музеях и библиотеках Москвы, Ленинграда. Особенно печальная участь постигла материалы дореволюционного периода, большая часть ценных памятников литературы и культуры белорусского народа была вывезена из Белоруссии белой эмиграцией. Государственные архивы и архивные отделы республики не уделяли должного внимания контролю за состоянием хранения и сбору этих документов, учитывая наличие ЦГАЛ

СССР, считали их неотносящимися к своему профилю. К тому же библиотеки и музеи имели перед нами явное преимущество, располагая средствами для покупки ряда ценных материалов, чего мы были лишены. Кроме того, эти учреждения при приеме материалов не требовали от сдатчиков приведения их в порядок, составления описей и т. д.

Так, например, литературная редакция Белорусского гос. изд-ва охотно отдавала Литературному институту АН БССР поступавшие к ней рукописи белорусских писателей, не имея соответствующих условий для хранения и не принимая во внимание наши требования об организации Издательством своего архива, упорядочении, описании, учете поступающих к нему рукописных материалов.

Институт литературы, не связывая себя условиями, какими связывали себя мы, как истечение определенного срока хранения материалов в учреждении и обязательная сдача материалов в обработанном виде, выборочно принимал от Издательства рукописи наиболее ценные, наиболее крупных писателей и поэтов, которые Издательство охотно передавало.

Вопрос об организации литературного архива нами готовился на протяжении нескольких последних лет, для чего нами несколько раз представлялись предложения и ходатайства в правительство о создании в республике такого архива, а также неоднократно выступали в республиканской печати в целях подготовки и создания по этому вопросу общественного мнения.

Архивисты Бел. ССР считали целесообразным сразу ставить вопрос об организации архива, а не отдела при ЦГАОР БССР по следующим причинам:

- а) необходимость сбора материалов дореволюционного периода,
- б) подчеркнуть важность этого дела и привлечь общественное внимание самой постановкой вопроса. Тем, что речь идет о создании нового учреждения, мы подчеркивали значение этого мероприятия.

Архив образован с небольшим штатом, однако считаем, что на первом плане его деятельности возможно обойтись таким количеством сотрудников. Опыта работы этого архива еще не имеется, но при подготовке вопроса об организации архива нами была проделана некоторая работа.

Проведено обследование учреждений республики, где предполагалось наличие материалов, относящихся к профилю архива. К ним относятся музеи, институты, библиотеки, редакции, театры и т. д. По просьбе Архивного управления такая работа была проделана и в областях архивными отделами. В результате этого мы получили определенное представление о составе и количестве материалов, которые целесообразно сконцентрировать в организуемый литературный архив, а также сведения о том, где и в каких условиях эти материалы хранятся. Кроме этого, была проведена некоторая работа по выявлению материалов по истории литературы и культуры белорусского народа за пределами Белоруссии, в архивах, музеях и библиотеках Литовской ССР, Украины, Ленинграде. Объем этой работы безгранично велик и сделан только

первый шаг, но и он уже дал несколько ценных находок, как материалы об Элоизе Пашкевич во Львовском архиве, документы о Богушевиче и раннем белорусском фольклоре в Ленинграде, материалы о писателях Западной Белоруссии, участниках борьбы белорусского народа за воссоединение в едином белорусском советском государстве Максиме Танке, Филиппе Пестраке, Михасе Машаре и др., а также многих редакций первых белорусских журналов и газет дореволюционного периода и представителей белорусской литературы наиболее раннего и мало представленного документами дореволюционного периода, как документы о Я. Коласе, Бядуле и др. в госархивах и музеях Литовской ССР, Фонд Белорусского музея.

Профиль архива

Отдел комплектования ГАУ* при консультации наших сотрудников рекомендовал определить профиль архива гораздо шире, т. е. как архив культуры и быта. Мы не разделяем этого мнения, т. к. считаем, что целью образования архива является обеспечить сбор материалов, которые общим путем в госархивы не поступают, в основном — сбор материалов личного происхождения, а также, учитывая тесную тематическую связь личных фондов с творческими организациями, концентрировать в архив материалы этих организаций.

Фонды учреждений, имеющих административные функции, следует концентрировать в госархивы общего профиля. Это целесообразно по следующим причинам:

1) Круг их очень велик, если учитывать всю подведомственную сеть. Это загрузит архив работой с этими учреждениями и заслонит его основную цель.

2) Эти учреждения имеют функции, которые по тематике не относятся к профилю литературного архива.

По вопросу об изъятии отдельных документов из фондов позиции ЦГАЛИ СССР мы считаем неправильными, т. к. основным принципом систематизации документальных материалов в госархивах является фондовая принадлежность, а не тематическое содержание документов.

Начальник отдела комплектования АУ БССР

(Трухина)

НАРБ. Ф. 249. Вон. 5. Спр. 682. Арк. 54—57.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 27.04.2010

* Маеца на ўвазе Галоўнае архіўнае ўпраўленне пры Савеце Міністраў СССР.

Э. М. Савіцкі

ОРГАНЫ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Вступление в силу 26 января 2000 г. Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. [1] положило начало новому этапу развития процесса белорусско-российской интеграции. А точкой отсчета для Союзного государства принято считать 2 апреля 1996 г., когда был подписан Договор о создании Сообщества Беларуси и России [2]. Цель создания Сообщества — объединение материального и интеллектуального потенциалов обоих государств для подъема экономики, создания равных условий повышения уровня жизни народов и духовного развития личности.

Участвуя в Сообществе, каждая из Сторон сохраняла государственный суверенитет, независимость и территориальную целостность, свою Конституцию, Государственный флаг, Герб, Гимн и другие атрибуты государственной власти. Согласно Договору оба государства оставались субъектами международного права, сохраняли свое членство в ООН и других международных организациях.

Это событие стало поистине историческим. Учитывая его исключительную важность, в обоих государствах был установлен праздник — День единения народов. Он отмечается ежегодно 2 апреля — в день подписания первого интеграционного договора между Беларусью и Россией.

Достижение целей, определенных в Договоре, осуществлялось посредством принятия и реализации решений, принимаемых руководящими органами Сообщества, Высшим Советом, Исполнительным Комитетом и Парламентским Собранием.

Высшим органом Сообщества являлся Высший Совет, в который входили главы государств и правительств, руководители парламентов Сторон, а также Председатель Комитета. Высший Совет собирался на свои заседания по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал.

Высокая представительность в Высшем Совете позволяла ему принимать решения по широкому кругу социально-экономических проблем. Он определял общие принципы обеспечения безопасности и военного строительства. Кроме того, Высший Совет принимал решения по развитию правовой базы Сообщества и утверждал его бюджет.

Парламентское Собрание, сформированное из равного числа парламентариев двух государств, сориентировано на принятие модельных законодательных актов. Оно вносит соответствующие предложения в органы, имеющие право законодательной инициативы, по вопросам развития правовой базы Сообщества.

Для практической работы по выполнению Договора был создан Исполнительный Комитет в качестве постоянно действующего исполнительного органа.

Оперативно также были сформированы отраслевые органы управления: Таможенный комитет, Пограничный комитет, Комитет Сообщества Беларуси и России по гидрометеорологии и мониторингу загрязнения природной среды.

Однако Договор об образовании Сообщества Беларуси и России не позволял задействовать весь имеющийся потенциал интеграции, во многом сковывал действия органов исполнительной власти Беларуси и России и интеграционных структур.

Убедившись, что форма Сообщества не в полной мере отвечает интеграционным задачам, ровно через год, 2 апреля 1997 г., президенты обоих государств подписали новый межгосударственный договор — Договор о Союзе Беларуси и России, а 23 мая того же года — и Устав Союза Беларуси и России [3]. Договор и Устав составляли, таким образом, основополагающие учредительные документы Союза. С их подписанием процесс интеграции обрел второе дыхание.

Союз Беларуси и России признала Организация Объединенных Наций. В сентябре 1997 г. секретариат ООН зарегистрировал Договор о Союзе Беларуси и России и Устав Союза Беларуси и России.

Вследствие заключения Договора и принятия Устава Союза возникла необходимость в преобразовании органов Сообщества Беларуси и России в органы Союза Беларуси и России. Решением Высшего Совета Союза Беларуси и России от 23 мая 1997 г. № 1 «О проекте Устава Союза Беларуси и России» органы Сообщества были преобразованы в органы Союза Беларуси и России.

В соответствии со статьей 20 Устава состав Высшего Совета Союза Беларуси и России как высшего органа Союза не изменился, а полномочия были несколько расширены.

Решения Высшего Совета Союза принимались на основе единогласия по принципу «одно государство — один голос». Голосование на заседаниях Высшего Совета от имени государств-участников Союза осуществляли их президенты, которые являлись поочередно председателями Высшего Совета Союза (ст. 21 Устава). Правовую основу деятельности Высшего Совета составили также утвержденные им Статут и Правила процедуры Высшего Совета Союза Беларуси и России.

Правовая основа деятельности Парламентского Союза Беларуси и России была расширена. Так, согласно статье 22 Устава Парламентское Собрание Союза являлось представительным органом Союза и состояло из депутатов, делегируемых соответственно Национальным собранием Республики Беларусь и Федеральным Собранием Российской Федерации. Каждая парламентская делегация включала равное число представителей: по 36 от государства-участника Союза.

Парламентское Собрание Союза образовало из числа своих членов постоянные и временные комиссии, взаимодействующие с соответствующими комитетами и комиссиями палат парламентов государств-участников Союза по вопросам своего ведения. Председатель Парламентского Собрания Союза и его первый заместитель избирались на ротационной основе Парламентским Собранием Союза из своего состава сроком на один год. Существенная оговорка — Председатель Парламентского Собрания Союза и его первый заместитель не могли быть гражданами одного государства-участника Союза.

Норма, закрепленная в статье 26 Устава Союза Беларуси и России, согласно которой государства-участники Союза создавали условия для преобразования Парламентского Собрания Союза в представительный и законодательный орган Союза, избираемый непосредственно гражданами Союза, стала основой повышения роли данного органа в рамках Союза.

Порядок деятельности Парламентского Собрания и его органов более подробно был урегулирован Регламентом Парламентского Собрания Союза, утвержденным постановлением Парламентского Собрания Союза Беларуси и России от 13 июня 1997 г.

Функции Исполнительного Комитета, порядок его деятельности определялись Положением об этом Комитете, утверждаемым Высшим Советом. Численность аппарата Исполнительного Комитета устанавливалась Высшим Советом. Уставом Союза Беларуси и России правовой статус Исполнительного Комитета был регламентирован более детально. Кроме того, в нем было уточнено, что (ст. 28 Устава) решения Исполнительного Комитета принимаются на основе единогласия по принципу «одно государство — один голос».

Для выполнения функций, предусмотренных Уставом Союза, решениями Высшего Совета по предложению Исполнительного Комитета могли учреждаться на паритетной основе органы Союза отраслевого и иного характера, а также организации. Каждый из этих органов (организаций) действовал на основании соответствующего положения о нем, утвержденного Высшим Советом Союза или, по его поручению, Исполнительным Комитетом Союза.

Среди дополнительных отраслевых органов управления следует назвать Комитет по вопросам безопасности Беларуси и России, созданный в соответствии с решением Высшего Совета от 8 августа 1998 г. № 2. Отраслевым органом Союза в области телерадиовещания и электронных средств массовой информации являлась Телерадиовещательная организация Союза Беларуси и России, созданная решением Высшего Совета от 23 мая 1997 г.

Подписание 8 декабря 1999 г. президентами двух государств Договора о создании Союзного государства и Программы действий Республики Беларусь и Российской Федерации о реализации его положений ознаменовало выход Беларуси и России на новый уровень союзных отношений, определило основные направления и этапы дальнейшего развития белорусско-российской интеграции.

Договор значительно расширил цели Союзного государства, компетенцию его органов.

В статье 1 Договора указано, что Союзное государство является новым этапом в процессе единения народов двух стран в демократическое правовое государство. Этим подчеркивается, что по сравнению с Союзом Беларуси и России Союзное государство закрепляет большую степень интеграции, имеет больше признаков, характерных для государства.

В Договоре определен статус Союзного государства: «Союзное государство является светским, демократическим, социальным, правовым государством, в котором признаются политическое и идеологическое многообразие, многопартийность» (ст. 5 Договора).

По сравнению с Уставом Союза в Договоре о создании Союзного государства значительно расширены цели Союзного государства, что позволяет в дальнейшем государствам-участникам эффективнее координировать свои действия.

В соответствии с Договором о создании Союзного государства целями Союзного государства являются:

обеспечение мирного и демократического развития братских народов государств-участников, укрепление их дружбы, повышение благосостояния и уровня жизни;

формирование единой правовой системы демократического государства;

обеспечение безопасности и борьба с преступностью;

укрепление мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в Европе и во всем мире;

неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права;

проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны;

проведение согласованной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека;

создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединения материального и интеллектуального потенциалов государств-участников и использования рыночных механизмов функционирования экономики;

развитие Содружества Независимых Государств.

В отличие от Договора о Союзе Беларуси и России и Устава Союза Беларуси и России в статье 6 Договора о создании Союзного государства закреплено положение о сохранении государствами-участниками своего членства в ООН и других международных организациях. По взаимной до-

говоренности государств-участников также предусмотрена возможность единого членства в международных организациях, как правительственных, так и неправительственных и других международных объединениях.

Договор о создании Союзного государства предусматривает разделение компетенции, передаваемой Союзному государству, на два основных блока. Это вопросы, относящиеся к исключительному ведению Союзного государства, и вопросы совместного ведения Союзного государства и государств-участников.

К исключительному ведению Союзного государства, согласно статье 17 Договора, относятся в первую очередь экономические и другие вопросы:

создание единого экономического пространства и правовых основ общего рынка, обеспечивающего свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы в пределах территорий государств-участников, равные условия и гарантии для деятельности хозяйствующих субъектов;

единая денежно-кредитная, валютная, налоговая и ценовая политика;

единые правила конкуренции и защиты прав потребителей;

объединенные транспортная и энергетическая системы;

разработка и размещение совместного оборонного заказа, обеспечение на его основе поставок и реализации вооружений и военной техники, объединенная система технического обеспечения вооруженных сил государств-участников;

единая торговая и таможенно-тарифная политика в отношении третьих стран, международных организаций и объединений;

единое законодательство об иностранных инвестициях;

разработка, утверждение и исполнение бюджета Союзного государства;

управление собственностью Союзного государства;

международная деятельность и международные договоры Союзного государства по вопросам, отнесенным к исключительному ведению Союзного государства;

функционирование региональной группировки войск;

пограничная политика Союзного государства;

стандарты, эталоны, гидрометеорологическая служба, метрическая система и исчисление времени, геодезия и картография;

статистический и бухгалтерский учет, единые банки данных;

установление системы органов Союзного государства, порядка их организации и деятельности, формирование органов Союзного государства.

К совместному ведению Союзного государства и государств-участников, согласно статье 18 Договора, относятся:

принятие в состав Союзного государства других государств;

координация и взаимодействие в сфере внешней политики, связанные с осуществлением настоящего Договора;

проведение согласованного курса на укрепление Содружества Независимых Государств;

совместная оборонная политика, координация деятельности в области военного строительства, развитие вооруженных сил государств-участников, совместное использование военной инфраструктуры и принятие других мер для поддержания обороноспособности Союзного государства;

взаимодействие в международном сотрудничестве по военным и пограничным вопросам, включая реализацию заключенных государствами-участниками международных договоров по вопросам сокращения вооруженных сил и ограничения вооружений;

взаимодействие в области осуществления демократических преобразований, реализация и защита основных прав и свобод граждан Союзного государства;

гармонизация и унификация законодательства государств-участников; осуществление инвестиционной политики в интересах рационального разделения труда;

охрана окружающей среды;

совместные действия в области экологической безопасности, предупреждения природных и техногенных катастроф и ликвидации их последствий, в том числе последствий аварии на Чернобыльской АЭС;

развитие науки, образования, культуры, создание равных условий сохранения и развития этнической, культурной и языковой самобытности народов; формирование общего научного, технологического и информационного пространства;

согласованная социальная политика, включая вопросы занятости, миграции, условий труда и его охраны, социального обеспечения и страхования;

обеспечение равных прав граждан в трудоустройстве и оплате труда, в получении образования, медицинской помощи, предоставлении других социальных гарантий;

борьба с терроризмом, коррупцией, распространением наркотиков и другими видами преступлений.

Вне пределов исключительного ведения Союзного государства и предметов совместного ведения Союзного государства и государств-участников последние сохраняют всю полноту государственной власти.

В соответствии с положениями раздела V Договора органы Союза Беларуси и России трансформируются в органы Союзного договора и получают дополнительные полномочия. Учреждаются дополнительные органы.

Согласно положениям Договора в Союзном государстве учреждаются Высший Государственный Совет, Парламент Союзного государства, Совет Министров, Счетная палата, Суд, Постоянный Комитет.

Высший Государственный Совет Союзного государства в соответствии с Договором о создании является высшим органом Союзного госу-

дарства. Правовые основы, задачи, состав, компетенция, порядок деятельности Высшего Государственного Совета регламентируются Договором о создании Союзного государства, Статутом [4] и Регламентом [5] Высшего Государственного Совета. В своей деятельности Высший Государственный Совет руководствуется принципами суверенного равенства государств-участников, демократии и обеспечения прав и свобод человека и гражданина, общепризнанными принципами и нормами международного права.

В состав Высшего Государственного Совета входят главы государств, главы правительств, руководители парламентов государств-участников.

Основные задачи, полномочия и функции Высшего Государственного Совета определяют статья 35 Договора и раздел III Статута. К их числу относятся:

решение важнейших вопросов развития Союзного государства;

образование органов Союзного государства, включая органы управления отраслевого и функционального характера;

назначение выборов в Палату представителей Парламента Союзного государства;

назначение Председателя Совета Министров Союзного государства и утверждение Положения о Совете Министров Союзного государства;

по представлению Председателя Совета Министров назначение и освобождение от должности Государственного секретаря, руководителей отраслевых и функциональных органов управления Союзного государства;

определение порядка досрочного освобождения Государственного секретаря и членов Постоянного Комитета Союзного государства;

утверждение по представлению Совета Министров Союзного государства Положения о Постоянном Комитете;

представление на утверждение Парламента членов Комиссии по правам человека Союзного государства и утверждение Положения о Комиссии;

представление Парламенту для назначения судей Суда Союзного государства и утверждение Устава и Регламента Суда;

утверждение бюджета Союзного государства, принятого Парламентом, и годовых отчетов о его исполнении. По предложению Совета Министров, одобренному Парламентом, Высший Государственный Совет также устанавливает порядок формирования доходной части бюджета по конкретным источникам;

утверждение определяемого Парламентом порядка предоставления и получения Союзным государством кредитов, предоставления гарантий по кредитам, выпуска займов и ценных бумаг;

рассмотрение проектов ежегодных посланий Парламенту о положении в Союзном государстве и основных направлениях его развития;

утверждение устанавливаемой Парламентом государственной символики Союзного государства;

определение условий присоединения к Союзному государству третьих государств и утверждение рекомендаций Парламента по присоединению к Союзному государству третьих государств;

одобрение после рассмотрения Советом Министров предложенных государствами-участниками, Парламентом и Судом Союзного государства поправок к Договору и дача рекомендаций по заключению договоров между государствами-участниками по данному вопросу;

утверждение международных договоров Союзного государства, ратифицированных Парламентом;

заслушивание ежегодного отчета Председателя Совета Министров о реализации принятых Высшим Государственным Советом решений и о деятельности Совета Министров.

Высший Государственный Совет осуществляет, а также устанавливает по представлению Совета Министров численность органов Союзного государства и их аппаратов, правовой статус, размер заработной платы и социальные гарантии должностных лиц органов Союзного государства и их аппаратов. Высший Государственный Совет представляет на рассмотрение Палаты Представителей Парламента проект Конституционного Акта Союзного государства.

Высший Государственный Совет также наделен правом на внесение в Палату Представителей Парламента законопроектов. Он может приостановить или отменить решения Совета Министров, отраслевых и функциональных органов управления Союзного государства.

Высшему Государственному Совету предоставлено право в пределах своих полномочий издавать: декреты, постановления и директивы. По оперативным и другим вопросам текущей деятельности Высшего Государственного Совета принимаются резолюции и даются поручения Председателя Высшего Государственного Совета.

Наряду с вышеперечисленными Высший Государственный Совет может выполнять иные функции, отнесенные к его ведению Договором либо переданные на его рассмотрение государствами-участниками.

Высший Государственный Совет проводит свои заседания по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал. Внеочередные заседания Высшего Государственного Совета могут созываться по инициативе одного из государств-участников или Председателем Высшего Государственного Совета. Место и дата проведения заседаний Высшего Государственного Совета определяются Председателем Высшего Государственного Совета по согласованию с государствами-участниками.

В заседаниях Высшего Государственного Совета участвуют Председатель Совета Министров, председатели Палат Парламента, Председатель Суда Союзного государства. На заседания Высшего Государственного Совета

могут приглашаться руководители органов Союзного государства и государств-участников, другие лица.

Голосование на заседаниях Высшего Государственного Совета от имени государства-участника осуществляет глава государства либо лицо, им уполномоченное.

Регламентом определяются порядок планирования деятельности Высшего Государственного Совета, требования по оформлению, подготовке, внесению и рассмотрению проектов его актов и иных решений, особенности реализации права законодательной инициативы при внесении в Парламент проектов законов Союзного государства, порядок их подписания, общие требования к процессу реализации актов Высшего Государственного Совета, контролю за их исполнением. Значительное место в Регламенте отводится вопросам организации заседаний Высшего Государственного Совета.

Председателем Высшего Государственного Совета является один из глав государств-участников на основе ротации, если государства-участники не договорились об ином.

Компетенция Председателя Высшего Государственного Совета закрепляется в статье 36 Договора и разделе IV Статута, в соответствии с которыми Председатель Высшего Государственного Совета:

организует работу Высшего Государственного Совета, председательствует на его заседаниях и подписывает принятые Высшим Государственным Советом акты, а также законы Союзного государства;

обращается к Парламенту с ежегодными посланиями о положении в Союзном государстве и основных направлениях его развития;

по поручению Высшего Государственного Совета ведет международные переговоры и подписывает от имени Союзного государства международные договоры, представляет Союзное государство в отношениях с иностранными государствами и международными организациями;

организует контроль за ходом реализации Договора и принимаемых Высшим Государственным Советом актов и иных решений;

в пределах своих полномочий дает поручения Совету Министров Союзного государства, заслушивает отчеты руководителей отраслевых и функциональных органов Союзного государства;

утверждает согласованные государствами-участниками планы деятельности Высшего Государственного Совета;

по поручению Высшего Государственного Совета выполняет иные функции.

Председатель Высшего Государственного Совета имеет секретариат, входящий в структуру Постоянного Комитета.

Парламент Союзного государства является представительным и законодательным органом Союзного государства.

В соответствии с Договором о создании Союзного государства (ст. 39) Парламент состоит из двух палат — Палаты Союза и Палаты Представителей.

Палата Союза состоит из 36 членов Совета Республики — депутатов Палаты представителей, делегированных палатами Национального собрания Республики Беларусь, и 36 членов Совета Федерации — депутатов Государственной Думы, делегированных палатами Федерального Собрания Российской Федерации. Члены Палаты Союза работают на непостоянной основе и получают вознаграждение за свой труд по месту постоянной работы.

Палата Представителей состоит из 28 депутатов от Республики Беларусь и 75 депутатов от Российской Федерации, избираемых на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании.

Палата Представителей избирается, а Палата Союза формируется сроком на 4 года.

Парламент Союзного государства:

принимает законы и Основы законодательства Союзного государства по вопросам, отнесенным Договором о создании Союзного государства к компетенции Союзного государства;

содействует унификации законодательства государств-участников;

заслушивает ежегодные послания Высшего Государственного Совета о положении в Союзном государстве и основных направлениях его развития;

заслушивает доклады и информацию о деятельности Совета Министров;

принимает бюджет и заслушивает годовые и полугодовые отчеты о его исполнении;

утверждает отчет, заслушивает доклады и сообщения Счетной палаты Союзного государства;

ратифицирует международные договоры, заключаемые от имени Союзного государства;

заключает соглашения о сотрудничестве с парламентами государств, не входящих в Союзное государство, и парламентскими организациями;

назначает по представлению Высшего Государственного Совета судей Суда Союзного государства;

утверждает по представлению Высшего Государственного Совета членов Комиссии по правам человека;

назначает по представлению Совета Министров членов Счетной палаты Союзного государства;

устанавливает символику Союзного государства;

рассматривает предложения по вопросам присоединения к Союзному государству третьих государств, принимает соответствующие рекомендации, направляет их для утверждения в Высший Государственный Совет;

обеспечивает взаимодействие парламентов государств-участников;

осуществляет иные полномочия, предусмотренные Договором о создании Союзного государства.

Заседания Палаты Союза и Палаты Представителей проводятся на регулярной основе в соответствии с их регламентами. Каждая из палат избирает из своего состава на ротационной основе Председателя и его заместителя, образует комиссии. Председатель палаты и его заместитель не могут быть гражданами одного государства-участника. Каждая из палат принимает свой регламент и решает вопросы внутреннего распорядка своей деятельности. До формирования Парламента его функции в соответствии с Договором исполняет Парламентское Собрание Союза Беларуси и России (ст. 70 Договора) [6].

Совет Министров Союзного государства является коллегиальным исполнительным органом Союзного государства, осуществляющим руководство системой подчиненных ему отраслевых и функциональных органов Союзного государства.

Состав Совета Министров, его задачи, компетенция, порядок работы определяются Договором, Положением [7] и Регламентом [8].

В состав Совета Министров входят Председатель Совета Министров, главы правительств, Государственный секретарь (на правах заместителя Председателя Совета Министров), министры иностранных дел, экономики и финансов государств-участников, руководители основных отраслевых и функциональных органов управления Союзного государства. На заседания Совета Министров могут приглашаться руководители центральных банков и министры государств-участников.

Заседания Совета Министров проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в два месяца. Заседания Совета Министров считаются правомочными, если на них присутствует не менее половины членов Совета Министров от каждого государства-участника и не менее двух третей членов Совета Министров от общего состава. Решения Совета Министров принимаются на основе единогласия по принципу «одно государство — один голос». Голосование на заседаниях Совета Министров от имени государства-участника осуществляет глава правительства государства-участника либо лицо, им уполномоченное.

Совет Министров в своей деятельности руководствуется принципами суверенного равенства государств-участников, добровольности, добросовестного выполнения ими взаимных обязательств и действует на основании и во исполнение Договора, Программы действий, конституций государств-участников, актов Союзного государства. Председатель и члены Совета Министров не могут действовать вопреки официальной позиции Высшего Государственного Совета (п. 3 Регламента Совета Министров Союзного государства).

В соответствии со статьей 46 Договора и разделом IV Положения в компетенции Совета Министров находятся:

разработка основных направлений общей политики по вопросам развития Союзного государства и внесение их в Высший Государственный Совет для рассмотрения;

контроль за выполнением положений Договора, Программы, актов Союзного государства и при необходимости внесение мотивированных представлений государствам-участникам в случае невыполнения обязательств, вытекающих из них;

обеспечение создания и развития единого экономического пространства, проведение единой финансовой, налоговой, кредитной, денежной, валютной, ценовой и торговой политики;

координация процесса унификации законодательств государств-участников;

способствование проведению согласованной политики государств-участников в международных делах, в сфере обороны, безопасности, обеспечения законности, прав и свобод граждан, общественного порядка и борьбы с преступностью, а также в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения и охраны окружающей среды;

внесение в Высший Государственный Совет предложений по формированию отраслевых и функциональных органов Союзного государства и осуществление руководства их деятельностью;

внесение в Парламент проектов союзных законов и Основ законодательства;

предварительное рассмотрение предложенных государствами-участниками, Парламентом и Судом Союзного государства поправок к Договору;

согласие на внесение в Парламент законопроектов, предусматривающих расходы, покрываемые за счет средств бюджета Союзного государства;

разработка и внесение в Парламент проекта бюджета Союзного государства, обеспечение и определение порядка исполнения бюджета, представление Парламенту годовых и полугодовых отчетов об исполнении бюджета;

утверждение порядка разработки и реализации программ, проектов и мероприятий Союзного государства;

внесение в установленном порядке в Парламент предложений о дополнительных источниках наполнения бюджета Союзного государства;

представление Парламенту кандидатур для назначения их членами Счетной палаты;

утверждение Регламента Учетной палаты, рассмотрение ее отчетов и докладов;

осуществление управления собственностью Союзного государства; назначение членов Постоянного Комитета, выдвигаемых правительствами государств-участников;

одобрение численности работников Постоянного Комитета и внесение предложений по данному вопросу в Высший Государственный Совет;

утверждение структуры Постоянного Комитета и сметы расходов на его содержание в пределах утвержденного бюджета Союзного государства; осуществление контроля за деятельностью отраслевых и функциональных органов Союзного государства, а также за исполнением правительствами государств-участников нормативных правовых актов Союзного государства;

отмена актов отраслевых и функциональных органов Союзного государства в случае их противоречия нормативным правовым актам Союзного государства;

регулирование вопросов финансово-хозяйственной деятельности органов Союзного государства в соответствии с нормативными правовыми актами Союзного государства, а также законодательством государств-участников;

утверждение Регламента Совета Министров;

осуществление иных полномочий, возложенных на него Договором и решениями Высшего Государственного Совета.

Кроме того, Совет Министров может иметь представителя в Парламенте Союзного государства.

Совет Министров в пределах своей компетенции издает постановления, директивы и резолюции, может принимать рекомендации и заключения.

Акты Совета Министров, принятые в пределах его компетенции, подлежат непосредственному исполнению отраслевыми и функциональными органами Союзного государства, с соблюдением положений Договора и требований законодательства государств-участников, их органами исполнительной власти, физическими или юридическими лицами, которым они адресованы. При необходимости органы государственной власти государств-участников издадут нормативные правовые акты, обеспечивающие реализацию актов Совета Министров.

Постановления Совета Министров являются обязательными во всех своих частях для отраслевых и функциональных органов Союзного государства, того государства, физических и юридических лиц, кому они адресованы.

Директивы Совета Министров являются обязательными для отраслевых и функциональных органов Союзного государства, того государства, кому они адресованы, при сохранении за ними свободы выбора форм и методов действий.

Резолюции Совета Министров и поручения Председателя, данные в пределах его полномочий, являются актами, посредством которых обеспечивается текущая деятельность Совета Министров, отраслевых и функциональных органов Союзного государства, кому они адресованы. Они являются обязательными для исполнения Постоянным Комитетом, функциональными и отраслевыми органами Союзного государства и не накладывают обязательств на правительства государств-участников.

Контроль за исполнением актов Совета Министров осуществляется Постоянным Комитетом Союзного государства и государствами-участни-

ками с систематическим рассмотрением результатов контроля на заседаниях Совета Министров.

Решение Совета Министров может быть приостановлено Высшим Государственным Советом.

В своей деятельности Совет Министров подотчетен Высшему Государственному Совету. Совет Министров представляет годовые отчеты о реализации принятых решений Высшему Государственному Совету, а также доклады и информации о своей деятельности Парламенту Союзного государства.

Председатель Совета Министров назначается на должность и освобождается от должности Высшим Государственным Советом. Им может быть глава правительства одного из государств-участников на ротационной основе. Государственный секретарь, руководители отраслевых и функциональных органов управления Союзного государства назначаются и освобождаются от должности Высшим Государственным Советом по представлению Председателя Совета Министров.

Члены Совета Министров — главы правительств, министры иностранных дел, экономики и финансов государств-участников входят в состав Совета Министров по должности.

Председатель Совета Министров в соответствии со своей компетенцией: осуществляет руководство деятельностью Совета Министров и организует его работу;

представляет Высшему Государственному Совету и Парламенту Союзного государства ежегодные доклады о деятельности Совета Министров; подписывает акты Совета Министров;

по поручению Высшего Государственного Совета и в пределах предоставленных им полномочий проводит переговоры и подписывает международные договоры от имени Союзного государства;

заслушивает отчеты руководителей отраслевых и функциональных органов Союзного государства, дает поручения по оперативным и другим текущим вопросам деятельности Совета Министров;

представляет Высшему Государственному Совету предложения о назначении и освобождении от должности Государственного секретаря, руководителей отраслевых и функциональных органов Союзного государства.

Постоянный Комитет Союзного государства является ответственным за подготовку заседаний Высшего Государственного Совета и Совета Министров. Он координирует работу отраслевых и функциональных органов Союзного государства и их взаимодействие с национальными органами государств-участников, контролирует выполнение принятых Высшим Государственным Советом и Советом Министров решений, регулярно информирует Совет Министров о положении дел в сферах деятельности отраслевых и функциональных органов Союзного государства, вносит предложе-

ния в Совет Министров по выполнению текущих задач развития Союзного государства.

Функции Постоянного Комитета определены «Положением о Постоянном Комитете Союзного государства», утвержденным постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 27 июня 2000 г. № 13 [9].

Постоянный Комитет:

готовит для Совета Министров предложения по проектам законов и Основ законодательства Союзного государства, по унификации законодательств государств-участников;

организует разработку предложений по стратегии развития Союзного государства и вносит их в Совет Министров;

организует реализацию положений Договора и Программы, подготовку предложений по выполнению задач Союзного государства;

координирует работу отраслевых и функциональных органов Союзного государства и их взаимодействие с национальными органами государств-участников;

изучает и анализирует работу отраслевых и функциональных органов Союзного государства, вносит в Совет Министров предложения по улучшению их деятельности;

обеспечивает деятельность Высшего Государственного Совета и Совета Министров в соответствии с их регламентами и является ответственным за подготовку их заседаний;

разрабатывает проект бюджета Союзного государства, организует исполнение бюджета Союзного государства и готовит проекты отчетов о его исполнении;

совместно с соответствующими органами государств-участников Союзного государства осуществляет предварительное рассмотрение программ, проектов и мероприятий Союзного государства, представляет заключения по ним в Совет Министров, а также информирует Совет Министров о ходе их выполнения;

направляет принятые Высшим Государственным Советом и Советом Министров акты заинтересованным органам и организациям;

подготавливает для Высшего Государственного Совета и Совета Министров заключения по проектам вносимых на их рассмотрение актов Союзного государства, а также проектам международных договоров Союзного государства;

осуществляет контроль за выполнением решений Высшего Государственного Совета и Совета Министров, а также поручений Председателя Высшего Государственного Совета, Председателя Совета Министров. При необходимости подготавливает и представляет в Совет Министров предложения о принятии дополнительных мер по обеспечению выполнения этих решений;

подготавливает совместно с заинтересованными органами Союзного государства и государств-участников проект ежегодного Послания Высшего Государственного Совета Парламенту Союзного государства;

обеспечивает взаимодействие Совета Министров с Парламентом, Судом, Счетной палатой Союзного государства;

формирует и вносит на рассмотрение Высшего Государственного Совета и Совета Министров проекты повестки их заседаний, планов работы;

осуществляет хранение актов Высшего Государственного Совета и Совета Министров;

выполняет другие функции, возлагаемые на него решениями Высшего Государственного Совета.

Правовой основой деятельности Постоянного Комитета является Договор, Программа действий, Статут Высшего Государственного Совета, Положение о Совете Министров Союзного государства, законы Союзного государства и иные нормативные правовые акты, принятые Высшим Государственным Советом и Советом Министров, законодательство государств-участников в части, не противоречащей Договору.

Постоянный Комитет подотчетен Совету Министров, который в соответствии с пунктом 1 статьи 48 Договора и формирует его.

В состав Постоянного Комитета входят Государственный секретарь Союзного государства, члены Постоянного Комитета, являющиеся по должности его заместителями и ответственными за конкретные направления деятельности Союзного государства.

По взаимной договоренности государств-участников устанавливается соотношение членов Постоянного Комитета от каждого государства-участника. При этом не допускается, чтобы более $\frac{2}{3}$ членов Постоянного Комитета были гражданами одного государства.

Численность Постоянного Комитета определяется Высшим Государственным Советом. Его структура и смета расходов определяются Советом Министров в рамках утвержденного бюджета Союзного государства.

Руководит Постоянным Комитетом Государственный секретарь, который назначается на должность и освобождается от должности Высшим Государственным Советом по представлению Председателя Совета Министров. Государственный секретарь входит в состав Совета Министров на правах Заместителя Председателя Совета Министров, принимает участие в заседаниях Высшего Государственного Совета. Государственный секретарь назначается сроком на 4 года.

Государственный секретарь:

руководит деятельностью Постоянного Комитета и отвечает за эффективность его работы;

обеспечивает подготовку материалов к заседаниям Высшего Государственного Совета и Совета Министров, контроль исполнения их решений;

в своей деятельности руководствуется решениями Высшего Государственного Совета и Совета Министров;

докладывает Председателю Высшего Государственного Совета и Председателю Совета Министров согласованные государствами-участниками материалы с проектами решений Высшего Государственного Совета и Совета Министров, согласовывает дату и место проведения заседаний Высшего Государственного Совета и Совета Министров;

вносит Председателю Совета Министров предложения по перспективному планированию и текущей организации работы Совета Министров;

в установленном порядке по поручению Совета Министров распоряжается финансовыми и материальными средствами, а также заключает гражданско-правовые договоры с юридическими и физическими лицами;

представляет Совету Министров ежегодный отчет о деятельности Постоянного Комитета;

вносит на утверждение в Совет Министров согласованные государствами-участниками программы, проекты и мероприятия Союзного государства;

вносит в Совет Министров по представлениям правительств государств-участников предложения о назначении на должность и освобождении от должности членов Постоянного Комитета;

представляет на одобрение в Совет Министров численность работников Постоянного Комитета;

вносит на утверждение в Совет Министров структуру и смету расходов на содержание Постоянного Комитета в пределах утвержденного бюджета Союзного государства;

распределяет обязанности между членами Постоянного Комитета;

утверждает положения о структурных подразделениях Постоянного Комитета;

утверждает штатное расписание Постоянного Комитета;

издает приказы и распоряжения, дает поручения по вопросам работы Постоянного Комитета;

устанавливает внутренний трудовой распорядок в Постоянном Комитете;

вносит в пределах своей компетенции предложения Высшему Государственному Совету и Совету Министров по вопросам деятельности Союзного государства и его органов;

выполняет поручения Председателя Высшего Государственного Совета и Председателя Совета Министров;

назначает на должность руководителей и заместителей руководителей структурных подразделений Постоянного Комитета по представлению правительств государств-участников или другого уполномоченного ими органа, заключает контракты с другими должностными лицами Постоянного Комитета;

запрашивает у органов исполнительной власти государств-участников, отраслевых и функциональных органов Союзного государства необходимую информацию о ходе выполнения Договора, Программы, программ, проектов и мероприятий Союзного государства, актов Высшего Государственного Совета и Совета Министров;

осуществляет иные функции, возлагаемые на него Высшим Государственным Советом.

Структура Постоянного Комитета утверждена постановлением Совета Министров Союзного государства от 17 ноября 2000 г. № 21 [10]. Она состоит из: Руководства (Государственный секретарь, заместители Государственного секретаря); Секретариата Председателя Высшего Государственного Совета Союзного государства; Департамента экономики; Департамента финансов; Департамента социальной политики; Департамента регионального и международного сотрудничества; Правового департамента; Административного департамента; Организационно-аналитического департамента; Департамента информации; Управления делами; Представительства Постоянного Комитета в г. Минске.

Счетная палата Союзного государства

Создание и функционирование собственной финансовой системы Союзного государства предполагает наличие контрольных механизмов. Важной новацией в Договоре является учреждение Счетной палаты, задачей которой является осуществление контроля за финансами Союзного государства. Функциями Счетной палаты согласно статье 56 Договора являются контроль за исполнением доходных и расходных частей бюджета Союзного государства, определение рациональности управления финансами, контроль эффективности использования имущества Союзного государства.

Счетная палата состоит из 11 членов, назначаемых сроком на 6 лет из числа граждан государств-участников, имеющих опыт работы в контрольно-ревизионных и аудиторских организациях, профессионализм и добросовестность которых не вызывают сомнений.

Члены Счетной палаты назначаются Парламентом Союзного государства по представлению Совета Министров независимо от того, гражданами какого государства-участника они являются. Однако и при назначении членов Счетной палаты Договором учитывается принцип обеспечения равенства интересов государств-участников. Так, в состав Счетной палаты в соответствии с пунктом 3 статьи 55 Договора не может входить более 7 граждан одного и того же государства-участника. Равным образом данный принцип учитывается и при избрании членами Счетной палаты из своего состава Председателя Счетной палаты и его заместителя — они не могут быть гражданами одного и того же государства-участника (п. 4 ст. 55 Договора).

Члены Счетной палаты действуют в интересах Союзного государства и при исполнении своих обязанностей являются полностью независимыми.

К функциям Счетной палаты согласно статье 56 Договора отнесены: контроль за исполнением доходных и расходных частей бюджета Союзного государства по объемам, структуре и целевому назначению, проверка отчетов о доходах и расходах всех органов Союзного государства, установление законности полученных доходов и произведенных расходов, определение рациональности управления финансами, контроль эффективности использования имущества Союзного государства.

Органы Союзного государства, национальные аудиторские организации либо компетентные органы государств-участников должны направлять в Счетную палату по ее запросу любые документы и информацию, необходимые для выполнения Счетной палатой возложенных на нее функций.

В соответствии с пунктом 3 статьи 56 Договора Счетная палата должна представлять Совету Министров и Парламенту ежегодный отчет. На основании рассмотрения доклада вышеупомянутые органы, действуя самостоятельно или совместно, могут вносить в Высший Государственный Совет предложения относительно оздоровления финансов Союзного государства.

Счетная палата может также, действуя по собственной инициативе или по просьбе любого из органов Союзного государства, давать в рамках своей компетенции заключения по отдельным вопросам.

В связи с тем что члены Счетной палаты избираются Парламентом, решение вопроса о формировании Счетной палаты будет осуществляться после избрания Палаты Представителей и формирования Палаты Союза. В настоящее время до формирования Счетной палаты контроль за финансами Союзного государства осуществляется Советом Министров, Постоянным Комитетом, Счетной палатой Российской Федерации и Комитетом государственного контроля Республики Беларусь в пределах их компетенции.

Суд Союзного государства

В главе IV Договора предусматривается создание Суда Союзного государства, который призван обеспечить эффективное функционирование правовой системы, соблюдение режима законности и упрочение правопорядка, выполнение нормативных правовых актов Союзного государства его органами, государствами-участниками и их органами, разрешение споров между государствами, единообразное толкование и применение актов Союзного государства.

В соответствии с Договором Суд — орган Союзного государства, целью которого является обеспечение единообразного толкования и применения Договора, нормативных правовых актов Союзного государства (ст. 50).

В состав Суда входит 9 судей, назначаемых Парламентом по представлению Высшего Государственного Совета. При этом в составе Суда не должно быть более 5 судей, являющихся гражданами одного государства.

Из числа судей Суд избирает Председателя и его заместителя, которые не могут быть гражданами одного государства-участника.

Судьи назначаются из числа граждан Союзного государства, обладающих высокими профессиональными и моральными качествами, отвечающих требованиям, предъявляемым для назначения на высшие судебные должности в государствах-участниках, и действуют в личном качестве.

В пункте 3 статьи 52 Договора закреплено положение о независимости судей.

Судьи назначаются сроком на 6 лет. Допускается их назначение еще на один срок. Каждые 2 года происходит обновление трети состава членов Суда. При первоначальном назначении треть судей назначается сроком на 2 года и треть — на 4 года.

Суд осуществляет свою деятельность в соответствии с Уставом и Регламентом Суда, которые утверждаются Высшим Государственным Советом согласно пункту 5 статьи 53 Договора.

Согласно статье 54 Договора решения Суда имеют обязательную юридическую силу, посредством которой Суд обеспечивает эффективность механизма функционирования правовой системы Союзного государства. Каждое государство-участник, органы Союзного государства могут передавать на рассмотрение Суда любые вопросы, связанные с толкованием и применением Договора, нормативных правовых актов Союзного государства.

Договором о создании Союзного государства предусмотрено формирование отраслевых и функциональных органов Союзного государства. Такая возможность вытекает из полномочий Высшего Государственного Совета по формированию этих органов и перечисленных в статье 17 Договора предметов исключительного ведения Союзного государства.

В настоящее время работают Пограничный, Таможенный комитеты, Комитет по гидрометеорологии и мониторингу загрязнения природной среды, а также Телерадиовещательная организация Союзного государства. Длительное время работал Комитет по вопросам безопасности Союзного государства.

Пограничный комитет Союзного государства

На основании постановления Высшего Государственного Совета Союзного государства «Об обеспечении правопреемственности в деятельности органов Союза Беларуси и России и Союзного государства» от 27 июня 2000 г. № 15 Пограничный комитет Союза Беларуси и России переименован в Пограничный комитет Союзного государства [11].

Согласно «Положению о Пограничном комитете Союзного государства», утвержденному постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 22 апреля 2005 г. № 9, он является постоянно действующим отраслевым органом управления Союзного государства, осуществляющим проведение согласованной пограничной политики Союзного государства и взаимодействие Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Государственного комитета пограничных войск Республики Беларусь в сфере охраны государственных границ государств-участ-

ников Союзного государства. Комитет подотчетен Высшему Государственному Совету и Совету Министров Союзного государства и осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими отраслевыми и функциональными органами управления Союзного государства.

Основные задачи и функции Комитета

Основными задачами Комитета являются:

подготовка предложений по выработке и реализации согласованной пограничной политики Союзного государства;

обеспечение формирования нормативной правовой базы Союзного государства по пограничным вопросам, подготовка предложений по унификации нормативных правовых актов, регламентирующих обеспечение пограничной безопасности государств-участников Союзного государства;

разработка и реализация совместных программ Союзного государства по пограничным вопросам;

организация взаимодействия с отраслевыми и функциональными органами управления Союзного государства по вопросам пограничной политики;

координация и организация взаимодействия между ФСБ России и Госкомпогранвойск Республики Беларусь в сфере охраны внешней границы Союзного государства;

организация информационно-аналитического и научного обеспечения оперативно-служебной деятельности пограничных органов и пограничных войск федеральной службы безопасности, пограничных войск Республики Беларусь;

координация деятельности в международном сотрудничестве по пограничным вопросам;

осуществление контроля за выполнением принятых решений.

Основными функциями Комитета являются:

участие в разработке правового и организационного механизма, основных направлений согласованной пограничной политики Союзного государства;

разработка и унификация законодательных и иных нормативных правовых актов по вопросам охраны государственных границ государств-участников Союзного государства;

обобщение и анализ практики применения нормативных правовых актов Союзного государства по пограничным вопросам;

разработка и реализация программ Союзного государства по пограничным вопросам;

разработка единого замысла действий по охране внешней границы Союзного государства, противодействию процессам нелегальной миграции, контрабанде оружия, наркотиков и другим видам трансграничной преступности;

организация взаимодействия в осуществлении оперативно-розыскной деятельности пограничных органов и пограничных войск федеральной службы безопасности и пограничных войск Республики Беларусь;

руководство оперативными пограничными группами Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Госкомпогранвойск Республики Беларусь, образованных в соответствии с двухсторонними договоренностями;

организация аналитических и научных исследований в сфере охраны внешней границы Союзного государства;

информационное обеспечение органов Союзного государства и высших органов государственной власти и управления государств-участников Союзного государства по вопросам согласованной пограничной политики;

организация и осуществление взаимодействия по вопросам материально-технического обеспечения пограничных органов и пограничных войск федеральной службы безопасности и пограничных войск Республики Беларусь;

организация и координация подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов для пограничных органов и пограничных войск федеральной службы безопасности и пограничных войск Республики Беларусь;

участие в рассмотрении вопросов, касающихся перевода военнослужащих для дальнейшего прохождения военной службы из пограничных органов и пограничных войск федеральной службы безопасности в пограничные войска Республики Беларусь и наоборот;

организация обмена информацией по пограничным вопросам, представляющей взаимный интерес;

организация взаимодействия при возникновении нештатных ситуаций на государственных границах государств-участников Союзного государства;

выполнение других функций, возложенных на Комитет в установленном порядке.

Права Комитета

Комитет в целях выполнения возложенных на него задач и функций наделяется следующими правами:

вносит предложения в органы Союзного государства и органы государственной власти государств-участников Союзного государства по основным направлениям согласованной пограничной политики и ее реализации;

запрашивает и получает у ФСБ России и Госкомпогранвойск Республики Беларусь предложения по пограничным вопросам;

запрашивает и получает у отраслевых и функциональных органов управления Союзного государства, структурных подразделений ФСБ России и Госкомпогранвойск Республики Беларусь документы и сведения, необходимые для осуществления деятельности Комитета;

заслушивает информацию руководящего состава ФСБ России и Госкомпогранвойск Республики Беларусь по вопросам их деятельности;

образовывает объединенные структуры по направлениям деятельности, экспертные советы, рабочие группы, временные творческие коллективы для подготовки предложений по реализации согласованной пограничной политики Союзного государства, организации и ведению научно-исследовательской и другой деятельности;

взаимодействует в пределах своей компетенции с государственными органами, предприятиями, учреждениями, организациями и должностными лицами как в государствах-участниках Союзного государства, так и в иных странах;

осуществляет иные полномочия, предоставленные Высшим Государственным Советом и Советом Министров Союзного государства.

Председателем Комитета является Первый заместитель Директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации — руководитель Пограничной службы или Председатель Госкомпогранвойск Республики Беларусь, при этом, второй является сопредседателем Комитета.

Назначение на должность и освобождение от должности председателя и сопредседателя Комитета осуществляется Высшим Государственным Советом Союзного государства по представлению Совета Министров Союзного государства на ротационной основе. В случае отсутствия председателя Комитета его обязанности возлагаются на сопредседателя Комитета.

В Комитете образуется коллегия в составе председателя Комитета (председателя коллегии), сопредседателя Комитета (заместителя председателя коллегии), руководящего состава Пограничной службы ФСБ России и Госкомпогранвойск Республики Беларусь с равным представительством от государств-участников Союзного государства.

Количественный и персональный состав коллегии, за исключением председателя и сопредседателя Комитета, определяется постановлением коллегии Комитета по представлению руководителей ФСБ России и Госкомпогранвойск Республики Беларусь.

В состав коллегии по представлению председателя (сопредседателя) Комитета и согласованию с отраслевыми и функциональными органами управления Союзного государства, государственными (республиканскими) органами власти государств-участников Союзного государства могут вводиться их представители, которые утверждаются постановлениями коллегии Комитета и имеют право совещательного голоса.

Коллегия осуществляет свою деятельность в соответствии с основными задачами и функциями Комитета, Положением и Регламентом.

Коллегия принимает решения по обсуждаемым ею вопросам и организует их выполнение.

Решения Комитета принимаются в форме постановлений коллегии на основе единогласия, при этом каждое государство-участник Союзного государства имеет один голос.

Постановления коллегии по вопросам, отнесенным национальными законодательствами к компетенции ФСБ России и Госкомпогранвойск Республики Беларусь, в течение тридцати дней вводятся в действие приказами их руководителей.

Функции рабочего аппарата Комитета выполняют структурные подразделения Пограничной службы ФСБ России или структурные подразделения Госкомпогранвойск Республики Беларусь, в зависимости от назначения председателя Комитета.

Председатель Комитета (коллегии):

руководит деятельностью Комитета и работой коллегии;

несет персональную ответственность за выполнение возложенных на Комитет задач и функций;

представляет Комитет и обеспечивает его взаимодействие с другими отраслевыми и функциональными органами управления Союзного государства;

по согласованию с сопредседателем Комитета распределяет обязанности между членами коллегии Комитета и устанавливает степень их ответственности;

распределяет обязанности и дает поручения членам коллегии и другим должностным лицам по подготовке документов, выносимых на рассмотрение коллегии;

совместно с сопредседателем подписывает постановления коллегии, организует контроль за их выполнением, а также контроль за планированием, организацией и проведением основных организационных мероприятий служебной деятельности Комитета;

осуществляет контроль за выполнением мероприятий Комитета и постановлений его коллегии;

выполняет другие функции и пользуется другими правами в соответствии с решениями Высшего Государственного Совета и Совета Министров Союзного государства.

Сопредседатель Комитета (заместитель председателя коллегии):

в отсутствие председателя Комитета выполняет его обязанности и руководит работой коллегии;

дает поручения членам коллегии и другим должностным лицам по подготовке документов, выносимых на рассмотрение коллегии;

осуществляет контроль за выполнением мероприятий Комитета и постановлений его коллегии.

Порядок работы коллегии определяется Регламентом, который утверждается ее постановлением.

Комитет имеет свои награды. Установление и вручение наград организуется коллегией Комитета на основании Положения (утверждается коллегией) о наградах Пограничного комитета Союзного государства.

Материально-техническое и финансовое обеспечение деятельности Комитета осуществляется за счет смет расходов ФСБ России и Госкомпогранвойск Республики Беларусь.

Особое место в деятельности по обеспечению пограничной безопасности Союзного государства отводится научному обеспечению совместной деятельности пограничных ведомств России и Беларуси. Для интеграции научной деятельности постановлением коллегии Комитета от 10 июля 2001 г. № 2 создан Объединенный научный центр Пограничного комитета Союзного государства.

В состав Объединенного научного центра входят 137 специалистов Центра оперативно-пограничных исследований Пограничной службы России и 13 специалистов от Центра пограничных исследований Государственного комитета пограничных войск Республики Беларусь, созданного в 2001 г. при факультете пограничных войск Института национальной безопасности Республики Беларусь.

Основными задачами Объединенного научного центра являются:

научное прогнозирование тенденций изменения ситуации на внешней границе Союзного государства и приграничной территории для обоснования планов строительства и развития пограничных ведомств, подготовки целевых программ по проблемам обеспечения пограничной безопасности;

разработка научных рекомендаций по реализации положений Концепции пограничной политики Союзного государства, углублению интеграции и межгосударственного сотрудничества в пограничной сфере;

участие в подготовке и научной экспертизе проектов законов и иных нормативных правовых актов Союзного государства и государств-участников;

участие в разработке совместных программ и подготовка научных рекомендаций по совершенствованию служебно-боевой и оперативно-служебной деятельности, системы управления, подготовки и комплексного обеспечения войск, органов и организаций Пограничной службы России и Пограничных войск Беларуси, повышению их боевой и мобилизационной готовности к защите и охране границы;

научное обоснование перспектив строительства и развития, направлений совершенствования организационно-штатных структур, войск, органов и организаций Пограничной службы России и Пограничных войск Беларуси;

обобщение опыта деятельности Пограничной службы России и Пограничных войск Беларуси, практических результатов выполняемых программ и планов их строительства и развития;

разработка и обоснование рекомендаций по повышению эффективности системы воспитания, укрепления дисциплины, обеспечению безопасности пограничной службы;

анализ и обобщение результатов проводимых экспериментов.

Объединенный научный центр организует свою деятельность на основе Программ научного обеспечения оперативно-служебной деятельности Пограничных войск Республики Беларусь и служебно-боевой деятельности войск и органов Пограничной службы Российской Федерации и составленного на их основе ежегодного плана.

Таможенный комитет Союзного государства

В соответствии с постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 27 июня 2000 г. № 15 «Об обеспечении правопреемственности в деятельности органов Союза Беларуси и России и Союзного государства» постановлением Совета Министров Союзного государства от 16 июля 2001 г. № 18 утверждено Положение о Таможенном комитете Союзного государства [12].

Согласно Положению Комитет является отраслевым органом управления Союзного государства, осуществляющим унификацию таможенного законодательства в пределах, отнесенных к ведению Союзного государства, по вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов государств-участников, а также совместную организацию и руководство таможенным делом в Союзном государстве в части обеспечения единого порядка и условий ввоза товаров и транспортных средств в Союзное государство, вывоза товаров и их транзита.

К основным функциям Таможенного комитета Союзного государства отнесены:

подготовка и внесение на рассмотрение органов Союзного государства предложений по совершенствованию таможенного дела в Союзном государстве, унификации таможенных правил и процедур, программ развития таможенного дела, обеспечение исполнения принятых программ в пределах своей компетенции;

обеспечение применения унифицированного порядка взимания таможенных пошлин и иных таможенных платежей и обеспечение их зачисления в порядке, установленном международными договорами, национальным законодательством Республики Беларусь и Российской Федерации, в соответствующие бюджеты государств-участников Союзного государства;

принятие единых классификационных решений по толкованию Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности СНГ, внесение в органы Союзного государства предложений по унификации правил определения таможенной стоимости товаров, а также, в пределах компетенции таможенных служб, предложений по унификации правил и критериев определения страны происхождения товаров;

разработка единых правил таможенного контроля за происхождением товаров и их таможенной стоимостью, осуществление методического руководства и контроля за применением этих правил таможенными службами государств-участников Союзного государства;

обеспечение унификации таможенных режимов, методологии и контроля за единообразным и эффективным применением унифицированных таможенных режимов в государствах-участниках Союзного государства;

унификация порядка осуществления таможенного оформления и таможенного контроля товаров и транспортных средств, контроль за его соблюдением и принятие мер к совершенствованию и упрощению таможенного оформления и таможенного контроля без ущерба эффективности такого контроля;

создание условий, способствующих ускорению товарооборота через таможенную границу Союзного государства, а также содействующих развитию внешнеэкономических связей государств-участников Союзного государства, физических и юридических лиц государств-участников Союзного государства, включая развитие таможенной инфраструктуры;

участие в разработке разрешительного порядка ввоза, вывоза и транзита отдельных товаров и транспортных средств и организация контроля за соблюдением этого порядка;

принятие мер по унификации контроля за вывозом стратегических и других жизненно важных для интересов Союзного государства товаров и материалов, а также культурных ценностей, в пределах компетенции таможенных служб участие в организации экспортного контроля;

организация осуществления таможенными органами государств-участников Союзного государства валютного контроля за ввозом и вывозом валюты и валютных ценностей, а также за совершением валютных операций, связанных с экспортом и импортом товаров и транспортных средств;

организация взаимодействия таможенных органов государств-участников Союзного государства в борьбе с контрабандой, иными преступлениями в сфере таможенного дела, а также нарушениями таможенных правил, административными правонарушениями и действиями, посягающими на нормальную деятельность таможенных органов государств-участников Союзного государства;

организация ведения таможенной статистики внешней торговли и специальной таможенной статистики Союзного государства и др.

Комитет Союзного государства по гидрометеорологии и мониторингу загрязнения природной среды

Постановлением Совета Министров Союзного государства от 25 января 2002 г. Комитет Союза Беларуси и России по гидрометеорологии и мониторингу загрязнения природной среды переименован в Комитет Союзного государства [13].

Согласно Положению о Комитете, утвержденному постановлением Совета Министров Союзного государства от 29 апреля 2003 г. № 10 [14], он является отраслевым органом Союзного государства, осуществляющим на межгосударственном уровне организацию и координацию деятельности в области гидрометеорологического и гелиогеофизического обеспечения органов государственного управления, населения, отраслей экономики и вооруженных сил Республики Беларусь и Российской Федерации, а также мониторинга состояния загрязнения природной среды.

Комитет в своей деятельности руководствуется решениями Высшего Государственного Совета, Совета Министров и Постоянного Комитета Союзного государства, соответствующими нормативными правовыми актами Республики Беларусь и Российской Федерации в части, касающейся конкретно их территорий, а также Положением о Комитете.

Комитет осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими органами Союзного государства, государственными органами, общественными объединениями, юридическими и физическими лицами Республики Беларусь и Российской Федерации по следующим направлениям:

- сохранение и развитие оптимальных связей наблюдения, обеспечивающих в заданных пространственных и временных интервалах получение данных о состоянии и загрязнении природной среды в соответствии с едиными действующими направлениями и руководствами, а также рекомендациями Всемирной метеорологической организации;

- создание, развитие и использование единых методов наблюдений, измерений, обработки и передачи данных и доведения до потребителей фактической и прогностической гидрометеорологической информации и данных о загрязнении природной среды;

- обеспечение на единой научно-методической и организационной основе органов государственного управления, населения, экономики и вооруженных сил Республики Беларусь и Российской Федерации данными и информацией о фактических и прогнозируемых погодных-климатических условиях, состоянии и загрязнении природной среды, включая стихийные и опасные гидрометеорологические явления;

- обеспечение единой технологии обработки и хранения режимной гидрометеорологической информации и данных о загрязнении природной среды, формирования баз данных с использованием для этих целей унифицированного программно-математического обеспечения;

- осуществление единой научно-технической политики, включая подготовку и реализацию программ и разработок Союзного государства в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения природной среды;

- участие в решении глобальных и региональных проблем оценки состояния природной среды, включая мониторинг ее загрязнения, выполнение соответствующих международных договоров и конвенций;

создание и обеспечение функционирования системы оперативного оповещения о чрезвычайных гидрометеорологических и радиационно-экологических ситуациях.

Основными задачами Комитета являются:

- обеспечение на основе интеграции материальных, научно-технических и интеллектуальных ресурсов обоих государств функционирования единой пространственно-технологической системы наблюдений, получения, сбора, обработки, анализа, обобщения, хранения и выдачи потребителям фактической и прогностической гидрометеорологической информации и данных о загрязнении природной среды по всей территории Союзного государства;

- совместное решение приоритетных задач в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения природной среды;

- повышение эффективности использования гидрометеорологической информации о сложившихся и ожидаемых погодных-климатических условиях, опасных и стихийных гидрометеорологических явлениях, а также данных о загрязнении природной среды в интересах Союзного государства.

Комитет в соответствии с возложенными на него задачами выполняет следующие функции:

- организует и обеспечивает наблюдения, сбор гидрометеорологической информации и данных о загрязнении природной среды, их анализ, обобщение, хранение, оценку и прогноз состояния атмосферы, поверхностных вод, суши, сельскохозяйственных культур, околоземного космического пространства, трансграничного переноса загрязняющих веществ;

- обеспечивает предоставление информации о возникновении опасных стихийных гидрометеорологических явлений, об экстремальном загрязнении природной среды, в том числе для обеспечения аварийно-спасательных восстановительных работ в районах стихийных бедствий, промышленных аварий и других чрезвычайных ситуаций, о метеорологических, агрометеорологических, гидрологических условиях и изменениях климата, о состоянии и загрязнении природной среды, о радиационной обстановке на поверхности Земли и в околоземном космическом пространстве;

- совершенствует систему предупреждения органов государственного управления, населения, экономики и вооруженных сил об опасных и стихийных гидрометеорологических явлениях и экстремальных ситуациях, связанных с загрязнением природной среды;

- организует и обеспечивает мониторинг загрязнения природной среды, в том числе наблюдения за радиационной обстановкой на территории, подвергшейся загрязнению в результате чернойбыльской катастрофы;

- организует разработку и составление краткосрочных и долгосрочных прогнозов погоды, влажности, урожая сельскохозяйственных культур, гидрометеорологических явлений, глобальных и региональных изменений климата,

радиационной обстановки на поверхности Земли и в околоземном космическом пространстве, загрязнения, включая радиационное, природной среды;

обеспечивает развитие и функционирование межгосударственной службы наблюдений, системы сбора, обработки, анализа, хранения и распространения гидрометеорологической информации и данных о загрязнении природной среды;

организует и координирует научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по проблемам гидрометеорологии, загрязнения природной среды, гидрометеорологического приборостроения;

организует проведение комплексных экспедиций;

осуществляет организационно-техническое и методическое руководство подчиненными организациями;

обеспечивает разработку методов и технических средств получения, сбора, обработки и распространения гидрометеорологической, включая космическую, информации, а также данных о загрязнении природной среды;

осуществляет в пределах своей компетенции контроль за соблюдением требований ко всем видам работ в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения природной среды, выполняемых на территории Союзного государства организациями независимо от их форм собственности;

координирует издание научно-технической литературы в области гидрометеорологии, оценки загрязнения природной среды и его последствиях;

обеспечивает через средства массовой информации регулярное информирование населения о фактических и ожидаемых погодных условиях, опасных и стихийных явлениях гидрометеорологического характера;

разрабатывает и осуществляет меры по подготовке, переподготовке, повышению квалификации кадров по направлениям своей деятельности;

участвует в организации работ соответствующих органов Республики Беларусь и Российской Федерации по уменьшению негативного влияния хозяйственной деятельности на климат и предотвращению отрицательных последствий изменения климата для экономики и природной среды, а также координации их деятельности по выполнению Рамочной Конвенции ООН об изменении климата и ее протоколов;

обеспечивает обмен гидрометеорологической информацией, данными о загрязнении природной среды, включая обмен указанной информацией с иностранными государствами и международными организациями.

Комитет Союзного государства в пределах своей компетенции имеет право:

издавать единые наставления, руководства, технические регламенты, методические указания, научно-технические и технологические рекомендации по проведению гидрометеорологических наблюдений и работ, мониторингов загрязнения природной среды, а также определять порядок представления результатов наблюдений;

разрабатывать предложения по скоординированной политике выделения инвестиций для приобретения приборов и оборудования, обеспечивающих технологическое единство функционирования гидрометеорологической службы Союзного государства;

координировать деятельность организаций Республики Беларусь и Российской Федерации во Всемирной метеорологической организации и в других международных организациях, конвенциях, программах и проектах, касающихся гидрометеорологии, мониторинга загрязнения природной среды;

разрабатывать в установленном порядке проекты нормативных правовых актов Союзного государства;

участвовать в разработке и реализации программ Союзного государства в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения природной среды.

Для руководства деятельностью Комитета образуется совместная коллегия в количестве 10 человек. В состав коллегии входят: председатель коллегии и заместитель председателя коллегии — руководители уполномоченных органов государственного управления Республики Беларусь и Российской Федерации в области гидрометеорологии или лица, назначенные в этих органах в качестве руководителей деятельностью в области гидрометеорологии, а также по четыре члена коллегии, назначаемых на паритетной основе от Республики Беларусь и Российской Федерации.

Председателем коллегии является Руководитель Комитета, назначаемый Высшим Государственным Советом Союзного государства на ротационной основе.

Председатель коллегии обеспечивает в соответствии с Положением о Комитете руководство работой коллегии и Комитета в целом и представляет Комитет в межгосударственных органах. Коллегия Комитета проводит свои заседания по мере необходимости, но не реже двух раз в год. Решения коллегии принимаются на основе единогласия.

Руководители уполномоченных органов государственного управления в области гидрометеорологии или лица, назначенные в этих органах в качестве руководителей деятельностью в области гидрометеорологии, организуют выполнение решений коллегии в рамках своей компетенции.

Коллегия может образовывать на постоянной и временной основе совместные рабочие органы (группы экспертов, рабочие группы и т. д.). Работа коллегии осуществляется согласно Регламенту, утверждаемому коллегией.

Телерадиовещательная организация Союзного государства

Правовой статус, цели, задачи, функции, полномочия Организации определяются Уставом от 16 октября 1998 г. [15]. Она является отраслевым органом Союзного государства в области телерадиовещания и электронных средств массовой информации. Имеет статус международной организации, является субъектом международного права. На территории государств-участ-

ников Союзного государства пользуется иммунитетами, льготами и привилегиями, установленными международными соглашениями между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, и Уставом. На территории этих государств пользуется правоспособностью, которая ей необходима для выполнения своих функций и достижения своих целей. Организация вправе в соответствии с законодательством государств-участников Союзного государства создавать на их территории и в других странах свои филиалы и представительства. Она также вправе создавать другие некоммерческие организации и печатные средства массовой информации, утверждать уставы этих организаций, назначать на должность и освобождать от должности их руководителей, наделять эти организации основными и оборотными средствами в соответствии с законодательством государств-участников Союзного государства.

Задачи Организации:

дальнейшее укрепление отношений братства, дружбы и всестороннего сотрудничества между государствами-участниками Союза;

углубление интеграции государств-участников Союза;

обеспечение свободы слова и средств массовой информации;

сохранение и развитие культурной самобытности народов государств-участников Союза;

взаимообогащение культур;

всестороннее гармоничное развитие личности;

рост международных авторитетов Союза.

Функции Организации:

обеспечение глубокого всестороннего освещения государственной и общественной жизни Союза Беларуси и России;

участие в информационном обмене с государственными и негосударственными телерадиовещательными организациями государств-участников Союза и другими телерадиовещательными организациями;

сотрудничество с телерадиовещательными организациями и другими средствами массовой информации на территории государств-участников Союза, осуществление иных международных связей;

создание корреспондентской сети на территории государств-участников Союза и за ее пределами;

осуществление редакционно-издательской деятельности;

осуществление в установленном порядке рекламной и маркетинговой деятельности;

оказание консультационных, информационных, агентских и иных услуг в отношении телерадиопродукции Союза;

организация и проведение социально-культурных, зрелищных и иных мероприятий;

участие в организации и проведении выставок телерадиопродукции, средств телекоммуникации и массовой информации на территории государств-участников Союза и за ее пределами;

участие в разработке и реализации инвестиционных проектов в сфере управления и функционирования средств массовой информации;

сбор, обработка и распространение информации;

обмен телерадиопрограммами и творческими группами;

производство, реализация (распространение) телерадиопрограмм, теле-, радио-, кино- и видеопродукции, а также продукции печатных средств массовой информации;

оказание услуг в области связи;

участие в конкурсах на приобретение частот телерадиовещания;

осуществление предпринимательской деятельности в соответствии с законодательством государств-участников Союза;

дистрибьюторская деятельность по распространению информации и информационных технологий;

организация работы курсов и семинаров;

участие в союзах, ассоциациях, иных объединениях на условиях, не противоречащих Уставу Союза, законодательству государств-участников Союза и настоящему Уставу.

Организация вправе осуществлять иные виды деятельности, не запрещенные законодательством государств-участников Союза.

Компетенция Организации

Организация имеет право самостоятельно:

планировать свою деятельность и определять перспективы развития;

приобретать имущество, оборудование, материалы и услуги;

создавать на территории государств-участников и за их пределами свои филиалы и представительства; обеспечивать условия для работы своих филиалов, представительств на территории государств-участников и за их пределами;

самостоятельно в соответствии с законодательством государств-участников устанавливать цены на производимую продукцию и оказываемые услуги;

принимать на себя и выдавать от своего имени денежные обязательства, выдавать и получать гарантии, получать кредиты в российских, белорусских рублях и иностранной валюте, получать займы, страховать имущество в страховых организациях государств-участников Союза и иностранных страховых организациях в соответствии с законодательством государств-участников Союза;

приобретать или арендовать при осуществлении хозяйственной деятельности основные и оборотные средства за счет имеющихся у нее финансовых ресурсов, а также ссуд и кредитов;

запрашивать и получать в установленном порядке необходимую информацию и материалы от органов Союзного государства, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и административно-территориальных единиц Республики Беларусь, а также от организаций государств-участников Союзного государства;

определять в установленном порядке размер средств, направляемых на оплату труда и социально-бытовое обслуживание должностных лиц и работников Организации, а также на обеспечение деятельности Организации;

определять в установленном порядке систему оплаты труда должностных лиц и работников Организации.

Организация осуществляет и другие права, не противоречащие законодательству государств-участников, целям и предмету деятельности Организации.

Организация обязана:

нести ответственность в соответствии с законодательством государств-участников Союзного государства за исполнение принятых на себя обязательств, соблюдение требований законодательства государств-участников Союзного государства при осуществлении хозяйственной и иной деятельности;

обеспечивать рациональное использование земли и других природных ресурсов, охрану окружающей среды, соблюдение санитарно-гигиенических норм и требований по защите здоровья населения и потребителей продукции (работ, услуг);

обеспечивать сохранность и нести ответственность за эффективное и целевое использование переданного Организации имущества;

обеспечивать безопасные условия труда работников Организации, нести ответственность в установленном порядке за вред, причиненный работнику Организации увечьем, профзаболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением им трудовых обязанностей;

нести ответственность за сохранность документов (финансово-хозяйственных, по личному составу и др.);

обеспечивать в установленном законодательством государств-участников порядке передачу документов в архивные фонды государств-участников на государственное хранение;

осуществлять бухгалтерский учет, вести статистическую и бухгалтерскую отчетность в установленном порядке.

Управление Организацией

Управление Организацией осуществляется в соответствии с Уставом и законодательством государств-участников председателем Организации (далее — председатель), первым заместителем председателя Организации (далее — первый заместитель председателя) и коллегией Организации (далее — коллегия).

Председатель и первый заместитель председателя являются высшими должностными лицами Организации.

Председатель и первый заместитель председателя не могут быть гражданами одного и того же государства.

На должность председателя представители государств назначаются по очереди со сроком полномочий в три года.

Председатель и первый заместитель председателя уполномочены представлять в Организации интересы соответствующего государства.

Председатель и первый заместитель председателя по должности входят в состав коллегии.

Для выполнения целей и задач Организации государства-участники создают коллегию на паритетных началах по 7 человек от каждого государства-участника.

Коллегия:

определяет основные направления деятельности Организации;

утверждает планы и программы Организации;

принимает бюджет Организации;

контролирует соблюдение созданными организациями, представительскими и филиалами принципов, определенных Концепцией вещательной и информационной политики Организации;

рассматривает предложения о дополнениях и изменениях в Концепцию вещательной и информационной политики Организации;

по предложению председателя, согласованному с первым заместителем председателя:

рассматривает вопросы создания некоммерческих организаций, представительств, филиалов и средств массовой информации;

утверждает уставы (положения);

назначает и освобождает руководителей;

в установленном порядке наделяет организации, представительства и филиалы основными и оборотными средствами;

заслушивает информацию председателя (заместителя председателя) о проделанной работе;

заслушивает отчеты о деятельности созданных организаций, представительств, филиалов.

Комитет по вопросам безопасности Союзного государства

В соответствии с положениями раздела V (ст. 70) Договора о создании Союзного государства Комитет по вопросам безопасности Союза Беларуси и России на основании постановления Высшего Государственного Совета Союзного государства «Об обеспечении правопреимственности в деятельности органов Союза Беларуси и России и Союзного государства» от 27 июня 2000 г. № 15 переименован в Комитет по вопросам безопасности Союзного государства [16].

Действовал на основании Положения о Комитете по вопросам безопасности Союза Беларуси и России от 2 декабря 1997 г. [17]. Являлся постоянно действующим отраслевым органом управления Союзного государства.

Основные задачи Комитета:

подготовка предложений по проведению совместной политики в области безопасности Союзного государства;

обеспечение формирования нормативной правовой базы Союзного государства по вопросам безопасности;

разработка и реализация совместных программ в области безопасности Союзного государства;

организация взаимодействия органов безопасности государств-участников Союзного государства;

координация деятельности государственных органов государств-участников Союзного государства в международном сотрудничестве по вопросам безопасности;

контроль за выполнением принятых решений по вопросам безопасности Союзного государства;

решение других задач, возложенных на Комитет в установленном порядке.

Основные функции Комитета:

подготовка предложений по проведению приоритетных направлений совместной политики в области безопасности Союзного государства;

разработка правового и организационного механизма реализации политики в области обеспечения безопасности Союзного государства;

обобщение и анализ практики применения нормативных правовых актов государств-участников Союзного государства, регламентирующих вопросы обеспечения безопасности Союзного государства, и подготовка предложений по их унификации;

подготовка предложений по разработке и реализации совместных программ по вопросам обеспечения безопасности Союзного государства;

организация взаимодействия органов безопасности государств-участников Союзного государства в подготовке и осуществлении согласованных или совместных мероприятий в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности;

оказание правовой и организационной помощи органам безопасности государств-участников в решении задач, затрагивающих вопросы обеспечения безопасности Союзного государства;

содействие в обмене информацией, представляющей интерес для органов безопасности государств-участников, в интересах обеспечения безопасности Союзного государства;

подготовка информационных сообщений о возможных угрозах безопасности Союзного государства;

осуществление контроля за выполнением органами Союзного государства отраслевого и иного характера, а также министерствами и ведомствами государств-участников решений по вопросам обеспечения безопасности Союзного государства;

координация деятельности государственных органов государств-участников в международном сотрудничестве по вопросам обеспечения безопасности Союзного государства;

выполнение других функций, возложенных на Комитет в установленном порядке.

Полномочия Комитета:

Комитет для выполнения возложенных на него задач имеет право:

вносить предложения по вопросам, отнесенным к компетенции Комитета;

запрашивать у отраслевых органов Союзного государства и национальных министерств и ведомств государств-участников материалы и сведения, необходимые для обеспечения безопасности Союзного государства;

пользоваться информацией органов безопасности государств-участников, необходимой для обеспечения безопасности Союзного государства;

контролировать во взаимодействии с органами безопасности государств-участников выполнение задач по обеспечению безопасности Союзного государства;

информировать органы безопасности по проблемам безопасности Союзного государства и по конкретным вопросам взаимодействия органов безопасности государств-участников Союзного государства;

по согласованию с руководителями органов безопасности государств-участников образовывать экспертные советы, рабочие группы и временные коллективы для подготовки предложений по обеспечению безопасности Союзного государства;

оказывать организационную, консультативную и методическую помощь органам безопасности государств-участников Союзного государства;

подготавливать информационные сообщения о возможных угрозах безопасности Союзного государства.

Комитет возглавляет председатель, назначение которого на должность и освобождение от должности осуществляется Высшим Государственным Советом Союзного государства по представлению Совета Министров Союзного государства на ротационной основе. Должности председателя и заместителя председателя Комитета представители Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь занимают поочередно в течение двух лет.

Председатель Комитета и его заместитель:

вправе участвовать в работе коллегий и совещаний органов безопасности государств-участников при обсуждении на них вопросов, связанных с обеспечением безопасности Союзного государства;

взаимодействуют в пределах своей компетенции с государственными органами, предприятиями, учреждениями, организациями и должностными лицами как в государствах-участниках Союзного государства, так и в иных странах;

подписывают нормативные акты и иные документы Комитета;

осуществляют иные полномочия, предоставленные Высшим Государственным Советом и Советом Министров Союзного государства.

Председатель Комитета:

руководит всей деятельностью Комитета;

несет персональную ответственность за выполнение возложенных на Комитет задач;

представляет Комитет и обеспечивает его взаимодействие с другими отраслевыми органами управления Союзного государства, министерствами и ведомствами государств-участников Союзного государства;

вносит в рамках своей компетенции предложения в органы безопасности государств-участников Союзного государства по разработке и принятию унифицированных нормативных правовых актов Союзного государства и ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих конкретные вопросы деятельности национальных органов безопасности на территории своих государств по обеспечению безопасности Союзного государства;

определяет обязанности заместителя председателя и сотрудников аппарата Комитета;

подписывает постановления коллегии Комитета;

утверждает регламент коллегии Комитета;

издает приказы о поощрении сотрудников аппарата Комитета, а также применении к ним мер дисциплинарного воздействия в пределах своих прав, либо вносит руководству органов безопасности государств-участников Союзного государства предложения о поощрении или наказании сотрудников аппарата Комитета, включая предложения о кадровых перемещениях;

в пределах своих полномочий пользуется соответствующими правами в интересах организации деятельности Комитета, в том числе в сферах кадровой работы, финансового и материально-технического обеспечения Комитета, командирования сотрудников аппарата Комитета;

осуществляет другие функции и пользуется правами в соответствии со своим статусом и решениями Высшего Государственного Совета и Совета Министров Союзного государства;

при решении вопросов обеспечения безопасности государств-участников Союзного государства имеет право обращаться непосредственно к первым руководителям указанных органов либо лицам их заменяющим.

В Комитете образуется коллегия, в состав которой входят председатель Комитета (председатель коллегии), его заместитель (по должности), а также руководящие работники органов безопасности государств-участников Союзного государства с равным представительством государств-участников Союзного государства.

Аппарат Комитета создается на паритетной основе из числа военнослужащих за счет штатов Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.

Решения Комитета по вопросам разработки и определения приоритетных направлений деятельности, перспективного планирования, разработки совместных программ, выработки рекомендаций и ориентировок для органов безопасности государств-участников, а также по другим вопросам, затрагивающим интересы как Союзного государства в целом, так и государств-участников, включая разработку нормативной правовой базы Союзного государства по вопросам обеспечения безопасности, принимаются в форме постановлений коллегии на основе единогласия.

В случае возникновения разногласий при принятии решений члены коллегии разрешают их посредством взаимных консультаций.

По вопросам текущей деятельности Комитета, обеспечения функционирования его аппарата, организации выполнения постановлений коллегии, совместных программ, решений Высшего Государственного Совета и Совета Министров Союзного государства, а также по вопросам взаимодействия Комитета с органами безопасности, министерствами и ведомствами государств-участников, отраслевыми органами Союзного государства председатель Комитета или его заместитель могут издавать приказы, распоряжения, указания и направлять ориентировки, письменные (телеграфные) сообщения, служебные записки.

В случаях, когда решение конкретных вопросов находится в компетенции органов безопасности государств-участников Союзного государства, но затрагивает интересы обеспечения безопасности Союзного государства, председатель Комитета и его заместитель вносят предложения руководству органов безопасности государств-участников Союзного государства по изданию ведомственных нормативных правовых актов или письменных распоряжений, регламентирующих порядок решения таких вопросов и определяющих конкретных исполнителей, сроки и формы отчетности об их выполнении.

Комитет являлся юридическим лицом, имел печать со своим наименованием, другие печати и штампы, бланки документов, служебные удостоверения.

Деятельность Комитета по вопросам безопасности Союзного государства прекращена постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 20 января 2003 г. [18].

Источники и литература

1. Учредительные и регламентирующие документы по основным направлениям строительства Союзного государства. Минск: Представительство Постоянного Комитета Союзного государства в г. Минске. — 2004. — С. 5—27.
2. Союз Беларуси и России (документы 1996—1998). Минск: Аппарат Исполнительного Комитета Союза Беларуси и России. Представительство в г. Минске. — 1999. — С. 15—21.
3. Там же. — С. 24—27.
4. «Статут Высшего Государственного Совета Союзного государства». Утвержден постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 27 июня 2000 г. № 7 // Учредительные и регламентирующие документы по основным направлениям строительства Союзного государства. — С. 47—52.
5. «Регламент Высшего Государственного Совета Союзного государства». Утвержден постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 27 июня 2000 г. № 7 // Учредительные и регламентирующие документы по основным направлениям строительства Союзного государства. — С. 53—60.
6. Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. — 2000. — № 1—2. — Ст. 1.
7. «Положение о Совете Министров Союзного государства». Утверждено постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 27 июня 2000 г. № 12 // Учредительные и регламентирующие документы по основным направлениям строительства Союзного государства. — С. 61—65.
8. «Регламент Совета Министров Союзного государства». Утвержден постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 25 апреля 2000 г. № 1 // Учредительные и регламентирующие документы по основным направлениям строительства Союзного государства. — С. 66—72.
9. Учредительные и регламентирующие документы по основным направлениям строительства Союзного государства. — С. 73—82.
10. Там же. — С. 82.
11. Там же. — С. 27.
12. Беларусь и Россия: организационно-правовые основы интеграции 2001—2003. — Минск, 2004. — С. 140.
13. Там же. — С. 204.
14. Там же. — С. 205—209.
15. Союз Беларуси и России (документы 1996—1998). — С. 363—366.
16. Беларусь и Россия: организационно-правовые основы интеграции 2001—2003. — Минск, 2004. — С. 204.
17. Союз Беларуси и России (документы 1996—1998). — С. 150—157.
18. Беларусь и Россия: организационно-правовые основы интеграции 2001—2003. — Минск, 2004. — С. 14.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 15.04.2010

В. В. Федосаў

**АРХИВОВЕДЕНИЕ
В СИСТЕМЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ**

(Историографический обзор)

В последние годы происходят существенные изменения в сфере развития архивоведческой науки. Большинство исследователей связывают этот процесс с нарастающей информатизацией человеческого общества, повышением роли и места архивов в общественной и государственной системе, изменением на этой основе парадигмы научного знания [1; 2]. Одной из характерных черт, свойственных современному архивоведению, выступает его стремление к интеграции с другими науками, взаимообогащению методами гуманитарных, социальных, естественнонаучных дисциплин. Тенденция к междисциплинарности проявлялась в архивоведческой науке и практической деятельности всегда. Это было обусловлено комплексностью архивоведения как научной дисциплины, многофункциональностью задач, решаемых архивами. Как отмечается в учебниках по архивоведению, оно не может существовать изолированно и поэтому тесно взаимодействует с гуманитарными и естественными науками и научными дисциплинами [3, с. 5; 4, с. 17—18; 5, с. 5].

Одновременно следует отметить, что вопрос о междисциплинарных связях архивоведения является недостаточно изученным. Попытки научного анализа осуществлялись в основном лишь на уровне исследования взаимосвязей архивоведения и исторической науки [6]. Наиболее глубоко рассматривал связи архивоведения с другими областями знания В. Н. Автократов [7, с. 39—51; 8, с. 91—98]. Теоретико-методологические, системные и функциональные взаимосвязи архивоведения как науки и учебной дисциплины с другими областями знаний в современных условиях наиболее активно анализируются украинскими учеными [9, с. 24—29].

По мнению Я. Калакуры, проанализировавшего имеющиеся наработки ученых, определявших место архивоведения в кругу других областей знания, актуальность рассмотрения междисциплинарных связей архивоведения обусловлена рядом причин. В первую очередь продолжается переосмысление концептуальных положений архивоведения, растет его роль в обществе, оно приобретает характер комплексно-интегрированной, динамичной, информационно-насыщенной системы знаний и практических навыков. Во-вторых, расширяется сфера бытования и использования достигнутых архивоведения, его выхода за границы архивов и проникновения в другие сферы общественной жизни. В-третьих, наиболее острой становится проблема подготовки качественно нового поколения ученых-архивоведов, способных работать в условиях информационного общества и интенсивного развития информационных технологий. В-четвертых, существующие наработки по вопросам междисциплинарных связей носят в основном общий

характер, не учитывают новые условия для интегрирования архивистов в европейское и мировое архивное сообщество [9, с. 25].

Междисциплинарность можно характеризовать как сочетание предметного поля отдельных дисциплин, между которыми предполагается наличие определенных связей. Ее методологическая роль, основу которой составляет единая группировка универсальных концепций, призвана обеспечивать взаимное обогащение архивоведения и других взаимосвязанных с ним наук.

Представляется, что анализ междисциплинарных связей архивоведения следует проводить в трех взаимосвязанных плоскостях. Первая — какие дисциплины оказали и оказывают влияние на теоретическое развитие архивоведения и в чем это проявляется [8, с. 91].

Вторая плоскость исследования связана со стремлением архивоведения к более глубокому выяснению своих собственных достижений. Они, по словам В. Н. Автократова, обусловлены быстрым увеличением архивоведческого знания, усложнением его структуры, возникновением в рамках архивоведения частных теорий, более четким размежеванием вопросов теории и методических вопросов, постановкой сложных задач [8, с. 26]. В данном случае также происходит определенное поглощение научного материала из других областей науки.

Третий подход предполагает, что архивоведческая мысль, развиваясь во многом самостоятельно, сама начинает оказывать значительное влияние на окружающие отрасли знания. Междисциплинарные связи здесь проявляются как дополняющие, обогащающие друг друга, способствующие развитию соответствующих областей примыкающих к архивоведению дисциплин.

Украинские ученые выделяют в междисциплинарных связях архивоведения следующие уровни: теоретико-методологический, исторический, содержательно-информационный, оперативно-деятельностный, организационно-методический и научно-прогностический. При этом предлагается рассматривать междисциплинарные связи архивоведения в вертикальном, горизонтальном, наукоосздающем (системном) разрезах [9, с. 26]. Поддерживая эти взгляды в своей основе, отметим, что анализ междисциплинарных связей с учетом новых подходов в архивоведении надо начинать со связей системного характера, наиболее полно отражающих взаимопроникновение наук, а также имеющих непосредственную близость к архивоведению.

В первую очередь, на наш взгляд, следует отметить тесную связь архивоведения с философией и философскими дисциплинами: логикой и логистикой, этикой, эстетикой, философской антропологией [9, с. 27].

В научной литературе отмечаются следующие линии взаимодействия философии и частных наук, характеризующих междисциплинарность:

— на каждом историческом этапе развития науки философский метод синтезируется из достижений частных, конкретных наук, отражая дух науки своего времени, ее качественную специфику;

— в свою очередь каждая из конкретных наук использует философский метод (диалектику или метафизику) в качестве системы общих принципов подхода к изучению интересующих ее явлений и процессов [10, с. 9].

По нашему мнению, общей основой разработки и применения архивоведческой методологии является диалектический подход в исследовании явлений и процессов, происходящих в архивоведческом знании.

В философской литературе в качестве принципов диалектики рассматриваются принципы универсальной взаимосвязи, развития, детерминизма, системности, материального единства мира [11, с. 171]. В соответствии с принципом универсальной взаимосвязи все явления, процессы, происходящие в архивоведении, существуют во взаимодействии и взаимной обусловленности; в соответствии с принципом развития они существуют, претерпевая закономерные качественные и количественные изменения; в соответствии с принципом детерминизма они причинно обусловлены и взаимозависимы; принцип системности предполагает наличие в архивном деле определенной организации и структуры.

Архивоведение как наука в системе своих знаний отражает лишь свойственный ему тип связей, существующих между явлениями и процессами в архивном деле, отвлекаясь от других научных дисциплин. Важнейшим положением диалектического пути познания является рассмотрение изучаемых явлений в развитии, движении, противоречиях. В соответствии с этим гносеологическим требованием архивоведение изучает динамику архивоведческих знаний в их исторической обусловленности.

Нельзя не рассматривать роль философии и в подготовке архивистов как ученых, так и практических работников. Реализация ее мировоззренческой, методологической, общекультурной функций поможет приобщению архивистов к духовным ценностям, пониманию важности своей профессии в условиях современного социума. С другой стороны, по отношению самих архивистов к философии можно судить об их общей и профессиональной культуре.

Одной из форм общественного сознания в философии выступает наука, которую можно представить и как форму общественного сознания, и как отрасль духовного производства, и как социальный институт с соответствующей структурой и функциями, и как непосредственную производительную силу общества [10, с. 258]. В условиях изменения подходов к архивоведению как особой системе научных знаний, к пониманию роли архивов в современном сообществе необходимо видеть преимущество научных знаний (систематизированность, специфические способы обоснования истинности научного знания, осознание методов, с помощью которых исследуются объект, особая подготовка познающего субъекта) перед знаниями, получаемыми в сфере обыденного, стихийно-эмпирического познания. И хотя архивоведение как наука возникло из системы эмпирического знания и на современном этапе

роль последнего ни в коем случае не убывает, требуются дальнейшее проникновение научных знаний в сущность явлений и участие науки в преобразующей деятельности архивоведческой теории и практики.

Авторы учебника по архивоведению отмечают, что архивоведение наиболее тесно взаимодействует с исторической наукой, историей естествознания и техники, историей литературы и искусства, историей государственных учреждений, источниковедением, вспомогательными историческими дисциплинами, документоведением, информатикой, а также кибернетикой, математикой, физикой, химией, биологией. Здесь же дается краткая характеристика этих взаимосвязей [3, с. 5—8]. В то же время осмыслить интегративную функцию архивоведения наиболее полно можно лишь при рассмотрении его взаимосвязей с теми областями науки, которые оказывают определяющее влияние на развитие архивоведения.

По нашему мнению, наиболее важными для развития теоретической и практической части архивоведения выступают его связи с наукой о социальном управлении, документоведением, историей государственных учреждений, современными информационными теориями и дисциплинами, источниковедением.

В. Н. Автократов отмечал, что основная историческая связь архивоведения по происхождению — это связь со сферой документообразования. Она сразу выводит на формирующийся на стыке правоведения, экономической науки и науки о социальной информации (с участием других дисциплин) цикл научных дисциплин, называемых наукой о социальном управлении [8, с. 92]. Социальное управление в широком общесоциологическом смысле связано с управлением обществом путем применения социальных стимулов, средств, механизмов, когда различные группы организации, институты, личности, действуя в своих интересах и в то же время выполняя «общие дела», воздействуют на состояние и развитие общества [12, с. 9].

Для архивоведения важным представляется рассмотрение управленческой деятельности как процесса выработки, принятия и исполнения решений, связанных со сбором, переработкой и созданием новой документной информации. Совершенствование управленческих процессов привело к развитию документоведения, которое изучает закономерности образования документов, принципы организации документооборота и построения систем документации и разрабатывает способы их создания [3, с. 6].

Архивисты проникают в сущность документов и их комплексов на стадии возникновения и тем самым могут выбрать правильную форму их организации в архивах, оценивают документы не на стадии их поступления в архивы, а работают с системами, еще только складывающимися в управлении. Вопросы классификации документов, экспертизы их ценности решаются архивоведением и документоведением исходя из специфики делопроизводства и архивного дела в государстве.

Чем к более раннему периоду относятся документы, тем более значимым для архивоведения становится изучение исторической части документообразования — истории развития систем документирования и делопроизводства, что объективно требует исследования архивистами истории учреждений. Последняя изучает системы и функции учреждений, организаций, предприятий со времени их возникновения и по настоящее время. Изучая сферу документообразования, история учреждений дает архивистам важнейший теоретический и конкретный материал. При этом в качестве ведущих источников комплектования государственных архивов В. Н. Автократов рассматривал учреждения вышестоящих уровней управления [8, с. 150—151].

Именно на основе исследования истории учреждений архивисты оперируют понятиями «фондообразователь», «фонд», «принципы происхождения и недробимости фонда» и др.

Кроме того, на основе этого материала появляется возможность строить научно обоснованную сеть государственных архивов, определять их профили, стратегию архивного поиска. Важным представляется и конкретный анализ, проводимый архивистами в работах по учету, фондированию, определению состава фондов. Собираемые и обработанные данные по каждому фондообразователю включаются в исторические справки о фондах, листки и карточки фондов, путеводители.

Таким образом, архивисты нарабатывают большой объем конкретной информации по истории учреждений, общественных организаций. Архивоведение использует также и данные генеалогии для того, чтобы исследовать процесс фондообразования в семьях, родах, у отдельных лиц, если те накапливают документальную информацию. Все это делается применительно к определенным задачам архивного дела и выступает важнейшей теоретической и практической опорой архивоведения как науки и практической деятельности.

Важным и теоретически сложным является выяснение связей архивоведения с теорией информации, информатикой и документалистикой. Выделившиеся из теоретической кибернетики, они проявили высокую проникающую способность и активно внедрились в окружающие области науки, в том числе в архивоведение. Кроме того, и само архивоведение, как дисциплина информационная по характеру решаемых задач, не может абстрагироваться от достижений названных наук. Сложность же заключается в том, что эти науки не всегда могут дать необходимую качественную оценку социально обусловленной информации, хранящейся в архивах. Поэтому, если некоторые теоретико-информационные понятия свободно вписываются в сложившийся круг научных представлений архивоведения, придавая им новую конкретность и углубляя их содержание («информационно-поисковая система», «информационный массив», «первичная» и «вторичная» информации, «потoki информации»), то другие употребляются архивистами менее определенно, скорее интуитивно, с помощью свободных ассоциаций [4, с. 49]. Так, например, если с

точки зрения информационных наук (документалистики) величина информационной плотности определяется отношением информационной емкости документа к информационному объему, то для архивоведения информативность источника, как и его информативная плотность, практически неразличимы [8, с. 96—97]. Особенно это ярко выражено при решении вопросов экспертизы ценности и архивного описания документов.

В последние годы ученые уделяют значительное внимание вопросам развития компьютерных технологий и вступлению развитых стран в эпоху электронной документации [13]. В этом случае для архивистов возникает ряд сложностей с определением критериев приема на хранение электронных документов, проведения экспертизы их ценности. И здесь также применяются научные подходы, выработанные теорией информации. Информационный подход берется на вооружение архивистами чаще всего при определении ценности целых комплексов документов в границах широких документальных систем — внутриотраслевых, межотраслевых, общегосударственных. Задача архивистов заключается в том, чтобы отобрать на хранение минимум вариантов документированной информации из общего разнообразия дублирующих, поглощающихся сведений.

Трудно переоценить воздействие, оказываемое научной информацией источниковедения на развитие архивоведения. Эти взаимоотношения можно оценить также и в свете логической преемственности, поскольку архивоведение обеспечивает стадию работы с документами, которая непосредственно предшествует их историческому исследованию. Проблемам взаимодействия важнейших научных дисциплин — архивоведения и источниковедения — посвящены регулярно проводимые российскими учеными научные конференции «Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе» [14]. Как отмечал на 5-й Всероссийской научной конференции В. П. Козлов, обсуждение этих вопросов невозможно без рассмотрения теоретических и практических проблем фондирования документов современных организаций, экспертизы ценности их документов, отбора документов на различных носителях, в комплексе отражающих явления и события общественной жизни [14, с. 9]. Архивоведение широко применяет метод источниковедческого анализа, главным образом приемы внешней критики, которая используется постоянно: в экспертизе ценности документов, при определении их фондовой принадлежности, в описательных работах. Разработанные целым рядом вспомогательных исторических дисциплин приемы внешней критики (приемы палеографии, исторической хронологии, сфрагистики, геральдики, генеалогии, эмблематики) выступают в качестве критерия научно-исторической ценности документов. Освоение достижений и требований источниковедения выступает важнейшей задачей архивистов и необходимым условием их профессионального роста. Теоретическое источниковедение вводит архивистов в мир научных представлений о не-

преходящей ценности ретроспективной информации, сообщает знания об источниковедческой классификации и характерных чертах определенных видов и типов источников, предлагает свои приемы и методы анализа. Конкретное источниковедение раскрывает возможности применения общетеоретических положений и способов работы на отдельном материале [7, с. 44].

Трудно определить области знаний, с которыми бы не сталкивалось архивоведение в системе междисциплинарных связей. Украинские ученые выделяют отношения архивоведения с археографией, рассматривающей вопросы теории и методики публикации исторических документов. При подготовке документальной публикации археограф начинает работу с выявления материалов в архивах, подвергающихся в дальнейшем отбору на основе научных методологических принципов. Первоначальная фаза эдиционной работы базируется на использовании архивных документов, дел и материалов фондов. Культурология, библиотековедение, музееведение помогают архивоведению полнее оценить место и роль архивов в культурно-духовной сфере международного сообщества. С архивным делом тесно связаны такие области знаний, как экономика, менеджмент, маркетинг, научная организация труда, финансы и кредит, политология, социология, психология, педагогика. Особенно следует учитывать то, что деятельность архивов разворачивается в условиях рыночных отношений, оказания платных услуг, привлечения внебюджетных средств, что требует высокой экономической подготовки архивистов, руководителей архивных учреждений [9, с. 27].

Современные технологии создания и сохранения документов на бумажных и электронных носителях, кинофотофонодокументов, их реставрация, перенесение на другие носители, создание страхового фонда, борьба с вредителями, поддержание необходимого температурного режима объективно требуют от архивистов проведения совместных научных исследований с такими областями знаний, как физика, математика, электроника, экология, химия, биохимия, вирусология, медицина, гигиена и др.

Все сказанное выше не исчерпывает областей наук, с которыми архивоведение взаимодействует в системе междисциплинарных связей. Получая от различных наук важнейшую информацию теоретического или фактологического характера, архивоведение связывает эти данные с понятием о происхождении, кладет их в основу фондирования документов, описания и поиска. Работа с каждым классом, типом, видом документов требует применения понятий и методов тех областей знаний, которые отражены в этих документах в процессе их создания и практического применения. Все это обогащает понятийный аппарат, методы и методики архивоведения и отражается на его терминологии. Получая из многих областей знаний информацию об их достижениях, архивоведение делает ее своими внутренними ресурсами [7, с. 97].

Менее разработан в научной литературе вопрос о влиянии непосредственно архивоведения на научные дисциплины, с которыми оно находится в

междисциплинарных контактах. В основном это сведения об организации архивного дела в государстве, сети государственных и ведомственных архивов, порядка их комплектования, фондирования, описания, истории архивов и других сведений. Ученый-исследователь при анализе документального материала постоянно применяет и руководствуется понятиями фондообразователя и фонда, коллекции и другими. В структуре архивоведческих знаний основное место занимает информация о фактах, запечатленных в архивных документах. Ее можно рассматривать как факты для науки — эмпирический материал для будущего анализа. Архивоведение выработало и собственную фактологию — путеводители, описи, каталоги, обзоры. Они являются вторичной архивной информацией, способствуют поиску ретроспективной документной информации, создаются самим архивоведением и оказывают влияние на развитие междисциплинарных связей с другими областями научного знания.

Л и т е р а т у р а

1. Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 525 с.
2. Матяш Ирина. Архівознавство як наука: витоки та вектори формування змісту // Студії з архівної справи та документознавства / Держкомархів України, УНДІАСД. Київ, 2009. Т. 17. С. 11—16.
3. Алексеева Е. В. и др. Архивоведение: Учебник для нач. проф. образования: Учеб. пособие для сред. проф. образования / Е. В. Алексеева, Л. П. Афанасьева, Е. М. Бурова; Под ред. В. П. Козлова. М.: Профобриздат, 2002. 272 с.
4. Архівознавство: Підручник для студентів ист. ф-тів вищ. навч. закладів України / За заг. ред. Я. С. Калакура та И. Б. Матяш. Київ: видавн. дім «КМ Академія», 2002. 356 с.
5. Шумейко М. Ф., Козак К. И., Селеменов В. Д. Архивоведение Беларуси: Учеб. пособ. для студ. ист. фак. вузов. В двух частях. Ч. 1. История и организация архивного дела. Минск: Изд. центр РИВШ, 1998. 216 с.
6. Международная научная конференция «Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего»: Докл. и тез. науч. сообщ. Москва, 27—28 ноября 1997 г. М., 1997. 165 с.
7. Автократов В. Н. Архивоведение в кругу других областей знания // Советские архивы. 1973. № 2. С. 39—51.
8. Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 396 с.
9. Калакура Ярослав. Архівознавство в контексті міждисциплінарних зв'язків // Студії з архівної справи та документознавства / Держкомархів України, УНДІАСД. Київ, 2009. Т. 17. С. 24—29.
10. Крапивенский С. Э. Социальная философия: Учеб. для студ. гуманит.-соц. спец. высш. учеб. заведений. 4-е изд. испр. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 416 с.
11. Философия: Учеб. пособие / В. К. Лукашевич, В. М. Белокурский, И. П. Мамыкин и др.; Под. ред. В. К. Лукашевич. 2-е изд. перераб. и доп. Минск: БГЭУ, 2002. 431 с.

12. Основы государственного управления: Учеб. пособ. / Н. Б. Антонова, Т. В. Бутова, Л. С. Вечер и др.; Под. ред. С. Н. Князева, Н. Б. Антоновой. Минск: Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь, 2008. 415 с.
13. Франк Бишоф (Германия). Архивное хранение цифровых документов // Вестник архивиста. 2004. № 2 (80). С. 274—290; Тихонов В. И., Юшин И. Ф. Электронные архивы и электронный документооборот // Отечественные архивы. 1999. № 2. С. 17—26; Тихонов В. И. Обеспечение сохранности электронных документов // Вестник архивиста. 2005. № 5—6 (89—90). С. 205—227; Носевич В. Л. Архив электронных документов: белорусский опыт // Отечественные архивы. 2002. № 1. С. 44—52.
14. Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступ. на Всесоюз. конф. 20—22 декабря 1994 г., г. Москва — ВНИИДАД. — М., 1995. 240 с.; Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступ. на 2-й Всерос. конф. 12—13 марта 1996 г., г. Москва — ВНИИДАД. — М., 1997. 322 с.; Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступ. на 3-й Всерос. конф. 25—26 февраля 1999 г., г. Москва — ВНИИДАД. — М., 1999. 273 с.; Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и сообщ. на 4-й Всерос. конф. 24—25 апреля 2002 г., г. Москва — ВНИИДАД. — М., 2002. 394 с.; Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и сообщ. на 5-й Всерос. конф. 4—5 апреля 2005 г., г. Москва — Росархив, ВНИИДАД, РОИА. — М., 2005. 383 с.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 22.04.2010

М. М. Елинская

СИМВОЛИКА КРЕСТА В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ БЕЛАРУСИ

Крест — важная составная часть геральдической символики

В настоящее время, во многом благодаря деятельности Геральдического совета при Президенте Республики Беларусь, исторические гербы белорусских городов в подавляющем большинстве воссозданы. Они были пожалованы привилегиями королей польских, великих князей литовских в XVI—XVIII вв. и указами императоров Российской империи в конце XVIII — XIX в. Более того, за последнее десятилетие Главой государства учреждено несколько десятков новых гербов административно-территориальных и территориальных единиц Беларуси. Принципы создания современной символики аккумулируют все лучшее, что было создано за несколько веков [1]. Данное утверждение можно проиллюстрировать, рассмотрев только один символ, который наиболее часто фигурирует в мировой геральдической практике, в том числе белорусской. Это — крест.

Этот универсальный знак, который относят к так называемым простым символам, человечество знает с древнейших времен. По своей сущности крест дуалистичен: фигура имеет четыре конца и представляет собой четвертичность, однако с точкой пересечения — пятеричность целостной системы. Это пересечение изначально олицетворяло собой человека с распростертыми руками. Многим народам — индусам, ассирийцам, китайцам, древним скандинавам и германцам, этрускам и финикийцам он был известен задолго до появления христианства. Изображение двух перпендикулярно скрещенных линий в круге являлось знаком Солнца, служило символом деления годового цикла на четыре сезона, ориентиром в пространстве, точкой пересечения верха и низа, правой и левой сторон. Принцип креста заложен во многих планах древних городов, например Рима, где улицы пересекаются под прямым углом и строго проходят с востока на запад и с севера на юг.

Особое значение крест приобрел с возникновением христианства. Именно с началом распространения этого вероучения, ставшего ныне одной из мировых религий, кресту стал придаваться идеологический характер и особое значение. Первые христиане Древнего Рима крестом называли столб с перекладиной наверху, на котором распинали их единоверцев и других преступников. Около 6 тыс. участников восстания Спартака были также распяты на крестах такой формы вдоль Аппиевой дороги от Капуи до Рима. И крест для них (по-латыни — *crux*, по-гречески — *ставрос* — столб) — орудие для мучения, орудие пытки. Но, вместе с тем, крест для верующих имеет в первую

очередь и позитивное значение как символ жизни, но жизни вечной, которая достается ценой мучений Христа и самого человека.

Крест первых христиан, населявших восточную часть Римской империи, называется греческим. Концы его равновелики, т. е. горизонтальная ось перпендикулярно пересекает вертикальную ровно посередине, образуя в плане квадрат (*quadrata*). Ученые считают, что такая форма креста восходит к язычеству («Солнечное колесо»), а также воплощает в себе заглавную букву имени Спасителя.

В течение нескольких столетий в самом христианстве вызревали глубокие противоречия. Окончательное завершение этого конфликта оформилось в 1054 г. церковным расколом — разделением на Православную, или Восточную, церковь с центром в Константинополе и Римско-католическую, или Западную, с центром в Вечном Городе. Главный символ веры — крест также четко дифференцировался на греческий и латинский, что нашло отражение в типе культовых архитектурных сооружений. Крест католический (*crux imissa*) представляет собой фигуру, в которой вертикальная ось пересечена горизонтальной сверху на $\frac{1}{3}$ своей длины [2].

С течением времени возникало множество крестов различных конфигураций и к XIX в. их насчитывалось около 450 [3]. Они разделяются по форме и названиям в зависимости от течения в христианстве, а также от страны или по географическому признаку их применения (бургундский, лотарингский, иерусалимский, пизанский, австрийский, богемский, румынский, армянский, кельтский и др.). Происхождение целого ряда крестов связано с именами святых — св. Андрея, св. Антония, св. Георгия, св. Лазаря, св. Юлиана, св. Иакова и др.

Каждое новое религиозное направление, автокефальная или административно обособленная церковь, средневековые рыцарские ордена имели свой, отличный от других крест. Легендарными стали кресты тамплиеров, Мальтийского ордена, ордена Розы и Креста. Существуют иерархические кресты, например патриарший и папский. Фалеристика и геральдика включили в свой арсенал, на первый взгляд, и чисто декоративные кресты, такие, как якорный, лилиевидный, клеверный, мельничий, клинчатый и др. Однако в символике ничего случайного не бывает, все знаки имеют свою традицию и историю. Рассматривая любой из крестов, можно говорить о его происхождении, легенде и употреблении. Так, одной из разновидностей креста является свастика, которая уходит глубокими корнями в древность и изначально являлась магическим, солнечным знаком.

Тема креста — его история, разновидности, распространение, толкование — неисчерпаема. Поэтому в данной публикации целесообразно ограничиться только теми из них, которые встречаются в бе-

лорусской территориальной геральдике, рассмотрев их в исторической ретроспективе.

В геральдике кресты, наряду с главой, поясом, оконечностью, столбом и перевязью, относятся к почетным или главным фигурам. Существуют три главных типа креста: 1) *прямой* — соединение столба с поясом, 2) *косой* или *андреевский* — пересечение двух перевязей (переклад) и 3) *виллообразный* или *трехконечный* — сочетание двух перевязей и столба. Иные формы крестов представляют лишь разновидности трех первых [4]. Все они присутствуют в городской геральдике Великого княжества Литовского уже с XVI в.

Крест в символике Великого княжества Литовского (печати и гербы)

Наиболее ранний известный белорусский герб с крестом принадлежит **Гомелю**. Первое упоминание о нем, а точнее о городской печати с надписью на латинском языке «герб города Гомеля», относится к 1560 г. Более ранние свидетельства в письменных источниках об этом не обнаружены. Согласно «Привилею мещаном гомейским на печать местьскую» от 21 марта 1560 г. великий князь литовский Сигизмунд Август пожаловал гомельским мещанам по их просьбе печать с изображением креста. Говоря о некоей единой изобразительной стилистике геральдических крестов в допустимых для сравнения хронологических рамках, в группу гербов с крестами вместе с гомельским можно объединить гербы **г. Велижа** (рис. 1) (ныне Смоленская область, Россия) 1585 г. — *крест, под которым обнаженный меч рукоятью вправо*, **г. Орши** (рис. 2, 4) 1620 г. — *крест, расположенный между рогами месяца*, и **г. Кричева** (рис. 3, 5) 1633 г. — *крест, слева от которого меч, рукоятью вниз*. Современное воссоздание этих гербов привело к их нивелировке: все они изображаются как кавалерские кресты — равнобедренные с расширяющимися к концу лопастями, имеющими слегка вогнутые края. Однако при внимательном рассмотрении аутентичных гербов из документов, с которых производилась их реконструкция, обращает на себя внимание тот факт, что все они имеют разную конфигурацию. Так, герб Гомеля наиболее близок по форме к **кавалерскому**. Крест в гербе Велижа из конфирмационного привилея 1653 г. по своим очертаниям относится к **лапчатому** или с **уширенными концами**. На гербе Орши (рис. 80-х гг. XVIII в.) изображен **уширенный** крест, на гербе Кричева (рисунок того же времени) — **клинчатый** [5].

Латинский крест, у которого перекладина пересекает вертикальную ось в верхней части на $\frac{1}{3}$, держит в руках вместе с белой лилией св. Казимир в гербе **г. Ружан** (рис. 6) Брестской области. И не случайно. При короле польском, великом князе литовском Владиславе IV

20 июня 1637 г. Ружаны получили магдебургское право и герб с изображением св. Казимира в венке из алых роз. Этот святой, как подчеркивается в королевском привилеи, являлся патроном Великого княжества Литовского и города Вильно. Казимир, второй сын короля польского и великого князя литовского Казимира IV Ягеллончика и Альжбеты Ракушанки, родился 5 октября 1458 г. В мирской жизни он слыл очень набожным человеком. В июне 1483 г. Казимир перебрался на жительство в Вильно, где своей набожностью и благотворительностью приобрел заслуженное уважение горожан. Долгое время тяжело болел чахоткой. При посещении Гродно во время рождественских праздников 1483 г. состояние его здоровья резко ухудшилось. 1 марта 1484 г. он был перевезен в Вильно, где через два дня скончался.

Во время правления короля польского Сигизмунда I Старого в 1522 г. состоялась канонизация Казимира, однако, к сожалению, канонизационная булла бесследно исчезла по дороге. В 1602 г. папа римский Климент VIII приказал возобновить почитание Казимира как святого. В сфрагистической изобразительности, на печатях в документах римско-католических парафий сохранилось изображение св. Казимира во весь рост с цветком в одной руке и скипетром или латинским крестом в другой.

В гербе Ружан фигура св. Казимира размещена в центре венка из красных роз. Согласно каноническим атрибутам в его руках — золотой крест и белый цветок, по всей видимости, — лилия, которая является символом невинности и чистоты. В геральдике лилия является королевским цветком, так как ее форма подобна скипетру, атрибуту верховной власти.

Такой же по форме **латинский** крест изображен на гербе **г. Гродно** (рис. 7), относящийся к XVI в. Центральная фигура герба — олень с золотым крестом между рогами, который является непременным атрибутом святого Губерта, святого римско-католической церкви. Сын Бертрама, герцога Гиенского, Губерт некоторое время жил при дворе франкского короля Теодориха III, потом при дворе Пипина, откуда его прогнали за разгульный образ жизни. А вскоре он становится епископом Льежа. Об этой поистине чудесной метаморфозе существует следующая легенда. Будучи страстным охотником, Губерт однажды во время охоты увидел оленя с сияющим крестом между рогами, гордо стоявшего среди деревьев. Изумленный охотник истолковал это как знамение и с тех пор стал примерным христианином — раздал все свое имущество бедным и, более того, сделал духовную карьеру. После смерти в 727 г. Губерта возвели в ранг святых. На Западе он со средневекового времени почитался как покровитель охоты и животных, особенно собак. На этом основании в Бельгии в храм его имени даже допускают охотничьих псов, что вообще-то строго запрещено канонами Христианской церкви. С X в. праздник в честь этого святого отмечается 3 ноября.

Таким образом, святой Губерт, с одной стороны, почитался жителями Гродно как пример нравственного самоусовершенствования, с другой — как покровитель охотников, ибо охота в древнем Гродно долгое время была едва ли не основным видом деятельности.

В религиозно-мифологическом культе олень-солнце отражает поклонение человека природе. В христианской символике олень с крестом между рогами олицетворяет символ души человека, города, природы. Олень сам по себе символизирует благородство, изящество и свободолюбие.

С определенной долей вероятности можно предположить, что именно последняя характеристика этого символа — свободолюбие — стала определяющей в выборе сюжета, к которому вновь обратились через два столетия, в 1792 г., для герба **г. п. Цирина (рис. 8)** — *олень с золотым крестом между рогами*.

В это время в территориальной геральдике Беларуси прослеживается уникальное явление. Двумя указами Екатерины II от 16 августа и 21 сентября 1781 г. отошедшая по первому разделу Речи Посполитой восточная часть белорусских земель «высочайше наделена» восемнадцатью гербами. Они «строились» на основе иной геральдической традиции, нежели польско-литовская городская геральдика, и об этом речь ниже. А двенадцатью годами позднее последний польский король Станислав Август Понятовский успел пожаловать гербы для городов центральной и западной территорий Великого княжества Литовского. Различными символическими приемами в этих гербах подчеркнуто стремление к свободе, независимости и суверенитету, но уже ускользавшим. Это выражено через религиозные сюжеты в гербах Геранен и Браслава и изображения христианских святых в Родошковичах, Шерешово и Борисове. Посредством геральдических символов король позиционировал себя все еще как монарх самостоятельного государства, что нашло свое отражение в гербах Перебродья и Ошмянах. В этой связи интересен факт пожалования королем в 1792 г. герба литовскому городу Сударгас, который аналогичен гербу, пожалованному Екатериной II в 1781 г. В нем также изображены сабля и меч, положенные крестом и перевитые лавровым венком. В нижней части герба девиз «*Za narod, króla, u wolnosc*» [6]. Идея защиты Отечества в символической форме передана в гербах Угорья, Привалки, **Липнишек (рис. 9)**. Последний упомянутый герб с изображением всадника с копьем в правой руке и щитом — в левой существовал еще с 1633 г. В 1792 г. королем было подтверждено право на самоуправление для этого города и в связи с этим в очередной раз изображен старый герб, но в художественно-изобразительных традициях уже конца XVIII в.

Интересным в нем, в связи с обозначенной темой, является изображение золотого креста в овальном щите у рыцаря, не так часто встречающийся в геральдике. По форме и расположению расширен-

ных концов он близок к «литовскому», но в отличие от последнего имеет седьмую лопасть в нижней геральдически левой стороне. Крест в гербе Липнишек может быть отнесен к «**неправильным семиконечным крестам**» [7]. Такой крест называется еще «неполным», так как у него нечетное число неравных между собой концов.

Тематически близко к гербу Липнишек примыкают гербы Витебска и **Дриссы (рис. 10)** (ныне Верхнедвинск) 1781 г., Речицы 1845 г. и **Лепеля (рис. 11)** 1852 г., созданные в Российской герольдии, о которой речь ниже. Их объединяет не только фигура воина, скачущего на коне с поднятым оружием, но и шестиконечный крест на его щите.

Как видим, крест в городских гербах XVI—XVIII в. изображался достаточно широко наряду с другими геральдическими и негеральдическими фигурами. Геральдика периода Великого княжества Литовского предлагает нам задуматься над разнообразием форм и приемов применения этого символа. Не будучи широко распространенным, тем не менее, крест демонстрирует разнообразие вариантов его историко-геральдического обоснования. Крест — это символ веры и страданий Спасителя, мужества и обороны родной земли, наконец, это — та гавань, куда приходит человек на долгом пути своих духовных исканий.

Символ креста в геральдике периода Российской империи (конец XVIII — XIX в.)

Территориальная геральдика, разрабатываемая в Российской империи, отличалась от польско-литовской и организационно, и концептуально. По Указу Петра I от 12 января 1722 г. № 3877 при Правительствующем Сенате была учреждена Герольдмейстерская контора. Деятельность ее разворачивалась под мощным влиянием ученых-специалистов по западноевропейской геральдике, знакомых с ее историей и законами. В частности, одним из единомышленников государя в деле образования Герольдии являлся приглашенный «в русскую службу» в 1702 г. барон Фридерик Гизен. Именно ему, по мнению А. Б. Лакиера, принадлежит идея создания этого государственного органа. С 1724 г. важную роль в российском герботворчестве на протяжении многих лет играл граф Франциск де Санти, уроженец Италии, назначенный Екатериной I «для отправления Геральдического художества» [8]. В 1848 г. Герольдию, ставшую Департаментом Сената, возглавил барон Б. В. Кёне. Однако, не преувеличивая роли иностранцев, здесь же следует упомянуть имена других государственных геральдистов — представителей русской аристократии — первого герольдмейстера С. А. Колычева, с 40-х гг. XVIII в. — В. Е. Адодурова. С 1800 г. Указом Павла I директором Герольдии был назначен О. П. Козодавлев. Этот ряд известных имен можно продолжить. Их усилия были направлены на развитие российской государствен-

ной, территориальной и дворянской геральдики, которая, сформировавшись за два столетия, представляла явление более глубокое и самобытное, чем простое заимствование у Запада.

К середине XIX в. в Герольдии сложился четкий алгоритм создания и учреждения герба, будь то городской, губернский или областной. Герб представлял не только собственно щит с изображением, но и целую систему атрибутов-украшений. Начало этому процессу после смерти Петра I (с 1724 г.) было положено правилом, согласно которому каждый полк получал знамя с изображением герба города (области), на территории которого дислоцировался.

В «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. декларировалось: «Городу иметь герб, утвержденный рукою императорского величества, и оный герб употреблять во всех городских делах» [9]. Герольдии предстояло провести ряд мероприятий по сбору информации о городских гербах, которые ранее были дарованы привилегиями польских королей. В рамках этой деятельности из Петербурга были посланы соответствующие запросы, в частности, на имя белорусского генерал-губернатора графа З. Г. Чернышева. Из белорусских губерний и, в частности, Полоцка, Витебска, Орши, Рогачева и других городов были присланы ответы с изображением ранее существующих гербов. Однако далеко не все старались усердно выполнить «покорнейшую просьбу» российских геральдистов. Из Могилевской губернии пришел ответ об отсутствии таковых [10].

При «составлении» новых гербов для городов, губерний, областей и наместничеств Российской империи, в том числе белорусских, Герольдия руководствовалась так называемыми «регулами», т. е. принципами, на основе которых формировался геральдический символ. Их было несколько. При использовании географического принципа изображались особенности природного характера (флора, фауна и связанные с ними характерные занятия жителей), а также известное сооружение, узнаваемая архитектурная постройка. Преобладание исторического принципа предполагало изображение в гербе фигур, которые бы символизировали важное историческое событие, отражали историю развития города. Наконец, третий принцип заключался в визуальном изображении названия города. Последний принцип воплощен российскими геральдистами в гербах Рогачева (1781 г.) — в золотом поле черный бараний рог и Волковыска (1845 г.) — в голубом поле волк, обращенный в правую сторону.

Что касается гербов с религиозными сюжетами, то они, безусловно, присутствовали в российской геральдике, но не преобладали в ней. На наш взгляд, изображения святых, крестов, священных знаков и символов присутствуют лишь в тех случаях, где необходимо

было подчеркнуть основной идеологический постулат Российской империи — «самодержавие, православие, народность».

Так, в середине 40-х гг. XVIII в. Герольдмейстерской конторой был предложен вариант герба города-крепости Ставрополя. Профессор Н. А. Соболева приводит его описание: «Понеже слово Ставрос на греческом языке значит крест, а полис — город, того ради изображенный в сем гербе в золотом поле красной лапчатой крест в вершине щита и город такого же цвету, на зеленой подошве щита стоящей, точно согласуются с именем города Ставрополя. Положенные ж над городом наподобие Андреева креста два черные копыа показывают, что помянутой город населен новокрещеными калмыками» [11].

Очевидно, работа над гербом этого города была продолжена. Спустя более чем столетие окончательный вариант его, уже как административного центра Ставропольской губернии, был утвержден указом императора от 5 июля 1878 г.: «В зеленом щите, на серебряной горе, золотая, зубчатая с черными швами и открытыми воротами, крепостная стена, сопровождаемая в главе щита серебряною о пяти лучах звездю. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою» [12]. Забегая вперед, отметим, что в очередной раз герб был утвержден уже 15 мая 1997 г. Претерпев «модернизацию», герб Ставропольского края сохранил две важные геральдические фигуры — на вершине горы крепость и **прямой крест**, символизирующий место расположения города [13].

Еще одним ярким примером идеологизированной геральдики может служить герб Перми 1783 г. В нем изображено несколько, на первый взгляд, не сочетаемых фигур — серебряный медведь, кавалерский крест и Евангелие в золотом окладе. Первый символизирует «дикость нравов обитавших жителей», все остальное — «просвещение через принятие Христианского закона» [14].

В отличие от российских многие белорусские города уже на протяжении нескольких веков имели старые «польские» гербы как символы вольности. Часть из них была заменена на новые. Но гербы, в которых присутствовало изображение христианских святых, равно почитаемых как в католической, так и православной конфессиях, были оставлены. Они были «высочайше утверждены» заново, но с непременным включением в них элементов, подчеркивающих принадлежность к Российской империи. Так, в гербах Борисова (1796 г.) и Новогрудка (1845 г.) в верхней части размещен герб г. Минска, дарованный королем Сигизмундом два века ранее — в 1591 г. Но и сам минский губернский герб (рис. 12) (1796 г.), созданный по правилам российских геральдистов, имеет характерные особенности — он расположен на груди двуглавого русского

орла с четырьмя **крестами** — в навершии **на императорской короне**, в коронах на головах и **на державе** в лапе орла.

Помимо конкретного изображения крестов, в геральдике существуют классические каноны расположения символов, одним из которых является крестообразное расположение фигур — геральдических или негеральдических. В российской геральдике этот принцип имел широкое распространение, и для белорусских городов он применен не единожды. В символической форме в гербах отражены значимые для города события. К примеру, в гербе уездного города Бельска Гродненской губернии (ныне территория Польши) изображены два **перекрещенных копья** — «в память победы Великого Князя Ярослава [15]. Баталия русского корпуса армии Петра I со шведами во время Северной войны под Лесной (1708 г.) запечатлена символически в гербе **г. Быхова (рис. 13)** (1781 г.) положенными **Андреевским крестом** пушками и в гербе **Чаус (рис. 14)** (1781 г.) изображенными таким же способом шпагой и мечом. Занятия жителей, промышленяющих обработкой и сплавом леса, переданы мачтами, **положенными крестом**, в гербе **г. Бобруйска (рис. 15)** (1796 г.), а занимающихся сельскохозяйственным трудом — золотыми косами в гербах **г. Сенно (рис. 16)** (1781 г.) и д. Адельска (1875 г.) [16].

По такому же принципу Герольдией были разработаны гербовые сюжеты и для других регионов Российской империи: в Корсуні Симбирской 1780 г. — это чеканы, Моршанске Тамбовской губ. 1781 г. — якоря, Елизаветполе одноименной губернии 1843 г. — меч и сабля, Царицыне Саратовской губ. 1857 г. — рыбы и др.

Очевидно, не случайно сложилось мнение о том, что геральдика — одна из самых консервативных наук. Но несмотря на правила, сложившиеся еще в период средневековья, она, как никакая иная область знаний, имеет множество исключений и допущений. Возрождение территориальной геральдики в Беларуси и придание городскому гербу статуса официального геральдического символа начались в 1994 г. внесением в Гербовый матрикул герба города Бреста. Исторический герб XVI в. положил начало многолетней целенаправленной деятельности по возрождению и формированию территориальной геральдики современной Беларуси. В настоящее время в Государственный геральдический регистр Республики Беларусь внесены гербы 187 административно-территориальных и территориальных единиц, в том числе 63 исторических герба.

Крест в современной геральдике

Гербы, созданные в последние пятнадцать лет, по своему исполнению и идеям, заложенным в них, достойно продолжают многовековые геральдические традиции. И крест как геральдический символ и как способ расположения фигур активно используется в современной геральдике.

Существует несколько современных городских гербов, в которых фигуры в щите, также как и в прошлых столетиях, расположены крестообразно. К ним относятся стрелы в гербе **г. Лунинца (рис. 17)** (1998 г.), положенные так называемым **Георгиевским крестом**, т. е. строго по горизонтали и вертикали. Это центральная фигура несет двойную нагрузку: подчеркивает административно-территориальную принадлежность к Брестчине (в гербе областного центра лук и стрела) и символизирует достаточно крупный железнодорожный узел. И не случайно, ибо этот узел, являясь важной составной частью Полесской железной дороги, построенной в 1884—1886 гг., способствовал быстрому экономическому развитию города.

Собственно Георгиевские кресты красного цвета на белых вымпелах как символы мужества и доблести использованы в гербе **г. Мяделя (рис. 18)** (2001 г.). Треугольные флаги венчают башни замка, прообразом которого послужило каменное строение 2-й половины XVI — начала XVII в. Известный белорусский историк М. А. Ткачев писал о нем: «Мядельский замок — пример соединения особенностей западноевропейской фортификации с местными оборонительными элементами. Во время военной опасности замок служил надежным укрытием для жителей Мяделя и окоелиц. Разрушен во время Северной войны (1700—1721)» [17].

К первостепенным геральдическим фигурам относятся глава, оконечность, столб, пояс, перевязь. Сединение двух перевязей образует **Андреевский крест**, который может быть узким и широким. Последний представлен в гербе **г. п. Яновичей (рис. 19)** (2006 г.). Создатели современного герба городского поселка, без сомнения, исходили из историко-географического статуса этого населенного пункта — он расположен на пересечении Велижского и Смоленского торговых путей, проходящих через поселок. Следует добавить, что помимо креста верхнюю часть поля украшает изображение золотых мерных весов, символизирующих исторически сложившуюся здесь торговлю. Сочетание геральдических и негеральдических фигур является наиболее продуктивным приемом не только в современной территориальной белорусской геральдике, но и в мировой практике.

Андреевским крестом, т. е. диагонально расположены сабли в гербе **г. Глубокого (рис. 20)** (2006 г.), стеклодувные трубки — **г. Березовки (рис. 21)** (2002 г.), колосья злаковых — **г. Костюкович (рис. 22)** (2005 г.), посохи — **г. Старые Дороги (рис. 23)** (1996 г.), оливковая и дубовая ветви — **г. Дзержинска и Дзержинского района (рис. 24)** (2008 г.).

Сочетанием прямого и косога крестов достигается еще одна простая, но довольно распространенная фигура в геральдике — **виллообразный крест**. По расположению в щите он может быть пониженным и повышен-

ным. Пониженный вилообразный золотой крест в гербе **г. Барань** Оршанского района (**рис. 25**) (2006 г.), также как и в предыдущем случае, олицетворяет географическое положение, перекресток, на котором возник город, а также символическое изображение слияния рек Одров и Барань. Кавалерский крест, расположенный в верхней, наиболее почетной части поля является символом веры, независимости, доблести и отваги, которую не раз за многие столетия проявляли горожане. Вместе с тем, он подобен кресту в историческом гербе г. Орша — центре района, в состав которого входит и Барань. Наконец, охотничий рог — это дань уважения жителей города к своей истории и, в частности, к его бывшим владельцам — князьям Радзивиллам, чьим родовым знаком был герб «Трубы».

Как и всякий герб, геральдический знак Барани неповторим, но не оригинален. Он состоит из элементов, так или иначе включенных в другие гербы белорусских городов. Так, радзивилловский охотничий рожок присутствует в гербах Клецка, Копыля, Скиделя. А интересующий нас **кавалерский крест** является составной частью современного герба **г. п. Октябрьский** (**рис. 26**) (1998 г.), также как в исторических гербах Орши, Кричева и др.

Изображения **трех золотых крестов** присутствуют в гербе **г. Молодечно** (**рис. 27**) (2000 г.). Они являются частью декора голубого покрывала, который держит Дева Мария. Праздник православной церкви Покров Пресвятой Бородицы отмечается 1 октября. Он был установлен в память события, произошедшего в Константинополе в середине X в. Византийская империя вела в это время войну с сарацинами и городу угрожала смертельная опасность. В указанный день святой Андрей Юродивый и его ученик Епифаний, находясь во Влахернском храме, во время всеобщего бдения увидели на воздухе Божию Матерь с сонмом святых, молящуюся о мире и распростершую свой покров (омофор) над христианами. Уверовав в чудо, люди воспряли духом и с именем Господа отразили натиск неприятеля. Церковному богослужению в этот день присвоено особое величие. Источником творческого вдохновения при изображении Девы Марии для художника-геральдиста послужила икона «Покров» 1751 г. Эта работа, написанная М. В. Монограммистом, была вывезена экспедицией Государственного художественного музея БССР в 1970 г. из Покровской церкви в г. Молодечно.

Еще один **равноконечный православный крест** является основной и единственной фигурой в гербе **г. п. Стрешин** Жлобинского района (**рис. 28**) (2001 г.). В основу его создания положены исторический и культурный принципы. Покровская церковь (1807 г.) — главная достопримечательность поселка, построенная в стиле классицизма, представляет крестовокупольное сооружение. В плане церковь представляет собой два основных и главных помещения, распо-

ложенных крестообразно. Гербовая эмблема является точной копией основной части плана действующей церкви [18].

При создании герба **Гомельской области** (**рис. 29**) (2005 г.) основная задача заключалась в максимально бережном сохранении того, что оставила история. И наиболее важным в данном случае являлся серебряный крест в гербе Гомеля 1562 г. Положив его в основу вновь создаваемого символа, автором герба была подчеркнута идея геральдической преемственности. Более того, этот крест, разделив зеленое поле щита на девять полей, предоставил возможность путем наложения на его лопасти центральных фигур из других гербов Гомельщины проиллюстрировать все разнообразие региональных географических и историко-культурных особенностей края. В центре композиции изображен герб г. Гомеля XIX в. — лежащая рысь. Четыре поля по сторонам от него несут главные фигуры из гербов наиболее древних и важных для истории городов области: Турова — древний воин (верхнее поле), Рогачева — рог (правое поле), Мозыря — орел (левое поле), Речицы — всадник (нижнее поле).

Особую группу территориальной символики Беларуси составляют гербы, в которых присутствует частновладельческая геральдика. Гербы белорусских магнатов и шляхты в большинстве своем имеют польское происхождение, разнообразие и строгую простоту которых А. Б. Лакиер называл «изумительными». И добавлял: «Крест, луна, звезды, меч, стрелы и подковы — вот основные для геральдических знамен фигуры, которые во множестве встречаются в наших гербах» [19]. Уточним, как в исторических, так и современных. Владельческая геральдика в настоящее время довольно активно используется для создания новых гербов городов и городских поселков. При этом за основу берется герб определенного дворянского рода, представители которого в прошлом либо владели данным населенным пунктом, либо проживали в нем и внесли большой вклад в его развитие.

Кавалерский крест, имея оригинальное обоснование включения этого символа в тот или иной герб, присутствует в различных сочетаниях с подковами и мечом в гербах **г. п. Дрибин** (**рис. 30**) (2000 г.), **г. п. Круглое** (**рис. 31**) (2005 г.), **г. Кличев** (**рис. 32**) и **г. Наровля** (**рис. 33**) (2001 г.).

У Цехановецких, бывших владельцев Дрибина, был родовой герб «Домброва» — «в голубом поле серебряная подкова, острием обращенная вниз. На передке ее золотой крест. Такие же золотые кресты выходят из углов, образуемых шипами подковы» — основная фигура герба поселка. Однако размещается она не в классическом голубом, а красном стенчатом поле с черными швами, для того чтобы подчеркнуть отличие между территориальной и дворянской геральдикой. Такой герб с крестом, по легенде, был пожалован Донброве в 1246 г. Конрадом Мазовецким за победу над врагами христианства.

Еще более древнее происхождение имеет дворянский герб «Ястржембец» — *«в голубом поле золотая подкова, обращенная шипами вверх, в середине которой кавалерский крест, а над шлемом и короною смотрящий вправо ястреб, с привязанными к лапе бубенчиками, держит такую же подкову. Иногда та же подкова полагается на груди орла, и герб удерживает то же название «Ястржембец»*, который является основной фигурой в гербе г. п. Круглое. Первое упоминание о нем встречается в 999 г. во времена царствования Болеслава Храброго. Его получил Иван, «князь на Лубнах, маршалак Великого княжества Литовского, воевода новогрудский», от великого князя Великого княжества Литовского (1492—1506) и короля польского (1501—1506) Александра. По документам 1524 г. известно, что родственник Ивана Василий владел в это время г. п. Круглое. Иными словами, родовой герб Полубинских был предложен районной комиссии по разработке герба в качестве основного геральдического символа этого городского поселка.

Центральной геральдической фигурой Кличева является герб «Любич» — *«в голубом поле серебряная подкова, шипами обращенная вниз, внутри ее золотой крест, который повторяется и на вершине»*, принадлежащий Незабитовским, которые с конца XVII в. (1696 г.) владели землями, входящими ныне в состав Кличевского района. Однако простое повторение родовой эмблемы в современном геральдическом символе не отвечало принципам построения новых территориальных гербов, так как не учитывало историко-географические особенности края. Требовалось дополнить создаваемый герб новым содержанием еще и для того, чтобы жителями Кличевского района он был принят и понят. Для достижения этой цели в серебряном поле герба использована основная геральдическая фигура — острие, имеющее пилообразное очертание. При помощи данного деления передается контур хвойного дерева, ведь сегодня 56% территории района занято лесами. Острие размещено в серебряном щите, которое символизирует реки Березина, Друть и Оlsa, в междуречье которых расположен район.

Город Наровля известен с XVIII в. как местечко, принадлежащее известному белорусскому шляхетскому роду Оскерок. Его представители владели гербом «Мурделио» — *«серебряный полумесяц рогами вниз (иногда вверх), на изгибе сверху серебряный крест, между рогами полумесяца серебряная звезда»*. Несмотря на идею использовать частновладельческий герб для официальной символики города, простое копирование изображения родового герба в данном случае было неприемлемо, так как его элементы — полумесяц и шестиконечная звезда — были восприняты буквально как наиболее характерные религиозные символы мусульманской и иудейской конфессий. Поэтому из шляхетского герба был оставлен крест и расположение фигур. В окончательном варианте сверху щита располагается золотой крест, а полумесяц, повернутый рогами вниз, заменен на подкову.

Однако такоевольное обращение с геральдикой, которая известна со времен правления короля польского Владислава, на мой взгляд, не правомерно. Новый городской символ следовало бы сконструировать таким образом, чтобы полностью сохранить древний герб без изменений либо отказаться от него, заменив на более доступные для восприятия символы. Практика показывает, что только при целенаправленной и планомерной работе местных органов власти с общественностью, путем разъяснения и толкования принимаемых символов через средства массовой информации и организацию живого обсуждения с населением рождается герб населенного пункта, который получает настоящую активную жизнь — он востребован.

Изображения различных крестов, как уже отмечалось выше, часто встречаются в польско-литовской геральдике. Некоторые из них выступают одной из составляющих геральдического сюжета, например в гербах «Bożawola», «Krzywda», «Prus», «Szeliga», «Slepowno» и др. Иные же кресты являются неотъемлемой частью фигуры, изображенной в гербе. К этой категории можно отнести герб «Radwan» — *«в красном поле золотой кавалерский крест»*[20]. Этот герб в его классическом изображении применен при создании герба г. Чашники (рис. 34) (2006 г.). Это родовой герб Володковичей, которые владели местечком и начиная с 1774 г. внесли определенный вклад в развитие экономики Чашников.

В официальном геральдическом символе г. Лиозно (рис. 35) (2006 г.), которым владели представители рода князей Огинских, размещен герб «Огинец» — *«крепостные ворота, или престол, красного цвета, на котором крест, или скипетр, серебряного цвета»*. Каким образом и когда сформировался в таком виде этот фамильный знак в настоящее время нам обнаружить не удалось. Существует легенда о его происхождении, вполне вероятно, сложившаяся уже в наше время. Войско, участвовавшее в военном походе под предводительством одного из основоположников прославленного рода Огинских, разложило бивак, укрепив его по кругу обозом и оборудовав выход из него воротами, над которыми установило крест. При нападении неприятеля ядром пушки крест был сверху расщеплен надвое. И якобы в память о воротах, залитых кровью его защитников, и расколотого святого (чистого — серебряного) символа веры род Огинских избрал себе этот символ.

Однако, воспринимаемая нами геральдическая фигура «Oginiec» как единый символ, состоит из двух элементов различных цветов (серебро и красный) и имеет, очевидно, более древнее формирование. Гипотетически разделяя его на две составляющие, можно допустить, что верхняя часть этой фигуры представляет одну из разновидностей опрокинутого якорного креста. Возникновение этого символа историки относят к периоду раннего христианства, который встречается в виде рисунков, оставленных

первыми христианами на стенах катакомб. Иногда этот крест изображался с дельфином или двумя рыбами, свешивающимися с поперечной перекладины. В христианском символизме якорь вообще является знаком безопасности, устойчивости и надежды. Комбинация из двух символов, креста и полумесяца — символ рождения Христа из тела Марии, чьей эмблемой является полумесяц. Герб «Oginiec» (классический) имеет ряд вариантов. Так, его разновидность герб «Jełowicki» представлена воротами с кавалерским крестом, а герб «Gliński» имеет раздвоенный крест с опущенной перекладиной между воротами [21].

Правила, по которым некогда составлялись гербы белорусской шляхты, в том числе крестообразно расположенные фигуры в гербовом поле, были подчинены общегеральдическим законам Западной Европы. И герб **г. Ельска (рис. 36)**, в основе которого лежит родовой знак бывших владельцев, не исключение. Известный по письменным источникам с XVI в. Ельск принадлежал представителям итальянского рода Спада, позже Аскерко и Ельским. Ученые установили генеалогическую связь между этими фамилиями. А геральдически их объединил герб «Pielesz» — «*в гербовом поле два перекрещенных меча, положенные Андреевским крестом*». Есть варианты этого герба, в котором между остриями мечей расположена шестиконечная звезда. А. Б. Лакиер писал об этом гербе: «Счастливо оконченный поединок на войне дал право победителю на такое знамя. Эта эмблема встречается очень часто в наших гербах во свидетельство мужества тех, кому она усвоена» [22]. Герб «Pielesz», как и целый ряд других, получивших распространение среди белорусской шляхты, имеет западноевропейское происхождение. Представители дворянства из Германии, Австрии, Италии, Ирландии и других стран в течение длительного времени расселялись по всей территории Великого княжества Литовского, находясь на военной и гражданской службе. В многотомном издании «Polski słownik biograficzny» указывается, что представители рода Спада прибыли на территорию Беларуси из Франции в XVI в. и инкорпорировали в местное привилегированное сословие, в том числе и «геральдически».

Аналогичный сюжет, т. е. изображение оружия или его составляющих, а также подобное расположение гербовых фигур представлены в гербе «Лопот», или «Kłopot», который был распространен «на Руси белой и червонной» [23]. Вместо двух мечей, как в гербе Ельска, два сабельных эфеса, положенные **Андреевским крестом**, нашли свое место в гербе **г. п. Корма (рис. 37)**. Они символизируют воинскую доблесть представителей рода Быковских — владельцев имения, ранее располагавшегося на месте городского поселка.

Как можно было уже заметить, **крестом положенные фигуры** часто встречаются в геральдике. И не важно, что в последнем случае в гербе представлен не весь предмет, как в гербе Ельска (мечи), а одна

из его составляющих — эфесы, т. е. верхняя часть рукояти боевого оружия. В геральдике изображение символа или его части равны по своей значимости, а иногда последние даже превосходят по глубине смысла и содержания, закладываемых в герб. Так, к примеру, в гербе «Богория» в символической форме отражен подвиг воина, мужественно сражавшегося с половцами и пронзенного двумя стрелами, по имени которого и назван герб, — две сломанные стрелы без оперенья.

В современной геральдике Беларуси в качестве сложносоставного можно выделить герб **г. п. Брагина (рис. 38)** (2001 г.), в котором в опосредованной форме изображены кресты. Он включает в себя три княжеских символа, каждый из которых отражает многолетние периоды в истории населенного пункта. Герб по своей конструкции является сложным, состоит из трех самостоятельных символов. Основной элемент герба разделяет так называемая «второстепенная» геральдическая фигура — «острие», в ее «вогнутой» разновидности с основанием в нижней части гербового поля. Этот весьма оригинальный геральдический прием построения сложных гербов употребляется довольно редко и в белорусской городской геральдике присутствует только в историческом 1792 г. гербе г. Ошмяны.

В правой серебряной части поля герба размещен родовой знак князя Изяслава (?—1001 г.), положившего начало возрождению полоцкой княжеской династии Рогволодовичей. Князь основал одно из первых епископств, поэтому не случайно, что венчающим элементом герба, окрашенного в алый, или червлёный цвет, является **крест**. Этот символ отражает самый ранний период истории Брагина (XII—XIII вв.) и указывает на Полоцкое княжество как один из центров формирования белорусской средневековой государственности. Вместе с тем, княжеский знак, именуемый «Трезубцем», ассоциируется с периодом владения Брагиным князьями киевскими и представляет собой вариант родовой символики всей династии Рюриковичей. Следует отметить, что при создании герба наиболее сложным был выбор конфигурации «Трезубца», поскольку вариантов его изображения существует множество. И вопрос о точном количестве и разновидностях «знаков Рюриковичей» до сих пор остается открытым. Их изучение, систематизация и классификация осуществляются чаще всего на основе отдельных собраний, в которых знаки рассматриваются, как правило, в едином тематическом, хронологическом и (или) территориальном комплексе [24]. Так, княжеские трезубцы, употреблявшиеся в качестве знаков собственности, послужили объектом исследования Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова [25]. Геральдические знаки древнерусских князей с трезубцем на сребрениках, отчеканенных в X—XI вв., были атрибутированы В. Н. Рябцевичем [26]. Знаки полоцких Рюриковичей на различных предметах найдены археологами не только на территории Беларуси — в Минске (роговой кистень) и Могилеве (гончарное клеймо), но и других

регионах — Новгороде (печать), Киеве (граффити № 75 на столбе Софийского собора) и Измерском поселении на территории Волжской Булгарии (костяная рукоять) [27]. В современном гербе Брагина «Трезубец» по своей конфигурации наиболее приближен к печати, найденной в Новгороде, принадлежащей вышеупомянутому князю Изяславу Владимировичу. Разновидностью его знака является «Трезубец» в гербе г. **Заславля** (рис. 39). Добавлю, что трезубец киевского князя Владимира, отца Изяслава, лег в основу созданного в наши дни государственного герба Украины.

В левой части герба в красном поле расположен герб «Колюмны». Данный символ на гербе Брагина призван отражать период вхождения города в состав Великого княжества Литовского, на первом этапе которого он являлся частью великокняжеских владений. Герб «Колюмны», по некоторым источникам, помимо своей принадлежности великому князю Гедемину и его потомкам, является также символом Полоцкого княжества и в этом смысле родственен трезубцам Киевского князя Владимира и Полоцкого князя Изяслава.

В нижней части герба размещен частновладельческий герб «Корибут» (в голубом поле изображение **золотого креста** с перечеркнутыми концами, место нижнего конца золотой месяц рогами вниз и восьмиконечная звезда). Этот широко известный герб был родовым знаком магнатского рода Вишневецких, которые владели Брагиным с конца XVI до второй половины XVII в. Вишневецкие были последними владельцами города, когда он еще играл значительную роль в истории белорусско-литовского государства. Со второй половины XVII в. Брагин постепенно приходит в упадок и лишается своего былого значения. Размещением в нижней части герба Брагина частновладельческого герба «Корибут» подводится своеобразный итог определенного периода в истории города.

Наиболее вероятные истоки герба, очевидно, следует искать в простейших символах на древних княжеских монетах и печатях. Причем разновидностей этого герба существует несколько. На протяжении времени княжеский символ видоизменялся — менялась форма креста, добавлялись новые элементы, другие фигуры приобретали новые очертания либо меняли расположение. Эволюции геральдической символики на монетах Корибут-Дмитрия Ольгердовича князя Новгород-Северского, родоначальника рода Вишневецких посвящена одна из работ В. Н. Рябцевича [28]. На печати Федьки Ивановича Несвицкого в документе 1434 г. крест изображен с месяцем перекрещенными концами и месяцем рогами вбок вместо нижнего конца креста. Его внуки на документы 1461 г. ставили свои печати с простым крестом и месяцем рогами вниз, а также крестом с перекрещенными концами, подобным месяцем и 6-лучевой звездой [29]. Последний вариант герба «Корибут» окончательно сформировался в XVII в. и именно в таком виде представлен в гербе Брагина.

Еще один крест, в качестве составной части одной из основных фигур, включен в герб г. **Смолевичи** (рис. 40) (1998 г.). Первое упоминание об этом городе содержится в грамоте подчасшего Великого княжества Литовского Олехны Судимонтовича, датированной 1448 г. Его отец Судимонт Даргевич занимал в государстве весьма высокую должность и на документе 1434 г. сохранилась печать со знаком, включенным в современный герб Смолевич.

Аналоги этому знаку в белорусской родовой геральдике не известны. По своей конфигурации он напоминает клеймо, которое применялось в древности при межевании земли, лугов, леса, озер, речек, клеймении деревьев у бортников. Такие знаки были своеобразными семейными гербами, которыми обозначали личные вещи и орудия труда, принадлежность определенному хозяину. В XV—XVII вв. их использовали вместо подписей старосты крестьянских общин, в то время как представители привилегированного сословия обладали родовыми гербами, имевшими названия собственные.

В 30-е гг. XX в. белорусский исследователь М. С. Кацер в процессе экспедиционной деятельности проделал большую работу по сбору образцов народных орнаментов и предпринял попытку их систематизации и расшифровки. Наиболее древние памятники с руническими знаками, найденные на территории Беларуси, встречаются среди археологических предметов мезолитической эпохи.

В основе фигуры на смолевичском гербе — композиция из соединенных разных по величине треугольников, **креста** и дужки. Если сравнить подобные знаки, обнаруженные на территории Беларуси, с руническими письменами, можно обнаружить некоторое сходство между ними. Так, один из знаков рунического письма «Футарка» *Odal* (*Othal*, Одал, Одил, Отил — встречающиеся названия руны. — М. Е.) символизирует родину, родной дом, автономию [30]. В некоторых источниках эта руна символизирует врожденные качества, определяющие характер. Старонорвежское слово «одал» означает «право собственности». И не только материальное, но и духовное. Наши врожденные качества приобретаются от духовных предков, т. е. из прошлых жизней. Эти таланты и способности, запечатленные в Душе и внутренне присущие нашему «я», принадлежат нам по праву.

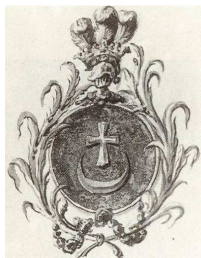
К сожалению, семантическое толкование знака Судимонта Даргевича, который состоит из весьма похожего на рунический знак символа, увенчанного равноконечным крестом и имеющего справа фигуру в виде месяца рогами вверх, пока остается дискуссионным.

В заключение еще раз подчеркну, что крест во всем его многообразии весьма широко представлен как в исторических, так и современных гербах, которые ныне составляют единый комплекс территориальной геральдики Беларуси.

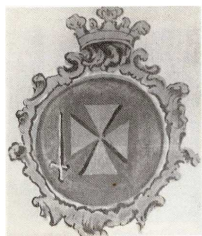
1

2

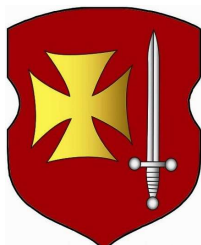
3

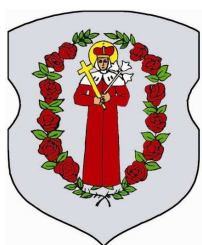
4

5

6

7

8

9

10

11

12

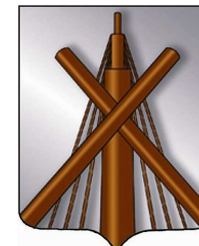
13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

1. Велиж
2. Орша
3. Кричев
4. Орша
5. Кричев
6. Ружаны
7. Гродно
8. Цирин
9. Липнишки
10. Верхнедвинск
11. Лепель
12. Минск
13. Быхов
14. Чаусы

15. Бобруйск
16. Сенно
17. Лунинец
18. Мядель
19. Яновичи
20. Глубокое
21. Березовка
22. Костюковичи
23. Старые Дороги
24. Дзержинск
и Дзержинский р-н
25. Барань
26. Октябрьский
27. Молодечно

28. Стрешин
29. Гомельская обл.
30. Дрибин
31. Круглое
32. Кличев
33. Наровля
34. Чашники
35. Лиозно
36. Ельск
- 37.орма
38. Брагин
39. Заславль
40. Смолевичи

Литература

1. Современное развитие территориальной геральдики и ее исторические истоки автор рассматривает в серии статей, опубликованных, в частности, в журнале «Архивы и делопроизводство». См., напр.: Елинская, М. М. Геральдический совет при Президенте Республики Беларусь и проблемы сохранения национального историко-геральдического наследия / М. М. Елинская // Программа ЮНЕСКО «Память мира»: деятельность библиотек, архивов, музеев по сохранению документального наследия: Материалы международной конференции, Минск, 30 ноября — 1 декабря 2006 г. / Национальная библиотека Беларуси; Сост. Г. В. Киреева. — Минск: Красико-Принт, 2007. — 176 с. — С. 64—70; Она же. Основные художественно-геральдические направления в развитии современной официальной символики Беларуси / М. М. Елинская // Архивы и делопроизводство. — 2008. — № 6. — С. 114—119; Она же. Роль Геральдического совета в сохранении исторической символики и геральдики Беларуси / М. М. Елинская // Архивы и делопроизводство. — 2006. — № 6. — С. 108—111; Она же. Основные принципы выбора геральдических сюжетов для новых территориальных гербов Беларуси / М. М. Елинская // Архивы и делопроизводство. — 2006. — № 5. — С. 117—121.
2. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / Авт.-сост.: В. Андреева и др. — М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2004. — С. 257—263; Бидерман, Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем. / Общ. ред и предисл. Свенцицкой И. С. — М.: Республика, 1996. — С. 132—134; Похлебкин, В. В. Словарь международной символики и эмблематики / В. В. Похлебкин. — М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. — С. 210—215; Лукомский, В. К., Типольт, Н. А. Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов / В. К. Лукомский, Н. А. Типольт. — Петроград: Изд-во Императорского общества поощрения художеств, 1915. — С. 28—29. — Табл. VI, VII.
3. Слейтер, С. Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия / Пер. И. Жлинской / С. Слейтер. — М.: Изд-во «Эксмо», 2005. — 74 с.
4. Энциклопедический словарь. Т. VIII / Издатели: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Санкт-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1892. — С. 462.
5. Цітоў, А. Геральдыка беларускіх местаў / А. К. Цітоў — Мінск: Польшыма, 1998. — С. 143, 178, 210.
6. Lietuvos heraldika. — Vilnius: «Baltos lankos», 2001. — S. 173—175.
7. Там же. См. таблицу «Главнейшие типы геральдических крестов», № 43.
8. Лакьер, А. Б. Русская геральдика / А. Б. Лакьер // М.: Книга, 1990. — С. 219—222.
9. Полное собрание законов Российской империи за 1649—1900 гг. Собрание 1-е. — СПб., 1830. — Т. XXII. — № 16188.
10. Соболева, Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. / Н. А. Соболева. — М.: Наука, 1980. — С. 103.
11. Там же. — С. 85.
12. Винклер, фон П. П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное Собрание законов. Репринтное воспроизведение издания 1899 года / П. П. фон Винклер. — СПб.: Планета, 1990. — С. 142.
13. Борисов, И. В., Козина, Е. Н. Геральдика России / И. В. Борисов, Е. Н. Козина. — М.: АСТ: Астрель, 2005. — С. 86.
14. Винклер, фон П. П. — Указ. соч. — С. 117.

15. Там же. — С. 23.
16. Герб Адельска не был учрежден указом императора и существует только как проект в материалах Герольдии в Российском государственном историческом архиве. См.: Цітоў А. — Назв. твор. — С. 105.
17. Ткачоў, М. Мядзельскі замак / М. Ткачоў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. — Мінск: «Беларуская энцыклапедыя» імя Пятруся Броўкі», 1999. — Т. 5. — С. 246.
18. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Рэд. кал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) і інш. — Мінск: Бел. Сав. Энцыклапедыя, 1985. — С. 383.
19. Лакьер, А. Б. — Указ. соч. — С. 254.
20. Górzyński, S., Kochanowski, J. Herby szlachty polskiej / S. Górzyński, J. Kochanowski — Warszawa. Wyd-wo Uniwersytetu Warszawskiego i Wyd-wa ALFA, 1994. — S. 134.
21. Chrząński, J. Tablice odmian herbowych Chrząńskiego. Wydał Juliusz UR: Ostrowski. — Warszawa, 1909. — Tabl. XIII.
22. Лакьер, А. Б. — Указ. соч. — С. 284.
23. Górzyński, S., Kochanowski J. — Op. cit. — S. 77.
24. См., напр., Рыбаков, Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // Советская археология. — 1940. — Кн. VI. — С. 230; Янин, В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — 1956. — Вып. 62. — С. 16; Молчанов, А. А. Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков // Проблемы истории СССР. — Т. IV. — М., 1974; Ершевский, Б. Д. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология // Вспомогательные исторические дисциплины. — 1985. — Вып. 19. — С. 36—57.
25. Каменцева, Е. И., Устюгов, Н. В. Русская сфрагистика и геральдика / Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. — М.: Высшая школа, 1974. — С. 43.
26. Рабцэвіч, В. Н. Срэбранік / В. Н. Рабцэвіч. Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыкл. / Бел. Энцыкл.; Рэд. кал.: В. В. Гетаў і інш. — Мінск: БелЭн, 1993. — С. 584—585.
27. Казаков, Е. П., Белецкий, С. В. Костяная рукоять из раскопок Измерского поселения и генеалогия лично-родовых знаков полоцких Рюриковичей X—XI вв. / Е. П. Казаков, С. В. Белецкий // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова / Под ред. А. Н. Кирпичникова, В. Н. Седых. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. — С. 73—77.
28. Рябцевич, В. Н. О монетах Новгород-Северского и Стародубского уделов Великого княжества Литовского (последняя четверть XIV в.) / В. Н. Рябцевич // Средневековая нумизматика Восточной Европы. — Вып. 2. — М.: Древлехранилище, 2007. — С. 138—159.
29. Пазнякоў, В. «Карыбут» // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. — Мінск: «Беларуская энцыклапедыя» імя Пятруся Броўкі, 1997. — Т. 4. — С. 131.
30. Полная энциклопедия символов / Сост. В. М. Рошаль. — М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. — С. 219.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 30.03.2010

*А. Б. Жайворонек***ИСТОЧНИКИ ПО СТАНОВЛЕНИЮ МНОГОПАРТИЙНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

За последнее время в Республике Беларусь вопросы многопартийности изучаются достаточно активно. Можно с уверенностью сказать, что по этим проблемам создана определенная источниковая база, в которой следует выделить четыре основные группы:

- 1) законодательная (Конституция РБ, законы и др.);
- 2) материалы политических партий (Программы, Уставы, отчеты съездов и др.);
- 3) партийные издания («Наша воля», «Вестник БНФ», «Слово» и др.);
- 4) периодическая республиканская печать (республиканские газеты и журналы, где освещаются проблемы многопартийности — «Республика», «Советская Беларусь», «Беларускі гістарычны часопіс» и др.).

В Национальном архиве Республики Беларусь также создано несколько фондов, где собраны материалы, отражающие деятельность политических партий Беларуси. Это фонд № 508, содержащий дела либеральных и либерально-демократических партий, фонд № 1434, в котором имеются данные о БНФ, фонд № 25 с информацией о состоянии дел коммунистических партий и ряд других. Сложность работы с этой категорией источников заключается в том, что не все белорусские партии своевременно и в полном объеме сдавали свои дела в архив, либо вообще не делали этого. Поэтому многие сведения об их деятельности носят бессистемный, отрывочный характер. Дополнять эту информацию приходится анализом материалов различных периодических изданий, в том числе и зарубежных, а также изучением публицистических статей лидеров этих партий. Но специфика этих источников не позволяет воспроизвести правдивую, реальную картину становления многопартийности в Беларуси.

Предложенный в данной статье материал собран и систематизирован автором с учетом всех указанных особенностей его получения и научного анализа.

Ключ к пониманию сущности возникновения и эволюции партийной системы Беларуси лежит в особенностях общественно-политического развития страны конца 80-х гг. прошлого столетия. Так, если по уровню социально-экономического развития Беларусь находилась на уровне стран Балтии, то по степени готовности восприятия идей гражданского общества и независимого национального государства — пожалуй, на одном из самых последних мест среди республик бывшего СССР. Количественные и качественные изменения населения страны, произошедшие в результате массовых репрессий и чисток, а также в период Второй мировой войны, привели не только к необратимым институциональным изменениям в образе жизни людей, но и к частичной потере ими национальной идентичности. Руководящую роль Коммунистичес-

кой партии и советскую власть подавляющее большинство простых граждан, управленческая элита, значительная часть технической и творческой интеллигенции воспринимали не как нечто чуждое Беларуси, а как неотъемлемую часть ее собственной истории. Представители силовых структур (КГБ, МВД, Советской Армии) не чувствовали на себе, в отличие, например, от своих коллег в Литве, плохо скрываемого пренебрежения и неприязни по национальному признаку со стороны коренного населения. Правящая номенклатура, сильно разбавленная после 1945 г. мигрантами, не обладая опытом самостоятельного государственного управления в независимой стране, не представляла своего существования без «указующего перста Москвы». «Советские» белорусы на просторах бывшего СССР были самыми советскими людьми, даже, пожалуй, более советскими, чем русские.

В 60—70-е гг. по темпам урбанизации с Беларусью не могла сравниться ни одна республика СССР. Подавляющее большинство населения городов являлось горожанами в первом поколении и не успело в полной мере адаптироваться к городу и городской культуре. Оторванность от прежней среды обитания и прежнего образа жизни способствовала предрасположенности таких горожан к восприятию популизма, обещаний о необходимости наведения порядка при помощи административных методов. Добиться улучшения своей жизни они хотели не путем достижения свободы, демократии и рынка, а посредством нового передела власти [7, с. 24].

И все же в условиях общественного подъема конца 80-х гг. XX в. казалось, что демократизация общественной жизни и политическое развитие Беларуси пойдут по пути, схожему со странами Балтии. Многие политики полагали, что если и будет какое-то отставание, то во временном плане оно будет очень незначительным. Действительно, первая массовая политическая организация — Белорусский народный фронт — возникла у нас примерно в то же время, что и в странах Балтии, и в своей деятельности ставила схожие цели и задачи. Однако в странах Балтии народные фронты (движения), опиравшиеся на поддержку национальной управленческой номенклатуры и объединявшие людей разных идеологических предпочтений, смогли на первом этапе сыграть роль тарана в борьбе с коммунистической тиранией и советской оккупацией. Затем они утратили свое значение влиятельной политической силы, но явились основой возникновения политических партий — национальных, консервативных, христианско-демократических, либеральных, социал-демократических и т. п. В Беларуси этого не произошло и, видимо, не могло произойти в силу указанных особенностей общественно-политического развития страны.

Возникшие в начале 90-х гг. партии демократического направления оказались слабее аналогичных партий стран Балтии. Причина этого, как уже говорилось, заключалась не только в ограничительной и запретительной политике властей, но и в «советскости» рядовых, среднестатистических

белорусских граждан, которые в большинстве своем были не готовы воспринять и поддержать идеи и ценности открытого общества, национального государства. Кроме того, фактором, сдерживающим самостоятельное развитие политических партий, являлось доминирующее положение БНФ на политической арене и после августовского путча 1991 г. БНФ не желал «растворяться» в политических партиях или преобразовываться в одну из них, не доверял им и считал себя единственным последовательным защитником независимого государства и национально-культурного возрождения страны. Поэтому он относился к партиям демократического направления как к неравноправным партнерам по борьбе с существующей властью, пытаясь навязать им свои правила игры [8, с. 90].

Вместе с тем, политические партии, осознавая свои подлинные и мнимые слабости, испытывали своеобразный комплекс неполноценности по поводу неумения привлекать граждан в свои ряды и вести реальную политическую борьбу. Поэтому они не спешили дистанцироваться и, тем более, порывать с БНФ, хотя многие из них считали себя в качестве «третьей силы» и стремились проводить политику равноудаленности от прокоммунистического правительства В. Ф. Кебича и БНФ.

Перечисленные факторы привели к тому, что в начале 90-х гг. все негосударственные политические силы разделились пополам: с одной стороны, БНФ, игравший самую заметную роль в политической жизни страны, с другой — политические партии различных идеологических направлений, организационно не связанные с БНФ и не во всем поддерживающие его политику.

Причина возникновения подобной ситуации заключалась в том, что БНФ и политические партии по-разному оценивали существовавшую политическую ситуацию 1991—1996 гг. БНФ в своей деятельности фактически исходил из тезиса о том, что в стране отсутствовала законно избранная власть, а реально существовавшая проводила антinationальную политику. Поэтому он не рассматривал себя в качестве политической силы, интегрированной в существовавшую тогда политическую систему, и считал, что все демократы сообща, единым фронтом должны бороться с антинародным режимом, что есть только две противостоящие друг другу силы: власть и объединенная оппозиция, во главе которой должен стоять БНФ. Конечно же, нельзя сказать, что в те годы существовала демократическая система, которая обеспечивала равные правила игры для конкурирующих политических сил в борьбе за власть. Тем не менее, у демократических сил имелись возможности для политической борьбы в рамках существовавших тогда демократических институтов. И те партии, которые не хотели идти под «крышу» БНФ, полагали, что жесткое противостояние власти, деление политических сил по принципу «черное-белое» сужает электоральную базу демократических сил и отталкивает от демократов возможных сторонников из числа хозяйственной и управ-

ленческой элиты. Отсюда и стремление рассматривать себя в качестве «третьей силы», против чего так резко и выступал БНФ. Вместо того чтобы достигнуть соглашения со всеми менее радикально настроенными союзниками по демократическому лагерю, БНФ вел борьбу как с партиями, так и с отдельными личностями, например, С. С. Шушкевичем. Впоследствии (в 1996 г.) это явилось одной из причин поражения оппозиции [7, с. 31].

Провозглашенная в 1985 г. генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым перестройка способствовала появлению признаков политической дифференциации в советском обществе, развитию политического плюрализма и демократии.

Это стимулировало возникновение различных политических организаций и возрождение либерального движения, которое к началу 1990-х гг. приобрело откровенно прозападнический характер. Тогда большинству «новых либералов» казалось, что стоит лишь заменить планово-директивную экономику рыночной, а монополию КПСС на власть многопартийностью и политическим плюрализмом, как все в стране встанет на свои места и будет развиваться исключительно благоприятно для всех.

В связи с тем, что в стране был полный дефицит как продовольственных, так и промышленных товаров, ведущей темой многих возникающих политических объединений стало создание рыночной экономики с целью насыщения товарами потребительского рынка.

В это время начали возникать различные неформальные организации, объединения и клубы, которые критиковали находящуюся в кризисном состоянии правящую Компартию Беларуси, а также существовавший в доперестроечное время режим. Обширным было движение, в котором различные политические объединения своей целью ставили возрождение белорусской нации, национального самосознания белорусов, культуры и языка, а также достижение реального суверенитета своей республики. Их были десятки, а может быть и больше. Активно действовали сообщества «Майстроўня», «Галака», «Тутэйшыя» и др. Они и стали предшественниками возникавших партий.

В марте 1990 г. внеочередной III съезд народных депутатов бывшего СССР отменил ст. 6 Конституции. И этим была ликвидирована монополия КПСС на власть. В октябре этого же года был принят закон СССР «Об общественных объединениях». В соответствии с ним в республике началась регистрация политических партий. При этом в соответствии с «Временным положением о порядке образования и деятельности общественных объединений граждан БССР» (октябрь 1990 г.) для образования политической партии требовалось всего 100 человек учредителей (членов) [6, с. 18]. Весной 1991 г. были зарегистрированы первые 5 партий: Объединенная демократическая партия Беларуси; Белорусская крестьянская партия; Белорусская социал-демократическая громада; Национально-демократическая партия Беларуси; Белорусский Христианско-демократический союз.

Эти партии всемерно критиковали находящуюся у руководства республикой Компартию Беларуси, которая к этому времени исчерпала свой политический ресурс модернизации общества. При этом они щедро раздавали политизированному электорату обещания быстрыми темпами преобразовать на демократических началах общество, в короткие сроки реформировать экономику. Это только способствовало краху Коммунистической партии и советского государства.

После распада СССР началось настоящее «половодье» многопартийности, сравнимое с эффектом прорвавшейся плотины: много грохота и шума, но вращает ли этот грохочущий поток колесо общественного прогресса? Не является ли он разрушителем того, что создано предыдущими поколениями? Этот вопрос остается не совсем ясным как для самих политиков, так и для рядовых граждан, нынешних или потенциальных сторонников тех или иных партий. Одно лишь можно сказать, что такое бурное развитие многопартийности не способствует укреплению стабильности в обществе и в определенной мере ведет даже к его расколу.

В марте 1994 г. в республике было зарегистрировано 16 партий [8, с. 101]. В это время была принята новая Конституция Республики Беларусь, в которой впервые в конституционной истории белорусского государства был закреплен принцип политического плюрализма. Согласно ст. 4 Конституции «демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Идеология политических партий, религиозных и общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» [6, с. 4].

Важное значение для становления белорусской многопартийности имело принятие в октябре 1994 г. закона Республики Беларусь «О политических партиях», в котором был закреплен порядок образования и деятельности политических партий. По этому закону количество учредителей было увеличено до 500 и в соответствии с ним была проведена перерегистрация партий. К концу 1995 г. их числилось уже 34 [5, л. 42]. Но и в последующем партии продолжали расти, так как приближались выборы нового состава Верховного Совета Республики Беларусь 13-го созыва. В 1998 г. было зарегистрировано уже 41 политическая партия [5, л. 45]. Такой их рост можно объяснить, прежде всего, стремительным изменением мировоззрения различных слоев и групп населения, которые стремились выразить свои позиции в условиях демократизации жизни общества, реформирования политической системы и экономики страны. Поэтому спектр политических партий в белорусском обществе получился достаточно пестрым: патриотические и социалистические, коммунистические и социально-экономические, национально-демократические и социально-демократические, спортивные и др.

Можно сказать, что белорусское общество пока еще представляет в какой-то степени прототип многопартийности.

Плодотворен ли, эффективен ли институт многопартийности? Вопрос сложен и многогранен. Прежде всего следует уяснить, смог ли этот институт вписаться в подспудно действующую логику исторического процесса, в сложившиеся реалии белорусского общества? Ответ на этот вопрос непременно требует предварительного прояснения, насколько политические партии и движения способны сегодня оценить прошлое и настоящее, а также сформулировать видение будущего страны, оказавшейся на переломе эпох, в стадии перехода от одного состояния в другое? Без этой мировоззренческой самоориентации и ориентации своих сторонников ни одна политическая партия не вправе рассчитывать на какие-либо успехи в общественно-политической деятельности. Это, можно сказать, начало всех начал. Анализ программ действующих политических партий показывает, что наиболее близка к этому Коммунистическая партия Беларуси.

В конце 80-х гг. в некогда единых рядах коммунистов, в том числе и в Беларуси, появились свои собственные реформаторы-диссиденты. В Польше, Литве, некоторых других странах советского блока компартии постепенно эволюционизировали в социал-демократические партии европейского типа. В Беларуси, России и Украине дело ограничилось образованием только так называемых демократических платформ в КПСС, которые так и не стали основой для возникновения массовых политических партий левого толка, признающих ценности демократического общества. В Беларуси ни один из высокопоставленных членов партийного руководства так и не примкнул к коммунистам-реформаторам. Наоборот, 21 марта 1990 г. бюро ЦК КПБ приняло специальное секретное постановление № 86, в котором содержались рекомендации по борьбе со сторонниками Демплатформы. Движение сторонников реформирования КПБ—КПСС развивалось преимущественно на базе партийных организаций крупных предприятий, таких, как ПО «Горизонт», НПО «Интеграл», НИИ ЭВМ, НПО «Гранат» и ПО «Гомсельмаш» [1, л. 24].

24—25 марта 1990 г. в Минске состоялась Белорусская республиканская конференция сторонников Демократической платформы. На ней присутствовал 201 делегат, 175 приглашенных (в том числе и от БНФ) и 19 представителей СМИ. На конференции были приняты Декларация о целях и задачах Демплатформы, а также ряд резолюций с требованиями к руководству КПБ, в том числе о немедленной регистрации БНФ. Сторонники Демплатформы понимали, что КПБ неререформируема. Поэтому 27 июля 1990 г. избранный на Республиканской конференции Координационный совет принял решение об отделении от КПБ, возложив на себя полномочия организационного комитета по учреждению общественно-политической организации (партии) «Демократическая платформа Белоруссии». Однако руководство платформы понимало, что на базе КПБ не удастся создать массовую политическую организа-

цию. Поэтому в августе—сентябре 1990 г. было решено провести консультации с образованными вне рамок БНФ политическими партиями и группами демократического направления [2, л. 43].

Наиболее крупными и известными к тому времени белорусскими квази-партиями были: Демократическая партия (лидер — В. А. Афанасьев), Радикально-демократическая партия (лидер — Э. Г. Райко), действовавшие в Минске, а также Либерально-демократическая партия (лидеры — Н. П. Турчанов, Н. М. Самсонов, О. Т. Минаев), которая осуществляла свою деятельность в Минске и никакого отношения к ЛДПР В. Жириновского не имела. Кроме того, существовали еще две демократические партии с центрами в Бресте (лидеры — Г. И. Самойленко, С. Л. Элькин) и Гродно (лидеры — А. В. Лиопо, В. Л. Наумович, А. Чобат) и республиканская партия в Бресте.

В ходе консультаций выявились не только близость программных установок, в первую очередь их несоциалистический характер, но и общее стремление к созданию общереспубликанской политической организации. Все перечисленные партии рассматривали себя в качестве самостоятельных субъектов политической жизни, близких к БНФ, но организационно не входящих в него, для которых независимость государства являлась не самоцелью, а инструментальной задачей по отношению к правам человека, демократии и свободе.

13 октября 1990 г. в Минске прошла Объединенная конференция политических партий Минска и Минской области. Принятая на ней согласованная Декларация целей и принципов содержала положения, которыми необходимо было руководствоваться при разработке программы и устава будущей партии. На конференции из представителей различных политических партий был утвержден оргкомитет по подготовке объединительного съезда.

Объединительный съезд демократических партий и Демплатформы, носивший учредительный характер, прошел в Минске 3—4 ноября 1990 г. В его работе приняли участие 127 делегатов, представлявшие 1410 человек, а также народные депутаты СССР и БССР, многочисленные гости, представители средств массовой информации. Съезд прошел в обстановке бурных дебатов, особенно по проекту устава, который многим казался слишком либеральным, однако после значительной доработки в редакционной комиссии был принят большинством голосов. Вновь образованная партия получила название Объединенная демократическая партия Беларуси. Принятая на II съезде партии в ноябре 1991 г. Декларация основных целей и принципов провозгласила либерализм в качестве официальной партийной идеологии [3, л. 72].

Кроме несоциалистических партий и групп в Беларуси имелись и приверженцы социал-демократических ценностей, организационно оформившихся в 1990 г. вне рамок КПБ, Демплатформы и БНФ.

23 декабря 1990 г. в Минске, почти одновременно с опубликованием в газете «Литература и искусство» Заявления инициативного комитета по соз-

данию (возрождению) Громады, прошло Совещание представителей Социал-демократических групп и организаций Белоруссии, на котором было принято политическое заявление и решение создать в феврале—марте 1991 г. учредительный съезд Социал-демократической партии Беларуси. Обеспечить созыв съезда должен был образованный на Совещании республиканский комитет этой партии.

Однако попытки создать в 1989—1990 гг. достаточно сильную социал-демократическую партию оказались безуспешными. Движение за демократизацию КПБ, развернувшееся на уровне среднего звена партийного руководства, без поддержки высокопоставленных чиновников высшего ранга оказалось настолько слабым, что на базе Демплатформы была создана не социал-демократическая, а либеральная партия. К сожалению, в Беларуси партийная и управленческая элита не только в конце 80-х гг., но и после распада СССР в 1991 г. оказалась не готова к построению новой конфигурации власти, не стала своеобразным кадровым ядром и поставщиком кадров для создания новых политических партий. Своих Бразаускасов, Ельциных и Кравчуков в Беларуси не нашлось, и процесс возникновения и развития левых партий шел вне рамок КПБ. Поэтому среди делегатов учредительных съездов БНФ (в июне 1989 г.), ОДПБ (в ноябре 1990 г.) и БДСГ (в феврале 1991 г.) не было ни одного высокопоставленного чиновника Компартии. В отличие от других стран демократически настроенные интеллектуалы в Беларуси явились инициаторами образования как социал-демократических партий, так и партий несоциалистического направления. В будущем это предопределило отсутствие в политическом спектре страны массовых и сильных левых партий, которые могли бы отстаивать интересы людей, тяготеющих к уравнильным ценностям общества советского образца, как это произошло, например в Польше и Литве.

После краха мировой системы социализма в отдельных странах Центральной и Восточной Европы некоторые из вновь образованных партий провозгласили себя преемниками так называемых исторических партий, которые действовали в этих странах до конца 40-х гг. XX в. В Беларуси о подобной преемственности заявили БСДГ и Белорусская Христианско-демократическая злучность (БХДЗ).

Первые попытки создания БХДЗ относятся к 1990 г. Однако Учредительная конференция этой партии прошла только 1 июня 1991 г., а зарегистрирована БХДЗ была 16 декабря 1991 г. Возникшие позднее разногласия внутри партии, а также конфликт с руководством БНФ, в первую очередь с З. Пазыняком, вызвали организационный кризис, приведший к расколу БХДЗ и последующему фактическому прекращению ее деятельности.

Несмотря на попытки БНФ сдерживать процесс образования политических партий, 23—24 июня 1990 г. прошла Учредительная конференция Национально-демократической партии Беларуси. На конференции были приняты

Устав, а также Основные программные принципы. В то время НДПБ была единственной политической партией, которая в уставном порядке требовала от желающих вступить в ее ряды знание белорусского языка. НДПБ часто критиковала БНФ за нерешительность и недостаточность мер по защите белорусского языка и возрождению национальной культуры. Позднее внутри НДПБ возникли разногласия, приведшие к расколу этой партии и фактически к прекращению ее деятельности во второй половине 90-х гг.

Таким образом, по количеству возникших политических партий и групп Беларусь лишь незначительно отставала от других стран Центральной и Восточной Европы и республик бывшего СССР. К сожалению, количество не переросло в качество, и до августовского путча 1991 г. в республике не образовалось политической силы, которая в случае краха КПБ—КПСС сумела бы взять всю полноту власти в свои руки. Слабость политических партий, включая БНФ, была обусловлена тем, что в их рядах преобладала творческая и техническая интеллигенция, почти не было опытных управленцев высшего ранга и профессионалов-хозяйственников, способных без старой номенклатуры управлять страной [4, л. 61].

В отличие от других стран развитие политических партий в Беларуси на рубеже 80—90-х гг. проходило в обстановке гонений со стороны руководства КПБ—КПСС. Это тормозило процесс укрепления вновь образованных партий. Достаточно сказать, что свой Учредительный съезд БНФ в июне 1989 г. вынужден был провести в Вильнюсе.

Общезвестно, что выборы в законодательные и представительные органы власти являются хорошим средством для укрепления политических партий. Первые относительно демократические выборы в Беларуси прошли весной 1990 г. Однако в них смог принять участие только БНФ, так как на момент их проведения в Беларуси не было других реальных политических организаций и партий. Следующие выборы в Верховный и местные Советы состоялись только в мае 1995 г., причем проходили они уже в условиях кризиса между ветвями власти. Естественно, что столь длительное отсутствие в стране избирательных кампаний негативно сказалось на развитии политических партий. Но даже отсутствие в парламенте депутатов от той или иной партии, например БНФ, не свидетельствовало о том, что она не имела поддержки среди населения. Общее число избирателей, проголосовавших в 1995 г. по стране за БНФ, было равным почти миллиону человек [8, с. 132].

Мы часто утверждаем, что белорусские политические партии слабы. И не потому, что у них низкий рейтинг. Я считаю, что основными причинами их слабости являются:

во-первых, особенности правовой культуры и мышления населения. Люди в большинстве своем уповают не на закон, не на правовые процедуры решения своих проблем, а на силу власти, хотя одновременно ее же и боятся. Эта привычка, сформированная за десятилетия существования партий-

но-советского государства, вошла в плоть и кровь людей. Ни в 90-е гг., ни тем более сегодня партии не представлены во властных структурах, прежде всего, в исполнительных органах власти, и не обладают властными рычагами для решения насущных проблем людей. По этой причине люди не видят в существовании партий большой пользы, а посему и не обращают на них внимания. Этим объясняются низкие рейтинги политических партий;

во-вторых, Беларусь сегодня — президентская, а не парламентская республика. Институт Президента, беспартийный в своей основе, возвышает исполнительную и принижает законодательную власть, имеющую непосредственную связь с партиями. Это обстоятельство еще более усиливает стереотипы поведения населения по отношению к власти и партиям.

Несмотря на возможные притеснения, большинство номенклатуры считает, что существующий способ организации власти — административный — ей более выгоден, нежели парламентский, когда игра идет по общим и примерно одинаковым для всех правилам. Они прекрасно понимают, что сегодня карьеру на государственном поприще посредством деятельности в партии не сделаешь;

в-третьих, это отсутствие полноценной социальной базы для деятельности политических партий, обусловленное тем, что в стране не происходят институциональные изменения в сфере собственности. Доля государства в ВВП, как и в начале 90-х гг. составляет 75—80%. Искусственное торможение приватизации препятствует образованию слоя частных собственников, который был бы заинтересован в отстаивании и артикуляции своих интересов не только через исполнительные органы власти, но и через местные Советы, парламент и политические партии. Отсутствие в обществе полноценных политических свобод и гонения на негосударственные СМИ тормозят развитие институтов гражданского общества, поддерживают состояние атомизации общественных и политических интересов, мешают процессу самоорганизации общества в общественные организации и политические партии;

в-четвертых, это борьба органов исполнительной власти с помощью административных (постоянные регистрации, перерегистрации, предупреждения, аресты, запреты на проведение массовых мероприятий и т. п.), экономических (высокие ставки арендной платы за аренду офисов, штрафы активистам партий) и пропагандистских (необъективная информация государственных СМИ) методов с политическими партиями, открытое преследование людей по политическим мотивам за их принадлежность к политическим партиям.

Разумеется, наличие этих объективных обстоятельств объясняет многие причины слабости политических партий, но не умаляет и их собственных ошибок. К ним, в первую очередь, относятся: неумение анализировать политическую ситуацию; неспособность разрабатывать стратегию и тактику, которая бы опережала действия власти; мелочная борьба друг с другом

за укрепления позиций в демократическом лагере вместо объединения для решения важных политических задач; отсутствие системной работы с независимыми СМИ и эффективных программ по работе с молодежью, женщинами и пенсионерами; внутренние противоречия как следствие несоблюдения норм внутривнутрипартийной демократии; недостаточное внимание к созданию оргструктур в регионах и отсутствие системной работы с ними. Перечень ошибок, которые допускают партии, можно было бы продолжить. Но, пожалуй, главное, чего не хватает партиям, — это профессионализма, воли к победе и уверенности в своих силах.

Несмотря на то что строительство партийной системы, отвечающей стандартам цивилизованной Европы, было прервано ноябрьским референдумом 1996 г., есть все основания говорить о наличии в Беларуси специфической квазидвухпартийной системы. Ее особенность состоит в том, что в ней в качестве субъектов выступают, с одной стороны, не имеющая фиксированного членства «партия власти», а с другой — демократические партии, требующие восстановления в стране демократических институтов власти и проведения срочных экономических реформ.

Сегодня перед политическими партиями стоит сложная задача. После поражения на президентских выборах единого кандидата от широкой коалиции демократических сил им предстоит определить свою дальнейшую стратегию и тактику действий, выработать позицию в отношении новых выборов в органы государственной власти. В сложившейся ситуации следует сделать ставку на профессионализм и выдержку политических партий, их способность разработать такую программу действий, которая была бы принята и поддержана обществом.

Литература и источники

1. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 25. Оп. 3. Д. 11.
2. Там же. Д. 13.
3. Там же. Д. 14.
4. Там же. Оп. 5. Д. 3.
5. Там же. Д. 5.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). — Минск, 2004. — 48 с.
7. Государственность Беларуси. Проблемы формирования в программах политических партий. — Минск, 1999. — 364 с.
8. Политические партии: Беларусь и современный мир. — Минск, 2009. — 368 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 14.04.2010

Я. С. Мальчэўскі

СКЛАД СІСТЭМЫ ПАТЭНТАВАЙ ДАКУМЕНТАЦЫІ

Патэнтавая дакументацыя з'яўляецца важнай крыніцай інфармацыі аб узроўні і тэндэнцыях развіцця навукі і тэхнікі, вынаходніцкай і дызайнерскай актыўнасці юрыдычных і фізічных асоб, зарэгістраваных таварных знаках, аб'ёме выключных правоў на аб'екты прамысловай уласнасці і інш. як на сучасным этапе, так і ў гістарычным даляглядзе. У адпаведнасці з арт. 12 Парыжскай канвенцыі па ахове прамысловай уласнасці, у якой Рэспубліка Беларусь удзельнічае з 25.12.1991 г., кожная краіна Саюза па ахове прамысловай уласнасці (утвораны паводле арт. 1 Парыжскай канвенцыі) абавязваецца стварыць цэнтральнае сховішча для азнаямлення грамадскасці з патэнтамі на вынаходствы, карыснымі мадэлямі, прамысловымі ўзорамі і таварнымі знакамі [1].

Агульнадзяржаўным класіфікатарам Рэспублікі Беларусь «Уніфікаваныя дакументы» прадугледжваецца распрацоўка ўніфікаванай сістэмы дакументацыі па вынаходствах і адкрыццях [2, с. 8]. Адкрыцці не ўваходзяць у склад сістэмы прамысловай уласнасці ў цяперашні час і таму не рэгіструюцца. Удасканаленне нацыянальнай патэнтавай сістэмы прадугледжвае стварэнне эфектыўнай сістэмы дакументацыйнага забеспячэння афармлення дзяржаўнай рэгістрацыі ўсяго комплексу аб'ектаў прамысловай уласнасці, не абмяжоўваючыся толькі вынаходствамі. Паводле Грамадзянскага кодэксу Рэспублікі Беларусь да аб'ектаў прамысловай уласнасці адносяцца вынікі творчай дзейнасці: вынаходствы, карысныя мадэлі, прамысловыя ўзоры, селекцыйныя дасягненні, тапалогіі інтэгральных мікрасхем, нераскрытая інфармацыя, у тым ліку сакрэты вытворчасці (ноу-хау) і прыраўнавання да іх сродкі індывідуалізацыі ўдзельнікаў грамадзянскага абарачэння, тавараў і паслуг: фірменныя найменні, таварныя знакі і знакі абслугоўвання, геаграфічныя ўказанні [3].

Неабходна адзначыць, што спецыяльныя даследаванні, прысвечаныя сістэме патэнтавай дакументацыі ў Беларусі, у сучасны момант адсутнічаюць. Айчынным навукоўцам ў сваіх працах асвятляюць у асноўным правыя і эканамічныя аспекты патэнтавага права. Для прыкладу С. А. Сударыкаў у сваёй фундаментальнай манаграфіі «Інтэлектуальная ўласнасць» толькі павярхоўна закранае пытанні ролі і прызначэння ахоўных дакументаў у патэнтавай сістэме [4, с. 343]. З беларускіх даследчыкаў трэба вылучыць В. І. Кудашова. Патэнтавая дакументацыя разглядаецца ім перш за ўсё ў якасці крыніцы патэнтавай інфармацыі. Таму да патэнтавых дакументаў ён адносіць афіцыйныя выданні (напр., афіцыйныя бюлетэні). Аўтар характарызуе патэнтавую дакументацыю як самастойны спецыяльны від навукова-тэхнічнай дакументацыі, якая мае шэраг асаблівасцей [5, с. 132]. Даволі глыбока пытанні развіцця права прамысловай уласнасці і патэнтавай дакументацыі асвятляюцца ў працах савецкіх і расійскіх даследчыкаў [6—9].

Мэтай нашага даследавання з'яўляецца ўсебаковы аналіз кампанентаў сістэмы патэнтавай дакументацыі і ўзаемасувязей паміж імі.

Патэнтавыя дакументы ўтвараюцца ў працэсе ажыццяўлення функцыі дзяржаўнай рэгістрацыі аб'ектаў прамысловай уласнасці (патэнтавання). Сістэма патэнтавай дакументацыі з'яўляецца спецыяльнай сістэмай дакументацыі з унікальным складам дакументаў (г. зн., што ступень пранікнення ў сістэму патэнтавай дакументацыі іншых сістэм дакументацыі мінімальна). Характэрнай асаблівасцю патэнтавых дакументаў выступае спалучэнне розных відаў інфармацыі: прававой, навукова-тэхнічнай, знакава-графічнай.

Асноўнымі групамі афіцыйных дакументаў, якія ўтвараюцца ў працэсе дзяржаўнай рэгістрацыі патэнтаздольных вынікаў інтэлектуальнай дзейнасці з'яўляюцца:

— заяўкі (камплекты заявочных дакументаў) на атрыманне ахоўных дакументаў на аб'екты прамысловай уласнасці (рэгістрацыю аб'ектаў) і дакументы па іх разгляду;

— дакументаваная інфармацыя дзяржаўных рэестраў аб'ектаў прамысловай уласнасці і дакументы па ўнясенні змяненняў у дзяржаўныя рэестры;

— ахоўныя дакументы на аб'екты прамысловай уласнасці (патэнты, пасведчанні).

Заяўка на выдачу патэнта на вынаходства, карысную мадэль, прамысловы ўзор, сорт расліны, а таксама на выдачу сведчання на тапалогію інтэгральнай мікрасхемы, таварны знак (знак абслугоўвання), найменне месца паходжання тавара павінна адносіцца да аднаго вынаходства, карыснай мадэлі, прамысловага ўзору, сорту расліны, тапалогіі інтэгральнай мікрасхемы, таварнага знака (знака абслугоўвання), наймення месца паходжання тавару ці групы вынаходстваў, карысных мадэляў ці прамысловых узораў, звязаных паміж сабой настолькі, што яны ўтвараюць адзіную вынаходніцкую ці творчую задуму [10—14].

Заяўка на вынаходства і карысную мадэль павінна ўключаць: заяву аб выдачы патэнта з указаннем аўтара (сааўтараў) вынаходства ці карыснай мадэлі і асобы, на імя якой просіцца патэнт, а таксама іх месца жыхарства ці знаходжання; апісанне вынаходства ці карыснай мадэлі, якое раскрывае яго з паўнотай, дастатковай для ажыццяўлення вынаходства ці карыснай мадэлі; формулу, якая выяўляе сутнасць вынаходства ці карыснай мадэлі і заснавана на апісанні; чарцяжы і іншыя матэрыялы, неабходныя для разумення сутнасці вынаходства ці карыснай мадэлі; рэферат [11]. Паводле формулы вызначаецца аб'ём прававой аховы вынаходства і карыснай мадэлі.

Крыху адрозніваецца ад гэтага склад дакументаў заяўкі на прамысловы ўзор, што абумоўлена сутнасцю і прызначэннем прамысловых узораў. У заявочных матэрыялах на прамысловы ўзор уваходзяць: заява аб выдачы патэнта з указаннем аўтара (сааўтараў) прамысловага ўзору і асобы, на імя якой просіцца патэнт, а таксама іх месца жыхарства ці знаходжання; камплект графіч-

ных малюнкаў; апісанне прамысловага ўзору, якое ўключае істотныя яго прыкметы; чарцёж агульнага віду вырабу, калі ён з'яўляецца неабходным для раскрыцця сутнасці прамысловага ўзору [11]. Аб'ём прававой аховы прамысловага ўзору вызначаецца камплектам графічных малюнкаў.

Разам з заяўкай на атрыманне патэнта на аб'ект патэнтавага права ці на працягу двух месяцаў з даты паступлення заяўкі ў орган патэнтавання падаецца дакумент, які пацвярджае выплату пошліны.

Паводле арт. 10 Закона «Аб патэнтах на сарты раслін» заяўка на выдачу патэнта на сорт расліны ўключае заяву аб выдачы патэнта па форме, якая зацверджана патэнтавым ведамствам, і запоўненую анкету сорту, форма якой зацверджана патэнтавым ведамствам [12]. Цікава, што дакумент, які пацвярджае выплату пошліны за падачу заяўкі на сорт расліны, у адрозненне ад іншых аб'ектаў патэнтавага права ўключаецца ў склад заяўкі.

Заяўка на рэгістрацыю тапалогіі інтэгральнай мікрасхемы павінна ўтрымоўваць наступныя дакументы: заяву аб выдачы пасведчання з указаннем асобы ці асоб, на імя якой ці якіх просіцца пасведчанне, а таксама аўтара, калі ён не адмовіўся быць паказаным у якасці такога, іх месца жыхарства ці знаходжання, даты першага выкарыстання тапалогіі, калі яно мела быць; дэпануемыя матэрыялы; рэферат [14].

У склад камплекта заявочных дакументаў на рэгістрацыю таварнага знака (знака абслугоўвання) уваходзяць: заява аб рэгістрацыі пазначэння ў якасці таварнага знака з указаннем заяўніка, а таксама яго месцазнаходжання ці месцажыхарства; пазначэнне, якое заяўляецца; пералік тавараў і паслуг, для якіх просіцца рэгістрацыя, згрупаваных па класах Міжнароднай класіфікацыі тавараў і паслуг для рэгістрацыі знакаў. У выпадку калі заяўка падаецца на калектыўны знак, да заяўкі прыкладаецца палажэнне аб калектыўным знаку [13].

Паводле арт. 4 Закона Рэспублікі Беларусь «Аб геаграфічных указаннях» заяўка на рэгістрацыю наймення месца паходжання тавару павінна ўключаць: заяву аб рэгістрацыі і падаванні права карыстання найменнем месца паходжання тавару альбо аб падаванні права карыстання ўжо зарэгістраваным найменнем месца паходжання тавару з указаннем заяўніка (заяўнікаў), а таксама яго (іх) месцазнаходжання або месцажыхарства; пазначэнне, якое заяўляецца; указанне тавару, для пазначэння якога просіцца рэгістрацыя і падаванне права карыстання найменнем месца паходжання тавару альбо падаванне права карыстання ўжо зарэгістраваным найменнем месца паходжання тавару, з указаннем месца яго вытворчасці (межаў геаграфічнага аб'екта); апісанне адмысловых уласцівасцей тавару [10].

Да заяўкі на рэгістрацыю тапалогіі інтэгральнай мікрасхемы, таварнага знака (знака абслугоўвання), наймення месца паходжання тавару прыкладаецца дакумент, які пацвярджае выплату пошліны.

Поўнае афармленне заявак з'яўляецца размеркаваным і ўключае два этапы.

На першым этапе заявчыя дакументы афармляюцца заяўнікам ці патэнтавым павераным і падаюцца ў патэнтавы орган. Паводле заканадаўства запаўненне апошняй графы заявы «Подпіс(ы)» з указаннем даты падпісання абавязкова ва ўсіх выпадках [15—21]. Заява на выдачу патэнта на аб'ект патэнтавага права павінна быць падпісана заяўнікам альбо патэнтавым павераным. Ад імя юрыдычнай асобы заява падпісваецца кіраўніком гэтай юрыдычнай асобы альбо асобай, упаўнаважанай на гэта, указваецца пасада асобы, якая падпісвае, і подпіс змацоўваецца пячаткай.

Другі этап афармлення заявак на аб'екты прамысловай уласнасці ажыццяўляецца ў патэнтавым органе. Заяўка, якая паступіла ў патэнтавы орган, рэгіструецца ў адпаведным журнале рэгістрацыі шляхам прысваення рэгістрацыйнага нумара і прастаўлення даты паступлення. Рэгістрацыйны нумар заяўкі на аб'ект патэнтавага права складаецца з лацінскай літары і васьмі лічбаў (першыя чатыры лічбы пазначаюць год падачы заяўкі, чатыры астатнія лічбы — парадкавы нумар заяўкі ў серыі дадзенага года). Графы бланка заявы на аб'ект прамысловай уласнасці, размешчаныя над словам «Заяўка», запаўняюцца ў патэнтавым органе.

Аналіз складу камплектаў заявчых дакументаў дазваляе сцвярджаць аб адзінстве структуры і юрыдычнага прызначэння заявак на розныя аб'екты прамысловай уласнасці. Базавымі структураўтваральнымі дакументамі кожнай заяўкі з'яўляюцца: 1) заява, у якой выяўляецца жаданне заяўніка зарэгістраваць вынік інтэлектуальнай дзейнасці, 2) дакументы, якія раскрываюць сутнасць меркаванага аб'екта права прамысловай уласнасці. У залежнасці ад віду аб'екта патэнтавага права ў склад камплектаў заявчых дакументаў уваходзяць іншыя дакументы, калі яны неабходныя для разумення сутнасці меркаванага аб'екта патэнтавага права.

Заява і дакументы, якія раскрываюць сутнасць меркаванага аб'екта прамысловай уласнасці, утвараюць аснову сістэмы заяўкі, эмерджэнтнай уласцівасцю якой з'яўляецца спалучэнне прававой і навукова-тэхнічнай інфармацыі для вынаходстваў, карысных мадэляў, сартоў раслін, прававой і знакава-графічнай інфармацыі для прамысловых узораў, таварных знакаў і знакаў абслугоўвання, найменняў месцаў паходжання тавару, тапалогій інтэгральных мікрасхем, ні адна з якіх не дамінуе.

Лучнасць прававой і навукова-тэхнічнай інфармацыі, прававой і знакава-графічнай інфармацыі камплектаў заявчых дакументаў абумоўлена іх узаемазалежнасцю ў вырашэнні задачы патэнтавання вынікаў інтэлектуальнай дзейнасці. Юрыдычнае прызначэнне заявы выяўляецца ў хадайніцтве аб рэалізацыі права юрыдычнай ці фізічнай асобы на атрыманне выключных правоў на вынікі інтэлектуальнай дзейнасці, а дакумент, які раскрывае сутнасць меркаванага аб'екта прамысловай уласнасці, вызначае аб'ект і аб'ём прававой аховы.

Па заяўках, якія паступілі ў патэнтавы орган, праводзіцца экспертыза і прымаецца рашэнне аб выдачы ахоўнага дакумента на аб'ект прамысловай уласнасці (рэгістрацыі аб'екта) ці аб адмове ў выдачы ахоўнага дакумента (рэгістрацыі аб'екта). Дакументаваная інфармацыя заявак з'яўляецца асновай для падрыхтоўкі і выдання ахоўных дакументаў на аб'екты прамысловай уласнасці, афіцыйных выданняў і фарміравання інфармацыйных рэсурсаў патэнтавага органа.

Дзяржаўная рэгістрацыя аб'ектаў права прамысловай уласнасці ажыццяўляецца ў адпаведных дзяржаўных рээстрах Рэспублікі Беларусь. Элементамі дзяржаўных рээстраў з'яўляюцца рэгістрацыйныя лісты. Вядзенне дзяржаўных рээстраў аб'ектаў прамысловай уласнасці прадугледжвае занясенне звестак патэнтавым органам аб аб'ектах прамысловай уласнасці, на якія выдадзены ахоўныя дакументы, у лісты адпаведных дзяржаўных рээстраў і занясенне ў запісы дзяржаўных рээстраў змен і дадаткаў.

Падставай для занясення звестак аб вынаходствах, карысных мадэлях, прамысловых узорах, сартах раслін, тапалогіях інтэгральных мікрасхем у адпаведных дзяржаўных рээстры з'яўляецца рашэнне Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці аб выдачы ахоўнага дакумента. Звесткі аб таварных знаках (знаках абслугоўвання) і найменнях месцаў паходжання тавараў заносіцца адпаведна ў Дзяржаўны рээстр таварных знакаў і знакаў абслугоўвання і ў Дзяржаўны рээстр найменняў месцаў паходжання тавараў пасля прыняцця рашэння аб рэгістрацыі таварнага знака (знака абслугоўвання), аб рэгістрацыі наймення месца паходжання тавару ці аб прадстаўленні права карыстання ўжо зарэгістраваным найменнем месца паходжання тавару.

Дзяржаўныя рээстры аб'ектаў прамысловай уласнасці з'яўляюцца рэспубліканскімі дзяржаўнымі інфармацыйнымі рэсурсамі і зарэгістраваны ў Дзяржаўным рэгістры інфармацыйных рэсурсаў Рэспублікі Беларусь. Гэта з'яўляецца цалкам абгрунтаваным, улічваючы тое, што дзяржаўныя рээстры з'яўляюцца сродкамі фіксацыі і захоўвання інфармацыі аб усіх юрыдычна значных дзеяннях у сферы права прамысловай уласнасці. Вядзенне дзяржаўных рээстраў аб'ектаў прамысловай уласнасці ажыццяўляецца ў папяровым і электронным выглядзе. Пры несупадзенні даных у папяровай і электроннай формах прыярытэт мае дакументаваная інфармацыя папяровай формы.

Патэнт на вынаходства, карысную мадэль ці прамысловы ўзор выдаецца патэнтаўладальніку пасля публікацыі інфармацыі аб патэнце на вынаходства, карысную мадэль ці прамысловы ўзор [11]. Патэнт на сорт расліны выдаецца адначасова з публікацыяй звестак аб выдачы патэнта і рэгістрацыі сорту ў Дзяржаўным рээстры ахоўных сартоў раслін Рэспублікі Беларусь [12]. Пасведчанне на тапалогію інтэгральнай мікрасхемы ці найменне месца паходжання тавару выдаецца пасля занясення звестак аб тапалогіі ці найменні месца паходжання тавару ў адпаведны дзяржаўны рээстр [10, 14]. Выдача пасведчання на таварны знак ажыццяўляецца патэнтавым органам

на працягу аднаго месяца з даты рэгістрацыі таварнага знака ў Дзяржаўным рэестры таварных знакаў і знакаў абслугоўвання [13].

Патэнты на аб'екты прамысловай уласнасці і пасведчанне на тапалогію інтэгральнай мікрасхемы сведчаць аб аўтарстве, прыярытэце і выключным праве на вынікі інтэлектуальнай дзейнасці. Ахоўныя дакументы на таварны знак (знак абслугоўвання) і найменне месца паходжання тавару сведчаць аб прыярытэце і выключным праве на сродкі індывідуалізацыі тавараў і паслуг. Тэрмін дзеяння ахоўнага дакумента залежыць ад віду аб'екта патэнтавага права. Заканадаўствам вызначаны наступныя тэрміны дзеяння ахоўных дакументаў: патэнт на вынаходства — 20 гадоў з магчымасцю падаўжэння на 5 гадоў; патэнт на карысную мадэль — 5 гадоў з магчымасцю падаўжэння на 3 гады; патэнт на прамысловы ўзор — 10 гадоў з магчымасцю падаўжэння на 5 гадоў; патэнт на сорт расліны — 25 гадоў; пасведчанне на таварны знак, знак абслугоўвання, найменне месца паходжання тавару — 10 гадоў з магчымасцю перарэгістрацыі; пасведчанне на тапалогію інтэгральнай мікрасхемы — 10 гадоў [10—14].

Ахоўныя дакументы на аб'екты права прамысловай уласнасці афармляюцца на бланках, вырабленых друкарскім спосабам. Бланкі змяшчаюць словы «Рэспубліка Беларусь», адбітак Дзяржаўнага герба Рэспублікі Беларусь, назву віду дакумента, а таксама знакі нацыянальнага каларыту ў выглядзе абрысу контураў Рэспублікі Беларусь і нацыянальнага арнаменту.

Рэквізіты ахоўных дакументаў на аб'екты права прамысловай уласнасці афармляюцца на беларускай мове, за выключэннем наймення, прозвішча, уласнага імя і імя па бацьку (пры наяўнасці) праваўладальнікаў і аўтараў, назвы (наймення) аб'екта права прамысловай уласнасці, пераліку тавараў (паслуг), для якіх зарэгістраваны таварны знак, звестак аб асобах, што маюць права на выкарыстанне калектыўнага знака, якія могуць афармляцца на беларускай або рускай мове ў залежнасці ад таго, на якой мове была пададзена заяўка на выдачу патэнта (рэгістрацыю аб'екта права прамысловай уласнасці).

Аб'ём прававой аховы вынаходстваў, карысных мадэляў і сартоў раслін вызначаецца не ў адпаведных патэнтах, а ў апісаннях да іх. Паводле Палажэння аб афіцыйных выданнях Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці, зацверджанага пастановай Дзяржаўнага камітэта па навуцы і тэхналогіях Рэспублікі Беларусь ад 26 верасня 2005 г. № 12, апісанні вынаходстваў, карысных мадэляў і сартоў раслін да патэнтаў Рэспублікі Беларусь з'яўляюцца афіцыйнымі выданнямі патэнтавага органа [22]. Да патэнта на прамысловы ўзор дадаюцца графічныя малюнкi.

Базавымі кампанентамі сістэмы патэнтавай дакументацыі, якія адлюстроўваюць асноўныя этапы патэнтавання аб'ектаў прамысловай уласнасці, з'яўляюцца: 1) заяўкі на аб'екты прамысловай уласнасці і дакументы па іх разгляду; 2) дакументаваная інфармацыя дзяржаўных рэестраў аб'ектаў прамысловай уласнасці і дакументы па ўнясенні змяненняў у дзяржаўныя

рэестры; 3) ахоўныя дакументы на аб'екты прамысловай уласнасці. Поўнае афармленне заявак з'яўляецца размеркаваным і ўключае два этапы. Першы этап афармлення ажыццяўляецца заяўнікам (патэнтавым павераным), другі — патэнтавым органам. У патэнтавых дакументах спалучаюцца розныя віды інфармацыі: прававая, тэхнічная, знакава-графічная. Узаемасувязі паміж дакументамі сістэмы патэнтавай дакументацыі вызначаюцца зместам і структурай працэсу патэнтавання і выяўляюцца ў трансфармацыі першаснай патэнтавай інфармацыі заявак на аб'екты права прамысловай уласнасці ў другасную патэнтавую інфармацыю дзяржаўных рэестраў і ахоўных дакументаў (у тым ліку дакументаў, якія вызначаюць аб'ём прававой аховы).

Крыніцы і літаратура

1. Парижская конвенция по охране промышленной собственности // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
2. ОКРБ 010-95. «Унифицированные документы». — Минск: Белстандарт, 1997. — 15 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
4. Судариков С. А. Интеллектуальная собственность / С. А. Судариков. — М.: Издательство деловой и учебной литературы, 2007. — 800 с.
5. Кудашов В. И. Управление интеллектуальной собственностью / В. И. Кудашов. — Минск: ИВЦ Минфина, 2007. — 360 с.
6. Крылов И. В. Становление и развитие системы документации по изобретениям и патентных исследований в СССР: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук: 05.25.02 / И. В. Крылов. — М.: ВНИИДАД, 1986. — 26 с.
7. Ерошкина О. Д. Патентная документация и ее развитие // Закономерности формирования и эволюции делопроизводственных процессов и систем документации в России. Сборник статей / Комитет по делам архивов при Правительстве РФ. — М.: ВНИИДАД, 1992. — С. 51—70.
8. Аксенова В. Ю. Эволюция патентного права Российской империи и его соотношение с международной практикой охраны изобретений конца XIX века / В. Ю. Аксенова. — М.: ИНИЦ Роспатента, 2003. — 168 с.
9. Городов О. А. Понятие промышленной собственности и краткая история развития законодательства зарубежных стран в сфере правовой охраны ее объектов [Электронный ресурс] / Юридическая Россия. — М., 2010. — Режим доступа: <http://law.edu.ru/doc/document.aspdocID=11818d>. — Дата доступа: 12.02.2010.
10. Закон Республики Беларусь «О географических указаниях» от 17.07.2002 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
11. Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» от 16.12.2002 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.

12. Закон Республики Беларусь «О патентах на сорта растений» от 13.04.1995 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
13. Закон Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» от 05.02.1993 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
14. Закон Республики Беларусь «О правовой охране топологий интегральных микросхем» от 07.12.1998 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
15. Положение о порядке регистрации товарного знака и знака обслуживания (утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.12.2009 г. № 1719) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
16. Правила составления, подачи и предварительной экспертизы заявки на выдачу патента на изобретение (утверждены постановлением Комитета по науке и технологиям при Совете Министров Республики Беларусь от 16.06.2003 г. № 19 (ред. от 08.02.2006 г.)) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
17. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента на полезную модель (утверждены постановлением Комитета по науке и технологиям при Совете Министров Республики Беларусь от 16.06.2003 г. № 17 (ред. от 05.05.2004 г.)) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
18. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента на промышленный образец (утверждены постановлением Комитета по науке и технологиям при Совете Министров Республики Беларусь от 16.06.2003 г. № 18 (ред. от 08.02.2006 г.)) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
19. Правила составления и подачи заявки на выдачу патента на сорта растений (утверждены приказом Министерства образования Республики Беларусь от 18.03.1996 г. № 93 (в ред. от 29.11.2004 г.)) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
20. Правила составления и подачи заявки на регистрацию и предоставление права пользования наименованием места происхождения товара и заявки на предоставление права пользования уже зарегистрированным наименованием места происхождения товара (утверждены постановлением Комитета по науке и технологиям при Совете Министров Республики Беларусь от 21.03.2003 г. № 6 (ред. от 05.05.2004 г.)) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.

21. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию топологий интегральных микросхем (утверждены постановлением Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 29.11.2004 г. № 5) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.
22. Положение об официальных изданиях Национального центра интеллектуальной собственности (утверждено постановлением Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 26.09.2005 г. № 12) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск. 2010.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 23.02.2010

В. М. Матюх

**ДОКУМЕНТЫ ГОРОДСКИХ УПРАВ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***(По материалам Государственного архива Минской области)*

В областных государственных архивах Беларуси хранится весьма значимый и информативный комплекс трофейных документов, отражающих как общие, так и региональные аспекты оккупационного режима. Они были рассекречены еще в начале 1990-х гг., однако до сих пор почти не изучены и лишь ограниченно востребованы исследователями.

В полной мере это относится к фондам оккупационной администрации и местного самоуправления, включая фонды городских управ. С учетом данного обстоятельства в настоящей публикации представлен аналитический обзор фондов городских управ с целью определения их источниковедческого потенциала.

Городские управы в Государственном архиве Минской области представлены пятью фондами: ф. 1050 — Минская управа (38 ед. хр.), ф. 1539 — Клецкая (14), ф. 622 — Борисовская (12), ф. 1613 — Глусская (31) и бывший ф. 1625 — Слуцкая городская управа (3 ед. хр.), включенный в коллекцию 1039 «Малообъемные фонды учреждений оккупационного периода».

Состав фондов городских управ в ГАМО позволяет констатировать, что они сохранились лишь в незначительной степени — имеются всего 74 ед. хр. Например, фонды Брестской и Пинской городской управ в ГАБО составляют соответственно 4949 и 2578 ед. хр., фонд Витебской городской управы в ГАВО — 2437 ед. хр. [1, с. 73].

Репрезентативность фондов городских управ ГАМО сильно варьируется. Например, все три сохранившихся дела Слуцкой городской управы содержат исключительно документы, касающиеся учебной столярной мастерской в г. Слуцке. Правда, деятельность этого предприятия отражена достаточно полно — представлена практически вся номенклатура документов, возникших в процессе работы мастерской с августа 1942 г. по июнь 1944 г., что позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать ее деятельность. Это организационно-распорядительная документация — переписка Слуцкого окружного комиссара и руководства мастерской с различными учреждениями и ведомствами об организации и функционировании мастерской, наборе учеников и преподавателей, закупке оборудования, а также указания окружного комиссара о порядке обучения белорусской молодежи. Представлена также финансовая документация — описи имущества и оборудования мастерской, сметы на оборудование, переписка с немецкими фирмами и заводами. Такие документы, как расписания занятий, журналы их посещаемости, списки учеников, правила внутреннего распорядка, приказы об отчислении за прогулы и неуспеваемость, подробно освещают учебно-производственный процесс. В фонде имеются фотографии торжественного открытия мастерской, чертежи

мастерской и производимой ей продукции, вырезки статей из оккупационной прессы, посвященных мастерской [2].

Состав и содержимое документов Слуцкой городской управы позволяет рассматривать их как источник, представляющий интерес для исследователей промышленного и ремесленного производства, профессионального образования в оккупированных областях. Но в рамках работ по фондированию желательно изменить название фонда, так как деятельность самой городской управы в его документах никак не отражена.

В фонде Минской городской управы очень незначительно представлена организационно-распорядительная документация. В делах фонда в небольшом количестве имеются финансовые документы — отчеты о финансово-хозяйственной деятельности подотдела баз и складов Минской городской управы за 1941 г., ведомости наличия товаров и ценностей на складах, приходно-расходные ордера, ведомости на выдачу зарплаты и др., т. е. преобладают материалы по материально-техническому обеспечению и снабжению организаций, производственных структур и населения [3].

Для исследователей истории здравоохранения в оккупированных областях могут представлять интерес обширные списки врачебного и санитарного персонала медицинских учреждений г. Минска за 1941—1944 гг. с указанием анкетных данных, в т. ч. врачей-евреев, работавших в больницах и амбулаториях г. Минска в начальный период оккупации [4]. В фонде есть схематические планы мероприятий на случай разрушения Минского водопровода (на немецком языке) [5].

Во второй описи фонда Минской городской управы (24 ед. хр.) собраны трудовые удостоверения (трудовые книжки), выдававшиеся гражданам Минской городской биржей труда в период оккупации 1941—1944 гг. [6]. Все удостоверения выполнены на специальных двуязычных бланках (на бел. и нем. языках), упорядочены по алфавиту и имеют определенную юридическую и генеалогическую ценность, так как позволяют с высокой степенью достоверности подтвердить факт проживания, время и место работы человека в Минске в период оккупации.

Из четырнадцати дел фонда Клецкой городской управы одиннадцать содержат документы, касающиеся правового положения и учета населения. Это заявления граждан на выдачу паспортов (с фотографиями заявителей), свидетельства о рождении, различные удостоверения личности советского, польского и оккупационного образца (в т. ч. паспорта), справки о регистрации гражданских браков и даже удостоверения о принадлежности к белорусской национальности, выдававшиеся в период оккупации [7]. Среди заявлений на выдачу паспортов за 1941—1942 гг. много заявлений от евреев [8]. Три дела Клецкой городской управы содержат переписку с Барановичским окружным комиссариатом, хозяйственной комендатурой, волостными управами и отдельными гражданами по хозяйственно-экономичес-

ким вопросам — прежде всего, о выделении и продаже продовольствия и промышленных товаров [9].

В фонде Клецкой городской управы подшито несколько номеров «Баранавіцкай газэты» («Baranowitscher Zeitung») за 1942 г. [10].

В делах Борисовской городской управы большая часть документов относится к социально-экономической сфере — это списки сотрудников различных отделов управы, служащих полиции, служащих и рабочих различных учреждений и предприятий (в т. ч. учреждений здравоохранения), а также членов их семей на получение зарплаты и материальной помощи. Это также заявления и прошения от жителей об оказании материальной помощи, об освобождении от платы за лечение в больницах, ведомости на выдачу денежной помощи семьям, члены которых выехали на работу в Германию, ведомости на выдачу денежной помощи инвалидам, беженцам и беднейшему населению г. Борисова и т. д. [11].

Подобные документы преобладают и в фонде Глусской городской управы — списки рабочих и служащих самых различных предприятий и учреждений Глусского района, служащих полиции, жителей Глусска и членов их семей на получение зарплаты и продуктовых пайков [12].

Следует отметить, что такие списки в фондах всех городских управ, как правило, собраны в отдельных делах, что упрощает работу исследователей с ними. Во многих списках приведены анкетные данные граждан — ФИО, год рождения, национальность, специальность, должность, стаж. Эти документы являются массовыми и достаточно легко формализуемыми, что позволяет получить обобщенную информацию при использовании количественных методов исторических исследований.

Фонд Глусской городской управы один из самых объемных фондов городских управ, хранящихся в ГАМО — 31 ед. хр., и в нем хорошо представлены различные тематические группы документальных источников.

Так, например, кроме упомянутых выше списков рабочих и служащих, в материалах фонда имеется большое количество финансовой документации — кассовые отчеты городской управы и ее отделов, приходно-расходные ведомости, оборотные ведомости и кассовые отчеты магазинов и складов Глусска, Глусского кинотеатра (с указанием количества и стоимости проданных билетов и названий демонстрировавшихся кинофильмов); переписка управы с магазинами и складами по вопросам отпуска товаров гражданам и учреждениям, ведомости и квитанции поступления налогов и пошлин от населения и др. [13]. Представлены также финансовые документы Глусского радиоузла, списки его работников и абонентов [14].

В материалах фонда Глусской городской управы представлено значительное количество документов, касающихся структуры, функций и повседневной деятельности полицейских формирований в Глусском районе в период оккупации. Это приказы по батальонам службы порядка (ОД), положения

о порядке несения службы, переписка о переводе полицейских, о представлениях к награждению, сведения по личному составу и вооружению, дневники несения службы, списки личного состава, сообщения о столкновениях с партизанами и др. [15]. Сходные документы, в меньшем количестве, есть и в фонде Борисовской городской управы, например, анкеты и автобиографии членов службы порядка, характеристики полицейских [16].

Наиболее сложными с точки зрения источниковедческой классификации являются дела с приказами и перепиской городских управ по основной деятельности. Сложность их описания и изучения определяется, прежде всего, беспорядочностью формирования данных единиц хранения. Очевидно, сотрудники областных архивов, проводившие в первые послевоенные годы научно-техническую обработку фондов оккупационных учреждений, в т. ч. городских управ, подшивали в отдельные дела все входящие и исходящие документы городских управ, без их хронологического и видового упорядочения.

В результате были сформированы дела с такими названиями, как «Приказы начальника районного управления, штатные расписания городского управления и райздравотдела на 1943 г., положение о полиции, предписание для службы порядка, дневник учета работы батальона ОД, программа обучения солдат ОД, сведения о движении партизан, списки работников районного управления и подведомственных учреждений, комендатуры батальона ОД, воинских частей, командиров и солдат батальона ОД, полицейских и членов их семей, партизанских семей, жителей города, беженцев, лиц, уехавших в Германию и др., заявления о приеме в ряды ОД, алфавитные карточки работников учреждений города» (Глусская городская управа, ф. 1613, оп. 1, д. 1) — 798 листов документов за 1941—1944 гг.

Следует заметить, что в информативном отношении такие дела наиболее интересны, т. к. содержат большое количество сведений и фактов по самым различным сторонам жизни на оккупированных территориях. Тематически документы этих дел охватывают практически весь перечень вопросов, изучаемых исследователями оккупации. Среди фондов городских управ ГАМО особенно интересны в этом отношении Борисовская и Глусская городские управы. В данных фондах лучше сохранились документы, раскрывающие структуру и функции местных органов оккупационного управления, как организационно-распорядительного, так и отчетного характера — приказы городских управ по внутренней структуре, об открытии детсадов и детдомов, указания волостным управам о борьбе со слухами, о регистрации населения и беженцев и др.; отчеты волостных старост о появлениях и действиях партизан, происшествиях, настроениях населения, сообщения комендатур о нападениях и перемещениях партизан и др. [17].

В этих делах представлены также документы социально-экономической сферы (приказы по социально-экономическим вопросам, по сельскому хозяйству, по вопросам снабжения и др.), по идеологической работе (лис-

товки, воззвания, сообщения о настроениях населения, анкеты и учетные карточки членов Союза борьбы против большевизма и др.), по вопросам образования и здравоохранения. Есть документы и о правовом положении населения оккупированных территорий — повестки в суд, протоколы судебных заседаний Глусского третейского суда, указания ортскомендатур о наложении штрафов и др.

Особой тематической группой документов, которые представлены во всех фондах городских управ ГАМО, являются документы, касающиеся вопросов правового и социально-экономического положения евреев в оккупированной Беларуси. Это списки движимого и недвижимого имущества евреев, расписки служащих в своем нееврейском происхождении, переписка по вопросам учета и распределения еврейского имущества, заявления граждан на передачу им еврейского имущества. В некоторых хозяйственных документах упоминаются Минское и Клецкое гетто. Заявления евреев Клецка на выдачу паспортов уже упоминались выше (личные данные заявителей и их фотографии — ценные источники для исследователей истории Холокоста). Евреи перечисляются в некоторых списках рабочих учреждений и предприятий [18].

Отметим, что характерной особенностью документов Борисовской и Глусской городских управ является наличие в них большого количества пометок и примечаний, сделанных сотрудниками органов внутренних дел БССР во время оперативной разработки этих документов в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Как правило, они представляют собой пометки напротив фамилий сотрудников оккупационных учреждений и служащих полиции, вроде «Арестован», «Выехал вместе с немцами», «Расстрелян немцами», «Работает в районе» и др.

Кроме того, в некоторых делах Глусской городской управы даже подшита оперативная переписка органов внутренних дел БССР послевоенного периода, например, письмо Управления МГБ по Бобруйской области за 1952 г. о пересылке документов оккупационного периода для оперативно-розыскной работы, списки граждан Глусского района, не возвратившихся из Германии, удостоверения граждан, вернувшихся из Германии и прошедших «фильтрацию», характеристики Глусского райкома КП(б)Б за 1945 г. на граждан, прибывших из немецкого плена, список членов Союза борьбы против большевизма, составленный Глусским районным отделом УНКГБ и др. [19].

Среди документов Борисовской городской управы есть списки руководителей оккупационной администрации г. Борисова и сообщения о текущих событиях в г. Борисове, созданные, предположительно, советскими партизанами либо партизанскими информаторами [20, л. 88—89, 95—96, 147—150]. Эти документы не имеют практически никаких реквизитов, которые указывали бы на место их создания и авторство, поэтому догадываться об их происхождении и дате составления можно лишь по содержанию.

Вероятнее всего, они были подшиты в дела городской управы после войны, во время разработки этих дел сотрудниками НКВД—МГБ БССР. Можно отметить также объяснительную записку бывшего сотрудника дорожного отдела Борисовской городской управы о своей работе в период оккупации, справки о деятельности Борисовской городской управы и отдела ЦГО в Борисове, составленные сотрудниками НКВД—МГБ после освобождения территории Беларуси [20, л. 101, 172—173об., 181—188]. Подобные документы, имеющиеся в фондах и других управ, следует выделить в отдельную тематическую группу, т. к. по дате создания их нельзя отнести к документам оккупационного периода. Они представляют определенный интерес для исследователей органов внутренних дел и историков, изучающих последствия оккупации и Второй мировой войны в Беларуси.

Среди особо значимых архивных документов, имеющихся в фонде Борисовской городской управы, можно отметить журнал работы пропагандистов («Блокнот агитаторов») предприятий и заводов г. Борисова за первую половину 1944 г. [21]. В нем приведен перечень изучаемых пропагандистами оккупационных периодических изданий, указаны названия пропагандистских брошюр и материалов, темы агитационных бесед с рабочими заводов и предприятий Борисова. В этом фонде есть и другие документы, касающиеся пропагандистской деятельности оккупационной администрации — переписка управы по вопросам организации пропагандистской работы, списки пропагандистов службы порядка, тексты агитационных бесед для русских пропагандистов и для членов Союза Белорусской Молодежи (СБМ), статут СБМ [20, л. 102, 106, 108, 155—157, 190—204, 205—206].

Следует отметить, что по сравнению с другими областными архивами степень сохранности фондов городских управ в ГАМО гораздо ниже, поэтому их репрезентативность по некоторым вопросам истории Великой Отечественной войны и оккупации ограничена. Например, восстановить организационную структуру Минской, Клецкой и Слуцкой городских управ по сохранившимся документам их фондов не представляется возможным. Организационно-распорядительные документы этих управ практически не сохранились. Несколько лучше они представлены в фондах Борисовской и Глусской управ.

В видовом отношении во всех фондах городских управ ГАМО лучше всего представлены переписка с организациями и учреждениями, с частными лицами; документы, удостоверяющие личность (справки, удостоверения, пропуска), документы о работе с кадрами (приказы и переписка по личному составу, списки сотрудников, заявления, биографии, анкеты); финансовая документация (бюджеты, ведомости на выдачу зарплаты, счета и другие приходно-расходные бухгалтерские документы).

Практически все документы являются подлинниками, число копийных материалов незначительно. Документы, поступившие в городские управы

от граждан и волостных управ, как правило, рукописные. Машинописные документы исходят, преимущественно, от городских управ, комендатур, окружных комиссариатов.

В языковом отношении преобладают документы на русском и белорусском языках, в том числе на белорусской латинице (в фонде Клецкой городской управы). Число немецкоязычных документов значительно меньше (это, как правило, документы комендатур и окружных комиссариатов, причем они чаще всего сопровождаются переводом на русский или белорусский язык). Немецкий язык присутствует на официальных бланках, анкетах и квитанциях, как правило, двуязычных — на немецком языке и на русском/белорусском. В документах Клецкой городской управы встречаются документы на польском языке (особенно в начальный период оккупации — в 1941 — начале 1942 г.). Присутствуют отдельные документы на литовском и венгерском языках.

Литература и источники

1. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь. — Дрезден — Минск — Грац, 2003. — 592 с., ил.
2. Государственный архив Минской области (далее — ГАМО). — Ф. 1039. — Оп. 1. — Д. 1—3.
3. Там же. — Ф. 1050. — Оп. 1. — Д. 3—11.
4. Там же. — Д. 12, 13.
5. Там же. — Д. 2. — План мероприятий на случай разрушения Минского водопровода.
6. Там же. — Оп. 2. — Д. 1—24.
7. Там же. — Ф. 1539. — Оп. 1. — Д. 4—14.
8. Там же. — Д. 4, 5, 8.
9. Там же. — Д. 1—3.
10. Там же. — Д. 8, 9, 11.
11. Там же. — Ф. 622. — Оп. 1. — Д. 3, 4, 6, 8—11.
12. Там же. — Ф. 1613. — Оп. 1. — Д. 9—17, 24—26, 30, 31.
13. Там же. — Д. 18—22, 27—29.
14. Там же. — Д. 8, 23.
15. Там же. — Д. 1, 2, 9.
16. Там же. — Ф. 622. — Оп. 1. — Д. 1, 2, 5.
17. Там же. — Д. 1, 5; Ф. 1613. — Оп. 1. — Д. 1, 2, 6, 7.
18. Там же. — Ф. 1050. — Оп. 1. — Д. 1, 12—14; Ф. 1539. — Оп. 1. — Д. 1—5, 8; Ф. 622. — Оп. 1. — Д. 1; Ф. 1613. — Оп. 1. — Д. 2—6.
19. Там же. — Ф. 1613. — Оп. 1. — Д. 1, 2.
20. Там же. — Ф. 622. — Оп. 1. — Д. 1. — Приказы и распоряжения бургомистра г. Борисова, устав и учебный план СБМ, списки работников управы и подведомственных учреждений, заявления граждан о приеме в члены Борисовского культурного общества.
21. Там же. — Д. 12. — Блокнот агитаторов за 1944 г.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 19.05.2010

А. Г. Каранузава

ДОКУМЕНТЫ ГМИННЫХ ПРАВЛЕНИЙ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА

КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕГИОНА В 1919—1939 гг.

(По материалам Государственного архива Брестской области)

Гмина — наименьшая единица административно-территориального деления Польши в межвоенный период (1919—1939 гг.), охватывающая либо территорию одного города — городская гмина, либо территорию нескольких населенных пунктов (поселков, деревень, хуторов и т. д.) — сельская гмина. Гмины входили в состав поветов, а поветы образовывали воеводства — самые крупные административно-территориальные единицы.

Местное самоуправление, в т. ч. на уровне гмин, на западно-белорусских землях начало формироваться в 1919 г. — практически сразу после их оккупации польскими войсками в ходе советско-польской войны.

На территории сельской гмины органами самоуправления являлись гминная рада и гминное правление во главе с войтом. Их деятельность регламентировалась распоряжением Генерального комиссара Восточных земель Польши от 26 сентября 1919 г. о гминном самоуправлении [24, s. 1—8]. В соответствии с этим распоряжением каждая сельская гмина представляла собой административную единицу и являлась одновременно самоуправляемой территориальной единицей и юридическим лицом [24, s. 1].

Гмина занималась управлением своим имуществом, строительством и содержанием дорог, мостов, средств коммуникации, водопроводных и канализационных сооружений, снабжением жителей гмины продовольствием, поддержкой сельского хозяйства, торговли и ремесла, охраной здоровья и содержанием больниц, развитием просвещения, открытием и содержанием школ, библиотек, опекой над бедными, содержанием благотворительных заведений и другими вопросами, касающимися территории гмины.

Членами гмины являлись лица, имеющие недвижимость на территории гмины и постоянно на ней проживающие не менее 3 месяцев. Каждый член гмины имел право пользоваться имуществом, предприятиями, сооружениями гмины, принимать участие в выборах, а также рассчитывать на помощь и опеку со стороны гмины в случае необходимости. С другой стороны, он должен был выполнять распоряжения и решения гминных органов, подчиняться установленным правилам, платить налоги и другие оплаты в пользу гмины, нести другие гминные повинности [24, s. 2].

Гминная рада принимала решения и контролировала их выполнение. Членами гминной рады являлись радные и члены гминного правления. Радные избирались на три года и выполняли свои обязанности на общественных началах. В компетенцию рады входило: установление принципов правления имуществом гмины, всеми предприятиями и учреждениями, находящимися в ее ведении, распоряжение недвижимым имуществом, утвержде-

ние бюджета гмины, установление налогов и оплат в пользу гмины, замена натуральной повинности на денежную и наоборот, утверждение штатов гминных работников, установление тарифов за пользование на территории гмины общественными средствами коммуникации, выбор членов гминного правления и др. Войт должен был созывать раду на заседания не реже 1 раза в квартал. Председательствовал на них войт или его заместитель, заседания протоколировались [24, s. 2—4].

Гминное правление являлось управленческим и административным органом на уровне гмины, а войт осуществлял исполнительные функции [26, s. 118]. Правление состояло из войта, его заместителя и одного заседателя. Войта и его заместителя выбирали радные на 3 года (на срок действия полномочий рады). Однако их выбор подлежал утверждению властями первой инстанции (поветовым старостой). Войт получал постоянное установленное радой вознаграждение из средств гмины.

В функции гминного правления входили следующие вопросы: подготовка и исполнение решений гминной рады, распоряжение доходами, имуществом гмины и проведение его инвентаризации, управление предприятиями гмины, составление проекта бюджета гмины, распределение налогов и повинностей, предоставление гминной раде отчетов о своей деятельности, об исполнении бюджета, о состоянии имущества и предприятий гмины и др. [24, s. 4—6].

Вспомогательным органом в работе войта и гминного правления был гминный писарь, который осуществлял свои функции под руководством войта. В свою очередь, писарь мог иметь в своем подчинении помощника [29, s. 159].

В распоряжении Генерального комиссара Восточных земель от 26 сентября 1919 г. также определялось, что каждая отдельная деревня, колония, поселок или фольварк составляли сельскую громаду. В громаду могли объединяться несколько мелких населенных пунктов [24, s. 6].

Органами сельской громады являлись солтыс и громадское собрание (громадский сход). Солтыс обладал распорядительными и исполнительными функциями, подчинялся непосредственно войту и избирался громадским собранием на один год. Он должен был выполнять решения, принятые на громадском собрании, распоряжения войта и государственных властей, касающихся деятельности громады, осуществлял надзор за должным содержанием дорог, мостов, выполнением всех повинностей членами громады, занимался сбором налогов и оплат, распоряжался имуществом и доходами громады в установленном ею порядке и др. Кроме того, солтыс должен был оказывать помощь органам полиции при исполнении их служебных обязанностей, следить за порядком и безопасностью на территории громады и др. [28, s. 4—7]. Право участия в громадском собрании имели все члены громады, как мужчины, так и женщины, достигшие 21-летнего возраста. К

компетенции громадского собрания относилось: распоряжение имуществом, находящимся на территории громады, обсуждение насущных потребностей громады с целью вынесения их на рассмотрение гминной раде или правлению, выбор солтыса и его заместителя и др. [24, s. 7—8].

Законом Польши о частичном изменении устройства местного самоуправления от 23 марта 1933 г. был увеличен срок полномочий гминных рад до 5 лет, а членов гминных правлений стали избирать сроком на 10 лет [25, s. 694]. Закон определил зависимость количества радных от численности жителей гмины (до 5 тыс. жителей — 12 радных, от 5 до 10 тыс. — 16, свыше 10 тыс. — 20 радных) [25, s. 696]. Органами громады, которая насчитывала свыше 200 жителей, являлись солтыс и громадская рада, менее 200 жителей — солтыс и громадское собрание (сход) [27, s. 13]. Солтыс стал избираться на 3 года.

Контроль за деятельностью органов гминного самоуправления осуществлял поветовый староста и исполнительный орган поветового самоуправления — поветовый отдел (председателем которого также являлся поветовый староста). Надзор проявлялся в том, что староста утверждал избранных войтов и солтысов, утверждал решения, принятые гминной радой, бюджет гмины, имел право распустить органы гминного самоуправления. В целях контроля за органами самоуправления на гминном уровне при поветовом отделе действовала инспекция гминного самоуправления, которая проводила периодические проверки их деятельности.

Кроме собственной сферы деятельности, которая распространялась на область экономики, хозяйства, культуры, просвещения, здравоохранения и удовлетворения местных потребностей жителей, органы гминного самоуправления выполняли и так называемую порученную сферу деятельности, т. е. исполнение административных функций и решение проблем, относящихся к компетенции правительственной администрации, как общей, так и специальной, которые поручались исполнительным органам самоуправления [1, с. 475].

По состоянию на 1 января 1927 г. в Полесском воеводстве насчитывалось 113 сельских гмин, на 1 октября 1928 г. в связи с территориальными изменениями их стало 92 [2, л. 238].

По состоянию на декабрь 1935 г. в составе Полесского воеводства было 79 сельских гмин, в том числе в Брестском повете — 15, Дрогичинском — 9, Камень-Каширском — 7, Кобринском — 11, Коссовском и Лунинецком — по 6, Пинском — 12, Пружанском — 8, Столинском — 5 [3, л. 1—7]. Такое количество сельских гмин в воеводстве сохранялось до 1939 г. [4, л. 52].

На хранении в государственном архиве Брестской области находятся документальные материалы, отложившиеся в деятельности гминных правлений Брестского, Дрогичинского, Кобринского, Коссовского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского, Столинского поветов Полесского воеводства, а

также Барановичского и Новогрудского поветов Новогрудского воеводства за 1919—1939 гг., которые образуют 39 архивных фондов (в том числе объединенных) в составе более 5 тыс. единиц хранения.

Степень сохранности документов гминных правлений различная. Наиболее полно сохранились документы правлений Малоритской гмины (602 ед. хр.), Пинковичской (243 ед. хр.), Пружанской (221 ед. хр.) и некоторых других. Из документов отдельных гминных правлений, сохранившихся в незначительном объеме, образованы согласно архивным правилам объединенные архивные фонды, в которые включены документы нескольких гминных правлений одного повета (например, гминные правления Брестского повета, Дрогичинского, Столинского и т. д.).

Кроме того, в значительной степени документы гминных правлений, а также сведения об их деятельности отложились в архивных фондах Полесского воеводского управления, поветовых староств и поветовых отделов поветовых рад.

Указанные документальные материалы служат полноценным источником по изучению истории органов гминного самоуправления, социально-экономического, культурного развития Полесья на уровне отдельно взятых сельских гмин, громад, деревень в период между двумя мировыми войнами.

Рассмотрим состав и содержание документов гминных правлений на примере архивных фондов гминных правлений Малоритской (ф. 10), Верховичской (ф. 14) гмин Брестского повета и объединенного архивного фонда гминных правлений Пружанского повета (ф. 28-ОАФ).

В составе фондов гминных правлений отложились документы разнообразных по видам, функциональному предназначению, содержанию, авторству, способу воспроизведения и т. д. Среди них можно выделить:

циркуляры, распоряжения, указания, директивные инструкции министерств, Полесского воеводского управления, поветовых старост по административным, организационным, финансово-хозяйственным и другим вопросам (по учету населения, о порядке выдачи паспортов, присвоения польского гражданства, об организации призыва в армию, учета военнообязанных, по вопросам ведения ремесла, торговли, об установлении цен на продукты, по вопросам социального обеспечения, содержания дорог и мостов, об улучшении санитарного состояния населенных пунктов, домов, школ и т. д.);

протоколы заседаний рад и правлений гмин; съездов войтов, бургомистров, секретарей, писарей гмин; собраний солтысов гмин, громадских собраний (рад);

годовые и месячные отчеты о работе гминных правлений;

материалы проверок деятельности органов гминного самоуправления высшестоящими органами управления;

бюджеты гминных правлений и отчеты об их выполнении;

статистические сведения о наличии населенных пунктов, о численности населения (в т. ч. по отдельным населенным пунктам), о его национальном составе, о количестве крестьянских хозяйств, о посевных площадях, лесных угодьях, о количестве домашнего скота, сельскохозяйственной продукции и т. п.; об учреждениях, предприятиях, общественных организациях, находящихся на территории гмин и др.;

материалы о ходе проведения ремонтно-строительных работ средств коммуникации, выполнении трудовой повинности населения по ремонту и строительству дорог и мостов;

проекты и сметы на строительство школ и других объектов;

инструкции по сбору налогов с населения, списки налогоплательщиков, книги учета сбора налогов, сведения о поступлении налогов, заявления жителей гмин о предоставлении льгот на уплату налогов;

книги, карточки учета жителей гмин;

свидетельства о материальном (имущественном), семейном положении граждан, их местожительстве, выписки из актов гражданского состояния;

заявления жителей гмин о получении разрешения на строительство домов, о выдаче паспортов и других документов, удостоверяющих личность, о предоставлении пособий, ссуд, об освобождении их от трудовой повинности;

материалы о привлечении жителей гмин к административной ответственности и взыскании штрафов (донесения органов полиции о привлечении к ответственности, предписания о наказании, квитанции об уплате штрафов и др.);

многочисленные списки: населенных пунктов гмин, жителей населенных пунктов гмин, избирателей по выборам в Сейм, призывников и резервистов, владельцев имений, земельных участков, движимого и недвижимого имущества, безработных, членов гминных рад, работников гминных правлений, солтысов и др. [5; 15; 21].

Эти документальные материалы отражают такие вопросы деятельности и состояния гмин, как:

проведение выборов войтов, солтысов, членов в гминные, громадские рады;

учет военнообязанных и проведение призывных мероприятий, розыск лиц, уклоняющихся от воинской повинности;

содержание, строительство и ремонт дорог и мостов, находящихся на территории гмин;

организация выполнения населением гмин трудовой повинности (по ремонту дорог и мостов и др.);

учет ремесленников, промышленных предприятий, землевладений, крестьянских хозяйств, лесных угодий, посевных площадей, домашнего скота, сельскохозяйственной продукции и т. д.;

налогообложение и сбор налогов;

строительство и ремонт школ, их материальное обеспечение; охрана здоровья, борьба с эпидемическими заболеваниями, санитарное состояние, надзор над ним, проведение санитарных мероприятий, надзор над убоем скота, борьба с заболеваниями домашних животных; социальное обеспечение, оказание помощи безработным; организация пожарной охраны, проведение противопожарных мероприятий и др.

Для облегчения работы с документами, образовавшимися в деятельности гминных правлений, и с целью извлечения из них максимально возможного информационного потенциала необходимо провести их систематизацию и условно разделить на несколько групп.

Так, по видам документов в комплексе документов гминных правлений можно выделить несколько групп: организационно-распорядительные документы (циркуляры, распоряжения, указания, регламенты, инструкции, правила и др.); отчетно-статистическая, справочно-информационная документация (протоколы, акты, справки, свидетельства; переписка с вышестоящими и подведомственными учреждениями, с различными организациями и частными лицами); финансовые документы (бюджеты, отчеты об их исполнении и др.); документы по личному составу (личные дела служащих гминных правлений, заявления о приеме на работу, списки работников органов самоуправления гмин, их характеристики и др.); личные документы (выписки из актов гражданского состояния, свидетельства о материальном и семейном положении граждан и др.).

В процессе исполнения своих функций гминные правления получали для руководства и исполнения циркуляры и директивные указания вышестоящих органов, переписывались с ними, готовили отчеты, информации и т. п., переписывались с другими организациями, подведомственными учреждениями, гражданами и т. д. В зависимости от автора документов в составе фондов гминных правлений (кроме собственных) отложились документы Рады Министров Польши, некоторых министерств, Полесского воеводского управления, поветовых старост и поветовых отделов поветовых рад, других гминных правлений, подчиненных им солтысов, других учреждений и организаций, жителей гмин.

Для изучения истории полесского региона в 1919—1939 гг., для лучшего понимания, как жила полесская деревня, комплекс документов гминных правлений необходимо систематизировать по содержанию.

Исходя из содержания, документы гминных правлений можно систематизировать в несколько крупных тематических групп:

1. Документы, раскрывающие организационную структуру органов гминного самоуправления, их компетенцию, сведения о деятельности: протоколы заседаний рад и правлений гмин, съездов войтов, бургомистров, секретарей, писарей гмин, собраний сельских громад, солтысов, протоколы

проверок работы гмин, материалы по выборам войтов, солтысов, членов гминных рад (протоколы избирательных комиссий, ведомости подсчета голосов и др.), отчеты, информации о деятельности органов самоуправления, их комиссий, списки членов гминных рад, работников гминных правлений, солтысов (с указанием их возраста, национальности, образования, имущественного положения) и др.

2. Документы, характеризующие хозяйственно-экономическое развитие гмин (общее финансовое состояние, развитие промышленности, ремесла и торговли, систему налогообложения и др.): бюджеты гмин и отчеты об их исполнении, статистические сведения о количестве крестьянских хозяйств, о посевах на площадях, лесных угодьях, о количестве домашнего скота, производимой сельскохозяйственной продукции и т. п., сведения о ремонте и строительстве дорог, мостов, отчеты о приходе-расходе зерна по гминам, указания вышестоящих органов, переписка по вопросам ведения ремесла и торговли, установления цен на продукты, списки ремесленников, свидетельства граждан о ведении ремесла, заявления жителей о предоставлении прав на открытие торгово-промышленных предприятий; инструкции, правила взимания налогов, списки налогоплательщиков, сведения о поступлении налогов, заявления жителей о предоставлении льгот в уплате налогов и др.

3. Документы, отражающие общественно-политическую ситуацию на территории гмины: циркуляры, указания поветового старосты по вопросам общественной безопасности (об обязанности войтов и солтысов наряду с органами полиции следить за порядком в подчиненных гминах, о запрещении использовать русский язык служащими самоуправления в общении с местным населением, об организации пожарной охраны и др.); рапорты войтов поветовому старосте о происшествиях на территории гмины (кража скота, сельскохозяйственного инвентаря, уголовные преступления и т. п.); материалы о привлечении жителей гмин к административной ответственности и взыскании штрафов (донесения органов полиции о привлечении к ответственности, предписания о наказании, квитанции об уплате штрафов), списки общественных организаций, действующих на территории гмины, и др.

4. Документы, касающиеся состояния школьного дела, охраны здоровья, санитарного состояния гмин: материалы о проведении противоэпидемических мероприятий, обязательных прививок, указания вышестоящих органов и переписка с ними по вопросам образования и здравоохранения, материалы о материальном обеспечении школ, проведении их ремонта и др.

5. Документы, отражающие социальную сферу (социальное обеспечение, имущественное положение жителей гмин и др.): свидетельства о материальном положении жителей, заявления граждан об оказании материальной помощи, о выдаче ссуд, пособий, протоколы заседаний гминных комитетов по оказанию помощи безработным; списки нищих и бродяг и др.

б. Документы, содержащие сведения о населении гмин Полесского воеводства: списки, книги, карточки учета жителей гмин, статистические сведения о движении населения, о количественном составе населения с указанием национальности, вероисповедания, пола; заявления о выдаче паспортов и удостоверений личности, выписки из актов гражданского состояния, свидетельства о местожительстве, списки призывников, резервистов и др.

Рассмотрим некоторые категории документов гминных правлений и охарактеризуем содержащуюся в них информацию о деятельности гминного самоуправления, о состоянии гмин в целом и отдельных вопросах в частности.

По протоколам заседаний гминных рад и правлений, общих собраний крестьян деревень можно узнать, какие насущные вопросы волновали сельскую гмину, громаду и их жителей. Так, на заседаниях гминных рад, как правило, рассматривались следующие вопросы: утверждение плана развития хозяйства гмины, бюджета на очередной год, установление налогов и оплат в пользу гмины, отчеты гминного правления о выполнении решений рады, гминных комиссий, утверждение программы работ по исполнению трудовой повинности населения по ремонту дорог и мостов, истребование кредитов в банке на строительство хозяйственных объектов, выбор гминного правления, комиссий, делегатов в поветовый сеймик, социальных опекунов, рассмотрение заявлений жителей гмины (об освобождении от уплаты налогов, об оказании материальной помощи, о замене трудовой повинности на денежную и наоборот и т. п.) и др. [7; 17].

На заседаниях правлений гмин в повестках дня значились такие вопросы, как: формирование бюджета гмины на будущий год, отчеты о деятельности гминного правления, хозяйственных предприятий гмины, вопросы ведения дорожных работ, предложения гминной раде в области ведения хозяйства гмины, о взимании налогов и различных сборов, о проведении ремонта школ, рассмотрение заявлений жителей гмины об уменьшении налогов и др., кадровые вопросы и др. [8; 12; 16].

По протоколам громадских собраний можно проследить, чем жила та или иная деревня, какие проблемы ее волновали. Такие собрания проводились по мере необходимости (в среднем раз в 1—2 месяца). Например, на общих собраниях крестьян д. Малорита в 1926—1927 гг. поднимались следующие вопросы: установление оплаты в пользу громады за выпас скота на общественных лугах и выбор уполномоченных на ее сбор, выбор полевых сторожей за надзором за самовольным выпасом скота в местах, где это запрещено, о праве расходования средств громады на нужды крестьян, выбор уполномоченных из числа членов громады для представления ее интересов по разным вопросам, об организации добровольной пожарной охраны, заявления граждан о предоставлении земельных участков, оказании материальной помощи и др. [6].

Периодически проводились собрания солтысов гмин (в среднем 2 раза в месяц). На них солтысы под председательством войта рассматривали текущие вопросы и корреспонденцию, знакомились с распоряжениями, указаниями вышестоящих органов (Полесского воеводского управления, поветовых старост), необходимые им для работы, с участием представителя полиции обсуждали вопросы общественной безопасности и др. [19; 23].

Другая категория документов, кроме протоколов, которая также информативна — это различные отчеты, причем информация в них подана обобщенно и синтезировано.

Подробная информация приводится в месячных отчетах о деятельности гминного правления: сведения о количестве и датах заседаний гминной рады, правления, комиссий, о количестве принятых решений, об изменениях в личном составе рады, правления, комиссий, солтысов, о деятельности войта, его служебных разъездах, о проведенных мероприятиях в сфере социального обеспечения, образования, строительства и ремонта дорог и мостов и др., о числе вынесенных наказаний (арестов, штрафов), о собранных налогах, а также о важнейших проявлениях в хозяйственной, общественно-культурной жизни гмины в отчетный период и др. [9—11; 18]. Такие отчеты составлялись на бланках установленной формы и направлялись в поветовый отдел поветового сеймика (с 1933 года — поветовой рады).

Отчетные финансовые документы дают представление о финансово-хозяйственном состоянии той или иной гмины. Так, в отчете об исполнении бюджета Верховичской гмины Брестского повета за 1935/1936 год* среди статей расходов значатся: 1) общее управление — заработная плата войта, гминных работников, солтысов, содержание помещения гминного правления, канцелярские и командировочные расходы, содержание гминных транспортных средств (54% всех расходов); 2) содержание дорог, их мощение, консервация мостов и т. п. (8%); 3) образование — ассигнования на содержание школ (наем помещений, освещение и топливо, ремонт, поддержание чистоты и порядка, приобретение письменных принадлежностей, учебных пособий), оплата жилья учителей и др. (24%); 4) здравоохранение — предупреждение болезней (проведение профилактических прививок, дезинфекции), оплата лечения жителей гмины, находившихся на лечении в больнице (3%); 5) социальное обеспечение — содержание сирот, душевнобольных в опекунских заведениях, оказание помощи безработным (3%); 6) общественная безопасность — расходы на здание для заключения арестованных, содержание пожарной охраны (1%); 7) поддержка сельского хозяйства, ветеринария (6%); 8) менее 1% всех расходов шло на культуру. Были у гми-

* Хозяйственный год в Польше в межвоенный период начинался 1 апреля и заканчивался 31 марта.

ны и непредвиденные расходы (т. е. те, которые не предусматривались в бюджете) — строительство народного дома^{*} и склада для зерна.

Доходы гмины составляли арендная плата с гминных зданий, административные сборы (взимали платы за заявления жителей гмины, за выдачу им справок, свидетельств и т. п.), гминные налоги (уравнительный, военный и др.), гминная прибавка к государственным налогам, штрафы. Показателен тот факт, что расходы гмины превышали ее доходы [20, л. 1—21].

В качестве источника по исследованию состояния гмин интерес вызывают отчеты и протоколы проверок гминных правлений инспекторами гминного самоуправления повтовых отделов. В таких документах, как правило, описывается общее состояние гмины, указывается ее площадь, количество населения, в т. ч. по национальности, имений, даются сведения о действующих промышленных предприятиях. Приводится именной состав рады и правления гмины с указанием возраста, национальности, вероисповедания, профессии, образования, имущественного положения, а также с характеристикой профессиональных качеств и деятельности членов правления, число заседаний этих органов, перечисляются важнейшие решения, принятые радой в проверяемый период, сообщается о работе гминных комиссий (ревизионной, хозяйственной, дорожной, санитарной и др.). Инспектор в ходе проверки изучал и затем описывал в справке состояние хозяйства гмины (рынков, дорог, мостов и т. д.), образования (с указанием количества школ в гмине, проведенных в них ремонтах), здравоохранения и др. Кроме того, как правило, в протоколе проверки приводился бюджет гмины и его исполнение, а также анализировалось ведение гминой канцелярии и архива.

Так, в протоколе проверки Малоритского гминного правления инспектором гминного самоуправления, проведенной 22—24 апреля и 22—23 мая 1929 г., сообщаются следующие данные. Площадь гмины составляла 24 700 га, в т. ч. 14 919 га частных земель, 8 447 га — государственных. Налогом на землю было обложено 1724 чел., на здания — 61, на торговлю и ремесло — 76. Общее число населения гмины составляло 8200 чел., из них 1200 — поляков, 5700 — полешуков, 1280 — евреев, 20 — русских. На территории гмины находилось 22 населенных пункта, входивших в состав 9 сельских громад. Среди промышленных предприятий в гмине имелись: 3 лесопилки, 2 паровые мельницы, электростанция (частная), фанерная фабрика, смолокурня, 5 кирпичных заводов, на которых в общей сложности было трудоустроено около 100 рабочих. В состав гминной рады входило 10 человек возраста от 28 до 58 лет, из них по вероисповеданию 5 радных — католики, 3 — православные,

* Народный дом — публичное просветительское учреждение клубного типа, в котором могли размещаться библиотека с читальней, театральная-лекционная зал, воскресная школа, чайная и т. п. Создавались на средства органов самоуправления, общественные и частные пожертвования.

2 — иудеи. По профессиональному признаку в составе рады были: 7 крестьян, 2 купца и 1 учитель, по образованию — 1 чел. с высшим образованием, 1 — со средним, 8 — с элементарным. В составе гминного правления было 3 члена: войт (31 год, католик, земледелец), заместитель войта (православный, земледелец), лавник (заседатель) (православный, земледелец). На территории гмины имелось 6 школ (1-, 2-, 3- и 5-классные). Кроме того, в протоколе описывается хозяйственная деятельность (состояние рынков, проведенные работы по ремонту и строительству бойни, школ, колодцев, дорог и мостов, состояние электрического освещения и др.) и финансовое состояние гмины [9, л. 42—54].

В аналогичном отчете инспектора гминного самоуправления о проверке правления Береза-Картузской гмины Пружанского повета за период с 1 января 1926 г. по 1 мая 1928 г. сообщаются следующие сведения о гмине. Площадь гмины составляла 14 234 га, население — 7385 чел., в т. ч. белорусов — 7068, поляков — 146, евреев — 143, украинцев — 15, русских — 13. Причем 59% численного состава населения составляли женщины, 41% — мужчины. Всего на территории гмины насчитывалось 15 сельских громад и 1362 хозяйства. Гминная рада состояла из 11 радных, все с элементарным образованием. Состав правления гмины был следующим: войт, 33 года, заместитель войта, 49 лет, лавник (заседатель), 40 лет, а также писарь гмины, 43 года, помощник писаря, 62 года. Все были с низшим образованием, по национальному признаку все, за исключением войта, были поляками, войт — белорус. Гминная рада в 1926 г. провела 7 заседаний, в 1927 — 12; гминное правление в 1926 г. заседало 9 раз, в 1927 — 12 [22].

Источником по изучению общественно-политической жизни гмин, кроме прочего, могут служить списки общественных организаций (хозяйственных, спортивных, опекунских, просветительских, политических и др.), действующих на территории той или иной гмины, с указанием даты создания, количества членов, краткой характеристики деятельности, состава правлений. Так, в списке общественных организаций Малоритской гмины по состоянию на 01.04.1933 приводятся данные о 15 организациях и обществах. Среди них: кооператив потребителей и сельскохозяйственных кружков, Касса Стефчика, Малоритский сельскохозяйственный кружок, кружок Лиги противоздушной и противохимической обороны, отдел Союза стрельцов, местный комитет фонда помощи безработным, гминный комитет Беспартийного блока сотрудничества с правительством, общества пожарной охраны и др. Самыми многочисленными по количеству членов были Касса Стефчика (380 чел.) и сельскохозяйственный кружок (150 чел.), в остальных организациях насчитывалось от 18 до 36 членов [13, л. 1].

Сведения о культурной жизни той или иной гмины содержатся в отчетах о проведении зрелищных мероприятий (театральных и цирковых представлений, демонстрации кинофильмов, танцевальных вечеров, народных гуляний, торжественных заседаний и др.) с указанием места и даты прове-

дения, организатора, вида мероприятия, количества проданных билетов. Так, в Малоритской гмине в 1935 г. организовано 12 мероприятий, 1936 — 11, 1937 — 5, 1938 — 4, 1939 — 4 [14, л. 1—5].

Таким образом, документальные материалы, отложившиеся в деятельности гминных правлений Полесского воеводства и хранящиеся в государственном архиве Брестской области, разнообразны по видам и содержанию и могут служить ценным источником по изучению истории полесского региона на уровне сельских гмин, громад, отдельно взятых деревень, их социально-экономического, общественно-политического, культурного развития в период вхождения в состав польского государства (1919—1939 гг.).

Список использованных источников

1. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Леснодарский, М. Пиетрчак. — М.: Юридическая литература, 1980. — 560 с.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 938. Циркуляры и постановления Министерства внутренних дел и Полесского воеводского управления; переписка управления с министерствами, органами местного самоуправления, общественными организациями и гражданами по разным вопросам 28.06.1927 — 12.12.1928.
3. Там же. — Д. 1083. Списки поветовых союзов самоуправления и гмин на территории Полесского воеводства.
4. Там же. — Оп. 2. — Д. 215. Отчет полесского воеводы о деятельности административных учреждений, органов самоуправления, об экономическом и культурном состоянии Полесского воеводства за 1939 год.
5. Там же. Ф. 10. — Оп. 1, 2.
6. Там же. — Оп. 1. — Д. 21. Протоколы собраний крестьян д. Малорита 1926—1929 гг.
7. Там же. — Д. 25. Протоколы заседаний гминной рады 1927—1930 гг.
8. Там же. — Д. 96. Протоколы заседаний гминного правления 13.12.1928 — 28.12.1930.
9. Там же. — Д. 97. Протоколы заседаний гминных рады и правления и выписки из них, протокол проверки деятельности гминного правления от 23.05.1929, месячные отчеты о работе гминного правления и дополнительный бюджет гмины на 1929/1930 г. 07.03.1929 — 30.12.1929.
10. Там же. — Д. 111. Месячные отчеты о работе гминного правления за сентябрь 1934 г., март 1935 г., квартальные отчеты об исполнении бюджета за 1937/1938 г., отчеты о выполнении дорожной трудовой повинности за 1929 г.
11. Там же. — Д. 209. Месячные отчеты о работе гминного правления за 1932 г.
12. Там же. — Д. 277. Протоколы заседаний гминного правления за 1933—1935 гг.
13. Там же. — Д. 284. Сведения о состоянии общественных организаций Малоритской гмины 1933 г.
14. Там же. — Д. 384. Сведения о проведенных развлекательных мероприятиях 1935—1939 гг.
15. Там же. — Ф. 14. — Оп. 1, 2.
16. Там же. — Оп. 1. — Д. 19. Протоколы заседаний гминного правления 1931—1935 гг.

17. Там же. — Д. 21. Протоколы заседаний гминной рады 1931—1933 гг.
18. Там же. — Д. 59. Месячный отчет о работе правления гмины 1934 г.
19. Там же. — Д. 104. Протоколы собраний солтысов гмины за 1938—1939 гг.
20. Там же. — Оп. 2. — Д. 20. Отчет об исполнении бюджета гмины за 1935/1936 г.
21. Там же. — Ф. 28. — Оп. 1.
22. Там же. — Д. 3. Отчет о проверке деятельности гминного правления за 1926—1928 гг. 04.10.1928.
23. Там же. — Д. 99. Протоколы собраний солтысов гмины 15.06.1927 — 15.09.1929.
24. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. — Wilno, 1919. — № 21. — Poz. 215. — S. 1—11.
25. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. — Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1933. — № 35. — Poz. 294. — 864 s.
26. Encyklopedia prawa obowiązującego w Polsce. Praca zbiorowa z udziałem profesorów uniwersytetów polskich / pod red. prof. Peretiatkowicza. Bohdan Wasiutyński. Ustrój władz administracyjnych, państwowych i samorządowych. — Poznań, 1929. — 190 s.
27. Gmina wiejska i gromada w świetle nowej ustawy samorządowej. — Warszawa, 1933. — 48 s.
28. Instrukcja dla sołtysów Województwa Poleskiego. — Brześć-nad-Bugiem: Drukarnia Literacka, 1927. — 30 s.
29. Muzyczka, L. Podręcznik urzędnika Państwowego. Wydane drugie. Przejrzane i uzupełnione / L. Muzyczka. — Wilno, 1925. — 288 s.

Артыкул напіў у рэдакцыю 17.06.2010

А. М. Лукашевич

**ИСТОЧНИКИ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ
О РАЗМЕРАХ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА,
НАНЕСЕННОГО ВОЙНОЙ 1812 г.
НАСЕЛЕНИЮ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ**

Проблема определения материального ущерба, нанесенного войной 1812 г. жителям белорусских земель, является одной из малоисследованных. Этого вопроса почти за 200-летнюю историю касались немногие исследователи (А. В. Ерашевич [1], Ю. Ивашкевич [14; 15], С. М. Середонин [13]). Однако даже эти авторы ограничивались лишь приведением общих цифр. Механизм определения ущерба, и тем более проблема его возмещения, ранее в историографии не рассматривались. Сохранившийся в Национальном историческом архиве Беларуси массив делопроизводственных документов позволил автору статьи остановиться более подробно на исследовании этих вопросов.

При изучении вопроса о материальном ущербе условно можно выделить 3 категории потерь: 1) потери во время войны движимого, недвижимого и иного имущества (сгорело, разграблено и т. д.); 2) недополучение прибыли от имений, разоренных войной; 3) реквизиции российскими войсками. Рассмотрим каждую из этих категорий.

Поскольку говорить о возмещении ущерба, нанесенного военными действиями, не приходится, то речь может идти лишь о выделении пострадавшим пособий. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют, что в данном случае пособия оказывались отдельным категориям пострадавших (чиновникам, семинаристам) из сумм, отпущенных на содержание тех или иных ведомств или учреждений.

Так, некоторое пособие получили учителя и ученики Минской духовной семинарии (располагалась в Слуцке), которые во время войны 1812 г. были вынуждены эвакуироваться вглубь империи или оставались на занятой неприятелем территории.

Начало этому делу было положено в январе 1813 г., когда ректор Минской духовной семинарии архимандрит Лазарь сообщил минскому архиепископу Серафиму, что «некоторые учителя и ученики, во время нашествия неприятеля, скрывались в Полтавской, Киевской и Екатеринославской губерниях». Поэтому 16 января 1813 г. архиепископ просил консисторию вернуть учителей и учеников в Слуцк, а на дорогу разрешал использовать средства из сумм, принадлежащих Пинскому монастырю (с последующим возвратом из суммы семинарии, которую следовало получить за вторую половину 1812 г.). В отношении остальных учеников и учителей Серафим приказал правлению собрать сведения, «где они в своей ли епархии, или в других, и каких именно губерниях и местах скрывались, и чем там содержались». Эти показания

вместе с мнением семинарского совета и архимандрита следовало представить на рассмотрение в консисторию [5, л. 1—2].

Из собранных сведений наибольший интерес представляет показание учителя поэзии, арифметики и нотного «ирмолайного пения» Минской семинарии Петра Деши от 4 июня 1813 г. В нем он сообщал о своем местонахождении во время нашествия неприятеля и понесенных убытках. В частности, учитель отмечал, что первоначально он хотел укрыться в спокойном месте. Однако, обремененный семьей и не имея на чем выехать, «паче же, что неприятели вошли нечаянно», был вынужден остаться на месте. В итоге у него были похищены различные вещи на сумму в 60 руб. 30 коп. серебром [5, л. 64—64об.].

После сбора всех сведений минский архиепископ обратился к императору. Он просил разрешения на выдачу пострадавшим ученикам и учителям пособия из семинарских сумм. 6 ноября 1813 г. архиепископ Серафим получил разрешающий сенатский указ. В результате из остатков семинарских сумм были произведены следующие выплаты: вице-ректору, протоиерею Лойко — 500 руб. ассигнациями, учителям Петру Деше — 50 руб., Ивану Соловиевичу — 70 руб., студентам Ивану Пономареву и Федору Соловиевичу — по 75 руб., Федору Смоличу — 30 руб., ученикам Степану Захаревичу и «двум Пономаревым» — по 50 руб. [5, л. 112—112об.].

Однако не всем пострадавшим повезло так, как учителям и ученикам Минской семинарии. Например, разоренным крестьянам никто не только не возместил потерь, но даже не оказал малейшего пособия. Об этом свидетельствует справка, составленная 11 ноября 1836 г. архивариусом Минской казенной палаты Малафеевым. Она готовилась [10, л. 1, 6—6об.] в связи с составлением описания войны 1812 г. [10, л. 2—5об.]. Одним из разделов в этом описании были сведения о пособиях, выделенных казной пострадавшим жителям («были ли, кому и на какую сумму выданы») [10, л. 1—12]. И как сообщал Малафеев начальству, после изучения дел архива «сведений о вышеписанном предмете» в них не оказалось [10, л. 4].

Достаточно многочисленной была категория владельцев и арендаторов казенных имений, которые понесли убытки во время войны из-за разорения своих крестьян. Однако потери этих владельцев не подлежали компенсации.

Приведем лишь один пример. В 1816 г. [11, л. 1—8] арендатор Скакуновского староства (Дисненский уезд Минской губернии) помещик Речицкого уезда бывший стражник польный литовский Рафаил Оскерко обратился к императору с просьбой о выплате ему из казенной палаты дохода, недополученного за 1812—1815 гг. В 1803 г. староство Скакуновское, «по люстрации инвентарной 1800 г.», приносившее 417 руб. 47½ коп. годового дохода, было пожаловано Р. Оскерке вместе с братом и сестрой в 12-летнюю аренду до 1815 г. Из-за бедности крестьян к 1812 г. владелец недополучил доход в размере 781 руб. 85 коп. К тому же, из-за войны и крайнего разоре-

ния крестьян, за 4 года с них ничего получить не удалось. Всего «недобор» составил 2439 руб. 75 коп. серебром. Поэтому Р. Оскерко просил о взыскании «недобора» [11, л. 2—2об.]. Однако по справке, составленной в Минской казенной палате 23 июля 1819 г., оказалось, что никаких доказательств о понесенных убытках помещик не представил, а поэтому никаких удовлетворений сделать нельзя [11, л. 5—5об.].

Наибольшие надежды население белорусских губерний связывало с компенсацией реквизиционных поставок провианта, фуража и скота. Однако процедура учета реквизиций, подлежащих возмещению, заняла несколько лет. Что касается денежных выплат, то они и вовсе растянулись на десятилетия. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Для организации подсчета ущерба, нанесенного войной жителям бывшего Великого княжества Литовского, в январе 1813 г. по приказу литовского военного губернатора А. М. Римского-Корсакова созданы *люстрационные комиссии* [выделено. — А. Л.]. Они учреждались в каждом уезде Виленской и Гродненской губерний. Одновременно эти комиссии осуществляли раскладку новых военных повинностей. В своей деятельности они руководствовались инструкциями, разработанными комитетом продовольствия и магазинов Комиссии Временного правительства Великого Княжества Литовского. В Минской губернии люстрационные комиссии не создавались. Их функции выполняли восстановленные губернское и уездные присутствия для военных повинностей. Помимо основных обязанностей — раскладки новых реквизиций — этим учреждениям было поручено «собрать для рассмотрения и сделать счет по квитанциям» [12, л. 79об.—80].

Вскоре слонимский уездный маршал В. Пусловский предложил создать в Вильно «Комитет для расчета с жителями литовских губерний за реквизируемые российскими войсками продовольственные и фуражные запасы». Это предложение поддержали А. М. Римский-Корсаков и М. И. Кутузов [12, л. 82]. Поэтому указом от 2 марта 1813 г. император Александр I восстановил Главный комитет военных повинностей в Вильно* и наделил его функциями подсчета ущерба.

Свою деятельность комитет возобновил в мае 1813 г. и действовал на основании утвержденных в мае 1812 г. правил [8, л. 21—21об.]. В состав Главного комитета вошли многие представители известных магнатских и шляхетских родов бывшего Великого Княжества Литовского [14, s. 322; 15, s. 137—138]. В Главный комитет поступали сведения о потерях жителей Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области, здесь же определялись размеры выплат «за продукты, доставленные на продовольствие российских войск непосредственно под квитанции и по предпи-

* В документах именовался по-разному: «Виленский главный комитет», «Литовский главный комитет», «Виленский центральный комитет» и др.

саниям и нарядам различных учреждений в 1812—1816 [гг.] в различные провиантские магазины».

Для учета реквизиций устанавливались три временных отрезка: до 13 (25) мая 1812 г., с 13 (25) мая — 1813 г. и 1814—1815 гг. Однако такие периоды были определены не сразу. Первоначально речь шла только о реквизициях, осуществленных до 17 июня 1812 г. и с 3 декабря 1812 г.

В частности, при восстановлении Главного комитета устанавливалось, чтобы расчеты за изъятые войсками припасы и «назначение за оные удовлетворения» начинались «с того времени как неприятель выгнан из российских пределов то есть 3-го числа декабря прошлого 1812 года, а потом продолжены были за время до выступления армии российской в начале войны из Вильны то есть по 17-е июня того года» [12, л. 82—82об.]. И только после обращения 11 сентября 1813 г. А. М. Римского-Корсакова к императору, эти, не совсем справедливые сроки, были пересмотрены. «Как известно, — говорилось в рапорте литовского военного губернатора, — ... наши войска из одних поветов выступили позже 17 июня, а из других выгнан неприятель прежде 3-го декабря, в некоторых же в продолжение войны 1812 г. ... наши войска ... попеременно с неприятелями находились, а в Минской губернии к полуденной части примыкающей как-то: в поветах Речицком, Мозырском, Пинском и Бобруйском непрерывно они были». Поэтому А. М. Римский-Корсаков, в целях уравнивания «удовлетворения обывателей за изъятые у них припасы», просил императора, чтобы «квитанции и расчеты по забранным у [них] припасам» делать отдельно для каждой губернии и области «за время нахождения в оных» российских войск [12, л. 82—82об.]. 26 сентября 1813 г. Александр I утвердил это предложение [12, л. 81].

На деятельность Главного комитета в Вильно жители западных губерний возлагали большие надежды. Однако вскоре он превратился в обычный административный орган, предназначенный для быстрого и бесперебойного обеспечения провиантом и фуражом российских войск.

Кроме того, жители трех губерний и области были вынуждены дополнительно раскошелиться. В августе 1813 г. на деятельность Главного комитета в Вильно было выделено 1180 руб. 80 коп. Впоследствии каждый месяц дополнительно выделялось еще по 205 руб. 20 коп. серебром [12, л. 83]. Месячное содержание губернского присутствия для военных повинностей (6 чиновников: секретарь, бухгалтер, два канцеляриста и два младших канцеляриста) определялось в 130 руб. серебром, уездного (4 чиновника: секретарь, бухгалтер, два канцеляриста) — 70 руб. Всего в месяц на губернское и 10 уездных присутствий по Минской губернии уходило 830 руб., или 9960 руб. серебром (39 840 руб. ассигнациями) в год [12, л. 83—83об.], а вместе с Главным комитетом — 12 422 руб. серебром или 49 688 руб. ассигнациями [12, л. 83об.—84].

Главный комитет военных повинностей в Вильно должен был окончить свою деятельность к 1 января 1816 г., однако он продолжал работу до 1 июля

1816 г. Уездные учреждения для военных повинностей Минской губернии были закрыты к 26 мая 1816 г.

В 1815 г. о необходимости создания специальных комиссий, которые занялись бы подсчетом потерь от реквизиций в 1812—1815 гг., заявило дворянство и других губерний (в первую очередь, Вольнской [13, с. 245]). Однако Комитет министров на заседаниях 4 и 7 декабря 1815 г. уклонился от решения этого вопроса. В своем журнале он отметил, что если за провиант дворянству выданы, по примеру других губерний, облигации, в таком случае помещики не имеют права требовать денежного платежа «прежде истечения срока тем облигациям». С мнением Комитета министров не согласился император. 4 января 1816 г. Александр I подписал на имя князя Н. И. Салтыкова рескрипт, в котором определялся порядок решения вопроса о реквизиционных претензиях дворянства к российскому правительству.

В рескрипте говорилось, что «справедливость требует сделать казне расчет с обывателями в забранных для продовольствия войск припасах». Поэтому во всех губерниях империи, где велись военные действия, приказывалось учредить *ликвидационные комиссии* [выделено. — А. Л.]. Они должны были собрать сведения по трем пунктам: 1) «что взято армию под квитанции, сомнению не подверженные во время минувшей войны в виде ссуды»; 2) «что взято под таковые же квитанции по реквизиции»; 3) «сколько порознь за то и другое почитают обыватели претензии на казну» [13, с. 246].

Ликвидационные комиссии создавались в губернских центрах. В их состав входили: губернатор (председатель), вице-губернатор, прокурор, губернский предводитель дворянства и 1 чиновник «провиантского штата». Для единообразия в деятельности комиссий министру финансов и военному министру поручалось разработать специальные правила. Срок деятельности комиссий ограничивался полугодом. В течение первых двух месяцев они должны были собрать квитанции (после чего они уже не принимались), а затем, в течение последующих 4 месяцев, рассмотреть квитанции и составить окончательный расчет. С отправкой ликвидационного счета к министру финансов комиссии приказывалось закрыть. После получения сведений от всех комиссий министр финансов связывался с военным министром и принимал решение об удовлетворении обывателей. Затем его предложение выносилось на рассмотрение Комитета министров [13, с. 246].

Что касается Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области, то в них новые ликвидационные комиссии не создавались. В рескрипте отмечалось, что если Главный комитет в Вильно еще не окончил сбор сведений к 1 января 1816 г., то литовскому военному губернатору разрешалось продлить его деятельность на срок, установленный для других ликвидационных комиссий [13, с. 246—247].

Собранные по белорусским губерниям данные к началу 1817 г. были сведены в особые ведомости. Они являются уникальными документами, по-

скольку содержат подробные сведения об ущербе, нанесенном городам и уездам (сколько уничтожено домов, сараев, построек и т. д.) обеими воюющими сторонами. В частности, в «Ведомости по Минской губернии о степени разорения обывателей от нашествия неприятельского в 1812 году» ущерб (34 186 976 руб. 31 коп.) почти поровну распределился между наполеоновскими (16 982 414 руб. 51½ коп.) и российскими (17 204 561 руб. 79½ коп.) войсками [12, л. 75—80]. И хотя возмещать ущерб, нанесенный французами, никто не собирался, эти ведомости свидетельствуют о том, что «обыватели» западных губерний пострадали от российских войск не меньше, чем от французов.

Общая же стоимость уничтоженного и расхищенного имущества (потери от вымирания скота, уничтожения посевов на полях, различных реквизиций и т. д.) в белорусско-литовском крае (Виленская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская губернии и Белостокская область) составила 160 218 794 руб. ассигнациями.

После рассмотрения квитанций Главный комитет военных повинностей в Вильно определил к возмещению из казны: Виленская губерния — 2 663 858 руб. 45¾ коп., Минская — 3 901 671 руб. 79¼ коп., Гродненская — 3 226 059 руб. 87½ коп., Белостокская область — 1 102 587 руб. 41½ коп. Вместе с Витебской (1 307 832 руб. 62¼ коп.) и Могилевской (2 573 098 руб. 24½ коп.) губерниями ущерб от реквизиций был определен в 14 775 108 руб. 40¾ коп. [1, с. 193—195; 14, с. 321; 3, с. 349; 2, с. 239—240].

При этом по Минской губернии ущерб первоначально был определен в размере 3 914 789 руб. 95¼ коп. (из 17 204 561 руб. 79½ коп.), что составляло лишь 22,75% [12, л. 80]. Как сетовало в 1819 г. минское дворянство, эта сумма была исчислена комитетом «по самым умеренным ценам». В нее не были включены «продукты и солома в немалом количестве для многих лаваретов дворянством поставленных и составляющие великотысячную сумму». Правда, дворянство согласилось исключить ее из числа следующей к возврату [8, л. 21—21об.].

Кроме того, Главный комитет оставил без разбора и отверг «соображения о вознаграждении» по следующим предметам: «о поставке в 1812 году под артиллерийских лошадей»; «не исчислил суммы за употребленные подводы»; «не оценил взятые разными воинскими командами и начальниками на почтовых станциях лошадей»; «не исчислил разных материалов у обывателей по росписках как для Бобруйской крепости, так и для полевых батарей и мостов, а также вытребованных у частных лиц по встретившимся для войска надобности плотов и судов»; «не уважил формальных квитанций, в коих было означено о продовольстве токмо какой-либо части войска, как то батальона или роты, о получении продовольствия на 24 часа или более, без ограничения меры и веса»; «о получении вина, означенного в квитанциях бочками по не-

показанию ведер; по взятому сене, когда количество оно определялось не по месту, но по местному обычаю сараями или стогами» [8, л. 21об.—22].

Как же решался вопрос о выплатах? Так, составитель «Исторического очерка Комитета министров» С. М. Середонин в 1902 г. отмечал, что «дела этого рода тянулись необыкновенно долго, и к концу царствования [Александра I] расчеты эти не были кончены» [13, с. 247]. Проследим это на примере той же Минской губернии.

Из суммы в 3 914 789 руб. 95¼ коп. [8, л. 21—21об.], назначенной к уплате в 1816 г., впоследствии было вычтено еще 13 118 руб. 16 коп. серебром, которые пошли на содержание самого комитета. Кроме того, в 1817 г. дворянство Минской губернии «уступило» третью часть от утвержденной к возврату суммы в надежде решения вопроса «о скорейшей уплате им остальных ... денег». Как говорится в дворянских прошениях, они хотели использовать эти средства «на уплату податей за крестьян своих, разоренных в военное время и ныне чрез неурожай в бедственном положении находящихся» [8, л. 22—22об.].

Как явствует из «Выписки из генеральных отчетов, доставленных к господину министру финансов от Главного в Вильне комитета и ликвидационных комиссий», размер «уступки» по Минской губернии составил 1 210 537 руб. [8, л. 36об.—37].

Таблица

Сколько причислено к платежу				Итого		Из суммы, сомнению не подверженной, уступлено казне	Затем остается к платежу				Итого		
Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.		По документам, сомнению не подверженным		По документам, требующим объяснения		Руб.	Коп.	
3 901 671	79¼	—	—	3 901 671	79¼	1 210 537	—	2 691 134	79¼			2 691 134	79¼

К 1817 г. также были составлены ведомости, в которых значилось, сколько каждому из владельцев того или иного уезда и губернии причиталось компенсации. По запросам владельцев губернский маршал выдавал свидетельства о причитающейся к возврату сумме. В 1818—1823 гг. подобные просьбы, например по Минской губернии, носили массовый характер [7, л. 1—20б].

Приведем лишь один пример. Так, в начале марта 1818 г. к минскому губернскому маршалу М. Зеновичу обратился бывший шамбелан польского двора М. Струмило с просьбой выдать свидетельство о причитающейся ему сумме претензий за реквизиционные поставки для российских войск в 1812—1814 гг. [7, л. 2] И уже 21 марта 1818 г. ему было выдано соответствующее свидетельство на двух языках, за подписью губернского маршала и печатью Минского дворянского собрания. В нем говорилось:

«По желанию обывателя Бобруйского повета Минской губернии г-на Михаила Струмилы шамбелана бывшего Двора Польского, что сходно ве-

домости о признанных чрез бывший Виленский военных надобности комитет за доставление продуктов за квитанциями для войск его императорского величества в 1812-м году во время войны наградах в числе прочих Бобруйского повета помещиков для г-на Михайла Струмилы шамбелана сумма рублей две тысячи восемьсот восемь, копеек сорок ему с казны надлежащая признана» [7, л. 4, 5].

Подобные просьбы носили не только индивидуальный характер, были и коллективные обращения. Так, 28 мая 1823 г. к заступающему место минского губернского маршала, минскому уездному маршалу Т. Свенторжицкому обратились представители Туровского прикагалка (Берка Ицкович, Овсей Литман, Нахманович Каробич) с просьбой о выдаче свидетельства о причитающейся кагалу сумме претензий за реквизиционные поставки [7, л. 33]. И уже 29 мая 1823 г. они получили требуемое свидетельство. В нем говорилось, что «в присланной ведомости по делам Минской губернии, утвержденной Виленским главным комитетом для военных повинностей, между исчисленными суммами для помещиков и жителей Минской губернии за разные припасы для российских войск в 1812, 1813, 1814 и 1815 гг. доставленные, по Мозырскому повету под № 1448 значится, что Туровскому прикагалку от 13 мая 1812 и в 1813 г. всего ассигнациями и медью» 2640 руб. 89¼ коп. [7, л. 40].

Однако к началу 1820 г. выплаты не начались. Как сообщал 7 апреля 1820 г. министр внутренних дел на запрос минского губернского маршала, решить этот вопрос пока не удастся, поскольку «из некоторых губерний не доставлено комиссии окончательных ликвидационных расчетов». Министр представил этот вопрос на рассмотрение Комитета министров с предложением назначить 2-месячный срок для доставления расчетов и надеялся, что дело «скоро будет приведено к окончанию» [8, л. 22].

В 1821 г. рассмотрение ликвидационных расчетов император поручил «особо учрежденному в столице Комитету» — Комитету провиантских дел Военного министерства. Ему же передавались и все документы по этому вопросу из Министерства финансов. При этом преимущественное «удовлетворение» должны были получать губернии, которые внесли пожертвования в казну [8, л. 22об.—23]. В связи с этим осенью 1821 г. виленский вице-губернатор прислал в комитет «ликвидационные счетные книги» и документы Главного комитета военных повинностей с квартальным офицером «в двух больших тюках» [8, л. 49].

Однако возмещения ущерба дворяне белорусских губерний, несмотря на постоянные напоминания [8, л. 23], при жизни Александра I так и не дождались. Дело в том, что Комитет провиантских дел отказался рассматривать в первую очередь претензии, установленные Главным комитетом в Вильно. Мотивировалось это тем, что сведения были представлены не по формам. Как отмечалось в представлении Комитета провиантских дел военному министру, «счеты оные составлены без разделения рода войск, и со-

всем не по тем формам, которые от Комитета предварительно были к губернаторам разосланы». Поэтому «у одного помещика показывается в получении продовольствия несколько полков и в разных годах, следовательно при проверке претензии каждого помещика надобно снова и каждый раз проходить полковые книги и за несколько годов, а как в четырех губерниях множество находятся различных имений, а в целой армии различных полков и команд, то таковая проверка требует неимоверного труда и продолжения времени» [8, л. 49—49об.].

Еще 12 октября 1821 г. Комитет провиантских дел просил военного министра «оставить те книги и документы в таком виде, как они доставлены», поскольку «без составления по означенным формам счетов нельзя производить с успехом в оном ревизии по ограниченному штату его в чиновниках и множеству других дел». Таким образом, провиантские чиновники пытались переложить составление новых счетов на местных губернаторов. Поэтому руководитель комиссии просил военного министра, чтобы тот уговорил А. М. Римского-Корсакова прислать счета по формам, как и «не доставленные книги дворянских чиновников» [8, л. 49—49об.].

Однако литовский военный и гражданский губернаторы отклонили эту просьбу. Как сообщал военному министру 12 октября 1822 г. управляющий Виленской губернией, он решительно отказывается «от составления требуемых по форме счетов Виленского главного комитета». Свой отказ губернаторы мотивировали тем, что все расчеты, составленные Главным комитетом, были отосланы в Министерство финансов еще в 1817 г., а в 1821 г. в Комитет провиантских дел были отправлены «книга и документы, основанием тех расчетов служащих». Поэтому нет никакой возможности «из черновых бумаг бывшего там Ликвидационного комитета составлять требуемую Провиантским комитетом по присланной форме ведомость» [8, л. 47]. К тому же, после упразднения Главного комитета в Вильно была упразднена и его бухгалтерия. Поэтому пришлось бы снова «определять особых чиновников, знающих счетное дело», без которых «нет никакой возможности заняться столь огромным делом» [8, л. 49об.—50]. 30 октября 1822 г. это представление военный министр направил в Комитет провиантских дел.

В свою очередь Комитет провиантских дел ответил, что тогда будет заниматься рассмотрением счетов, присланных по форме из других губерний, а «счета же Виленского главного комитета будут оставаться к тому последними». Свое решение провиантские чиновники объясняли тем, что в противном случае на долгое время будет остановлено «удовлетворение тех обывателей, о претензиях коих ликвидационные счета составлены по форме удобной к обревизованию» [8, л. 50—50об.].

9 декабря 1822 г. барон П. И. Меллер-Закомельский сообщил Комитету провиантских дел, что ссылки того на «ограниченность своих способов и трудность проверки ликвидационных претензий» не основательны [8, л. 47об.].

Отказ же виленского руководства от составления новых форм вполне объясним. «Составление счетов из черновых бумаг само собою затруднительно, — говорилось в отношении военного министра, — да и дело сего рода требует особых и знающих бухгалтерию чиновников, а определение таковых в Вильно доставит излишнюю для казны издержку. С другой же стороны, и обыватели, собственность свою вверившие казне в нужное время, не могут надолго лишиться возврата ее потому только, что правительство затрудняется в проверке расчетов, составленных в прочем особым в губернии местом, которое учреждалось из многих высших губернских чиновников под начальством военного губернатора». К тому же, есть решение Комитета министров [8, л. 43—46об.], что проверку следует начать «с тех губерний, кои . . . сделали в пользу казны значительные уступки» [8, л. 47об.]. Поэтому военный министр «рекомендовал» Комитету «заботиться, по мере возможности, к скорейшей проверке ликвидационных счетов» [8, л. 48].

Тем временем дворянство Минской губернии, недовольное промедлением дел по возврату реквизиций, через слущкого уездного маршала А. Непокойчицкого и губернского маршала М. Зеновича обратилось к императору с просьбой ускорить этот вопрос. Александр I через графа А. А. Аракчеева поручил графу В. П. Кочубею сосредоточить все дела «о удовлетворении претензии дворян Минской губернии, за поставленное в разные времена для войск продовольствие», в Министерстве внутренних дел [8, л. 52—52об.]. Кочубей представил этот вопрос на рассмотрение Комитета министров. На заседаниях 21 октября и 14 ноября 1822 г. министры решили [9, л. 50]: «По претензиям с 1812-го по 1816-й год принято во уважение, что Комитетом поставлены уже общие правила, в рассуждении надлежащего рассмотрения и удовлетворения реквизиционных претензий; что по сим правилам, преимущественно рассмотрены быть должны счета ликвидационных комиссий, по тем губерниям, которые сделали из претензий своих пожертвования в пользу казны». Поэтому в отношении дворянства Минской губернии, которое пожертвовало третью часть из назначенной ему суммы, следует поступить «на таком же основании». Окончательное рассмотрение этих вопросов возлагалось на государственного контролера [9, л. 50об., 53об.—54об.].

После 1823 г. разбор дел по реквизиционным выплатам из Военного министерства был передан во Временную контрольную комиссию по части провиантской Государственного контролера (руководитель — чиновник 5-го класса Д. Николаев). В случае возникновения каких-либо сомнений по квитанциям она делала запросы к губернаторам о наличии документов, подтверждающих реквизиции [6, л. 66—77].

Когда начались выплаты — пока точно установить не удалось. Однако известно, что до 1830 г. они не производились, а после восстания 1830—1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси — и вовсе были «заморожены». Вероятно, расчеты правительства с жителями белорусских губерний начались в

1850-е гг. В 1856 г. часть выплат была произведена по Минской губернии [7, л. 195—195об., 200—200об.]. Однако из-за смены к этому времени многих собственников имений, с владельцев которых в 1812—1815 гг. взимались реквизиции, разбирательства снова растягивались на десятилетия.

Так, в течение 20 лет из-за реквизиционных денег шла тяжба между Любашевским монастырем Пинского уезда и крестьянами имений Железницы и Пниовно [4, л. 1—70]. Все началось в августе 1856 г., когда в губернское правление поступили 208 руб. 61 коп. [4, л. 31, 34] за поставки провианта в 1812 г. по Пинскому монастырю пиаров [4, л. 1—1об., 12—25]. Поскольку к 1856 г. имения этого монастыря Железницы и Пниовно поступили в казну, крестьяне выставили свои претензии [4, л. 2—3]. В результате между католическим духовенством и ведомством государственных имуществ возник долгий спор о принадлежности реквизиционных денег.

Таким образом, проблема учета материального ущерба, нанесенного жителям белорусских губерний в 1812—1815 гг. и его возмещения, была очень сложной. Для ее решения со стороны правительства потребовалось значительное время и большие усилия. В наиболее сжатые сроки, к 1817 г., был произведен подсчет материального ущерба. При этом, единственной статьёй признанных правительством претензий были реквизиционные поставки продовольствия, фуража и скота за 1812—1815 гг. Остальные статьи ущерба (поставки подвод, соломы и т. д.) властями не учитывались. Относительно быстрое составление ликвидационных счетов объясняется заинтересованностью в этом дворянства белорусских губерний, которое в целях скорейшего возмещения реквизиционных долгов правительства, дважды жертвовало часть своих претензий в пользу казны. В первый раз (до 1815 г.) оно согласилось на сокращение своих претензий в размере, необходимом на содержание Главного комитета военных повинностей в Вильно, его губернских и уездных учреждений, и второй раз — в 1817 г., в размере третьей части долга, которая шла на проверку ликвидационных счетов в центральных учреждениях.

В то же время вопрос о компенсационных выплатах жителям белорусских губерний решался гораздо медленнее. Основная причина затягивания его на десятилетия заключалась, с одной стороны, в бюрократическом механизме перепроверки ликвидационных счетов (Министерство финансов, Военное министерство, Государственный контролер), а с другой — в желании правительства отсрочить выплаты по своим долговым обязательствам. В результате это привело к тому, что компенсационные выплаты производились фактически спустя 40 лет после производства реквизиций. При этом окончательные расчеты с потерпевшими приостанавливались из-за восстания 1830—1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси, а также из-за смены первоначальных собственников имений, с которых производились реквизиции.

Список использованных источников и литературы

1. Ерашэвіч, А. У. Уплыў напалеонаўскіх войнаў на грамадска-палітычнае жыццё Беларусі (1799—1815 гг.). Дысэртацыя на саісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук / 07.00.02, А. У. Ерашэвіч. — Мінск, 2003. — 211 с.
2. Лукашэвіч, А. М. Беларусь напярэдадні і ў час вайны 1812 г. : вучэб.-метад. комплекс для студэнтаў гіст. фак. спец. 1-21 03 01 «Гісторыя» / А. М. Лукашэвіч. — Мінск: БДУ, 2004. — 291 с.
3. Михайловский-Данилевский, А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году: в 4 ч. / А. И. Михайловский-Данилевский. — СПб.: Военная типография, 1839. — Ч. 4. — 397 с.
4. НИАБ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 549. Дело о взыскании Любашевским монастырем Пинского уезда реквизиционных денег за поставку продовольствия для армии в 1812 г.
5. Там же. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2914. Дело о возмещении убытков, причиненных учителям и ученикам Минской семинарии французскими войсками.
6. Там же. Ф. 320. Оп. 1. Д. 14. Отношение минского вице-губернатора В. Гечевича от 30 июня 1817 г. о создании Комитета по возмещению убытков, причиненных неприятелем населению 12 губерний; сведения о поставках фуража и продовольствия для русских войск населением Минской губернии во время войны 1812 г. Переписка Канцелярии минского губернского предводителя дворянства с минским губернатором, уездными предводителями дворянства по этому вопросу.
7. Там же. Д. 25. Объявления помещиков Минской губернии о возмещении им убытков за поставки фуража и продовольствия для армии в 1812 г.
8. Там же. Д. 45. Дело по ходатайству минского губернского и случского уездного предводителей дворянства перед МВД о возмещении денежных сумм дворянству Минской губернии за поставку фуража и продовольствия для войск в 1792—1796, 1806—1807, 1812—1815 гг. и др.
9. Там же. Оп. 3. Д. 1. Сведения о денежных суммах, хранящихся в Минском приказе общественного призрения и причитающихся дворянству Минской губернии за поставки фуража и провианта для войск.
10. Там же. Ф. 333. Оп. 4. Д. 1219. Дело по представлению минского губернатора о представлении сведений о пособиях, выделенных казной разоренным в войну 1812 г. жителям.
11. Там же. Оп. 24. Д. 28. Дело по прошению арендатора Скакуновского староства Речицкого уезда помещика Оскерко о выплате ему недобора дохода за 1812—1815 гг.
12. Там же. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 4. О предоставлении провианта и фуража войскам.
13. Середонин, С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1. Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 — 1825 г. ноября 19) / С. М. Середонин. — СПб.: Издание канцелярии Комитета министров, 1902. — IX, 607, II с.
14. Iwaszkiewicz, J. Litwa w r. 1812 / J. Iwaszkiewicz. — Kraków; Warszawa: Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1912. — XIV, 439 s.
15. Iwaszkiewicz, J. Rejestracja i indemnizacja strat wojennych na Litwie po r. 1812 / J. Iwaszkiewicz // Likwidacja skutków wojny w dziedzinie stosunków prawnych i ekonomicznych w Polsce. — Warszawa, 1917. — Т. 2. — S. 129—146.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 01.03.2010

ДА ПРАБЛЕМЫ ФУНКЦЫЯНАЛЬнай СТРАТЫФІКАЦЫі СТАРАБЕЛАРУСКАй МОВЫ ў ВКЛ XIV—XVIII стст.

Адным з найважнейшых пытанняў гістарычнага беларускага і ўкраінскага мовазнаўства з'яўляецца пытанне аб функцыях і стратах старабеларускай (стараўкраінскай) мовы. Пытанне пра тэрмін для наймення гэтай мовы, ужо дастаткова забытанае ў навуцы, трэба пакінуць у баку (яно не звязана з тэмай гэтай працы, хаця і заслугоўвае асобнага даследавання, гл. напрыкл.: [1, с. 12—16; 12, с. 35—39; 22, р. 97—105]). Абмеркаванья будучы толькі тыя тэрміны, што выкарыстоўваюцца ніжэй.

У дадзенай працы для супольнай пісьмова-літаратурнай мовы беларусаў і ўкраінцаў XIV—XVIII стст. ужываецца яе гістарычнае найменне — *мова руськая* (хаця наконт такога выкарыстання маюцца пярэчанні [2, с. 39—40]), і толькі калі гаворка ідзе пра іншыя значэнні або канатацыі, што надаюць гэтай тэрміну цыгуемья аўтары, ён выкарыстоўваецца ў сваім гістарычным напісанні (*язык руський*). Менавіта гэты лінгвонім ужывалі самі носьбіты (карыстальнікі) гэтай мовы, усведамляючы сябе *русинамі*, *руськім* народам, і гэтак іх і іх мову трактавалі тады і суседнія народы (параўн.: польск. *język ruski*, ням. *Reus(s)ische Sprache*), і заходняя вучонасць (лац. *lingua R(h)ut(h)enica*), супрацьпастаўляючы русінаў і іх мову маскавітам і іх мове. У сучасным беларускім мовазнаўстве і сам тэрмін, і яго напісанне (з *ь*) амаль не ўжываецца, хаця ён часта сустракаецца ў працах многіх заходніх лінгвістаў. Менавіта на падставе гістарычнай традыцыі трэба настойліва рэкамендаваць яго выкарыстанне і ў цяперашніх працах беларускіх вучоных, прычым у напісанні з *ь* (якога беларускія лінгвісты пазбягаюць з-за боязі «аддаць» гэтую мову ўкраінцам), паколькі напісанне *рускі* (*руски*, *русский*), сапраўды, больш частае ў даўніх помніках, не падыходзіць для беларускай арфаграфіі*. Напісанне *рускі* / *руски*(*й*) без *ь* неадпаведнае яшчэ і таму, што яно можа пазначаць таксама адміністрацыйна-актавую мову Масковіі (т. зв. старарускую мову), паколькі ад'ектыў *рускі*, утвораны ад назвы *Русь*, можа стасаватца з любымі аб'ектамі, звязанымі з Руссю.

Тэрміны *старабеларуская*, *гесп. стараўкраінская* мова, якія звычайна выкарыстоўваюцца зараз у беларускім або, адпаведна, украінскім мовазнаўстве, карэктныя хіба што пры апісанні гістарычнай граматыкі і дыялекталогіі [1, с. 17] ці пры высвятленні прыватных асаблівасцей мовы або рыс асобнага помніка. Аднак гэтыя тэрміны атрымліваюцца неадэкватнымі аб'екту даследавання, ледзь толькі гаворка заходзіць пра наддыялектны характар *руськай мовы* (праўда, такую гаворку рэдка заводзяць беларускія і ўкраінскія лінг-

* Хаця ў даўніх заходніх крыніцах гэты тэрмін таксама ўжываўся: лац. *lingua rus(s)ica* часам супрацьпастаўлялася *lingua moscovi(t)i ca* (мове Масковіі), а самі *russi* супрацьпастаўляліся *moscovitae* (жыхарам Масковіі).

вісты), яе супольнасць беларусам і ўкраінцам XIV—XVIII стст. Часам прымяляюцца груваздкія тэрміны кшталту *старабеларуская-стараўкраінская* (*гесп. стараўкраінская-старабеларуская*) мова, аднак практычна іх выкарыстоўваць немагчыма. Іншыя тэрміны, кшталту *літаратурна-пісьмовая мова ВКЛ* ці *канцылярская мова ВКЛ*, не толькі груваздкія, але і рызыкаўныя, паколькі неадэкватныя свайму аб'екту (у ВКЛ (ці нават толькі ў яго канцылярыях) выкарыстоўвалася не адна літаратурна-пісьмовая мова, а шмат).

Некаторыя даследчыкі называюць *руськую мову* інакшым тэрмінам — *простая мова*, які зручны ў многіх адносінах, перш за ўсё тым, што пазбаўлены этнічнай канатацыі і дазваляе падкрэсліць наддыялектнасць і адзінства гэтай мовы. Напэўна, упершыню ўжыў гэты тэрмін расійскі лінгвіст М. Талстой [18, с. 248] (перадрук гэтай працы гл.: [19, с. 52—87]); [19, с. 63], а затым яго папулярываваў іншы расійскі мовазнавец, Б. Успенскі, які даў неаблігі нарыс функцыянавання гэтай мовы ў XVI—XVII стст. [20, с. 259—271; 21, с. 386—404]. Тэрмін *простая мова*, аднак, мае значныя недахопы: ён не дазваляе ўказаць на носьбітаў гэтай мовы — русінаў (даўніх беларусаў і ўкраінцаў) і не адмяжоўвае іх мову ад іншых усходнеславянскіх (як і ўвогуле іншых славянскіх ды і нават неславянскіх) моўных утварэнняў. Напрыклад, у XVI ст. «простай мовай» называліся таксама польская і літоўская мовы — у супрацьпастаўленне лаціне: *mowa prosta (gruba, pospolita), prasty szadei* [22, р. 106—107, 109—113, 116]. Яшчэ адна загана гэтага тэрміна — ён спараджае шэраг хібных уяўленняў, быццам: а) такая мова была максімальна набліжана да гутарковай мовы ці б) ужывалася толькі ў супрацьпастаўленні сакральнай мове (пераважна царкоўнаславянскай). Таму адны вучоныя тлумачаць тэрмін *простая мова* як «някніжная, невучоная, гутарковая мова» — *vernacular* [26, р. 616—619, 621—622; 22, р. 114—115], што здаецца спрашчэннем, іншыя ж лічаць, што *простая мова* выкарыстоўвалася толькі як «інструмент для лучшего понимания авторитетного церковнославянского текста» [8, с. 233], што, натуральна, не так. У гэтай мове прысутнічаў значны лік кніжных слоў (у т. л. царкоўнаславянізмаў) і паланізмаў, меўся кніжны сінтаксіс [20, с. 261; 21, с. 388—389], што наўрад ці магло спрыяць лепшаму разуменню царкоўнаславяншчыны або было лепш зразумела прадстаўнікам народа.

Назва *простая мова* лічыцца старабеларускім перакладам лац. тэрміна *lingua rustica* «вясковая мова» ці *lingua vernacula* «мясцовая мова» (у пераносным сэнсе — «прафанная мова»), процілеглы яму тэрмін — *lingua sacra* «сакральная мова» (у пераносным сэнсе — «мова для (п)асвечаных») [20, с. 261—262, 273; 21, с. 388—389, 407]. Але М. Мозар прапанаваў іншае паходжанне тэрміна *простая мова* — ад ням. *die gemeine Sprache* «агульная, простая мова», засведчанага ўпершыню ў 1384 г. і папулярнага ў эпоху Рэфармацыі [8, с. 225—227]. Аднак яму запярэчыў А. Даніленка [22, р. 105—106, 113—114], які грунтоўна давёў, што ў беларуска-ўкраінскае пісьменства тэр-

мін *простая мова* быў запазычаны хутчэй за ўсё з польскай мовы [22, р. 106 і наст.]. У любым выпадку, тэрмін *простая мова* ва ўсходнеславянскім арэале заўжды супрацьпастаўляўся царкоўнаславянскай мове [20, с. 260—261; 21, с. 388—389] і звычайна не тычыўся актавага канцылярскага пісьменства [11, с. 168—169], а выступаў у спалучэнні з сацыяльнай тэрміналогіяй кшталту *мова (для) простаго люду* ці этнічнай тэрміналогіяй: *простымь руськимь языкомь*. Таму нярэдка ён сінанімізаваўся (*простый руський діалект* (Лаўрэн Зізаній), *языкь простой руский* (Мялет Сматырыцкі), *езикъ посполитый, російская бестода общия* і інш.), што дарэчы замінае яго тэрміналагізацыі. Гэта быў сацыялінгвістычны тэрмін, які паказваў статус мовы ў грамадстве, яе прэстыжнасць (праз адносіны да рэлігіі). Таму ён сустракаўся і ў іншых славянскіх краінах, пазначаючы ў асноўным мову, вольную ад царкоўнаславянскіх традыцый [8, с. 224—225, 227], а таксама ў неславянскіх краінах для пазначэння аналагічнай сітуацыі ў супрацьпастаўленні з лацінскай мовай [22, р. 108—113, 116]. Усё гэта дазваляе адмовіцца ад тэрміна *простая мова* ці лічыць яго дадатковым, і асноўным прызнаць тэрмін *руская мова*.

Тым не менш, некаторыя даследчыкі не толькі актыўна выкарыстоўваюць абодва тэрміны, але і супрацьпастаўляюць ці размяжоўваюць іх, бачачы за імі розныя моўныя ўтварэнні. На падставе гэтых тэрмінаў яны будуць вельмі смелыя і разгалінаваныя схемы функцыянальнай стратыфікацыі *езика руського*, вылучаючы ў ім асобныя страты. На жаль, такія схемы не абгрунтаваны лінгвістычным матэрыялам і маюць пераважна спекуляцыйны характар. Яны небяспечныя тым, што задаюць гатовыя параджы для інтэрпрэтацыі моўнага і гістарычнага матэрыялу, што здольна заблытаць неспецыялістаў.

Здаецца, упершыню такія спробы нарадзіліся ў эмігранцкіх працах расійскага даследчыка І. Лапо, які ў даваенны час у незалежнай Літве займаўся вывучэннем Літоўскага статута 1588 г. Мову свайго помніка і ўсяго актавага пісьменства ВКЛ як мову агульнадзяржаўную, канцылярскую ён рэзка супрацьпаставіў мове іншых літаратурных, мастацкіх помнікаў той эпохі, вылучыўшы такім чынам дзве мовы: дзяржаўна-канцылярскую і мову літаратурна-мастацкіх тэкстаў [7, с. 337—339, 343—344]. Першую мову вучоны прапанаваў называць *рускимь языкомь* [7, с. 341, 343, 352—355] ці *литовско-рускимь языкомь* [7, с. 355—356, 363]. Аднак паколькі ён не з'яўляўся лінгвістам, то паслядоўна вытрымаць свой падзел не мог і таму блытаў *руський языкъ* з мовай пісьменства [7, с. 354, 355, 357 і інш.]. Тым не менш, гэтая вельмі спрэчная і блытаная ідэя ў 2-й палове XX ст. была падхопленая некаторымі гісторыкамі і нават лінгвістамі.

Развіццё ідэі І. Лапо (аднак без указання на крыніцу) адбылося ўжо праз некалькі дзесяцігоддзяў у працах канца 1950-х — пачатку 1960-х гг. украінскага лінгвіста П. Плюшча. Ён прапанаваў падзяліць даўнюю літаратурна-пісьмовую мову беларусаў і ўкраінцаў на *рускую* і *простую*: першая існавала

ў XIV—XVI стст. і ўжывалася пераважна як актава-адміністрацыйная, а другая ўзнікла ў выніку яе трансфармацыі ў канцы XVI ст. пад уплывам Рэфармацыі і ў мэтах перакладу Св. Письма, ва ўмовах абуджэння нацыянальнай свядомасці ў беларусаў і ўкраінцаў супраць «агрэсіі католіцизму» [14, с. 46; 15, с. 221—223, 226; 16, с. 94; 17, с. 153—154]. Гэтая *простая мова* ўжывалася ў жанрах, іншых за актавыя: рэлігійна-царкоўных, мастацкіх, навукова-вучэбных і пад., — і ўяўляла сабой мяшанку розных дыялектных элементаў [13, с. 39, 129—132, 142—143; 17, с. 31, 33, 139—142, 153—155, 238—240, 247—248]. Праўда, ніякіх структурных і дакладных функцыянальных параметраў дзвюх вылучаных моў даследчык не прывёў. Ён проста адсылаў да прац розных вучоных, прысвечаных аналізу моўных рыс асобных помнікаў [14, с. 46—47; 15, с. 229—231; 16, с. 92—93] ці пералічваў некаторыя моўныя асаблівасці тагачаснага пісьменства [17, с. 140—141].

Разам з тым П. Плюшч вылучыў яшчэ адну мову — *славянарускую*, што ўзнікла ў 2-й палове XVII — XVIII ст. на грунце царкоўнаславянскай мовы і функцыянавала адначасова з *простай* [13, с. 35, 36, 38—39, 164, 203—206]. Гэта было падтрымана і ўкраінскай лінгвісткай Л. Гумецкай, якая меркавала, што ў XVI ст. са складу *простай*, або *рускай* мовы вылучаецца славянаруская [5, с. 8]. Фактычна пад славянарускай яны мелі на ўвазе ўсходнеславянізаваны варыянт царкоўнаславянскай мовы, у якім украінскі элемент быў невыразны. На думку Л. Гумецкай, *простая*, або *руская* мова адрознівалася ад ранейшай «заходнярускай» толькі ўзмацненнем дыялектных рыс і паланізмаў [5, с. 8]. Пазней да гэтых трох моў (*рускай*, *простай* і *славянарускай*) Плюшч дадаваў дыялектна-народную мову, прадстаўленую ў інтэрмедзях і вершах 2-й паловы XVII — XVIII ст. [17, с. 31].

Праўда, схеме Плюшча прычыць той факт, што *езикъ руський* выкарыстоўваўся ў актава-адміністрацыйнай сферы і ў XVII ст. (гэта прызнае і ён сам [17, с. 153]), а рэлігійныя і мастацкія творы на ім складаліся і ў XV ст. (т. зв. Чэцця 1489 г., *Александрья*, *Троя* і інш.), тады ж, магчыма, узніклі і першыя пераклады біблейных тэкстаў (што таксама вядома Плюшчу [16, с. 95]). Хаця яго погляд быў падтрыманы ўкраінскімі вучонымі [10, с. 100; 4, с. 257—258; 3, с. 44; 5, с. 7, 10], аднак раскрытыкаваны беларускімі [1, с. 231—232]. Мехаістычнасць падобнага падыходу відавочная: існаванне «моў» не столькі адлюстроўвае рэальныя асаблівасці і функцыі моў, колькі прывязана да палітычнай гісторыі даўняй Украіны.

Здаецца, што чыннікам, які прымусіў П. Плюшча да вылучэння дзвюх моў (якія першапачаткова ў яго працах былі двума перыядамі), з'яўляецца тыповы для ўкраінскай гістарыяграфіі падзел гісторыі Украіны XIV—XVIII стст. на два перыяды: «Літоўскую добу» (да 1569 г.) і «Польскую добу». Вучоны проста «знайшоў» лінгвістычныя адпаведнікі для гэтых дзвюх гістарычных эпох. Першапачаткова Плюшч казаў толькі пра два перыяды развіцця *езика руського* (XIV—XV стст. і XVI—XVIII стст. або XIV — 1-я палова

XVI ст. і 2-я палова XVIII ст.) ці два тыпы гэтай мовы [15, с. 220 і наст.; 17, с. 238]. Як гэта было прынята ў савецкай лінгвістычнай навуцы сярэдзіны XX ст., вучоны напачатку веў гаворку пра два стылі гэтай мовы: славянарускі, амаль вольны ад народных элементаў, і «простую мову», набліжаную да жывога маўлення [14, с. 45—46; 15, с. 219—220]. Але, напрыклад, Л. Гумецкая называла славянарускую мову высокім стылем *заходнярускай мовы* [5, с. 7, 8]. Гэта сведчыць пра адноснасць паняцця «мовы», якім аперуюць даследчыкі: яно можа замяняцца іншымі паняццямі — стыль, тып ці варыянт.

Крыху інакшы, але блізкі падыход прадэманстраван на пачатку 1960-х гг. сучаснік Плюшча, украінскі вучоны А. Маскаленка. Ён вылучыў тры пісьмова-літаратурныя мовы, што адначасова функцыянавалі на Украіне ў XIV—XVIII стст.: а) славянаруская мова (фактычна, ён меў на ўвазе мясцовую рэдакцыю царкоўнаславянскай мовы), б) кніжная ўкраінская мова, што ў сваёй аснове была старажытнарускай мовай, але ўвабрала ў сябе шмат жывых, размоўных рыс, в) украінская пісьмова-літаратурная мова, заснаваная на дыялекце, але ўвабраўшая ў сябе шмат кніжных рыс дзвюх папярэдніх моў [10, с. 98, 102]. Ён лічыў, што гэтая апошняя мова пачала развівацца ўжо з XIV ст., а ў XVI ст. «досить повно фіксувалася» у пісьменстве [10, с. 99—100]. Да сярэдзіны XVI ст. гэтыя мовы «загалом мирно співіснувалі і ўзаемадзілі один з одним», але пасля Люблінскай уніі пачалі па-рознаму развівацца [10, с. 102—104]. Фактычна тры мовы Маскаленкі адрозніваліся рознымі суадносінамі гутарковага і кніжнага элементаў, але ніякіх структурных і функцыянальных параметраў трох вылучаных моў даследчык не прывёў. Ён абмежаванне спісам помнікаў вылучанай ім украінскай пісьмова-літаратурнай мовы, складзеным на падставе прац розных вучоных, якія прызнавалі наяўнасць у помніках гутарковых рыс [10, с. 100—102]. Свой спіс ён пачаў з украінскіх грамад XIV — 1-й паловы XVI ст., але асноўная частка помнікаў у яго прыйшла ўсё роўна на XVII і XVIII стст.

Ідэю трох- ці чатырохмоўя, выкладзеную А. Маскаленкам і П. Плюшчом, аднак цяжка прыняць, паколькі яна павялічвае лік моў, якімі карысталіся ў Беларусі і Украіне (натуральна, толькі асвечаная эліта і не ўсімі адначасова), да нейкага неверагоднага шматмоўя (тры ці чатыры «мовы» *езика руського*, царкоўнаславянская, польская, лацінская). З гэтай сітуацыяй відавочна кантрастуе нашмат больш «ураўнаважаная» сітуацыя ў суседняй Польшчы, больш развітай і адукаванай краіне, дзе суіснавалі, аднак, толькі польская і лацінская мовы. Таму наступныя даследчыкі вярнуліся да больш простага схематычнага дзвюхмоўя. Праўда, гэтая сумнеўная ідэя больш ужо не прыцягвала ўвагі вучоных у Беларусі ці Украіне (напэўна, пасля відавочнай няўдачы пабудовы Плюшча і Маскаленкі), але затое яна стала прывабліваць вучоных у замежжы.

Напэўна, першым, хто ў эміграцыі ўспрыняў «двухмоўную схему», быў украінскі мовазнавец Ю. Шавялёў. Канстатаваўшы заняпад *рускай* мовы пад ціскам польскай (хаця ўсе прыклады гэтага прыводзіліся ім з канца

XVI і з XVII ст.), ён сцвярджаў, што пасля 1580 г. утварылася *проста мова*, з жывой прастанароднай асновай і царкоўнаславянскімі ды польскімі дамешкамі, але амаль без беларускіх элементаў [25, с. 565—567]. Такім чынам, схема з дзвюх моў дазваляла Шавялёву абгрунтаваць заняпад беларускага ўплыву і з'яўленне ўкраінскай моўнай самабытнасці ў даўнім пісьменстве. На яго думку, даволі парадаксальную, *простую мову* нельга было ўжываць ў тэкстах Св. Пісьма і высокіх жанрах, такіх, як паэзія і драма [25, с. 567], што, натуральна, не так.

Зусім надаўна да гэтай ідэі «двухмоўя» звярнуўся расійскі даследчык з Польшчы У. Мякішаў, які заняўся вывучэннем мовы Літоўскага статута 1588 г. [11; 12, с. 29—40]. Ён гаворыць пра дзве «мовы», ці пра дзве «разнавіднасці» адной моўнай сістэмы — *русскую* і *простую* мовы [12, с. 33—34]. Нараджэнне першай даследчык звязвае з канцылярскай практыкай ВКЛ XIV ст., а *простай* — з канфесійнымі перакладамі на хвалі ідэі Рэфармацыі 1540-х гг. [11, с. 165—166, 169], прычым *простая мова*, на яго думку, узнікла на грунце *рускай* [11, с. 170]. Галоўнае іх адрозненне — яны абслугоўвалі розныя сферы грамадскага жыцця [12, с. 33], але якія — не пералічана. Даследчык спрабуе знайсці паміж гэтым і структурным адрозненні, і таму ўказвае на розную долю дыялектызмаў і запазычанняў у іх: перавага беларусізмаў і рэдкасць царкоўнаславянізмаў у *рускай мове*, перавага ўкраінізмаў і прысутнасць царкоўнаславянізмаў у *простай мове* [11, с. 169—170; 12, с. 33]. Такім чынам, «разнавіднасці» *езика руського* ў даследчыка абумоўлены дыялектным і іншамоўным матэрыялам: *русская мова* — гэта нейкі польска-беларускі варыянт, *простая* — славяна-ўкраінскі варыянт. Гэты погляд падтрымалі і некаторыя іншыя даследчыкі [23, р. 88—89]. Ён, напэўна, узыходзіць да Б. Успенскага, які лічыў, што ўкраінскі варыянт *простай мовы* больш славянізаваны, а беларускі больш паланізаваны [20, с. 262; 21, с. 390—391].

Аднак гэты погляд не пацвярджаецца фактамі. У межах дастаткова вялікай колькасці тэкстаў у асобным помніку няма прамой карэляцыі паміж лікам беларусізмаў і доляй паланізмаў у ім, як і паміж лікам украінізмаў ды доляй царкоўнаславянізмаў. Наадварот, існуюць помнікі з мноствам царкоўнаславянізмаў і наяўнасцю беларусізмаў, як і помнікі з дамешкамі украінізмаў і прысутнасцю паланізмаў. У тагачасным пісьменстве ўкраінскія помнікі з дамешкамі царкоўнаславянізмаў ці беларускія помнікі з прысутнасцю паланізмаў не ўтваралі выразнай ці адметнай масы, каб можна было казаць пра існаванне нейкіх варыянтаў мовы. Таму ў межах усёй мовы тую дыферэнцыяцыю, якую праводзяць Успенскі і Мякішаў, практычна ажыццявіць нельга [8, с. 248, сн. 46]. Больш таго, розная доля тых або іншых запазычанняў у пэўных жанрах (калі гэта можна назіраць) хутчэй указвае на розныя стылі ці варыянты мовы (як гэта мае месца і ў сучаснай мове), але не на розныя мовы. Аднак перавага паланізмаў ці царкоўнаславянізмаў у выпадку *езика руського* хутчэй за ўсё адлюстроўвае нават не стыль, а толькі маўлен-

чыя (і магчыма, адукацыйныя або культурныя) звычкі і прыярытэты аўтараў ці выкарыстанне імі адпаведных (польскіх або царкоўнаславянскіх) крыніц/ арыгіналаў. Таксама і перавага беларусізмаў ці ўкраінізмаў сведчыць толькі пра паходжанне і выхаванне аўтара, а не пра яго імкненне пісаць на той ці іншай «мове» (што б ні разумелася пад ёю).

Можна звярнуць увагу на выразны крэацыянізм Мякішава, які разглядае мову як нейкі арганізм ці канструкт пэўных стваральнікаў, і таму гаворыць пра розныя «целевыя арыентацыі» (імкненне «подтянуть» гутарковую мову да ўзроўню кніжнай ці «упростить» царкоўнаславянскую), што выклікалі да жыцця абедзве вызначаныя ім мовы [11, с. 169; 12, с. 33]. Чаго варты такі пасаж, які нагадвае стылістыку расійскіх клерыкальных аўтараў XIX ст.: «в XVIII веке она [г. зн. мова] постепенно выгасает, чтобы незаметно умереть естественной смертью от отсутствия чувства меры, иноязычной всеядности и стилистической безвкусицы» [11, с. 167].

Амаль разам з Мякішавым праблема функцыянальнай стратыфікацыі *рускай* мовы апынулася ў цэнтры ўвагі аўстрыйскага славіста М. Мозара. Ён таксама стаў развіваць ідэю пра існаванне ў беларусаў і ўкраінцаў дзвюх моў: актавай *рускай* мовы, што ў XVII ст. прыйшла ў заняпад, і «новай рускай літаратурнай мовы» («neuen ruthenischen Schriftsprache») — *простай мовы* [24, s. 138]. Праўда, ён прапанаваў крыху інакшыя суадносіны паміж імі: *простая мова* з'яўляецца літаратурна апрацаванай формай *рускай мовы*, якая была толькі канцылярскай мовай («деловой язык») [8, с. 221 і наст.]. Але што разумеецца пад літаратурнай апрацаванасцю для той эпохі, не раскрываецца — напэўна, даследчык хацеў сказаць, што гэтая мова выкарыстоўвалася ў неактавых тэкстах: белетрыстыцы, навуковых і рэлігійных творах. Аднак вельмі сумнеўна, што выкарыстанне адной мовы ў розных сферах пісьменства (у актах і ў літаратуры) прыводзіць да распаўсюду яе на дзве асобныя мовы. Ва ўсялякім выпадку, гэта не пацвярджае гісторыя ні польскай, ні нямецкай моў XVI ст., якія шырока ўжываліся ў самых розных сферах. Пазней аўстрыйскі даследчык адзначаў, што *простая мова* складвалася не толькі на грунце канцылярскай *рускай* мовы, але і часткова дыялектных гаворак (Volksprache) [24, s. 138], аднак іх уплыў быў уласцівы і канцылярскай мове.

Хісткасць «двухмоўнай» схемы адчувае і сам аўстрыйскі даследчык, які падкрэслівае, што гэтыя дзве мовы (ці тады ўжо два тыпы мовы?) знаходзяцца ў арганічным адзінстве: *простая мова* ўяўляе сабой толькі разнавіднасць *рускай мовы* [8, с. 227—228, сн. 14; 24, s. 139; 9, с. 179]. Больш таго, *рускае мова* мела і пэўную апрацаванасць, і пэўную наддыялектнасць, як і *простая*, толькі ў адрозненне ад яе была «не настолькі норміравана» — гэта значыць не ўжывалася ў літаратуры, напрыклад, у летапісах і хроні-

* Пры гэтым сама *рускае мова* з'яўлялася пераробкай «дрэвняга деловага языка восточных славян» [8, с. 228].

ках [8, с. 229]. Цяжка згадзіцца, што такая драбязя, як «не настолькі», у дадатак вылучаная суб'ектыўна, вырашае лёс цэлай мовы (ці моў). Але ў чым жа тады яшчэ адрозненне *простай мовы* ад *рускай* — застаецца няясным. На думку Мозара, *рускае мова* ахоплівае нашмат больш разнавіднасцей (у т. л. далітаратурных і нелітаратурных), чым *простая мова*, якая выкарыстоўвалася ўсяго некалькі дзесяцігоддзяў [8, с. 227], хаця ў іншым месцы ён гаворыць, што *простая мова* на дзіва хутка стала поліфункцыянальнай літаратурнай мовай [8, с. 233, 240].

М. Мозар, сцвярджаючы, што *простая мова* ўзнікла ў XVI ст. у выніку літаратурнай апрацоўкі *рускай*, зыходзіць з таго, што мова актаў і юрыдычных кодэксаў XIV—XV стст. не была літаратурна апрацаванай [8, с. 223, 229, 230, 231] (ці дакладней, была не так апрацавана, як у літаратурных творах), аднак гэты тэзіс здаецца вельмі сумнеўным. Менавіта пісары, у адрозненне ад пісьменнікаў (хто б яны ні былі), пісалі рэгулярна і шмат, а таму іх мова была высокаўніфікаваная для свайго часу, у адрозненне ад твораў белетрыстыкі ці навукі, якія ствараліся аўтарамі, што пісалі толькі час ад часу, або пісалі яшчэ на іншых мовах, або набылі на гэтых мовах сваю адукацыю. У дадатак, паводле Мозара атрымліваецца, што да XVI ст. літаратурных тэкстаў на *езику рускомь* не стваралася, а гэта не адпавядае рэчаіснасці (раннія беларускія летапісы, тэксты Чэціц 1489 г. і інш.). Праўда, ён адмаўляе ў апрацаванасці твораў, якія традыцыйна адносяцца да XV ст.: «Пакуты Хрыстовы», «Жыцце Аляксея, чалавека божага», «Аповесць пра трох каралёў-валхвоў», пераклады асобных біблейных кніг, некаторыя містычныя ці філасофскія трактаты, раманы «Троя» ці «Александрыя» і інш., кітабы пачатку XVI ст. [8, с. 230—231]. Робіць гэта даследчык на зусім дзіўных падставах: а) гэтыя помнікі не выяўляюць «асобых тенденцый, накіраваных на норміраванне, каторае не укладвалася бы в рамках деловага языка» (але няўжо стваральнікі летапісаў XVII ст. імкнуліся ўнармаваць сваю мову ці мову літаратуры?); б) яны належаць беларускім католікам (ці этнічным або рэлігійным меншасцям), якія да сярэдзіны XVI ст. не маглі адыгрываць значнай ролі ў грамадскім жыцці; в) былі адзінакавымі помнікамі [8, с. 230, 231]. На такіх падставах можна адхіліць палову твораў Беларусі і Украіны не толькі XVI ст., але і XVII ды XVIII стст. Таму пазней вучоны далучыў гэтыя групы тэкстаў да агульнага літаратурнага працэсу ўтварэння *простай мовы* [24, s. 138—139].

Але першапачаткова Мозар лічыў, што ўзнікненне *простай мовы* прыпадае на сярэдзіну XVI ст. і абавязана ідэям Рэфармацыі, хаця ідэалагічную аснову для гэтага заклаў Францыск Скарына [8, с. 232], у якога ўплываў Рэфармацыі, дарэчы, не заўважаецца. Канчаткова ж працягвае сітуацыю толькі з'яўленне біблейных перакладаў, якія суадносіліся з праграмай еўрапейскай Рэфармацыі (што вельмі сумнеўна) і былі «сознательно написаны на разных вариантах» *простай мовы* [8, с. 232] — даследчык тут мае на ўвазе пераклады біблейных кніг на Беларусі і Украіне 2-й паловы XVI ст. кшталту Евангелія

Цялінскага ці Перасопніцкага Евангелля. Але далей Мозар, як раней Плюшч ды Маскаленка, ніякіх структурных і дакладных функцыянальных параметраў дзвюх вылучаных моў не прыводзіць. Ён, праўда, адзначыў асноўныя рысы, уласцівыя *простай мове* [8, с. 241—248], але яны ў гэтай самай ступені тычацца і *русыкай мовы*. У іншай сваёй працы даследчык пералічвае *русыкія* моўныя асаблівасці як адзіныя, што ўласцівыя ўсёй *русыкай мове* ў той ці іншай сукупнасці яе дыялектаў, беларускіх і ўкраінскіх [24, с. 126—137], але не функцыянальным тыпам гэтай мовы. У якасці ж помнікаў *простай мовы* ён проста назваў буйныя беларускія і ўкраінскія помнікі канца XVI — пачатку XVIII ст. канфесійнай, паўканфесійнай і філалагічнай літаратуры, пераважна друкаваныя [8, с. 233—236], не патлумачыўшы, чаму менавіта іх трэба лічыць прастамоўнымі (а не *русыкімі*), а таксама акрэсліў некаторыя сферы ўжытку *простай мовы* [8, с. 237—240]. Аўстрыйскі даследчык яўна імкнецца размежаваць актавую мову і мову літаратуры (у дадатак звязаўшы пачатак апошняй з уплывам Рэфармацыі), але не зразумела, чаму гэта павінны быць розныя мовы, ды яшчэ з асобнымі назвамі? Чаму польская мова, што ў той самы час ужывалася ў аналагічных сферах, не падзялялася на падобныя агрэгаты? Сваім пералікам Мозар фактычна толькі аддзяліў літаратурныя і рэлігійныя творы ад актавых, але з аднаго гэтага яшчэ не вынікае розніца моў, як гэта бачна на прыкладзе той жа польскай мовы.

Больш таго, аўстрыйскі славіст увесь час агаворваецца, што не ўсе літаратурныя творы пісаліся на *простай мове*. Так, «Дзённік Еўлашоўскага» напісаны на «інтэрасном языке, не совпадающем с» *простай мовай* [8, с. 236], тады як на *русыкай мове* пісаліся інтэрмедзіі [8, с. 227, сн. 14], а мова люстрацый (г. зн. актаў!) вельмі блізкая да ўкраінскіх і беларускіх народных гаворак, таму яе цяжка назваць *простай мовай* [8, с. 236—237]. Праўда, Мозар уцяма не тлумачыць, як *простая мова* далей суадносілася з *русыкай мовай*; пра апошнюю мімаходзь гаворыцца, што яна пасля ўзнікнення *простай мовы* пачынае паступова «выгасаць» [8, с. 237, сн. 31] — зусім у духу Мякішава.

Паводле аўстрыйскага даследчыка, галоўным імпульсам для выпрацоўкі *простай мовы* зрабілася незразумеласць царкоўнаславяншчыны і пашырэнне ўжытку польскай мовы ў ВКЛ/Рэчы Паспалітай [8, с. 222—223], якая служыла прататыпам, «ідеологической основой выработки» *простай мовы* [8, с. 255]. Пры гэтым Мозар, як і Мякішаў, займае крэацыянісцкую пазіцыю, дапускаючы нейкае свядомае стварэнне мовы: «в течение XVI века «русские» писатели сознательно выработывали полифункциональный литературный язык» [9, с. 179], або: «Именно в оппозиции к церковнославянскому и польскому языкам и была выработана» *простая мова* — яе разумелі, у адарозненне ад царкоўнаславяншчыны, і прымалі ў якасці «сваёй» тэя, хто не ўспрымаў польскую мову і польскае пісьмо [8, с. 223]. Цікава, а адкуль жа тады ў *простай мове* браліся шматлікія паланізмы, калі яе стваральнікі не ўспрымалі польскай мовы? І як тады вытлумачыць, што на *простай мове* пі-

салі таксама і аўтары, якія добра ведалі па-польску (і пісалі таксама на польскай мове)? Крэацыянізм Мозара выразна праяўляецца і ў тых патрабаваннях, што выстаўляюцца да *русыкай мовы*: «До XVI в. расширение коммуникативных функций «русского» языка еще никем не выдвигалось в качестве осознанно сформулированной задачи» [8, с. 231] — такое патрабаванне для сярэднявечнай мовы ўсходніх славян выглядае мадэрнізацыяй, асучасніваннем.

Прапанаванае рознымі даследчыкамі XX — пачатку XXI ст. размежаванне двух моўных аб'ектаў, што пад назвамі *простая мова* і *русыкая мова* адначасова выступалі ў адным грамадстве ці паслядоўна там змянялі адна адну, павінна быць адхілена [22, р. 99, 109]. У доказ існавання такіх моўных аб'ектаў не было прыведзена ніякага грунтоўнага лінгвістычнага матэрыялу і не было ўказана ні на якія сістэмныя адрозненні паміж імі. Усе прызнанні самастойнасці існавання гэтых двух аб'ектаў ніколі не ішлі далей за дэкларацыі. Гаворка фактычна вядзецца на ўзроўні меркавання і суб'ектыўнай ацэнкі, асабістага бачання і разумення даследчыкам тагачаснай сітуацыі. Аднак такіх спекуляцый недастаткова для вылучэння асобных моўных сістэм ці нават іх нейкіх рэгістраў (напрыклад, функцыянальных).

Нават калі падыходзіць да праблемы з сацыялінгвістычнага пункту гледжання, сама ідэя існавання блізкіх, хаця і розных моў у адным грамадстве, што размяжоўваліся толькі ўжыткам у розных жанрах, выглядае вельмі сумнеўна. Нясна, як маглі скласціся дзве вельмі блізкія мовы (генетычна — аднолькавыя), раздзеленыя паміж сабой толькі функцыянальна, сферамі ўжытку (і то не да канца), прычым не вельмі выразнымі; нясна, як гэтыя дзве мовы маглі суіснаваць на працягу некалькіх стагоддзяў, не робячы прыкметнага ўплыву адна на адну і не зліваючыся паміж сабой у такім уплыве.

Аналіз выкарыстання лінгвонімаў у асобных аўтараў [23, р. 85—87, 88] доказам існавання асобных моў служыць не можа, паколькі лінгвонімы ў Сярэднявеччы часта блыталіся і не мелі стабільнага сэнсавага нападўнення, а погляд аўтараў мог разыходзіцца з рэальным ужыткам. Любыя спасылкі на макаранічныя, мяшаныя, генетычна неаднародныя ці дзвюх- або шматмоўныя (паралельныя) тэксты [23, р. 89—91] бессэнсоўныя, паколькі ўсе такія тэксты — гэта факты літаратуры ці пісьменства, яны вядомыя ў гісторыі любых моў. Калі паглядзець на сітуацыю і ўжытак суседніх моў, напрыклад, польскай, то там немагчыма знайсці нічога падобнага да супрацьпастаўлення на *простую* і *русыкую* мовы ў межах *езика руськогого*, як гэта прапануецца вышэйадзначанымі даследчыкамі, хаця ў польскіх тэкстах даўняга часу прысутнічаюць усе тэя асаблівасці, што фіксуецца і ў *езику руськомъ*: запазычаныя і дыялектызмы. Так, у польскай мове XVI—XVIII стст. вядома шмат тэкстаў як актавых, так і літаратурных, у т. л. з моцна лацінізаванай мовай, а таксама макаранічных ці афарбаваных розным дыялектным уплывам. Аднак на гэтай падставе ніхто з паланістаў не абгрунтоўвае існаванне ў Польшчы апрача польскай мовы яшчэ нейкай польскай актавай мовы ці

польска-лацінскай мовы або лацінізаванага варыянта польскай мовы. У дачыненні ж да *рускай мовы* такія спробы робяцца настойліва і рэгулярна на працягу апошняга стагоддзя. Ствараецца ўражанне, што яны, прынамсі некаторыя, абумоўлены ціскам кан'юнктуры.

Усе «двухмоўныя» падыходы (І. Лапо, П. Плюшча, А. Маскаленкі, В. Мякішава, М. Мозара і інш.) спекуляцыйныя. Калі імі строга кіравацца, то атрымліваецца, што ў адну эпоху і ў адным соцыуме існавала аж тры і нават больш літаратурна-пісьмовых моў, што выглядае нонсенсам [1, с. 231] і нагадвае заблытаную сітуацыю з літаратурна-пісьмовай мовай Кіеўскай Русі. У дачыненні да гэтай мовы многія даследчыкі таксама вылучалі розныя тыпы ці налічвалі шмат моў: старажытнарускую, царкоўнаславянскую, вусна-паэтычную і інш. (гл. у дэталях [6]). Лёгка ўбачыць, што падыходы П. Плюшча, А. Маскаленкі і інш. нарадзіліся якраз на хвалі савецкіх дыскусій 1950—60-х гг. пра склад і функцыі літаратурна-пісьмовай мовы Кіеўскай Русі. Погляды сучасных замежных даследчыкаў (В. Мякішава, М. Мозара і інш.) хаця і з'яўляюцца водгуллем ранейшых прапаноў, але абумоўленыя цяпер ужо іншай сітуацыяй: прагай вучонага да сенсацыі і экстравагантных пабудоў, якія прыцягваюць увагу навуковай грамадскасці. Такая прага — добра вядомая хвароба сучаснага амерыканскага і еўрапейскага вучонага асяроддзя.

Калі што і можна абмяркоўваць, то прапановы вылучыць у *языку руськимь* тыя або іншыя варыянты, ці тыпы, ці стылі. На першы погляд, у «стылістычным» падыходзе ёсць нейкае рацыянальнае зерне, і падобныя прапановы трэба ўсяляк вітаць. Так, А. Даніленка, украінскі русіст, што працуе ў ЗША, разглядае *рускую* мову і *простую мову* «as stylistically differentiated versions of one secular language» [22, р. 99, 109], «stylistic varieties of one East Slavic vernacular standard inherited from the times of Kyivan Rus'» [23, р. 91] ці «a functional (stylistic) ethno-linguistic continuum, marked by different levels of *dignitas*» [23, р. 87]. Выкарыстанне *рускай* мовы ён адносіць да актава-канцылярскай сферы, але не выключна («and also sporadically in some literary writings» — кшталту апоўвасцей пра Трышчана, Баву ці Трою) [22, р. 99; 23, р. 87, 92, 109], а *простай* — да «new, especially «learned» genres»: палемічных і тэалагічных твораў, паэзіі, граматык, падручнікаў, хронік і г. д. [22, р. 99; 23, р. 91, 109], хаця падкрэслівае, што яна ўжывалася для свецкіх і рэлігійных мэт [23, р. 87]. У дадатак, *руская* мова адрознівалася ад *простай* меншым узроўнем унармаванасці [23, р. 94], хаця на чым даследчык грунтуе такое сцверджанне — няясна. У іншым месцы ён сцвярджае, што *простай мове* былі ўласцівыя «flexible norms and stylistic vagueness» [23, р. 100]. Але самым хісткім і спрэчным момантам яго падыходу атрымліваецца структурнае адрозненне паміж стылямі. Яно ідэнтычнае погляду Мякішава, гэта значыць, розніца паміж стылямі абумоўлена рознай доляй беларусізмаў і ўкраінізмаў, як і паланізмаў ды царкоўнаславянізмаў [23, р. 91—92, таксама гл. р. 96—100, 109], што, як ужо адзначалася вышэй, не адпавядае рэчаіснасці. Тым не менш, даследчык нават на-

стойвае, што доля ўкраінізмаў і беларусізмаў залежыць ад тэматыкі і жанру твора [23, р. 98]. У доказ ён прыводзіць набор павярхоўных прыкладаў (у асноўным арфаграфічных адрозненняў) з выпадкова абраных помнікаў [23, р. 96—100], якія мусяць абгрунтаваць такі тэзіс, аднак гэта вельмі непаказальны матэрыял, у дадатак, хаатычна пададзены. На яго думку, з канца XVI ст. *простая мова* распалася на беларускі (паланізаваны) і ўкраінскі (славянізаваны) варыянты [23, р. 108, 109] — зноў жа, ніякіх доказаў гэтаму няма.

Пры бліжэйшым разглядзе атрымліваецца, што «стылістычны» падыход Даніленкі таксама спекуляцыйны і не падтрыманы моўным матэрыялам. Калі прыняць яго прапанову, то адразу ўзнікнуць шэраг сур'ёзных пярэчанняў метадалагічнага плана. Па-першае, пранікненне мовы ў новыя сферы ўжытку не абавязкова нараджае ў ёй новыя функцыянальныя страты (стылі, рэгістры ці тыпы). Таму цалкам магчыма, што ў *языку руськимь* стылістычная дыферэнцыяцыя не існавала ці была невыразная (напрыклад, як у сучаснай беларускай мове). Па-другое, ці маглі такія розназместавыя і рознажанравыя творы, што ўзніклі ў канцы XVI ст., нарадзіць нейкі агульны і разам з тым асаблівы стыль, які неж прынцыпова адрозніваўся ад стылю ранейшых твораў — хіба не было, напрыклад, у XV ст. палемічных і тэалагічных тэкстаў? Па-трэцяе, няма ўпэўненасці, што тагачасныя карыстальнікі ўсведамлялі сабе наяўнасць у мове пісьменства беларусізмаў ці ўкраінізмаў і ці карысталіся імі як стылевызначальнымі сродкамі. Па-чацвёртае, вельмі вялікія пярэчання выклікае разуменне Даніленкам паняцця стылю. Агульнапрызнана, што стыль звязаны з тэмай і зместам апавядання, яго кампазіцыяй, а таксама з мэтай і характарам паведамлення. Таму цяжка згадзіцца, што стыль твора залежыць толькі ад таго, хто — беларус ці ўкраінец — пісаў твор. У гісторыі *рускага* пісьменства ня мала прыкладаў, калі адзін твор з мінімальнымі (арфаграфічнымі) адрозненнямі перапісваўся па-рознаму на Беларусі і на Украіне. Няўжо ў гэтым выпадку толькі розніца арфаграфіі будзе вызначаць розныя стылі твора? Дарэчы, Даніленка сам лічыць, што доля чужынных дамешкаў у даўняй мове мянялася ў залежнасці ад жанру [23, р. 96, fn. 27], а гэта адмаўляе яго тэзіс.

Канчаткова разбівае ўсе пабудовы Даніленкі прапанаваная ім храналагія існавання *рускай* мовы і *простай*: першая ўжывалася да 1645 г. (а што ж ужывалася ў наступныя гады?), а другая — з сярэдзіны XVI і да пачатку XVII ст., так што *простая мова* пасля 1628 г. не выкарыстоўвалася ў жанрах вучонай паэзіі і школьнай драмы [23, р. 95]. Калі кіравацца такімі храналагічнымі рамкамі, то трэба ўводзіць новую мову (ці мовы) для апісання помнікаў за межамі гэтых рамак. Як бачна, «стылістычны» падыход Даніленкі нічым не адрозніваецца ад ранейшых прапаноў і нараджае тое ж бессэнсоўнае і бясплённае шматмоўе (аўтар сам ужо адмаўляецца ад ідэі стыляў і гаворыць урэшце пра розныя мовы — *рускую* і *простую* [23, р. 100]), у якім губляецца сама ідэя адзінай літаратурна-пісьмовай мовы. Даследчык і сам гэта адчувае, наколькі прыходзіць да высновы, што *язык руський* уяўляў

сабой «a wide range of transitional manifestations with admixtures» іншамойных элементаў [23, р. 96] — гэта амаль дакладна паўтарае вядомую фармулёўку М. Талстога пра «разлічныя манифестацыі літаратурнага языка» русінаў [18, с. 245; 19, с. 61]. У дадатак, Даніленка таксама трымаецца крэацыянізму іншых даследчыкаў, калі гаворыць, што простая мова «was a result of gradual and concurrent systemic adjustments in the vernacular system to match ultimately the emergence of new, especially «learned» genres...» [23, р. 109].

«Стылістычны» падыход Даніленкі ўяўляе сабой прыхаваную версію ранейшых падыходаў Мякішава, Мозара, Плюшча і інш. і нічога новага параўнальна з імі не прыносіць. Украінскі вучоны спрабуе толькі для вырашэння пытання прыстасаваць паняцце стылю, тады як іншыя даследчыкі аперавалі паняццямі «мова», «тып» ці «варыянт». Аднак паняцце стылю ўжываецца ім так недарэчна і бльгана, што нараджае новыя супярэчнасці. Калі ў *езику руськимь* і вылучаць нейкія функцыянальныя страты, то трэба абгрунтаваць іх існаванне надзейным моўным матэрыялам і ўжываць для кваліфікацыі карэктную тэрміналогію. Любыя ж спекуляцыйныя прапановы толькі заблытваюць справу. Сама праблема вылучэння стыляў у даўняй літаратурна-пісьмовай мове складаная і не можа быць вырашана аднымі спекуляцыямі.

Непарушным застаецца ранейшы погляд, выказаны расійскім лінгвістам Б. Успенскім. Ён вылучаў на Беларусі і Украіне толькі адну мову (*простую*, ці *руськую*) і разглядаў яе развіццё як працэс акніжвання, алітаратурвання канцэлярскай мовы, што паступова губляла функцыю актавай мовы і становілася мовай літаратуры, у т. л. канфесійнай [20, с. 262—263; 21, с. 391—392]. Гэты погляд з'яўляецца традыцыйным для беларускай і ўкраінскай акадэмічнай навукі і пакуль не прапанавана ніякіх сур'ёзных падстаў для яго перагляду.

Л і т а р а т у р а

1. Анічэнка У. В. Беларуска-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі. Мінск, 1969.
2. Анічэнка У. В. Да пытання аб беларуска-ўкраінскіх моўных узаемадзеяннях ражыпнай пары // *Slavia*. 1963. Роç. 32. Seš. 1. S. 36—46.
3. Гумецкая Л. Л. Вопросы украинско-белорусских связей древнего периода // Вопросы языкознания. 1965. № 2. С. 39—44.
4. Гумецкая Л. Л. Увагі до ўкраінска-білоруськіх мовних зв'язків періоду XIV—XVII стст. // Дослідження з української та російської мов. Київ, 1964. С. 252—258.
5. Гумецкая Л. Л. Питання стандартизацыі слов'янскіх пісьмно-літаратурных мов старадаўняй добы. Київ, 1968.
6. Клімаў І. П. Кваліфікацыі літаратурна-пісьмовай мовы Кіеўскай Русі: (Гістарыяграфія аднаго забльганага пытання) // Беларускі гістарычны агляд. Т. 11. Сш. 1—2. 2004. С. 220—262.
7. Лаппо И. И. Литовский статут 1588 года = 1588 metų Lietuvos Statutas. Kaunas, 1936. Т. 1: Исследование. Ч. 2.
8. Мозер М. Что такое «простая мова»? // *Studia Slavica Hungarica*. 2002. Vol. 47. С. 221—260.

9. Мозер М. Язык Литовских Статутов и вопрос о его «нормализации» (с синопсисом параллельных мест первого раздела Статутов 1529, 1566 и 1588 гг.) // *Studia Russica*. 2009. Т. 23. С. 177—225.
10. Москаленко А. А. До походження української писемної і писемно-літературної мови // Праці Одеського державного університету (Т. 152). Серія філологічних наук. Вип. 15: Питання слов'янської філології: Мовознавство. Одеса, 1962. С. 97—111.
11. Мякішев В. «Мовы» Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей // *Studia Russica*. 2000. Т. 18. С. 165—172.
12. Мякішев В. Язык Литовского Статута 1588 года. Краков, 2008.
13. Плющ П. П. Нариси з історії української літературної мови. Київ, 1958.
14. Плющ П. П. «Руска мова» на Україні в XVI—XVII вв. // Начальный этап формирования национального языка. Ленинград, 1960. С. 45—48.
15. Плющ П. П. Русская «простая мова» на Украине в XVI—XVII вв. // Начальный этап формирования русского национального языка. Ленинград, 1961. С. 219—236.
16. Плющ П. П. До питання про так звану «просту мову» XVI—XVIII стст. на Україні // Питання історичного розвитку української мови. Харків, 1962. С. 92—96.
17. Плющ П. П. Історія української літературної мови. Київ, 1971.
18. Толстой Н. И. Взаимодействие локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII в.) // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов; Доклады советской делегации. Москва, 1963. С. 230—272.
19. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. Москва, 1988. С. 52—87.
20. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII). München, 1987. (*Sagners slavistische Sammlung*, 12).
21. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). [3-е изд.] Москва, 2002.
22. Danylenko A. On the Name(s) of the *prostaja mova* in the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Studia Slavica Hungarica*. 2006. Vol. 51. Nr. 1—2. P. 97—121.
23. Danylenko A. «*Prostaja mova*», «*Kitab*», and Polissian Standard // *Die Welt der Slaven*. 2006. Bd. 51. Nr. 1. S. 80—115.
24. Moser M. Mittelruthenisch (Mittelweißrussisch und Mittelukrainisch): Ein Überblick // *Studia Slavica Hungarica*. 2005. Vol. 50. Nr. 1—2. S. 125—142.
25. Shevelov G. Y. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1979 (*Historical phonology of the Slavonic language*, Vol. 4).
26. Shevelov G. Y. *Prosta čadъ* and *Prostaja mova* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988—1989. Vol. 12—13: Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine / General ed. O. Pritsak, I. Ševčenko. P. 593—624.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 21.05.2010

**ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ
ДА ПЫТАННЯ АБ ПАДРЫХТОЎЦЫ
ЗАКАНАДАЎСТВА РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ
АБ МЯЖЫ ПАСТАЯННАЙ ЯЎРЭЙСКОЙ АСЕЛАСЦІ**

Пасля трох падзелаў Рэчы Паспалітай (1772, 1793, 1795 гг.) большасць яўрэяў Расійскай імперыі пражывала на тэрыторыі яе заходніх губерняў, у т. л. Полацкай і Магілёўскай. З таго часу ва ўрадавых сферах неаднаразова разглядалі тутэйшых яўрэяў у якасці галоўных віноўнікаў розных сацыяльных бедстваў на далучаных землях. Лічыцца, што досыць ліберальны расійскі імператар Аляксандр I 9 лістапада 1802 г. заснаваў спецыяльны камітэт для распрацоўкі «тихих, умеренных и постепенных мер» адносна пражывання яўрэяў у Расійскай імперыі. Царскія заканадаўцы пры гэтым разлічвалі на хуткую і станоўчую рэакцыю на месцах, дзе, тым не менш, прасілі адкласці рэформу на 10—15 гадоў [1].

Намаганнімі шэрагу даследчыкаў гісторыі яўрэйскага пытання ўжо разгледжаны некаторыя пытанні дзейнасці гэтага камітэта, аднак яны кранаюцца пераважна трактоўкі вядомага закону ад 9 снежня 1804 г., распрацаванага камітэтам [2]. У ланцугу гэтых намаганняў адсутнічае шмат істотных звянаў, асабліва якія тычацца падрыхтоўчай працы камітэта.

З гэтых прац ніжэй змяшчаюцца два дакументы, знойдзеныя ў Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў у фондзе «Унутранае ўпраўленне», куды трапілі раней сакрэтныя матэрыялы з калекцыі расійскіх імператараў. Адзін дакумент — гэта даклад, ці «думка», Сената адносна дазволу яўрэям гандляваць і сяліцца ва ўнутраных губернях Расіі і які дэманструе хістанні заканадаўчай улады паміж распаўсюджваннем на яўрэяў агульнаграмадзянскіх правоў і жаданнем пакінуць іх на выключным становішчы ізгояў (Дак. № 1). Важна, што гэты дакумент з'явіўся за паўгода да стварэння ўпамянутага камітэта ў Сенаце, дзе ўжо разглядаліся вынікі сенацкай інспекцыі Г. Дзяржавіна ў Беларускаю губерню ў 1800 г. і які прама называў яўрэяў адказнымі за голад беларускага сялянства. Другі дакумент характарызуе нягэўную пазіцыю, якую заняў збіральнік і выдавец старажытнасцяў, заснавальнік знакамітай бібліятэкі, сенатар і член Дзяржсавета, граф Мікалай Пятровіч Румянцаў (1754—1826). Гэты тэкст цікавы разважаннямі і матывамі адносна неабходнасці паблажлівых адносін да ўсіх катэгорый яўрэяў і рэарганізацыі іх жыцця двума этапамі — спачатку на далучаных землях, а потым паўсюдна. Гэты дакумент без подпісу і даты, але аўтарства і час складання ўстаноўлены на падставе тлумачальнай запіскі, змешчанай у пачатку архіўнай справы.

Усе дакументы рукапісныя і не маюць назваў. Загалоўкі дадзены публікатарам. Дакументы прыведзены на мове арыгіналаў з захаваннем тагачаснай стылістыкі, з улікам правілаў сучаснага правапісу.

**1. Доклад Правительствующего Сената императору Александру I
по вопросу об оптовой торговле еврейских купцов Беларуси
в Москве и Санкт-Петербурге**

Всепресветлейшему, державнейшему, великому государю императору и самодержцу всероссийскому, от правительствующего Сената.

Белорусскаго еврейскаго купечества поверенный Шолом Юдович в поданном ныне правительствующему Сенату прошении изъясняет, что в столичном городе Москве евреям, несмотря на то, что они купцы 1 и 2-й гильдии или их прикащики, не токмо запрещается иногда производить оптовую торговлю, но даже и проживать временно для доправления старых долгов или хождения по тяжбыным их делам, а как сие происходит единственно по неведению сделанного правительствующим Сенатом на предложение бывшего Санкт-Петербургскаго городского правления камеральнаго департамента, чтоб запретить евреям иметь подобную торговлю в Санкт-Петербурге, постановления, изображеннаго в указе от 30-го августа 1800 года, в коем ясно разрешено, что они не должны отчуждены быть от общих прав и выгод всем российским верноподданным высочайше предоставленным, то и просит о дозволении евреям 1 и 2-й гильдии купцам и их прикащикам торговать оптом в Москве и проживать тамо временно для исправления их надобностей, учинить тамошнему губернскому правлению предписание.

Вышеприведенный указ правительствующего Сената 1800-го года августа 3-го последовал по поводу жалобы белорусских евреев купцов 1 и 2 гильдии о запрещении производимой ими здесь пред сим оптовой торговли и истребованнаго против сей жалобы от бывшего здесь городского правления объяснения. В указе оном предписано, что правительствующий Сенат определение городского правления о недозволении из евреев купцам записываться в Санкт-Петербургское купечество и мещанство признает основательным и изданному об них в 1791-м году 23-го декабря узаконению соответствующим. В разсуждении того, чтоб евреям, кои, по мнению онаго правления, должны быть исключены из общаго правила прочих народов, так как имянно назначено, в каких губерниях могут они записываться в купечество, запретить таковую торговлю, ими здесь производимую, а вместо того позволить им торговать оптом через прикащиков или комиссионеров из русских купцов, дабы чрез то воспользовавшись жалованьем или некоторою частию от барыша россиян, а не евреи дано на замечание оному правлению. Как в законе нет положения на производящих повсеместно торг, чтоб отправлять оный посредством поверенных из русских людей, то и заключение, что барыш в торговле преимущественнее принадлежит россиянину, не может почтеться основанием. Сверх того, из евреев купцы и их поверенные, обитающие в России, состоя в государственном окладе с платежом двойной подати, несут одинаковыя со всеми верноподданными повинности, следственно, не должны они быть отчуждены от общих прав и выгод

в торговле и промыслах для вящего поощрения к распространению сея отчасти общественного блага не токмо жительствовающим в России, но и чужеземным под именем гостей по высокомонаршим узаконениям дарованных, почему и не может быть принято в уважение предполагаемое тем правлением воспрещение в производимой купцами из евреев 1 и 2-й гильдии оптовой торговле, которою должны они пользоваться на прежнем основании, как в 10-й и 110-й высочайше изданного о городах положения узаконено.

Между тем, в последствие времени из опытов по коммерческой части известно, что евреи предоставленную в промыслах их свободу употребляют во зло, привозя контрабандные товары и поддельвая на них штампы, причиняют не токмо вред, но и самый подрыв государственной торговле. В отвращение такового злоупотребления, основываясь на высочайших блаженныя и вечной славы достойныя памяти государыни императрицы Екатерины Алексеевны Вторья указах, данных правительствующему Сенату в 1791-м году декабря 23-го и 1794-м году июня 23-го, в коих изображено: в 1-м, евреи не имеют никакого права записываться в купечество во внутренния российские города и порты, а только пользоваться им правом гражданства и мещанства в Белоруссии, во-2-м, при установлении с евреев сбора подати вдвое против купцов и мещан христианского исповедания, позволено евреям отправлять купеческия и мещанския промыслы в губерниях Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской и в области Таврической и записаться по городам оных губерний в мещанство и купечество. Правительствующий Сенат разсуждает, что по точному означению в помянутых губерниях евреям местопребывания, в оных только по вступлении в купечество и мещанство и предоставлено им иметь по сим званиям промыслы. Следовательно, не токмо выходить из сих пределов во внутренния российские губернии и города, но и наравне с верноподданными всякаго исповедания, на коих подобнаго исключительнаго постановления в законах нет, всеми предписанными в городском положении к свободному отправлению промыслов и торговли выгодами и преимуществами евреи пользоваться не должны.

А по сим ясным причинам, всемилостивейший государь, правительствующий Сенат, следуя вышеприведенному в законах постановлению о ограничении евреям местопребывания, и к совершенному обеспечению впредь торговли от могущих случиться злоупотреблений, происходящих от евреев, мнением полагает, как в прозьбе от белорусскаго еврейскаго купечества поверенному еврею Юдовичу о предоставлении им по праву 1 и 2-й гильдии купцов вести оптовую торговлю отказать, так и данное в 1800-м году от правительствующаго Сената на таковой в Санкт-Петербурге торг евреям дозволение уничтожить и во всех внутренних России губерниях, городах и портах, кроме назначенных выше изображенным законом им всякой по праву купечества и мещанства промысел и торг запретить. Что ж касается до приезда и

временнаго пребывания евреев во внутренних губерниях и обеих столицах для отправления старых долгов, хождения по тяжбыным делам и для общественных нужд, то они наравне с верноподданными России защитой закона пользоваться могут и для сих токмо нужд приезжать и проживать безпрепятственно столько времени, сколько необходимость оных будет того требовать. Но и при сем гражданскому правительству строго наблюдать, чтоб они под предлогом изъясненных законных нужд отнюдь сверх определенных им мест внутри России жительством не водворялись. Поелику же таковым положением долженствует быть отменено учиненное прежде Сенатом о дозволении из евреев 1 и 2-й гильдии купцам производить в Санкт-Петербурге оптовой торг определение, к чему правительствующий Сенат ныне сам собою за силою законов приступить власти не имеет, то и приемлет смелость всеобстоятельства дела сего всеподданнейше представить на высокомонаршее Ваше императорскаго величества благоразсмотрение и утверждение, ожидая на оное высочайшаго Вашего величества указа.

Александр Воронцов, Петр Заводовский, князь Николай Гагарин, князь Александр Куракин, граф Николай Румянцев, Петр Свистунов, Алексей Куракин, граф Алексей Васильев, барон Федор Колокольцев, Петр Новосильцев, Игнатий Тейльс.

7 апреля 1802 года. Обер-секретарь Шимаков.
РДАСА, ф. 16, дадатковы воніс, спр. 40, арк. 1—7. Копія.

2. Записка графа Н. П. Румянцева о евреях. 9 июня 1802 г.

Состояние евреев в Российском государстве почитаю я заслуживающим внимание правительства по двум обстоятельствам противоборствующим и которые в согласие привести неотменно должно:

1-е, то, что у нас издревле пребывание в государстве сим вредным бродягам решительно воспрещено было, а 2-е, что со времени приобретения польских губерний (в) уважение великаго числа жидов, там найденных, подвигло уже и на допущение их в тех местах ко всем преимуществам торговых у нас состояний.

Вышло из сего, если смею сказать, что ни перваго закона сохранить нельзя уже строго было, ни от втораго потворства ожидать какого существеннаго в нравственности сего народа поправления, почему и сузу я, что приступить должно непосредственно к обдуманному об них положению, заимствуя во многом от благоразумных правил, введенных Иосифом Вторым в цесарских владениях. Паче же прочаго, должно стараться истребить в них гнусное к шпальническому торгу расположение и, согласно с самым Моисеевым законом, обратить их к отправлению хлебопашества и всяких обществу полезных ремесел. По усмотрению же благоуспешности сих правил в тех губерниях, где жительствоуют уже евреи, можно будет с надлежащим предостережением допустить их даже и до повсеместнаго в России

обитания. Но до тех пор, пока они пребудут, каковы суть прежний закон, возбраняющий им въезд в древние государства пределы, строго, по мнению моему, наблюдаем быть должен и не почитаю я отнюдь безвредным дозволить им и под предлогом нужд пребывание в столицах, сколь бы ни было, впрочем, над ними бдительно надзирание гражданских начальников. Если бы меры таковыя несколько строгими почестся могли и в справедливости моих заключений оставалось еще сомнение, то приведу я в доказательство то прискорбное положение, в котором нашелся сам Сенат сознать пред государем императором, что от происков здесь сплетающих евреев, вовлечен он был в составление двух в пользу их, а государству вредных, определений. К чему прибавлю я и то, что всякое послабление в разсуждении их у нас и везде, где только ни было оно оказываемо, требовало в скором времени не только возвращения, но и усиления прежних строгостей.

В 41-м году высланы они из малороссийских поветов, но дозволен, однако, им еще приезд на ярмонки, а в 42-м году видим мы уже правительство принужденным их к тому не допустить. Что ж последовало в Англии в 53-м году небезизвестно. Едва лишь только закон, утверждающий их в согражданстве, был в полном действии, то беспокойные и свойственные жидам пронырства возбудили такой в народе ропот, что правительство поспешило уничтожить все им уже дарованныя преимущества.

Впрочем, соглашаюсь я, что в разсуждении их дел и нужд, не могут они быть оставлены без всякаго призрения, но мешает ли что причислить их у нас к тем состояниям, о которых по правилам губернских учреждений стряпчие различных присутственных мест законными ходатаями быть должны [*фраза написана неразборлива. — Я. А.*], заключая я надеждою, что мною о них здесь сказанное не будет приписано какому горячему изуверству, ибо святость нашего закона не терпит и к самим жидам таковых расположений, а что ж касается до того, что принадлежит всеконечно им, как и прочим пользование прав человечества, то сужу я, что благоразумная осмотрительность и обстоятельства государств нередко требуют справедливых ограничений. Небезизвестно, какие строгие против папистов в земле самой вольности существуют, так сказать, узаконении, да и в тех даже странах, где в монашеских ликах привыкли обожать святительские, подвиглись без всякаго отвращения на уничтожение и самага знаменатаго иезуитскаго чина.

РДАСА, ф. 16, воп. 1, спр. 14, арк. 1—2 адв. Копія.

Публікація Я. К. Анішчанкі

Літ а р а т у р а

1. Гессен Ю. История еврейского народа в России. М.—Иерусалим, 1993. С. 145.
2. Бершадский С. А. Положение о евреях 1804 г. // Восход. СПб., 1895. Кн. 1. № 2; Кн. 4. № 3; Гессен Ю. К материалам по истории «Положения о евреях» 1804 г. // Книжки Восхода. СПб., 1900. Кн. 6. С. 55—62; Он же. Доклад еврейского комитета 1804 г. // Восход. СПб., 1903. № 7. С. 35—38; Он же. К столетию «Положения о евреях» 1804 года // Книжки Восхода. Кн. 11. № 3; Кн. 12. № 3; Шугуров М. Ф. История евреев в России // Русский архив. М., 1894. Вып. 2, № 4; Вып. 6. № 6; Никотин В. Н. Евреи земледельцы. СПб., 1887.

Артъкул пастуніу у рэдакцыю 04.01.2010

З АСАБІСТАГА АРХІВА І. Я. СПРОГІСА

(Лісты Дз. І. Даўгялы да І. Я. Спрогіса ў *Бібліятэцы Віленскага ўніверсітэта*)

Адным з найбольш поўна захаваных асабістых архіваў беларускіх гісторыкаў-архівістаў другой паловы XIX — пачатку XX ст. з'яўляецца архіў Івана Якаўлевіча Спрогіса (1833—1918), які больш пяцідзiesiąці гадоў працаваў у Віленскім цэнтральным архіве старажытных актавых кніг спачатку ў якасці памочніка архіварыуса, а з 1879 г. — архіварыуса (загадчыка) гэтага архіва, адначасова з'яўляючыся членам Віленскай археаграфічнай камісіі (1870—1915). І. Я. Спрогіс паходзіў з сям'і латышскіх сялян, скончыў Рьжскае духоўнае вучылішча, вучыўся ў Пецябургскай духоўнай акадэміі, але не скончыў яе і ў 1864 г. пераехаў у Вільню, атрымаўшы даручэнне прывесці ў парадак кнігі Віленскай публічнай бібліятэкі.

Паўната захаванасці архіва ў значнай ступені залежыць ад стаўлення архіваўтваральніка да неабходнасці захоўвання дакументаў, адчування іх каштоўнасці для адлюстравання гісторыі тых ці іншых падзей і асноўных накірункаў дзейнасці асобы. Скрупулёзнае стаўленне І. Я. Спрогіса да захоўвання архіўнай спадчыны выявілася не толькі ў працоўнай дзейнасці, але і ў адносінах да асабістага архіва. Быццам прадчуваючы гады ваенных ліхалеццяў і канец свайго жыцця, Іван Якаўлевіч перад самай вайной у лістах да свайго сябра ваеннага юрыста і калекцыянера А. Жыркевіча* ставіць пытанне аб лёсе сваіх дакументаў, мяркуючы яшчэ пры жыцці перадаць іх у Віленскую публічную бібліятэку. Гэта выклікала пярэчанне з боку А. Жыркевіча, які адзначаў, што карыстацца матэрыяламі з асабістага архіва можна дазволіць толькі праз пэўны час пасля смерці стваральніка, бо гэта парушае тайну асабістага жыцця і можа прывесці да непажаданых наступстваў у стасунках паміж асобамі [1]. У выніку І. Я. Спрогіс, каб захаваць канфідэнцыяльнасць, перадае дзевяць шматлікіх сваіх дзённікаў на захоўванне А. Жыркевічу з умовай перадаць іх пасля яго смерці ў Віленскую публічную бібліятэку. Трэба меркаваць, што сам архіў быў перададзены ў бібліятэку да 1915 г., калі яна была вывезена, а яе зборы пазней увайшлі ў склад Бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта [2]. А. Жыркевіч не выканаў завет І. Я. Спрогіса адносна дзённікаў, і яны трапілі на захоўванне ў Дзяржаўны гістарычны архіў Латвіі [3].

На сённяшні дзень асноўная частка асабістага архіва І. Я. Спрогіса ў колькасці 136 адз. зах. за 1868—1928 гг. захоўваецца ў Адзеле рукапісаў Бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта. Тут знаходзяцца біяграфічныя дакументы І. Я. Спрогіса і дакументы яго сям'і, матэрыялы аб дзейнасці (чарнавікі, архіўныя выпісы, артыкулы, запісы латышскіх народных песень), ліставан-

* Жыркевіч Аляксандр Уладзіміравіч (17.11.1857. Люцын, Віцебская губ. — 13.06.1927) — ваенны юрыст, літаратар (псеўд. А. Нівін), калекцыянер — у 1888—1903 гг. служыў у Вільня памочнікам пракурора (з 1891 г.), ваенным следчым (з 1897 г.). З 1915 па 1925 г. жыў у Сімбірску. У 1925 г. вярнуўся ў Вільню.

не і дзённікі, якія адлюстравалі не толькі інтэлектуальнае, духоўнае і культурнае жыццё т. зв. «рускай Вільны», але і стасункі з вядомымі навукоўцамі таго часу ў кантэксце гістарычных і ідэалагічных накірункаў. Найбольш каштоўная частка архіва — гэта лісты вядомых асоб да І. Я. Спрогіса, сярод яго карэспандэнтаў папярэчыць Віленскай навучальнай акругі І. П. Карнілаў, старшыня Віленскай археаграфічнай камісіі П. А. Бяссонаў, землеўладальнікі Мінскай губерні С. Ваньковіч, В. Татур, вядомыя гісторыкі С. А. Бяршадскі, І. І. Лапо [4], М. К. Любаўскі, М. В. Доўнар-Запольскі, гісторык архіваў А. А. Мілавідаў, этнограф Е. Р. Раманаў, архівісты С. Л. Пташыцкі, А. П. Сапуноў, П. А. Гільтэбрандт, Ф. М. Дабранскі, Дз. І. Даўгяла і інш. У ліставанні знайшлі адбітак пытанні асабістых і працоўных стасункаў паміж архівістамі і гісторыкамі, абмену вопытам, пошуку і публікацыі гістарычных крыніц, працы ў архіве.

Асабісты архіў вучня І. Я. Спрогіса Дзмітрыя Іванавіча Даўгялы (1868—1942), на жаль, не захаваўся, і яго рэшткі раскіданы па шматлікіх фондах і сховішчах Беларусі, Расіі, Украіны, Літвы [5]. Прычынай таму, трэба меркаваць, былі частыя пераезды Дз. І. Даўгялы, абумоўленыя неабходнасцю выканання службовых абавязкаў у цяжкіх умовах ваенных дзеянняў і складання новай сістэмы архіўнага захоўвання дакументаў, а таксама арышт у 1937 г. і высылка ў Казахстан. Таму ліставанне, якое захавалася ў архіве І. Я. Спрогіса, мае асабліва каштоўнасць для характарыстыкі асобы Дз. І. Даўгялы, яго грамадска-палітычных поглядаў, асабістых, маральна-этычных і прафесійных якасцяў.

Ліставанне паміж настаўнікам і вучнем адбывалася падчас працы апошняга з 1897 па 1903 г. у якасці загадчыка Віцебскага цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг. Таму асноўнымі пытаннямі, якія абмяркоўваліся ў ліставанні, былі пытанні працы ў архіве: кіраванне архівам, у тым ліку і фінансаванне яго працы, доступ да архіўных дакументаў, экскурсіі па архіве, выкананне запытаў генеалагічнага, тэматычнага, прававога характару, навукова-тэхнічная апрацоўка дакументаў і іх захоўванне. У 1903 г. Віцебскі цэнтральны архіў старажытных актавых кніг быў перавезены ў Вільню, а Дз. І. Даўгяла заняў пост памочніка архіварыуса Віленскага цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг. Значная частка ліставання прысвечана пытанням перавозкі архіва, адлюстравваючы метадыку працы з архіўнымі дакументамі. Пры перавозцы дакументаў асноўная ўвага надзялялася іх фізічнаму захоўванню, для чаго кожная з кніг спачатку абгортвалася паперай, потым зашывалася ў мяшок, а затым яшчэ скурай. Пільная ўвага была звернута на захаванне пошукавых індэксаў і сістэматызацыі. З мэтай выключэння падлогаў запакавання кнігі (цюкі) абвязваліся вяроўкай і на іх ставілася пячатка. Працэс упакоўкі быў даволі доўгім і складаным, патрабаваў непазрэднага ўдзелу загадчыка архіва.

Адным з галоўнейшых накірункаў працы Дз. І. Даўгялы ў гэты перыяд з'яўлялася праца археаграфічная — выданне вып. 27—32 «Историко-юри-

дических материалов, извлеченных из актовых книг губерний Витебской и Могилевской». У ліставанні абмяркоўваліся праблемы, што ўзніклі падчас выдання: кошт працы, распаўсюджванне выдадзеных кніг сярод зацікаўленых асоб, а таксама абмен вопытам археаграфічнай працы. Так, з ліста ад 6 чэрвеня 1902 г. [6] вынікае, што 29 выпускаў «Историко-юридических материалов» былі высланы ў публічную бібліятэку ў Нью-Ёрку.

Грамадска-палітычныя погляды Дз. І. Даўгялы ў гэты перыяд, як вынікае з прадстаўленых крыніц, засноўваліся на праваслаўнай свядомасці і былі поўнаасцю прыхільнымі да палітыкі расійскага ўраду, якая праводзілася ў Паўночна-Заходнім краі. Рэвалюцыйныя рухі і падзеі, якія выбіваліся з ідэалогіі «самадзяржаўе, праваслаўе, народнасць», выклікалі адназначна негатыўную ацэнку аўтара, якая выказвалася ў лістах такому вядомаму прыхільніку «рускай справы» на гэтых землях, якім з'яўляўся І. Я. Спрогіс. У ліставанні абмяркоўваліся факты царкоўнага жыцця г. Віцебска, парадак папайнення музейных збораў Віцебскага епархіяльнага царкоўна-археалагічнага сховішча, праяўляліся міжканфесійныя ўзаемадачыненні.

Такім чынам, прадстаўленае ліставанне можа стаць значнай крыніцай не толькі для біяграфічных даследаванняў, але і для гісторыі архівазнаўства, археаграфіі, крыніцазнаўства, гісторыі штодзённага жыцця жыхароў Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст., аналізу грамадскай свядомасці ў ацэнцы тагачасных падзей, стварэння псіхалагічнага партрэта дзяржаўнага служачага ў беларускіх губернях і інш.

Адзінка захоўвання 68, фонду 6, Адзела рукапісаў Бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта ўтрымлівае 39 лістоў Дз. І. Даўгялы да І. Я. Спрогіса за 1893—1914 гг., асноўная частка з якіх прыпадае на 1898—1903 гг. Да публікацыі прадстаўлена 10 лістоў, якія найбольш поўна адлюстроўваюць накірунку дзейнасці і погляды Дз. І. Даўгялы, а таксама характарызуюць значныя падзеі з жыцця Віцебскага цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг. Некаторыя лісты, якія не ўтрымліваюць істотнай інфармацыі, пададзены ў скарачаным выглядзе. Лісты друкуюцца на мове арыгінала з выкарыстаннем сучасных правіл рускай арфаграфіі і пунктуацыі, з захаваннем стылістычных асаблівасцей аўтара, расшыфроўка скарачэнняў прыводзіцца ў квадратных дужках, вытрымкі з лістоў адзначаюцца адпунктоўкай у квадратных дужках.

1.

Получ. 5 марта 1899 г.*

2 марта 1899 г. Витебск

Высокопочтимый и добрейший сердцем Иван Яковлевич!

Наконец-то могу послать Вам изданный под моею редакцией 27 вып. «Историко-юридических материалов». Пришлите с обычною добротою

* Дата пазначана рукой І. Я. Спрогіса.

своею и «аще чего язь молод недошел исправляйте Бога-деля». А так это мой первый опыт, то свои соображения пришлите мне. Приму от Вас всё как от отца родного и великое скажу спасибо. Тем больше на Ваши замечания буду обращать внимание, что Вы человек в этой работе опытный, я же должен был делать её, не зная своего архива.

Впрочем «quod potui, — ресі»*. Первую книгу посылаю Вам. Только что принес переплетчик 5 экз. пробных. По получении письма обдумайте и напишите: не послать ли мне книги А. В. Белецкому** и Ю. Ф. Крачковскому***? И может быть ещё кому? Как добро знающий жизнь и людей человек и немножко любящий меня — посочувствуйте! Пусть бы вспомнили обо мне... Юлиан Фомич так и не шлет весточки: дает мне виленские издания или нет. А я бедный положительно изнываю, не имея нужных вещей под руками.

Нужное количество экземпляров — 60 — в округ отошлю ещё недели через две, когда будут готовы переплеты.

Дорогой Иван Яковлевич! К Вам обращаюсь с другой покорнейшею просьбой: не можете ли Вы мне сообщить, какой бюджет определяется, или прощю во что обходится издание каждого тома виленской комиссии? Получает ли какой гонорар редактирующий его? — Что касается этого выпуска, который я Вам посылаю, — он обошелся всем с переплетом 920 рублей... Но мне особенно интересен гонорар. Здесь это делается *gonoris cansa*****. Издание лежит на моей прямой обязанности... А раньше было не так...

Как здоровье Ваше? Давно не писал я Вам.

У нас нового, кроме отмечаемого в губернских ведомостях, нет. Вы, конечно, с газетой знакомы. Стало быть не могу, и нельзя что-либо прибавить.

Шлю Вам искренний привет. Жена также кланяется.

Ваш душою Дм. Довгялло.

Адзел рукапісаў Бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта (АР БВУ). Ф. 6. Адз. зах. 68. Арк. 9—10.

2.

Получ. 3 янв. 1900 г.

30 декабря 1899 г. Витебск

[...] Печатание актов продолжается****, уже напечатано до 50 листов. Состав 28 (печатаемого) выпуска таков: а) несколько документов для истории

* «Что сделано, то сделано» (лат.).

** Бялецкі Аляксей Віктаравіч (1840—1907) — памочнік папачыцеля Віленскай вучэбнай акругі.

*** Крачкоўскі Юліян Фаміч (1840—1903) — старшыня Віленскай археаграфічнай камісіі ў 1888—1902 гг.

**** «Из уважения к заслугам» (лат.).

***** Гаворка ідзе аб друкаванні 28-га вып. «Историко-юридических материалов, извлеченных из актовых книг губерний Витебской и Могилевской».

б[ывшего] Чечерского староства (Могил. губ.); наиболее ценные для истории акты из очередных книг б) Витебского уезд[зда]. 1645—1654 гг. в) Мстиславск[ого] — 1666 г. г) Оршанск[ого] 1597—1693 гг. д) Полоцк[ого] 1668 г. Наконец с особым счетом страниц б[удет] приложен Оршанский гербовник — с рисунками гербов. Вначале будут необходимые примечания мои, в конце — указатель. Полагаю, что книга выйдет интересная и ценная.

Не предпримите ли Вы меры, чтобы мне в библиотеку архива выслали Ваш «Указатель» к актам археографической комиссии. Низкий поклон Вам за подъятый и несомненно прекрасно выполненный труд: теперь ценные материалы раскрыты всем, труд желающим воспользоваться актами сими облегчен совершенно, тогда как до сих пор актами археографической Виленской комиссии пользоваться людям недосужим было решительно невозможно.

Посылаю Вам «Описание» нашего музея*. Примите на добрую память и для ознакомления с музеем нашим. После 1897 г. музей пополнился втрое: поступили некоторые очень ценные предметы. Образована мною даже особая витрина, где собраны некоторые предметы после смерти преосвященного Александра**, первого епископа, почивающего в Бози в Витебске. Ценность этой витрины свыше 150 руб. Это приобретение сделано мною благодаря любезности племянника покойного И. И. Павлова. Вы, дорогой Иван Яковлевич, также внесли бы крупную лепту в эту витрину, если бы написали несколько воспоминаний своих из ученической жизни преосвященного Александра. Я бы вложил этот очерк с другими подобными материалами и в будущем, тут кто-либо почерпнул бы драгоценные данные [...] *АР БВУ. Ф. 6. Адз. зах. 68. Арк. 23—26.*

3.

27 марта 1901 г. Витебск

[...] Приношу Вам, дорогой Иван Яковлевич, сердечную благодарность за письма и за поддержку. Для меня в высшей степени трогательно было узнать, что вы столь опытный в архивном деле и столь капитально изучивший историю нашего Северо-Западного края по первоисточникам, настолько снисходительны к моим немощам, что даже не отказываетесь приготовить в моем лице преемника себе... По правде Вам сказать, ваши слова по этому поводу вызвали во мне большое волнение: при всех Ваших специальных знаниях, Вы настолько являетесь высоким христианином, что можете так прямо толковать о том времени, когда вам назначено уступить живот другим... Да хранит Вас Господь на многие-многие лета; да поддержит Ваши

* Описание предметов древности, поступивших в Витебское епархиальное церковно-археологическое древлехранилище по ноябрь 1897 г. / Сост. чл. ком. по заведыванию Витеб. церков. археолог. древлехранилищем Д. И. Довгялло, Н. Я. Никифоровский. Вып. 1. 1899. 92 с.

** Архієпіскап Полацкі і Віцебскі.

силы в полной гармонии и крепости... Если же мне определено провидением где-нибудь и когда-нибудь заменить Вас, то поставлю священную обязанностью приблизиться в Вашему образцу и воплотить его.

Благодарю Вас за рекомендации и поддержку, когда поднимался вопрос о замещении члена Археографической комиссии. Представляю всё на волно промысла! Пока архив в моих руках, очень даже некогда думать про какое-либо передвижение. Вот в случае перевезут этот архив в Вильну, буду себя чувствовать иначе... А скоро ль последует распоряжение по сему предмету? Я теперь в большом нахожусь затруднении: готовить ли 30-ый выпуск* или не стоит? Если перевозка архива состоится в этом году, то мне не придется печатать этого выпуска. Если же ещё год архив просуществует в Витебске, то мне обязательно готовить этот выпуск, чтобы спасти кредит, отпускаемый на печатание очередного выпуска историко-юридических материалов, издаваемых при Витебском центральном архиве? Не откажите мне сообщить свое мнение по этому предмету. Я хочу спрашивать у г. попечителя, да все не решаюсь сделать это письменно. А сюда в Витебск он все не едет, хотя его ждут с января месяца неукоснительно.

Как здоровье Ваше? Пишите Вы мне про свою статью в «Новом времени» по поводу русского языка в Литве и его роли в актовых книгах и юридических учреждениях Литовского государства**. Очень добивался достать эти №№, но до сих пор ещё мне не прислал их ни И. И. Пилин***, ни один мой знакомый, выписывающий «Новое время». Читал одно только Энгельгардта про жидовский пролетариат в Вильно и не особенно остался доволен... Мне бы очень было желательно познакомиться с предметом Вашей статьи... Несомненно я бы подписался под ней обеими руками, так как вы оперируете над документами, кои больше всех известны Вам за Вашу службу в архиве Виленском...

Я теперь занят окончанием 29-го выпуска. Заканчивается печатание и приступил к составлению указателя. Хотелось бы в сем году напечатать и 30-ый выпуск. У меня все уже к тому готово. Как мой типограф?! Игнатий Иванович может мне уделить всего лишь одного наборщика, да и того придется отрывать от своей работы. Теперь же материал в выпуск будет прежнего гораздо больше, так как половину почти печатаю мелким шрифтом № 11. Поэтому наборщику работы вдвое больше, нежели было раньше.

В Витебске нет почти ничего нового. Студенческие беспорядки, смерть Боголепова и назначение нового Министра народного просвещения как-то от-

* Выпуск «Историко-юридических материалов, извлеченных из актовых книг губерний Витебской и Могилевской».

** Спрогис И. Я. Русский язык в юридической письменности Литвы // Новое время. 1901. № 8931.

*** Пiлін Ігнацій Іванавіч — рэдактар «Віцебскіх губернскіх вядомасцей».

влекли внимание от обычной сферы житейской. А тут отлучение от церкви такого знаменитого писателя, как гр. Толстой! Мы, педагоги, да ещё духовной жизни особенно не можем безразлично относиться к тому, что происходит теперь вокруг... Всяк говорит и знающий и незнающий гр. Толстого, и понимающую обструкцию и не слышавший доселе о ней. Но имея свою духовную школу: выдержит ли она напор вражеский или нет? Слухи есть, что тлетворный дух времени коснулся уже некоторых семинарий; (по секрету сказать) даже будто витебские гимназисты устраивают уже сходочки... Ну, долго ль до гроба? Убереги Боже от позора наш православнорусский край.

По архиву в этом году с делами тихо. Всего подано пока четыре прошения. Из них одно принадлежит ксендзу, который ни одной марки не приложил и изобразил в них отношения. В моей практике ксендзы ещё не обращались в архив. Черкните мне, сколько с ксендза у Вас взимается гербового сбора? С православных священников я, в случае если обращались с формальным отношением, гербовых марок не требовал, подводя их под рубрику: «учреждения и должностные лица». Как же стоит ксендзы? — у меня недоуменный вопрос. Хочу требовать 2 марки. Но жду Вашего мнения и советного руководства. Будте здоровы. Жена моя низко кланяется Вам.

С братским поцелуем, искренне уважающий Вас Дм. Довгялло.

Р. С. Г. попечитель исколотал разрешение поднести все издания Витебского центрального архива (сиречь выпуски «Материалов») Его Императорскому Величеству. Уже прислал из округа сумму, необходимую на бархатный переплет выпусков.

АР БВУ. Ф. 6. Адз. зах. 68. Арк. 37—40.

4.

Получ. 10 окт. 1901 г.

6 октября 1901 г. Витебск

[...] Почтительнейше прошу Вас принять при сем прилагаемую книгу: 29 выпуск «Историко-юридических материалов». Под моей редакцией это третий выпуск... Что скажу Вам относительно того, каким настроением и осуществляется выход в свет этого детища? На верх всплывают в сознании слова апостола: «слаще убо похвалюся паче в немощах моих!» Одни только немощи и проглядывают в моем труде, сплошные недостатки... Строгий научный выбор материалов и обработок их; но да проститься мне глагол сей, за свой труд по выпуску этому я получил 150 рублей, т. е. за каждый печатный лист по 2 руб. А мой предшественник получал 15 руб. за лист! Я плохо обеспечен и должен разрываться, бегая даже за квитанцией по дровам, а мой предшественник был так от архива обеспечен, что ни о каком подобном занятии и не мечтал. Поверьте, дорогой Иван Яковлевич, я больше не стал бы и столько работать за это нищенское вознаграждение, если бы был твердо уверен, что архив просуществует ещё немало лет. Ныне же я пока работаю не покладая рук

над архивом только потому, что верю в более или менее скорую перевозку его в Вильну и не поднимаю вопроса о более справедливом вознаграждении за труды по изданию...

Как здоровье Ваше? Давно ничего не знаю ни от Вас, ни о Вас. Я и семья моя здравствуем. По архиву дело не прекращается по розыску и выдаче документов. Какой-то несчастный год в этом отношении: поступают прошения о наведении справок такого всеобщего характера, что приходится лист за листом по каждому почти прошению перепроверять десятки книг по одному двум судам. Горе без алфавитов [...]

АР БВУ. Ф. 6. Адз. зах. 68. Арк. 43—44.

5.

Получ. 11 сент. 1903 г.

Высококотимый Иван Яковлевич!

Имею долг донести до Вашего сведения, что по 7-е сего сентября окончательно заделано к отправке в Вильну 54 тюка актовых книг, что по длине полок, которые эти книги занимали, составляет приблизительно третью часть актовых книг. Работали над укупоркой ежедневно по 3—4 часа. После недельного занятия этим делом опытно познал, что эта работа доводит до изнеможения. Работа продвигается только в моем личном присутствии. По снятии с полки книги тщательно перетираются и в строжайшем порядке по аккуратности укладываются одна поверх другой, причем нижняя и верхняя книги тщательно закладываются бумагой, чтобы боковики не так сильно страдали от мешка. По наполнению мешка, он тщательно зашивается со стороны отверстия и боков так, что книги в мешке лежат плотно. Затем на мешки выставляются порядковый номер, мешок обвязывается бечевой, концы которой припечатываются гербовой сургучной печатью архива. После сего мешок с книгами обшивается рогожей, снова нумеруется, обвязывается бечевой и припечатывается. Помимо этого в описи ведется точный счет: какие именно книги укладываются в каждом мешке, и это записывается.

Как видите, работы над каждым тюком очень много. За то в результате получается надежно закупоренный тюк, и вполне обеспечивается возможная не запуганность при доставке в Вильну.

Через десять дней, пожалуй, ещё не будет окончена укупорка, так как наступившие иудейские праздники отвлекли жидов от работы. Но, должно быть, можно уже будет сообразить, сколько будет тюков актовых книг. Свидетельствую Вам своё нижайшее почтение. Жду от Вас со дня на день весточки о своей судьбе. Да, видно, и для Вас это ещё тайна. Если узнаете точно, пожалуйста, не премините поставить в известность Вашего покорного слугу.

С искренним приветом весь Ваш. Дмитрий Довгялло.

8 сент. 1903.

АР БВУ. Ф. 6. Адз. зах. 68. Арк. 1—3.

6.

9 апреля 1902 г. Витебск.

[...] А. П. Сапунов кланяется Вам низенько, благодарит за тёплые чувства и память, и прямо сказал написать, что он категорически отказывается от мечты перейти на службу в Вильно, он говорит, что теперешняя его служба вполне удовлетворяет его*. А я? — Я всегда хотел устроить свою жизнь так, чтобы работать над архивными документами, служить по архивной части. Своим письмом Вы идете навстречу моим планам, лежавшим в тайнике сердечных пожеланий. Служить под опытным руководством Вашим было бы весьма приятно. Но, к сожалению, нисколько не знаком с условиями жизни в г. Вильно [...]

АР БВУ. Ф. 6. Адз. зах. 68. Арк. 47—51.

7.

Получ. 30 апреля 1902 г.

28 апреля 1902 г. Витебск

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Яковлевич!

В четверг 25 сего апреля Витебский центральный архив имел своим посетителем высокого гостя: в 3 часа пополудни изволил посетить архив г. попечитель Виленского учебного округа т. е. В. А. Попов. По его распоряжению я к окончанию уроков пришел в гимназию, откуда мы последовали на извозчике к архиву. Г. попечитель справился о текущих делах, поговорил с писцом архива — Т. В. Акимовой, которая, как вы знаете, у меня работает с 1898 г., затем прошел в отделение, где хранятся выпуски «Материалов» и самые акты. По осмотре сказал, что всё содержится, как он видит, в чистоте и порядке, что архив пока занимает просторное и безопасное от огня помещение. Спустившись снова в канцелярию архива, присел на стул и сказал, что его весьма интересует архивное дело и деятельность всех лиц, работающих в этой области; что у него есть свои планы и о Витебском архиве для переговоров по каковому поводу он просит меня зайти к нему вечером на квартиру (на этот раз г. попечитель остановился в гостинице Мюллера).

В 8 часов я отправился к нему. Он любезно меня встретил и после беседы по поводу издания выпусков «Материалов» сказал, что у него имеется в виду некоторый план об улучшении положения архивариуса Витебского центрального архива, доколе сей последний имеет быть в Витебске. Так как ему обещано увеличение отпуска с 1903 г. на содержание Виленского центрального архива, где будет улучшена оплата содержания служащих и уве-

* Сапуноў Аляксей Парфенавіч (1851—1924), у 1896—1897 гг. працаваў архіварыусам Віцебскага цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг, у 1897—1901 гг. — памочнікам інспектара Маскоўскага ўніверсітэта, у 1901—1907 гг. вярнуўся ў Віцебск і выконваў абавязкі сакратара Віцебскага губернскага стацыянальнага камітэта.

личен штат помощников, то он имеет в виду один из окладов помощника архивариуса Виленского центрального архива перевести временно в Витебск и присвоить его и. о. архивариуса; из нынешнего же оклада сего последнего уделить часть на содержание штатного помощника здесь в Витебске, чтобы можно было поставить дело ещё выше. При этом он предложил мне вопрос: какое мое мнение по этому поводу? Я ничего не мог к этому прибавить, кроме того, что действительно раз архив ещё не ныне — завтра перевозится в Вильну, то справедливость взывает к улучшению теперешнего положения архивариуса, так как кроме работы собственно по заведованию архивом я совершенно безмездно несу труды по изданию «Материалов», хотя сие последнее нигде не соединено с обязанностями по должности. Не только в Вильне и Киеве, где члены Комиссии по изданию актов получают не дурное содержание, но и здесь в Витебске до 1896 г., т. е. до перевода архива в ведение Министерства народного просвещения архивариус за редакцию материалов получал по 15 рублей за каждый печатный лист. Это подтверждается целым рядом счетов, сохранившихся в канцелярии архива. Об этом же своевременно я докладывал г. попечителю Сергеевскому.

Выслушав мои объяснения, г. попечитель приказал изложить их на бумаге и передать ему. Я отправился домой и тотчас написал краткий доклад согласно распоряжению его превосходительства.

Извещаю о вышеизложенном Вас, дорогой Иван Яковлевич, надеясь, что Вы не откажетесь согласиться с приведенным мнением г. попечителя и поддержите меня на случай окажись в сем нужда.

Как здоровье ваше? Благодарю Вас сердечно за ответ на моё письмо. У нас в Витебске нового ничего нет. Всякие движения, кажется, немного прекратились. Стало вольготнее от патрулей и прочих страхов. Говорят, что у Вас недавно было некое движение, но применили самое надежное средство — порку. Давно бы так: авось-либо стало бы тихо.

Крепко жму Вашу руку. Ваш весь Дм. Довгялло.

АР БВУ. Ф. 6. Адз. зах. 68. Арк. 53—56.

8.

20 августа 1903 г. Витебск

[...] Вам вероятно известно, что вскоре после посещения Витебска г. попечителем, я писал в округ записку, в которой изобразил, что семейные обстоятельства настолько неблагоприятно складываются для меня, что я не могу решиться на занятие в июне месяце должности помощника архивариуса Виленского центрального архива. Последствие сей записки достоверно мне неизвестно; стороной же слышал, будто г. попечитель предназначил к назначению на эту вакансию лично мне знакомому г. Назарьина, из Санкт-Петербургской духовной академии, архангелогородца по происхождению, который ни разу не видел ни польской рукописи, ни книги, и с западно-русской

речью не знаком. Положим, всему можно выучиться и ко всему приручиться, но в той работе, какая приходит на долю нашего архива, это значит дать вам не особенно блестящего помощника...

Подумайте, высокочтимый Иван Яковлевич, и помогите моему переезду в Вильну, где бы я мог заняться при работе с архивными материалами, к которым я больше чем привык. Если бы вы были настолько любезны, что согласились взять меня помощником, при условии представления мне уроков, которые бы отрывали меня от архива, то не поставьте препятствием для Вашего помощника такое дело, как членство в комиссии по заведованию библиотекой [...]

АР БВУ. Ф. 6. Адз. зах. 68. Арк. 71—74.

9.

10 октября 1903 г. Витебск

[...] Прежде всего приношу благодарность за письмо Ваше с поздравлениями по поводу назначения меня в Вильну, на должность помощника Вашего. В этом назначении вижу перст Божий, указавший мне именно то служение. Но не могу по совести не сказать, что и Вам лично, Вашей протекции я больше всех из людей обязан в этом [...]

Теперь о вопросе интересующем Вас больше всего в эту пору: об архиве Витебском. Завтра в субботу заканчивается заделка книг (печатных) и наконец канцелярии. На понедельник остается заделка мебели и передача библиотеки. Значит, во вторник и крайний срок — в среду — будет нагрузка. Как мне удастся сделать это, не знаю, так как железнодорожное начальство крайне не любезно.

После погрузки архива на следующий день передам его помещение и если управлюсь, то в тот же день выеду в Вильну. Уже заделано 356 томов с книгами. Около десятка, пожалуй, ещё наберется. Во вторник напишу Вам ещё одно письмо об итогах укупорки.

По получению вашего письма хотел тотчас же отправить акты книги. Но это весьма затруднительно: 1. При укупорке сначала заделывались акты книги и складывались по порядку номеров томов. Затем же они были заложены томами с печатными книгами, так что нужно было всё перекладывать, а это трудно в здешнем помещении; 2. Для того, чтобы вынести токи из архива требуется сделать особое приспособление (леса) к окну архива*. А раз сделать их, то значит, создать опасность для остающегося в архиве имущества. Пусть уже всё сразу загрузят.

Не могу ль я просить Вас о награждении сторожа. Ему из своих средств я уплатил жалование за два минувшие месяца (по 7 руб.). Столько ему выдал

* Можна меркаваць, што архіў знаходзіўся ў памяшканні былога кляштару бернардынцаў (пабудаваны ў 1737—1755 гг.; у 1832 г. кляштар скасаваны і будынкi перададзены да дзяржаўных устаноў; зруйнаваны ў 1930-я гг.).

за октябрь. Нельзя ли ему выдать рублей 12—15. А может быть, вы бы ему дали службу при Виленском архиве. Он грамотный, честный и бездетный.

Поклон супруге Вашей. Ваш весь Дм. Довгялло.

АР БВУ. Ф. 6. Адз. зах. 68. Арк. 80—81.

10.

Получ. 17 окт. 1903 г.

15 октября 1903 г.

Высокочтимый Иван Яковлевич!

Сегодня, 15-го, в среду, удалось отвезти на станцию ж. д. и сдать под квитанцию как все токи с книгами, так и мебель. Но документы контора железной дороги выправить сегодня отказалась, так как окончить погрузку удалось лишь после 3-х часов.

Всего вышло 357 томов. Было бы больше, но за типографией задержался вып. 31 (не вышел от переплетчика) и его отправлю особо. Мебели — 11 мест.

Книги все вошли в один вагон, и не без особого труда. Благо, что вес позволил. 733 пуда вытянули книги. Мебель же отказались поместить в отдельный вагон. Её пришлось везти на другой вокзал и сдавать под особую квитанцию.

Дорого дался сегодняшний день. В архив я пришел в 6½ часов утра и домой возвратился лишь в 5½ вечера. Пока приделали леса к окну архива для скорейшего и удобнейшего изнесения книг, пока уложили в воза (11½ возов книг и два — мебели), пока добрались до вокзала. Причем я шел впереди и для провоза по главным улицам, где собственно с кладью ломовых не пропускают, устрашительно действовал на полицейских заявлением: «Прошу пропустить казенное государственное имущество». Сторож же шел сзади, замыкая шествие и наблюдая за полным благополучием процессии в помощь мне.

Но железнодорожное начальство оказалось всё-таки нелюбезно: 1. Дали только один вагон, когда я просил о двух; 2. Наотрез отказали мне, когда я просил разрешения припечатать вагон архивною печатью. По этому последнему вопросу я доходил до главного начальства станции Витебск и получил отказ со ссылкой на закон, что кроме железнодорожной пломбы ничем печатать не дозволяется. Пришлось последней и ограничиться. Пломба привешена прочно. На ней находятся след знаки: «К 653» № (аппарата) б. 15 окт. 1903 г.» Вагон здоровый. Николаевской ж. д. № 5380. Завтра вышлю вам накладные дубликат [...]

Со своим приездом в Вильну медлить не смогу. После сегодняшних трудов денька 2—3 отдохну и выеду, вероятнее всего в воскресенье, если Господь поможет [...]

АР БВУ. Ф. 6. Адз. зах. 68. Арк. 82—84.

Бібліяграфія

1. Адзел рукапісаў Бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта (АР БВУ). Ф. 6. Адз. зах. 26. Арк. 137.
2. АР БВУ. Ф. 6. 136 адз. зах.
3. Дзяржаўны гістарычны архіў Латвіі. Ф. 2329. Воп. 1. 13 адз. зах. Падрабязней аб гэтых дакументах гл.: Іванова, В. Асабістыя архівы ў Латвійскіх сховішчах як крыніца па гісторыі Беларусі // Сучасныя праблемы дакументазнаўства, архівазнаўства і археаграфіі: Матэрыялы навук.-практ. канф., прысвеч. 85-годдзю Дзярж. арх. службы і 80-годдзю Нац. архіва Рэсп. Беларусь (Мінск, 12 красавіка 2007 г.). — Мінск, 2007. — С. 162—168.
4. Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1906—1907) [Электронный ресурс] // Балтийский архив. — Режим доступа: <http://www.russianresources.lt/archive>. — Дата доступа: 25.01.2010.
5. Шумейко, М. Ф. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. — Минск: БелНИИДАД, 2002. — 165 с.
6. АР БВУ. Ф. 6. Адз. зах. 68. Арк. 57—58.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 10.02.2010

**АРХИВЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ
И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО**

(X—XV вв. в творческом наследии академика М. К. Любавского)

Академик М. К. Любавский известен широкому кругу историков как исследователь русского феодализма, истории западных славян, один из самых видных представителей историко-географического направления в русской исторической науке. Однако заслуги ученого перед отечественным архивоведением не получили в нашей исторической и архивоведческой литературе должного освещения.

Характер источников об участии академика М. К. Любавского в архивном строительстве в СССР (в основном делопроизводственная документация: протоколы, отчеты, информационные справки и др.) и степень полноты в освещении ими событий, к сожалению, не позволяют показать широкую картину его деятельности. Но даже эта источниковая база — достаточно убедительное свидетельство значительных заслуг ученого перед советским архивоведением.

Архивное дело стало центром приложения творческих сил ученого в послереволюционный период его научной деятельности, когда в нашей стране после победы Октябрьской революции были созданы широкие возможности для осуществления полной его централизации.

Необходимость кардинальной архивной реформы осознавалась еще дореволюционным поколением российских историков и архивистов (проекты Н. В. Калачева, Д. Я. Самоквасова). После свержения самодержавия положение архивного дела в стране не только не улучшилось, но значительно ухудшилось. Первая мировая война обострила проблему хранения и спасения документов военного лихолетья, и одновременно события 1917—1918 гг. предполагали создание новых центральных исторических архивов. Речь по существу шла о спасении документированных пластов государственной и исторической памяти России. Эту опасность осознавали многие видные представители российской культуры и науки еще в период правления Временного правительства.

Весной 1917 г. видный российский активист Ф. А. Ниневе обратился к Министру иностранных дел Временного правительства П. М. Миллюкову с предложением провести реорганизацию архивов правительственных учреждений. В качестве первоочередной меры он предлагал создать образцовый архив на базе документов Государственной Думы или Военного министерства. Аналогичным путем он предлагал создать центральные архивы и в других ведомствах, а также разделить страну на провинциальные архивные округа, с тем чтобы в каждом из них для хранения местной документации был создан окружной архив. Ф. А. Ниневе, которого волновали многочисленные случаи гибели в 1917 г. документов органов политического сыска, предлагал принять должные меры к их охране и обратиться с воззванием

к населению России о недопустимости уничтожения ценных архивных документов. Однако ни одно из этих предложений в условиях острого политического кризиса и нарастающего хаоса в стране не было реализовано. Как и не было реализовано предложение Главного управления Генерального Штаба, направленное на спасение источников военного времени [1].

В марте 1917 г. представители ряда петроградских архивов, библиотек, музеев, Академии наук приняли решение о создании Союза российских архивных деятелей. Его председателем был избран академик А. С. Лаппо-Данилевский, а в состав совета вошли Б. Л. Модзалевский, А. С. Николаев и др. Деятельность Союза была тесно связана с работой центральных исторических архивов Петрограда. Основными его задачами являлись: правильная постановка архивного дела в стране, охрана архивных документов, издание трудов по архивоведению, защита профессиональных интересов архивистов, подготовка методических пособий по основным аспектам архивоведения и археографии, создание архивно-археографических кафедр в вузах. В июне 1917 г. Министерство народного просвещения утвердило устав Союза [2]. В восьми городах страны (Москве, Киеве, Харькове, Одессе и др.) были созданы его отделения. Активное участие в работе Союза принимали и сотрудники Московских центральных исторических архивов. Однако стать подлинным проводником архивной реформы в стране в силу недееспособности Временного правительства и условий 1917 г. Союз не смог. Практический эффект его деятельности был небольшим. А положение центральных и провинциальных исторических архивов в стране к концу 1917 г. резко ухудшилось.

К счастью, для дальнейшей судьбы документальной Памяти Отечества — архивов России, — необходимость их спасения и приведения в порядок была создана и некоторыми наиболее дальновидными руководителями новой власти (прежде всего Д. Б. Рязановым). Утверждение советским правительством 1 июня 1918 г. Декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» положило начало новому этапу в истории отечественного архивоведения. 15—28 июня 1918 г. виднейшие российские историки-архивисты провели очень важное для судеб архивного дела в стране совещание в Московском университете. Недавно опубликованные в «Историческом архиве» протоколы этого совещания показывают, что историки-архивисты (М. К. Любавский, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, Н. Н. Ардашев, Н. П. Чулков, Н. Г. Высоцкий, С. А. Белокуров, С. К. Богоявленский, Н. В. Рождественский, А. Н. Филиппов, Ю. В. Сергиевский, Б. С. Пушкин и др.) страны, еще недавно неприязненно встретившие установление Советской власти, не только со знанием дела обсудили, но и приняли: проекты Положений о Главном и областном управлениях архивами; характере проводимых реформ в архивном деле; издательской деятельности архивов; административном праве. Участники совещания подготовили, обсудили и приняли первые основополагающие организационные документы и первые инструк-

ции по архивному делу в советской России [3]. Председателем этого совещания, его организующим центром был М. К. Любавский. Для нас особенно интересно, что при обсуждении главных принципиальных вопросов, определявших будущую судьбу архивов в России, председатель совещания М. К. Любавский обратил особое внимание на «главную потребность для архивов — в создании кадров научно подготовленных архивистов». И в этих целях — необходимость создания системы архивного обучения, которая должна иметь две ступени: «элементарную и высшую» [4].

До 1920 г. М. К. Любавский являлся постоянным членом коллегии и заместителем заведующего Главным управлением архивным делом (ГУАД) Д. Б. Рязанова. Его активная деятельность на архивном поприще развернулась с весны 1918 г., когда ученый возглавил Московское отделение ГУАД (Московское областное управление архивным делом). При создании архивов были использованы основные положения прочитанного Любавским на коллегии ГУАД доклада «Об организации московских архивов» [5]. Особое внимание он уделял в это время задаче спасения материалов московских учреждений XIX — начала XX в. [6].

За сравнительно небольшой период деятельности Московское областное управление архивным делом проделало значительную работу по проверке наличия и состояния архивных фондов Москвы и губерний Европейского Центра России. Только по Москве такая работа проводилась более чем в 100 архивах. В Москве, в частности, удалось спасти Архив старых дел, Дворцовый архив и большое количество поместно-вотчинных фондов (Голицыных, Пазухиных, Шереметьевых и др.), ценность которых как исторических источников общеизвестна [7].

Проблема экспертизы ценности документов стояла в те дни перед архивистами как никогда остро. С ней связывались вопросы охраны документов от уничтожения и проблема пополнения состава ЕГАФ ценными видами источников. Все это требовало выработки в кратчайшие сроки основ единого законодательства по вопросам сохранности документов и комплектования архивов.

В разработке советского архивного законодательства и нормативного материала по этим вопросам М. К. Любавский принимал самое деятельное участие, являясь редактором проекта декрета «О хранении и уничтожении архивных документов» [8]. В декабре 1918 г. его редакционные замечания по проекту были заслушаны коллегией ГУАД. Ученый предложил распространить законодательство по обсуждаемым вопросам и на местные архивы, наметил общую схему проведения архивной реформы на местах (создание губернских управлений архивным делом). Эти предложения были поддержаны и приняты коллегией ГУАД [9]. Необходимость и своевременность проведения на местах организационных мероприятий показала работа проходившего под председательством М. К. Любавского совещания

уполномоченных губернских архивных деятелей (июнь 1919 г.) [10]. Советские сыграли положительную роль в выяснении состояния местных архивов и в привлечении внимания общественности к охране и собиранию усадебных, фамильных и других частных документальных собраний.

В 1918—1919 гг. организаторская и практическая работа ученого в области архивного строительства была связана также с деятельностью научно-издательской комиссии, созданной с целью централизации издания архивных публикаций и руководства в методическом плане публикаторскими учреждениями РСФСР [11]. В составе этой комиссии, куда входили многие крупные историки (В. Н. Сторожев, С. К. Богоявленский, А. И. Яковлев, С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский), Любавский принимал самое активное участие. Являясь заместителем председателя комиссии, он руководил работой подкомиссии по разработке планов ее деятельности [12]. Ученый неоднократно высказывался за необходимость издания в первую очередь документов и актов нового времени, имеющих первостепенное научное и политическое значение [13].

За начальный период деятельности (с 1918 по 1921 г.) ГУАД был создан институт уполномоченных, поверочная и разборочная комиссии, спасены материалы историко-революционного характера, вотчинные, усадебные, монастырские архивы и ряд губернских архивных фондов [14]. Это позволило советским архивистам в 1920-е гг. вплотную заняться вопросами научной организации сконцентрированного документального наследия прошлого. Успешное решение этой задачи было тесным образом связано с созданием научно-справочного аппарата. Практика советского архивного строительства настоятельно требовала начать работу по теоретическому обобщению накопленного опыта. Значительная часть работы по выполнению этих задач легла на плечи дореволюционного поколения историков-архивистов, проводивших ее при непосредственном участии и под руководством В. В. Адоратского и В. В. Максакова.

В эти годы М. К. Любавский вместе с В. М. Фриче и А. А. Сергеевым проводил большую научную и практическую работу в руководимой В. В. Адоратским научно-теоретической коллегии (НТК) Главархива, занимавшейся вопросами, связанными с научной постановкой его деятельности [15]. Он занимался распределением архивных собраний и фондов дореволюционных учреждений по секциям и внутри их [16], вопросами концентрации документов монастырских и усадебных архивов [17]. Включение этих архивных фондов в состав государственных архивов имело большое значение в деле обеспечения источниковой базой научных исследований по истории крепостного хозяйства России [18].

Авторитетный методист и знаток архивного дела, заместитель председателя поверочной (председатель В. И. Невский) и научно-технической комиссии (председатель В. В. Адоратский), М. К. Любавский принимал дея-

тельное участие в разработке актуальных проблем архивоведения — экспертизы ценности, учета, описания и хранения документов [19]. В эти же годы он возглавлял комиссию по выработке форм описей, куда входили С. К. Богоявленский, Н. П. Чулков и другие [20]. Говоря о заслугах Любавского перед отечественным архивоведением, нельзя не отметить и ту большую работу по концентрации, приведению в порядок и описанию документальных сокровищ, которая велась под его руководством в Дрeвлехранилище в 1920-е гг. (упорядочение 700 грамот Коллегии экономии, составление топографического указателя книг и связок Разрядного, Патриаршего, Дворцового приказов, Сената, выявление для опубликования документов по истории стрелецкого мятежа и восстания под руководством С. Разина) [21].

Ученый неоднократно и с большой пользой для нашей Родины применял свои глубокие и обширные познания в области архивоведения, источниковедения и исторической географии как эксперт ряда межправительственных комиссий. Так, еще в 1920 г. он был приглашен в качестве эксперта на Рижскую конференцию по заключению мира с Польшей, а в 1922 г. — в организованную при Главархиве из видных историков и архивистов страны комиссию по реализации Рижского мирного договора [22]. Договор предусматривал передачу Польше из СССР культурных ценностей, касающихся ее истории и имеющих польское происхождение. Работа по определению состава материалов и их передаче была очень сложной. Спешно эвакуированные еще в начале Первой мировой войны в центральные районы России, часто без описей, материалы хранились в большинстве случаев в непригодных для этого помещениях. Несмотря на такие неблагоприятные условия, комиссия успешно выполнила порученные ей задачи. Только за 1922—1923 гг. Польше были переданы сотни фондов ее государственных учреждений (около 20 тыс. пудов) [23].

В 1925 г. при Президиуме ЦИК СССР была создана комиссия по передаче союзным республикам (УССР и БССР) материалов, хранящихся в РСФСР, так называемая комиссия Адоратского [24]. В составе этой организации в качестве эксперта работал и М. К. Любавский. Эксперты Централархива РСФСР неоднократно отмечали необходимость принципиального решения вопроса о распределении материалов с позиции централизации архивного дела, поскольку речь шла о единстве и целостности общесоюзного архивного фонда. При распределении документов между союзными республиками учитывалось и удобство для их использования научными учреждениями.

Большой вклад внес ученый в подготовку специалистов архивного дела. Его научно-организационная и исследовательская деятельность была тесным образом связана с педагогической. Еще в августе 1918 г. на заседании ОИДР ученый сделал сообщение об организации архивных курсов [25]. С ноября 1918 г. до 1930 г. он руководил их работой и читал лекции по исторической географии России [26].

Архивные курсы в Москве были рассчитаны главным образом на специальную подготовку руководящих кадров местных архивов. В своей деятельности курсы имели немало недостатков и все же, по отзыву М. С. Вишневого, «строя свои программы на учете тех заданий, какие стояли перед архивными учреждениями в их плановой работе, приспособляя методы занятий к актуальным потребностям архивного строительства, они давали нашим работникам то, что им нужно было в их повседневной работе в архивохранилищах» [27].

Успехи, достигнутые на этом участке архивного строительства, позволили уже в 1921 г. поставить вопрос об организации специального архивного вуза. Выступавший на съезде архивных деятелей РСФСР М. К. Любавский выдвинул разработанный им проект организации в Москве и Петрограде двух архивно-археографических институтов [28]. В Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ) хранится черновой автограф доклада М. К. Любавского «Об организации в РСФСР вуза архивно-археографического профиля» [29], прочитанного на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, состоявшейся в сентябре—октябре 1921 г. в Москве [30]. В докладе М. К. Любавский обосновывал необходимость создания архивно-археографического института для подготовки квалифицированных архивистов и археографов, подробно изложил проект создания такого вуза, примерное содержание его учебного курса. Доклад ученого активно обсуждался на конференции, которая в своей резолюции по докладу признала «безусловно необходимым создание специальной высшей школы для подготовки архивистов-археографов» и поручила дальнейшую разработку этого вопроса специальной комиссии. Текст доклада М. К. Любавского интересен для советских историков и архивистов как документ, отражающий назревшую в начале 20-х гг. потребность создания системы высшего архивного образования в стране.

Следует отметить, что положения доклада М. К. Любавского, во многом верно намечая направление специальной подготовки историка-архивиста, в то же время отражали и живучие следы старых представлений в сознании дореволюционного поколения отечественных ученых. В частности, это проявилось в том, что советский период истории и документация этого периода не выделяется в докладе как особый объект изучения историка-архивиста, а также в недооценке или в недостаточном понимании необходимости основательной методологической подготовки будущих специалистов архивного дела.

В основе их учебного процесса должно было лежать изучение историографии, источниковедения, истории права, архивоведения и археографии. Значительное количество часов отводилось и для практических занятий [31]. Проект получил положительную оценку участников конференции, а последующая его разработка была поручена специально созданной комиссии [32].

В дальнейшем вопрос об организации специального архивного вуза неоднократно обсуждался среди научной общественности страны. В сентябре 1930 г. СНК СССР принял постановление об организации Института архивоведения [33]. Поэтому созданный в 1929 г. при этнологическом факультете 1-го МГУ архивный цикл был своего рода промежуточной ступенью между архивными курсами и будущим институтом. Его студентам М. К. Любавский читал лекции по истории архивного дела в России, вел у них семинарские занятия. Для слушателей курсов и студентов архивного цикла им была написана «История архивного дела в России» — учебное пособие, в 10 главах которого рассматривалась история происхождения и функционирования архивов центральных и местных государственных учреждений страны с X в. и до начала XX в. [34]. Собранный им богатый фактический материал, описание состава архивов России, постановки делопроизводства в ее государственных учреждениях, анализ архивного законодательства и важнейших дореволюционных публикаций — все это представляет большой научный интерес. Появление в 1920 г. «Исторического очерка архивного дела в России» И. Л. Маяковского, а в 1929 г. — курса М. К. Любавского было очень своевременным и тесно связанным с практикой архивного строительства. Чтобы привести все многообразие документов в систему, соответствующую требованиям их использования, нужны были знания о составе и организации архивных богатств.

Советская научная общественность высоко оценила заслуги ученого как в деле разработки крупных проблемных вопросов отечественной истории, так и на архивном поприще: в 1929 г. М. К. Любавский был избран действительным членом Академии наук СССР по отделению общественных наук [35].

Видный организатор и активный участник архивного строительства, педагог, автор одного из первых учебных пособий в области архивоведения, М. К. Любавский принадлежал к той лучшей части поколения дореволюционных ученых (С. Ф. Платонов, И. Л. Маяковский, И. Ф. Колесников, С. К. Богоявленский, А. А. Шилов и др.), которых с полным основанием можно назвать Хранителями исторической памяти Отечества.

* * *

Предлагаемые белорусскому читателю тексты являются тремя первыми главами курса по истории архивного дела в дореволюционной России, до сих пор неопубликованные в отечественной научной печати. Выбор для публикации этих глав обусловлен не только тем, что М. К. Любавский был одним из крупнейших знатоков истории отечественного средневековья, но и глубоким исследователем источников этого периода. Кроме того, знакомство с этими главами в частности и с курсом в целом позволит современному историку-архивисту достаточно отчетливо представить уровень развития исторического архивоведения в 20-е гг. XX в. Текст публикуется по правилам современной орфографии, но с учетом стилистических особенностей, свойственных академику М. К. Любавскому.

«Лекции проф. Любавского,
читанные на архивных курсах Центрархива в 1928/1929 гг.»

Введение

Архивами (от латинского слова *archium, archivium*, образовавшегося в свою очередь от греческого *Zpzelov*, старое) называются особые установления, устраивающиеся для хранения и использования в научных или справочно-практических целях письменных или заменяющих их печатных документов и бумаг, которые отлагаются от канцелярского делопроизводства правительственных и общественных учреждений и от писаний частных лиц. Сообразно с этим и история архивов и архивного дела стоят в тесной связи с историей государственного и общественного строя и управления, культуры и экономического быта. Все те фазы, через которые проходила эта история, находят себе известное отражение в наличии и составе архивов, в росте и дифференциации архивных материалов, в постановке задач по учету, хранению и использованию этих материалов. Чтобы убедиться в этом, достаточно окинуть хотя бы беглым взглядом эволюцию русской государственности и общественности, культуры и общественного быта.

Начнем с государственного строя и управления.

Зачатки государственной власти в виде власти князей появились на Руси давным-давно, более тысячи лет тому назад. Но эта государственная власть долгое время не объединяла всю Русь. Шестьсот с лишним лет Русь пребывала в состоянии политического раздробления, распадаясь на множество частей, управляемых князьями и их дружинниками-боярами и слугами при содействии народных веч и выбранных от населения лиц. В городе Пскове вече имело верховную власть, а князья занимали подчиненное положение. За этот продолжительный период, отмеченный чертами феодализма, с примитивным народным хозяйством, с несложной местной организацией и бедной культурой, не отлагало значительных архивных фондов центрального значения, в общерусском масштабе. Можно констатировать только некоторые зачатки таких фондов и архивов великого князя Киевского, митрополита всея Руси, возглавлявшего их до половины XV века общерусскую церковную организацию. Это время было временем образования преимущественно местных, да и то незначительных архивов в стольных городах княжеств и земель. С течением времени период политической раздробленности кончился, и на Руси появилось два крупных государственных образования. К началу XV века княжества Западной Руси, т. е. нынешних Белоруссии и Украины, объединились под властью великих князей Литовских и вместе с Литвою образовали довольно большое государство — Великое княжество Литовское. Это государство с момента своего сложения вошло в тесный союз с Польшей и надолго оторвалось от остальной Руси, пока не было воссоединено с нею во второй половине XVII века, при разделе Польско-Литовского государства между Россией, Австрией и Пруссией. Ко второй четверти XVI в. собрались в руках

великих князей Московских и Владимирских великорусские княжества и земли и на востоке Руси сложилось второе еще большее государство — Московское. Таким образом, вместо многих политических центров на Руси появились два средоточия: одно в Вильне, а другое — в Москве, где и стала развиваться высшая правительственная деятельность. В государствах крупного масштаба, каковыми были Великое княжество Литовское и Московское государство, эта правительственная деятельность по сравнению с предшествующим временем усложнилась и потребовала более развитого аппарата в виде постоянных учреждений с канцеляриями, со штатами чиновников, специалистов-писарей, дьяков, подъячих, писцов, переводчиков, толмачей и т. д. Письменное делопроизводство стало все более и более входить в правительственную практику центральной власти и ее органов на местах. Сообразно с этим как в Вильне, так и, в особенности в Москве, стали отлагаться большие архивы центрального государственного значения, а наряду с ними образовывались архивы и на местах, при сформировавшихся вокруг местных правителей учреждениях.

Великое княжество Литовское, образовавшееся на сто с лишним лет раньше Московского государства, к концу XVI века сошло с исторической сцены, как политическая особь, соединившись в 1569 г. с Польшей в одну республику — Речь Посполитую, с общим выбором королем во главе. Что касается Московского государства, то оно превратилось в Российскую империю, включившую в своих недрах не только великорусскую народность, но и множество других племен, в том числе украинцев и белорусов. В этом государстве с начала XVIII в. возникла новая столица, новый правительственный центр — Петербург, и высшая правительственная деятельность пошла как в этой новой столице, так и в старой — Москве. Для этой деятельности создан был новый аппарат в виде Сената, Синода и коллегий, которые заменили старые учреждения Московского государства — Боярскую думу, Освященный собор с патриархом во главе и приказы. В новых учреждениях введено было и новое делопроизводство, по особым регламентам, которые и стали отлагать новые архивы. К этим архивам присоединены были и некоторые архивы старых учреждений Московского государства, еще не утратившие практического справочного значения. Но часть старых архивов уже утратили практическое значение, омертвели, стали собранием никому не нужных, по тогдашним понятиям, бумаг, что и было причиной гибели многих из них. Одновременно с преобразованием аппарата центрального управления преобразовано было при Петре и местное управление, произведено новое административное деление территории, созданы новые учреждения и области. Оглаговавшиеся при этих новых учреждениях архивы частью нарастали на архивы прежних учреждений, частью формировались наново. Часть центральных учреждений Петра I просуществовала весь XVIII век, по временам увеличиваясь новыми, как, например, Верховный Тайный Совет, Кабинет, Конференция, Совет при

высочайшем дворе, часть же этих центральных учреждений, а равно местные учреждения, возникшие при Петре и его ближайших преемниках, просуществовали до нового устройства местного управления, осуществленного Екатериной II. В 1775 году Екатерина издала новое «Учреждение об управлении губерниями Российской империи». Было произведено новое административное разделение России на губернии или наместничества и уезды. Создано было много новых уездных центров частью из прежних городов, а частью из крупных сел, превращенных в города. Созданы были новые административные, финансовые, судебные и полицейские учреждения на местах, с участием выборных от дворянства и горожан, а кое-где и от государственных крестьян. С введением в действие этих новых местных учреждений сделалась ненужной часть центральных учреждений, созданных Петром, их архивы соединены были в двух архивах «Старых Дел» в Петербурге и Москве. При новых местных учреждениях стали отлагаться новые архивы, некоторые вне всякой связи с архивами прежних местных учреждений. Десять лет спустя, в 1785 г., Жалованными грамотами дворянству и городам созданы были новые органы сословно-дворянского, купеческого и ремесленного и общесословного городского самоуправления. При всех этих учреждениях стали накапливаться новые архивы. При Павле I к органам сословного самоуправления присоединились органы самоуправления государственных крестьян, которые тоже отлагали архивы. Вскоре после того произошли большие перемены в центральных управлениях. При Александре I (1801—1825 гг.) сужена была деятельность правительствующего Сената, от которого отошли административные и законодательные функции. Было создано особое законодательное учреждение — Государственный Совет и административные учреждения — министерства, коллегии были упразднены. В последующие царствования количество министерств увеличилось. При всех этих новых центральных учреждениях стали отлагаться и новые архивы. И так продолжалось до самой революции 1917 г. В начале XX века количество центральных учреждений увеличилось в 1905 году Государственной Думой, при которой также стал отлагаться архив. Что касается губернских и уездных учреждений Екатерины II, то с некоторыми видоизменениями и поправками они просуществовали до революции 1917 г., за исключением сословных судов, приказов общественного призрения и городских дум по положению 1785 г. Количество их в течении XIX века увеличилось особыми учреждениями, созданными для управления вновь присоединенными в XVIII и XIX вв. областями. При этих учреждениях также отлагались значительные архивы. При Александре II созданы были также новые, общесословные суды, на новых началах судоустройства и судопроизводства, новые органы общесословного самоуправления — земства и городские думы; после освобождения крестьян от крепостной зависимости — новые органы крестьянского самоуправления, в связи с крестьянской, земской и городской реформой и введением всеобщей воинской повинности —

новые административные учреждения в губернских и уездных городах присутствия по крестьянским, земским и городским делам и воинские. Все эти учреждения второй половины XIX в. просуществовали также до самой революции 1917 года и оставили после себя новые архивы по губернским и уездным городам, волостным и сельским центрам. Так, в течении веков сменялись органы государственного управления и общественного самоуправления, отлагая все новые и новые архивы. По времени образования этих органов и оставленные ими материалы образуют несколько слоев. Древнейший составляют материалы эпохи политического раздробления Руси, до конца XIII в., когда материалом служил только пергамент, за ним следует период XIV и XV вв., когда исподволь слагались Литовско-Русское и Московское государства, когда вошла в употребление тряпичная бумага. Следующим напластованием являются материалы центральных и местных учреждений Московского и Литовско-Русского государства XVI—XVII вв., следующим — архивные материалы Петровских учреждений, центральных и местных, следующим — архивные материалы местных учреждений Екатерины II и Павла I, следующим — архивные материалы особых областных административных учреждений XIX в., следующим — архивные материалы местных учреждений Александра II и последним — архивные материалы представительского учреждения Николая II (Государственная Дума). Всего таким образом обозначаются девять слоев архивных отложений. Кроме архивных материалов, отложенных органами государственного управления и общественного самоуправления, значительное количество архивных материалов, созданных около церковных учреждений, как центральных так и местных. Эти материалы являются ценными дополнениями материалов государственных и сословных учреждений и имеют чрезвычайно важное научное значение. Дело в том, что русская церковь в дореволюционное время была не только религиозной организацией. До XVIII века она играла большую политическую и экономическую роль, владея колоссальными земельными имуществами и крепостными крестьянами, в XVIII и XIX веках политическое и экономическое значение ее постепенно сводилось на нет, но не исчезало ее участие в развитии русской культуры. В такой сложной организации, охватившей всю Русь, естественно, должно было народиться множество учреждений с письменным делопроизводством, руководством, должны были организоваться многочисленные архивы. Центральными из них до конца XVI в. были архивы митрополитов всея Руси, с конца XVI века до начала XVIII века — архивы патриарших приказов, а с 1721 г. — архивы Св. Синода, местными были архивы епархиальные — архиерейские (с XVIII века — консисторские), монастырские и церковные. К архивам центральных и местных учреждений русской церкви в XVIII и XIX вв. присоединялись постепенно архивы иноверческих церковных учреждений и архивы некоторых нехристианских религиозных организаций. Все эти архивы образуют большие прослойки в архивных напластованиях органов госу-

дарственного управления и общественного самоуправления. Такие же прослойки архивных напластований с конца XVI века образуют архивы чисто культурных учреждений. В западнорусских областях, отошедших под власть Литвы и Польши, в связи с борьбой греческой церкви и римской с конца XVI века стали учреждаться школы по образцу иезуитских коллегий, во главе их стала Киевская Академия. И в Московском государстве в XVII веке стали учреждаться школы частью для удовлетворения церковных потребностей в ученых людях, частью для подготовки людей к государственной службе. С начала XVIII века государственная власть Российской империи повела культурную кампанию на более широкую ногу, стала учреждать научные институты (Академия Наук, Российская Академия и т. д.), школы разных типов, высшие, средние и низшие, театры, музеи и т. п. Позже, уже по инициативе из среды самого общества, стали учреждаться ученые, литературные и художественные общества, учебные заведения и т. п. При всех этих учреждениях образовывались собрания разного рода документов — архивов, из которых некоторые сохранились до наших дней, образуя ценные дополнения к архивам правительственных, сословных и церковных учреждений. Такой же частью культурного наследия России являются и архивы экономические. Уже от XVII века дошли до нас архивные материалы, накопившиеся у некоторых крупных землевладельцев и промышленников по управлению хозяйством их вотчин и промышленными предприятиями. Такие же архивные материалы дошли до нас и от XVIII и XIX веков. К ним присоединились в эти же века архивные материалы крупных заводов и фабрик, крупных предприятий добывающей промышленности и торговых компаний, товариществ, акционерных обществ, кредитных учреждений, транспортных и т. д. Чем более развивалась крупная промышленность и городская торговля в России, тем более развивалось и соответствующее письменное делопроизводство и отчетность, тем более отлагалось архивных материалов экономического значения. И, наконец, ценные собрания архивных материалов образовались с течением времени у некоторых лиц и фамилий, принимавших деятельное участие в государственном и общественном строительстве, ведших научную и литературную или художественную работу, имевших большую и разнообразную переписку. Сказанного, думается, достаточно для иллюстрации высказанного соображения от тесной связи истории архивов и архивного дела с историей государственного строя и управления общественной организации, культуры и экономического быта. Ознакомление с этой историей, и, в частности, с внешней историей учреждений является необходимой предпосылкой для выяснения образования архивов, состава их материалов и судьбы их при смене учреждений. Задачей настоящего очерка и является изображение истории архивного дела в дореволюционной России и связи с историей учреждений. В частности, имеется в виду дать обзор главнейших архивов и всего архивного наследия, оставленного дореволюционной Россией, познакомить с основными разновид-

ностями архивных материалов, установить, где и как они хранились, как перемещались и перегруппированы, в каких собраниях дошли до нас, какие законодательные и административные меры принимались к их сохранению, регистрации, отбору и описанию. Очерк не имеет в виду дать исчерпывающего изложения в этом направлении, а только самые общие указания, которые должны облегчить пользование специальной литературой и источниками по истории архива и архивного дела в России. Данные по этой истории рассеяны в предисловиях к описаниям некоторых архивов, в некоторых монографиях, журнальных статьях и заметках, посвященных архивам и архивному делу. До их в известной степени эти данные были сведены в трудах проф. В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» (том 1, кн. I и II, Киев, 1891 и 1894 гг.) и проф. Самоквасова «Архивное дело в России» (кн. 1 и 2, Москва, 1902 г.). В последнем труде дано не только обозрение главных архивов, но и приведены сведения по постановке архивного дела на Руси в разное время. Для ознакомления с историей этой постановки много данных имеется в сборнике материалов, относящихся до архивной части в России, изданного в двух томах Русским историческим Обществом в 1916—1917 гг. В качестве подручного руководства может служить труд И. Л. Маяковского «Исторический очерк архивного дела в России» (Архивные курсы. Лекции, читанные в 1918 г. Петроград, 1920).

Лекция 1-я

Архивы и архивные материалы на Руси до XIV в.

Славянские племена, расселившиеся в Восточной Европе, образовали ряд местных политических союзов со средоточием в некоторых больших городах — Киеве, Чернигове, Переяславле, Смоленске, Волыни, Полоцке, Новгороде и др. В начале X в. эти местные союзы объединились, составили федерацию под главенством великого князя Русского, норманского конунга, утвердившегося в центральном городе полян Киеве. Под рукой этого великого князя, в подчинении ему находились другим главным городам восточных славян и его мужи, дружинники, которых он посадил по стольным и второстепенным городам. С конца X века уже во всех восточно-славянских землях правили князья одной династии — Рюриковичи — и их мужи. Все эти князья и их мужи сообща предпринимали под предводительством своего старшего великого князя Русского походы на соседей: греков, болгар, хазар, сообща отражали нападения из степей диких кочевников-печенегов, тюрков и затем половцев, заключали общие договоры с соседями и т. д. Во всех этих общерусских делах, а равно также и на частных делах земель и княжеств значительное участие принимали народные веча, собравшиеся в главных городах земель и княжеств. Сидевшие по отдельным землям князья совместно со своими мужьями держали внутренний порядок, чинили суд и расправу всем, кто являлся к ним на двор с жалобами и претензиями, а также время от времени отправлялись на «полюдье», ходили по городам и селам для производства суда, сбора

дани и даров, и кормов от населения. Установившееся в X веке феодальное объединение восточных славян оказалось, однако, слабым, непрочным. Уже во второй половине X века князья отдельных земель стали выходить из подчинения великому князю Русскому, стали отбиваться от общерусской федерации, вести самостоятельную политику по отношению к соседям. Между князьями пошли распри и усобицы из-за распределения княжеств, больше всего из-за великого княжества Киевского. Попытки регулировать это распределение установлением очереди в занятии великокняжеского и других виднейших столов по старшинству разбивались о властолюбивые и честолюбивые стремления предприимчивых младших князей, и в конце концов общерусская федерация перестала фактически существовать. Вместо нее, соответственно, шла перегруппировка и самого населения, отхлынувшего от центральной торговой магистрали, водного пути из Варяг в Греки, на окраины, появились три политические группы: одна — около Киева, другая — около Владимира Клязьменского, третья около — Владимира Волынского и затем Галича. Эти три группы меняли свой состав в зависимости от различных политических конъюнктур, иногда взаимно переплетались, иногда распадались и т. д.

В общем на Руси, таким образом, не установилось политической централизации, преобладали местные организации, а следовательно, не могло возникнуть и значительного центрального, общерусского архива. Но зародыши его все-таки обнаруживаются и в некоторых дошедших до нас документах Киевского великокняжеского архива. В древнейшей русской летописи в повествовании о борьбе с греками первых русских князей Олега и Игоря вставлены текст ратификации мирного договора, заключенного русскими с греческими царями Львом и Александром в 907 г. и текст ратификации мирного договора, заключенного русскими с греческими царями Романом, Стефаном и Константином в 945 году. Ознакомление с этими текстами не оставляет никаких сомнений в том, что мы имеем здесь дело с копиями настоящих, подлинных документов, изготовленных на «харатях» и двух экземплярах, из которых один был отдан грекам, а другой — русским. Договоры написаны на славянском и болгарском языках, скреплены были подписями и печатью императора и русских посланцев, ездивших в Константинополь. Эти договоры, регулировавшие торговые сношения Руси с Византией, имели большую практическую ценность и потому должны были храниться Киевскими великими князьями. Вероятнее всего они хранились там, где и позже хранились князьями подобные документы, т. е. княжеской. Из договоров обнаруживается, что в то время уже существовала письменность на Руси, были грамотные люди, которые могли подписывать свои имена, могли составить «рукописание», т. е. духовные завещания в пользу своих «ближников», могли, следовательно, и читать письменные договоры и завещания. Под 1006 годом в Татищевском своде летописей излагается содержание договора, заключенного великим князем

Владимиром Святославовичем с Волжскими Болгарами. Изложение это содержит такие подробности, которые не оставляют сомнения в том, что в основу его лег подлинный документ, читанный летописцем. По этому изложению Владимир позволил болгарским купцам торговать по Оке и Волге, дав им для этого печати. Но торговать они могли только с купцами по городам, а не ездить по селам и не торговать с тиунами, вирниками, огнищанами и смердами. Надо сказать, что начальный русский летописец, писавший свою «Повесть временных лет», «откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжить и откуда Русская земля стала есть», для составления ее пользовался разнообразными письменными источниками, направленными византийскими историческими сочинениями (хронографами), некоторыми русскими повестями, пользовался он, очевидно, и документами, хранившимися в великокняжеской казне. Летописец был, по всем признакам, близким к великокняжескому двору человеком, и сама летопись начала составляться едва ли не по заданию великого князя. Из этой же великокняжеской казны — архива — составитель летописи списал духовное завещание Ярослава, относительно распределения волостей, после его смерти. В летописи это завещание носит все черты копии документа. Оттуда же он взял, если только не получил от самого автора, тексты послания Владимира Мономаха к князю Олегу Святославовичу Черниговскому, писанного в 1096 г., после Муромского сражения, в котором был убит сын Мономаха Изяслав, и текст поучения Владимира Мономаха своим сыновьям, писанный после 1117 г. В общем, таким образом, устанавливается, что некоторое собрание документов хранилось при Киевском великокняжеском дворе. К этим документам, по всей видимости, принадлежала и «Правда», уставленная Русской земле, на съезде сыновей Ярослава — Изяслава, Святослава и Всеволода, и их мужей и определившая порядок суда и денежные взыскания за преступления, а также устав Владимира Мономаха о долговых обязательствах, принятый на съезде в Берестовом по смерти Святослава. Оба эти устава использованы были составителями «Русской Правды». В старом архиве города Риги сохранился торговый договор, заключенный в 1229 г. смоленским князем Мстиславом Давыдовичем с Ригой и Готским берегом. Несомненно, что второй экземпляр этого договора, имевшего чрезвычайно важное значение для Смоленска, должен был храниться и в Казне Смоленского князя. В княжеских архивах, несомненно, сохранялись и договоры князей друг с другом. Из рассказов летописи мы знаем, что князья, заключая между собой договоры, писали друг другу «крестные грамоты», т. е. грамоты, которые полагались под крест при принесении князьями присяги в их соблюдении. Так, например, накануне Липицкой битвы 1216 г. суздальские князья Юрий и Ярослав Всеволодовичи, воевавшие со старшим братом своим Константином, поделив между собой все города русские, «целоваша крест и писаша грамоты того не переступати». Эти грамоты после их поражения найдены были в их шатрах смольнянами и отданы были Смоленским

князьям. Но если бы не случилось с князьями такого несчастья, грамоты, конечно, хранились бы ими в своих «казнах». Эти «крестные» грамоты князья повергали, т. е. отсылали своим контрагентам, когда между ними наступало «размирие». К сожалению, ни одна из этих грамот не дошла до нас ни в подлинниках, ни в списках. Рано должен был образоваться государственный архив и в вольном городе Новгороде. В этом же архиве города Риги сохранился договор, заключенный в 1195 г. князем Ярославом по решению веча с послом Арбудом и «с всеми немецкими сыны» и с Готы, и со всем Латинским языком. Этот договор, касающийся удовлетворений во взаимных обидах новгородцев и немцев, конечно, должен был сохраняться не только в Риге, но и в Новгороде. Договор этот был подтверждением мира старого, от которого также должны были сохраниться документы. Кроме договоров с чужеземцами в Новгородском архиве, несомненно, сохранялись и те договоры, которые они заключали с русскими князьями, приглашавшимися ими на княжение. Начало их восходит по летописи еще ко времени Ярослава Старого. Летописец рассказывает, что Ярослав, отпуская в 1016 году новгородцев, приходивших к нему на помощь в борьбе его с братом, Святополком, убившем братьев Бориса и Глеба, одарил их деньгами и дал им правду и устав, тако рекши им: «по сей грамоте ходите, якоже списах вам, тако же держите». Другую грамоту Ярослав дал новгородцам, сажая на княжение у них сына своего Владимира. Эти грамоты, определявшие права и обязанности Новгорода в отношении к князьям, хранились новгородцами. Они приглашали князей на княжение обычно на «Ярославлих грамотах», т. е. с условием соблюдения князьями этих грамот. В числе этих грамот была «Правда», т. е. устав о суде и о размерах вир, продаж и других судебных пошлин, взимаемых с подеудимых и истцов, «урок» Ярославлев о размерах денежных доходов и кормов вирникам, которые будут собирать виры, и наконец, урок «мостникам», определявший их вознаграждение за надзор и руководство по мощенью улиц в Новгороде и дорог за городом. По-видимому, и позднейшие новеллы «Правды», установленные сыновьями Ярослава для Русской земли, и устав Владимира Мономаха, и долговые обязательства также были в действии в Новгороде и хранились в его архиве. Отсюда, по-видимому, и почерпнули эти документы летописец, внесший механически в текст Новгородской летописи «Правду» Ярослава и «Правду» его сыновей, и кодификатор, переработавший для кормчей книги законы Ярослава, его сыновей и Владимира Мономаха. Итак, в стольных городах княжеств и земель в X—XIII вв., несомненно, отлагались собрания кое-каких официальных документов — договоры князей, их духовных завещаний, уставов и т. д. Были ли собрания каких-либо документов в пригородах и волостях княжеств, где чинили суд и управу княжеские посадники — наместники и тиуны? На этот вопрос нельзя дать определенного ответа, за неимением указаний в источниках. Общее количество документов, отлагавшихся в архивах указанной эпохи, едва ли было вообще значительным. То были акты и

аргументы исключительного значения, а не текущей, повседневной административной или судебной деятельности. Внутреннее управление, от которого отлагается ныне большая часть архивных документов, в то время носило примитивный, патриархальный характер, обходилось большей частью, без письменного делопроизводства. С утра к князю на двор приходили жалобщики и тяжущиеся. Их предварительно выслушивал княжеский тиун, который тут же и чинил решение и отсылал тяжущихся со двора, а о других докладывал князю, который и «оправливал» людей. То же самое происходило и по пригородам княжеств, в резиденциях княжеских посадников, в XIII в. называвшихся также наместниками. Все делопроизводство велось большей частью устно: не было письменных жалоб и исков, как позже, не было письменного изложения допроса сторон, показаний, приведенных сторонами послухов или видок. Что касается судебного решения, то, по всей вероятности, оно выдавалось в письменной форме заинтересованной стороне, только по особой просьбе и с оплатой дорогого писчего материала — пергамина. Редкость и дороговизна этого материала не позволяли расходиться широко в этом направлении. Из письменных документов, как можно заключить по «Русской Правде», на суде могли фигурировать только «ряды» о наследстве, т. е. духовные завещания, «ряды» о браках с рабами и о поступлении в тиуны, хотя и в этих случаях, как и в долговых исках, дела могли решаться свидетельскими показаниями. Запись на суде велась только вирам и продажам, для сбора которых выезжали вирники и метальники, писцы, получавшие в свою пользу «наклады» к этим вирам и продажам. Обходилась без письма, по-видимому, и финансовая деятельность князей и их агентов-посадников, данщиков и тиунов. Дани и оброки собирались «по старине и пошлине», известной населению. В потребных случаях князья лично объезжали места и устанавливали дани и оброки. Эти дани и оброки население отвозило к князьям в их дворы или же отдавало князьям и их данщикам при объезде ими княжеств. При небольших, сравнительно, размерах княжеств дело обходилось без канцелярского делопроизводства. Едва ли велись «данские книги», которые мы видим позже, при татарах. И равно другие акты правительственной внутренней деятельности, кроме законов, не облекались в письменную форму. По поводу возникших вопросов князья садились думать (т. е. советоваться) с епископом, воеводой или тысяцким и другими старшими дружинниками-боярами, и что решали, то и объявляли кому следовало устно, а в потребных случаях и всенародно, на торгу или по улицам через особых глашатаев-биричей, подвойских, детских. Никаких записей решений, за редкими исключениями, никаких журналов или протоколов подобных совещаний не велось. Так же обстояло дело и в тех случаях, когда князья совещались не с одной своей дружиной, но и со всенародным вечем. Значительные количества материалов в позднейших архивах сложились из различного рода актов и документов, касающихся земельных имуществ. Таких материалов в правительственных архи-

вах рассматриваемой эпохи еще не отлагалось. Землевладение княжеских бояр и слуг создавалось в то время простой заимкой и заселением челядью (рабами) свободных земель и угодий, без особых княжеских пожалований. Владельцем земель и угодий в старину делался тот, кто приложил к земле свой труд или капитал в виде живого или мертвого инвентаря — челяди, скота, хозяйственных орудий, семян и т. д., и, пока был земельный простор, не требовалось никаких специальных распоряжений и подтверждений княжеской власти. Но если и бывали случаи таких распоряжений и подтверждений, то письменные документы, содержащие эти распоряжения, жалованные грамоты, выдавались на руки заинтересованным лицам или учреждениям, не оставляя после себя никаких копий в княжеском архиве. О письменном закреплении земель и угодий заботились чаще всего церковные учреждения — епископские кафедры, церкви и монастыри. В архивах этих учреждений и сохранились древнейшие грамоты, переписанные впоследствии в книги. Таким путем дошла до нас жалованная грамота великого князя Мстислава Владимировича Юрьевского монастырю 1130 г. Этот князь, держа Русскую землю, повелел сыну своему Всеволоду отдать св. Георгию волость Буйцы, с данью, вирами, продажами. Дошли также жалованные грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии 1150 года на десятину от даней с разных волостей Смоленских и на села Дросенское, и Ясенское, на землю в Погониовичах Мошкинскую, на некоторые озера и на волость Холм, согласно пожалованью в кн. Владимира Мономаха епископу Симону. В монастырских архивах сохранились и другие крепостные акты на недвижимые имущества, полученные монастырями вместе с земельными имуществами от частных лиц. Земельные имущества в населенных местностях уже в XII веке сделались объектом гражданского оборота купли-продажи, дарения, завещания и т. д. Имеем таким образом вкладную Антония Римлянина (до 1147 г.) на землю с угодьями, которую он купил у Симона и Прохора, Ивановых детей, для основанного им монастыря. Он же купил для монастыря другую землю, и тоже за 70 гривен, и село на Волхове с тремя семьями полных холопов (одерень). Имеем затем вкладную Варлаама для основанного им Хутынского монастыря (около 1192 года) на два села с нивами, пожнями, ловищами рыбными и гоголевыми, с челядью и скотом. В церковных архивах сохранялись также жалованные грамоты князей на право суда, и различные доходы, предоставленные церковным учреждениям. Древнейшая из этих грамот была дана еще в кн. Владимиром основанной им церкви Богородицы в Киеве, бывшей первоначально кафедральной церковью Киевского митрополита. Грамота предоставила этой церкви «десятину» по всей Русской земле во всех городах, «от всего князя суда десятую векшу, а на торгу десятую неделло» и, кроме того, определила церковную юрисдикцию над всеми христианами вообще и над церковными людьми в частности. Грамота хранилась, несомненно, в Десятиной церкви Божьей матери в Киеве. Впоследствии она вписана в

Кормчую книгу, при переписывании подвергалась различным переделкам. В церкви св. Софии, сделавшейся кафедральной, хранились подобные же грамоты великого князя Ярослава, и наконец, жалованные грамоты, полученные от Новгородских князей Всеволода Мстиславича и Святослава Ольговича, хранились в церкви св. Софии в Новгороде. Эти грамоты дошли до нас также в составе кормчих книг и в переделках. В церкви св. Иоанна Предтечи на Дворище (на гостином дворе Новгородского торгового двора) хранилась грамота князя Всеволода, устанавливавшая торговую гильдию под патронатом этой церкви и определявшая ее организацию и доходы, а равно доходы самой церкви. И эта грамота дошла до нас не в подлиннике, а вписанной в книгу. Архивные материалы, отлагавшиеся в дотатарскую эпоху, большей частью не сохранились. По-видимому, многие из них погибли при нашествии татар. Летопись рассказывает, что татары, вторгнувшись в 1237 г. в пределы русской оседлости, попленили и пожгли всю Рязань, предали огню всю Москву и все церкви в ней, пожгли все монастыри и села вокруг и побрали много имущества, взяли затем Суздаль, пожгли храм Св. Богородицы и княжий двор, сожгли монастырь св. Дмитрия, а прочие пограбили, попленили весь Владимир и пограбили Успенский собор в нем. В 1234 г. они разграбили Муром и Чернигов, в 1240 году взяли Киев, разграбили св. Софию и все монастыри, пограбили иконы, кресты и «все узорочье» церковное. Так как архивные документы хранились вместе с книгами и разными драгоценностями в княжеских казнах и церковных ризницах, то их и постигла та же участь, что и драгоценности и книги. Они частью сгорели, частью захвачены были татарами. Не будь этих погромов, мы, несомненно, имели бы теперь гораздо больше актов архивного материала, касающегося древнейшего периода русской истории.

Лекция II

Центральные и местные учреждения Литвы и Западной Руси и их архивы в XII—XV вв.

После прибытия татар и установления владычества над Русью произошло окончательное отделение Западно-Русских земель от Северо-Восточной Руси. Западно-Русские земли и княжества держались некоторое время особняком, а затем исподволь соединялись с Литвой, образовавшей в то время довольно сильное государство — Великое княжество Литовское. В этом государстве западно-русские земли нашли утраченный националистический центр. В самом начале XIV века, при великом князе Витене, в 1307 г. было присоединено к Великому княжеству Литовскому Полоцкое княжество, а затем при брате и преемнике Витеня Гедимине (1326—1346 гг.) — выделившиеся из Полоцкой земли княжества Витебское, Минское, Друцкое и др. При Гедимине же от Волынской земли были оторваны земля Берестейская с Подляшьем и Турово-Пинское Полесье. Таким образом, к началу сороковых годов XIV столетия в состав Великого княжества Литовского вошла без малого вся Белая Русь. При сыне и преемнике Гедимина Ольгерде (1341—1377 гг.)

после продолжительной борьбы с Польшей за Галицкую и Вольнскую землю оставшаяся без княжеской династии Литва овладела землей Вольнской, уступив Польше землю Галицкую. Одновременно с тем, пользуясь ослаблением Золотой Орды, где шли в то время усобицы, Литва овладела Подольем, находившемся в непосредственном обладании татар, Киевской землей, где сидел татарский ставленник кн. Путивльский, и Чернигово-Северской землей в бассейне Десны и ее притоков, где княжили потомки Олега Святославовича под властью татар. И, наконец, при великом князе Витовте (1342—1490) Литва включила в состав своей государственной территории Смоленскую землю и Черниговское княжество на Верхней Оке (верховские княжества). Объединение русских земель и княжеств под Верховной властью великого князя Литовского не сопровождалось на первых порах большими переменами во внутреннем строе земель и княжеств. На месте прежних русских князей в главных городах земель садились родичи великого князя Литовского, обязанные ему послушанием во внешних делах и платежом ежегодной дани. Эти литовские князья самостоятельно вели внутреннее управление землями совместно с местными боярами, которые составляли их думы, или рады, и отправляли при них разные должности: наместников, воевод, городничих, конюших, ловчих, сокольничих и т. п. Кое-где, например, в землях Полоцкой и Витебской, в управлении принимали участие веча, или сеймы из бояр и горожан главных городов. На отдельных частях земель, на уделах оставались обычно природные русские князья, правившие в них вместе со своими боярами, которых они приглашали на думу и которым поручали разные должности. Западно-русские земли и княжества подчинялись Литве не только по принуждению, но и добровольно, ища в ней опоры и поддержки против внешних врагов. Поэтому они и сохраняли свою внешнюю особенность и внутреннюю самобытность. В центрах земель и княжества продолжал отправляться высший суд, издавались высшие распоряжения и законы, заключались договора с соседями и т. д. В конце XIV — начале XV века большая часть князей, правивших в главных городах земель, заменена была великокняжескими наместниками (воеводами и старостами). Но и при наместниках управление продолжало идти так же, как и при князьях. При таких условиях должны были отлагаться архивы документов не только в великокняжеской столице — Вильно, но и в центрах земель и княжеств. Несомненно, что и здесь хранились договоры, которые заключались областными и удельными князьями с великим князем (имеются, например, договоры князя Троицкого и Полоцкого Скиргайло с королем польским и в. кн. Литовским Ягайло, договоры князей Повосильских и Одоевских с великим князем Казимиром, писанные «по Витовтову докончанью», жалованные грамоты великих князей, выданные областным и удельным князьям на владение, судные грамоты великих князей по спорным делам между удельными князьями, уставные грамоты, выданные землям в момент упразднения местных княжеств и замены князей великокняжескими намест-

никами, подтверждавшиеся и дополнявшиеся в последующее время. Все эти документы дошли до нас либо в текстах, сохранившихся на стороне, например, в Краковском архиве, либо в копиях, внесенных позже в книги Литовской Метрики. Дошли до нас в местных собраниях и договоры, которые заключались с чужеземцами. В старых архивах Риги, Кенигсберга и других городов сохранились договоры, которые заключались Полоцком, Витебском и Смоленском под Литовским владычеством с Ригой и Ганзейскими городами с архиепископом Рижским, магистром Ливонским и др. Но если документы, определявшие отношения земель и княжеств к великому князю Литовскому и иностранным владениям, так или иначе сохранялись в их архивах, то едва ли много документов в этих архивах отлагалось от внутреннего управления земель и княжеств. Большая часть составлявшихся здесь документов внутреннего управления — жалованных грамот областных и удельных князей на имения, судебных «позывов» (вызовов на суд) и приговоров — уходила из центров земель и княжеств, выдавалась на руки заинтересованным лицам или учреждениям, не оставляя по себе копий. О документах внутреннего управления, выходявших из областных и удельных центров, можно составить представление по тем их видам, которые дошли до нас в церковных и частных архивах, а главным образом — в тех их подтвердительных списках, которые внесены в книги Литовской Метрики. Самые большие собрания документов, конечно, должны были образовываться в государственном центре Великого княжества Литовского, в состав которого входили западно-русские земли. Уже во второй половине XIII века началась дипломатическая переписка Великого княжества Литовского с Западом: с Папой, Прусским и Ливонским орденами, Рижским архиепископом и т. д. Но в особенности оживленная дипломатическая переписка началась со времен великого княжения Гедимина, когда Литва выступала на арену широкой международной политики. В течение XIV в. Вильна пересылалась бумагами с Польшей, Прусским и Ливонским орденом, с Папой, империей, Ганзейскими городами, Крымом, Турцией, Молдавией, заключала договоры с Польшей, Орденами, Москвой, Новгородом, Псковом, Тверью, Молдавией. Документы этой переписки, имевшей важное практическое значение, а равно и договоры с соседями, должны были храниться в великокняжеском архиве, т. е. в казне. Из них особенную политическую ценность имели акты унии Великого княжества Литовского с Польшей 1386, 1342, 1401, 1413, 1432, 1447, 1499 и 1501 гг. Вся эта переписка и все эти договоры были делом самого великого князя и его думы или Рады, в состав которой входили в XIV в. областные и великие князья и родовитые бояре, а в XV веке после унии с Польшей — католические бискупы, некоторые из князей и знатные бояре, или пань, занимавшие высшие должности в государстве — воеводы, старосты и наместники областей, маршалки земский и дворный (вроде министра двора и его товарища), подскарбии земский и дворский (казначей), гетманы наивысшие (главнокомандующий) и дворные уряд-

ники, подचाщий, кравчий, подстолий, кухмистр, конюший дворный, ловчий и т. д. Технически исполнительным учреждением при великом князе и его Раде была канцелярия Великого княжества, в состав которой входили писари, секретари и помощники дьяки, начальником был канцлер Великого княжества. Бумаги, поступившие к великому князю, и копии важных бумаг, выходивших из великокняжеской канцелярии, хранились, как сказано, в казне или скарбе великого князя на попечении подскарбия земского, который был таким образом государственным архивариусом. Из документов внутреннего управления, которые хранились в великокняжеском Литовском архиве в первую очередь надо отметить так называемые земские привилеи, т. е. жалованные грамоты на различные права и вольности, пожалованные высшим сословиям великого княжества — князьям, панам, боярам — шляхте в момент заключения унии с Польшей и подтвердившиеся впоследствии при восшествии на престол великих князей. Грамоты эти обычно переписывались, из чего можно заключить, что они бережно хранились. Несомненно, что сохранялись подобного же рода грамоты, выданные областям, позднейшие подтверждения их включали в тексты и все статьи предшествующих грамот. То же самое приходится сказать и о грамотах, выданных городам на Магдебургское право, об уставных грамотах, выданных волостям относительно их повинностей, церковным учреждениям относительно их прав и т. д. Что касается частных лиц, то до половины XV века, по всем данным в правительственных архивах Великого княжества, не оставялось еще копий выданных им жалованных грамот, судебных решений и других документов. Великокняжеская канцелярия вела только краткие записи земельным, денежным и другим раздачам великого князя, запись полученных от сборщиков даней и т. п. И только во второй половине XV века все сколько-нибудь важные документы, содержащие существо дела, как входящие, так и исходящие, стали вписываться в книги так называемой Метрики. Для большей сохранности документов и удобства справок, чтобы не ворошить отдельных документов и не трепать ценные из них, признано было целесообразным, по примеру Польши, завести Метрику, государственные, нотариальные книги, в каковые и вписывать все документы, поступавшие на рассмотрение великого князя и панов рады, и все документы, выходившие из государственной канцелярии. В эти книги была вписана и часть документов актуального значения, имевшихся в великокняжеском архиве к моменту введения книг. Книги велись великокняжескими писарями обыкновенно несколькими за раз, причем первоначально не было никакой системы и их ведений ни по роду дел, ни даже хронологической. Позже, уже в XVI в. появилась некоторая система, не строго, впрочем, соблюдавшаяся. Стали вестись книги записей (пожалований), судных дел, публичных, инвентари или ревизии господарских имений и т. д. По заполнении книги сдавались туда же, куда сдавались и подлинные акты, в скарб Великого княжества. Большая часть документов со второй половины XV века и дошла

до нас в виде копий, внесенных в книги Литовской Метрики. Что касается древнейших документов по внешним сношениям и внутреннему самоуправлению, несомненно, накопившихся в свое время в архиве Великого княжества Литовского, то они не дошли до нас непосредственно в этих архивах. Об их существовании и содержании можно заключать по тем документам, подлинникам или копиям, которые сохранились в старом Краковском архиве (перевезен был в XVIII в. в Варшаву), в Кенигсбергском архиве Прусского ордена, в архиве города Риги, в папском Римском архиве, в великокняжеском Московском архиве, а также в архивах некоторых церковных учреждений и, наконец, по тем копиям и подтверждениям, которые позднее были вписаны в книги Литовской Метрики. Более подробные сведения обо всем этом можно получить из изданий этих документов, сделанных в XVIII, XIX и начале XX веков. Кроме Вильно, областных и удельных центров правительственная деятельность в Великом княжестве Литовском развивалась и в центре тех поветов (уездов) и волостей, на которые делились земли и княжества, и в которых чинили суд и управу наместники (позднее державцы) и тивуны. При этих должностных лицах также должны были накапливаться некоторые собрания документов. Таковы были, например, те «листы», которые присылались им из центра с уведомлением о пожаловании тому или другому лицу имения в их повете и с поручением «обыскать» это имение и ввести нового владельца во владение, с уведомлением о пожаловании той или другой должности, листы относительно повинностей местного населения и т. д. Часть этих документов дошла до нас, но не в местных собраниях, которые не сохранились, а в копиях, вписанных в книги Литовской Метрики. Что касается бумаг, исходивших от самих наместников (державцев) и тивунов, то они не сохранились. По-видимому, они были в то время крайне редким явлением, отсылались в центр или выдавались на руки.

Публікацыя Дз. У. Карава

Литература и источники

1. Самошенко В. Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII — нач. XX в.). — М., 1990. — С. 184—185.
2. Он же. С. 185—186.
3. Зелов Н. С., Чернобаев А. А. «Нельзя в принципе не сочувствовать мысли о централизации архивов». Протоколы совещания историков и архивистов в Московском университете. Июнь, 1918 г. // Исторический архив. — 2008. — № 3. — С. 3—32.
4. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 39. Л. 6—6об; Оп. 5. Д. 14. Л. 48.
5. Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 3—6.
6. ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 22.
7. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4, д. 3. Л. 5—6.
8. Там же. Д. 112. Л. 8—11об. Там же. Л. 8—14.
9. Архивное дело. Вып. 1. М.—Пг., 1923. С. 103.
10. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 5. Д. 100. Л. 2—2об.
11. Там же. Л. 1, 6; Оп. 1, Д. 37. Л. 23.

12. Там же. Л. 9, 12—13.
13. Архивное дело. Вып. 1. С. 107—108.
14. Там же. Вып. 2. М.—Л., 1925. С. 129—130.
15. РГЭА. Ф. 4360. Оп. 1, д. 4. Л. 17—25.
16. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 2, д. 42, л. 1, 1об.; Д. 170, Л. 1, 2, 13—15, 28, 29, 123об.—124.
17. Максаков В. В. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. С. 62.
18. Архивное дело. Вып. 2. С. 130; «Бюллетень Центрархива РСФСР». 1925—1927. М., 1927. С. 130.
19. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 5. Д. 156. Л. 1.
20. Там же. Д. 14. Л. 60; Оп. 7. Д. 174.
21. ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 42. Л. 17, 18—18об; ОР ГБЛ. Ф. 364. К. 11. Д. 39.
22. Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917—1945 гг.). М., 1965. С. 171.
23. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 106. Л. 8, 16; Оп. 2. Д. 142. Л. 5—12.
24. РГАДА. Ф. 184. Оп. 2. Д. 109. Л. 2.
25. Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. Вып. 2. М., 1921. С. 6, 36; ОР ГБЛ. Ф. 364. К. 11. Д. 9. Л. 1—6.
26. Протоколы 1-го съезда архивных деятелей РСФСР. 14—19 марта 1925 г. М.—Л., 1926. С. 232.
27. Архивное дело. Вып. 1. С. 120—130.
29. ОР РГБ. Ф. 364 (личный фонд М. К. Любавского). К. 11. Д. 20. Л. 1—10. Две страницы машинописного текста тезисов доклада хранятся в ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 270.
30. Подробную информацию об этой конференции см.: Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 102—133.
31. ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 20. Л. 1—10.
32. Архивное дело. Вып. 1. С. 130.
33. Советские архивы. 1968. № 3. С. 48.
34. ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 11, 12; Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 98. Л. 53; Архивное дело. Вып. X. М., 1927. С. 28.
35. Архив РАН (СПб). Ф. 2. Оп. 17. Д. 166. Л. 1—2.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 31.05.2010

АСАБЛІВАСЦІ ВЫБАРАЎ ПАВЯТОВЫХ ЗЕМСКІХ УРАДНІКАЎ У ПАНАВАННЕ АЎГУСТА Ш

(На прыкладзе дакументаў аб выбары мазырскіх земскіх ураднікаў)

Дакументы, якія публікуюцца ніжэй, уяўляюць значную цікавасць для вывучэння гісторыка-прававых асаблівасцей функцыянавання элекцыйных соймаў для выбараў на земскія ўрады ў ВКЛ. Яшчэ паводле Другога Статута ВКЛ 1566 г. на элекцыйным соймаў выбіраліся чатыры кандыдаты на ўрады земскіх судзі, падсудка і пісара. Сярод іх кароль выбіраў таго, хто зойме ўрад, і выдаваў яму прывілей. Паводле Трэцяга Статута ВКЛ 1588 г. на элекцыйным соймаў сталі выбіраць таксама чатырох кандыдатаў на ўрады падкаморыя і харужага. Каралі Рэчы Паспалітай доўга супраціўляліся, каб праводзіліся элекцыйныя соймаў для выбараў кандыдатаў на ўрад маршалка. Канстытуцыя сойма 1631 г. утрымлівала пункт аб намінацыі каралём маршалкам аднаго з чатырох кандыдатаў, якія былі абраны на элекцыйным соймаў. Аднак толькі Канстытуцыя сойма 1669 г., якая паўтарала гэты закон, са спазненнем у некалькі гадоў пачала рэалізоўвацца на практыцы. Шляхта ВКЛ пайшла далей і прадпрыняла наступныя крокі па абмежаванні правоў караля. Яна пачала выбіраць толькі аднаго кандыдата, якому кароль фактычна і павінен быў надаваць урад. Польскі даследчык Анджэй Закшэўскі на шматлікіх прыкладах добра паказаў спосабы абмежавання праз соймаў ў ВКЛ каралеўскага права надання судовых урадаў [1, s. 173—185].

Намі выяўлены і прадстаўлены тут пяць дакументаў, якія знаходзяцца ў Нацыянальным гістарычным архіве ў Мінску ў фондзе Мазырскага гродскага суда (ф. 1728, спр. 9, мазырская гродская кніга за 1735—1739 гг.). Яны ў рознай ступені паказваюць абмежаванне соймаў ў ВКЛ каралеўскага права надання ўрадаў.

Першы з прадстаўленых дакументаў — «Актыкацыя црсіі на мазырскае маршалкоўства Рафалу Аскерку» — уяўляе сабой адмову трох абраных кандыдатаў на мазырскім элекцыйным соймаў на ўрад павятовага маршалка на карысць чацвёртага з абраных — мазырскага харужага Рафала Аскеркі. Такая адмова трох кандыдатаў на карысць чацвёртага фактычна азначала, што кароль будзе пазбаўлены выбару і надасць мазырскае маршалкоўства Рафалу Аскерку. Сапраўды, Аўгуст Ш 20 лістапада 1738 г. у Варшаве выдаў прывілей на мазырскае маршалкоўства Рафалу Аскерку. Звяртае ўвагу, што Аўгуст Ш называў у прывілеі Рафала Аскерку не мазырскім харужым, а мазырскім падстолім. Трэба звярнуць увагу, што ўжо 1 снежня 1738 г. на мазырскім элекцыйным соймаў для выбару падкаморыя Рафал Аскерка выступае мазырскім маршалкам і распачынае пасяджэнні соймаў. Наўрад ці так хутка ў такі неспрыяльны час яму быў дастаўлены каралеўскі прывілей. Напэўна, мазырскай шляхце было дастаткова свайго выбару на соймаў, каб лічыць Рафала Аскерку за мазырскага маршалка. Новы мазырскі маршалак Рафал Алойзы Аскерка (1708—1767) паходзіў са сярэднезаможнага шляхецкага роду Аскеркаў і быў

сынам Антонія Аскеркі і Сафіі з Календаў. Займаў урады мазырскага падстоля (1732), мазырскага харужага* (1733), мазырскага маршалка (1738). Мазырскае маршалкоўства было самым значным урадам у яго кар’еры і іншых урадаў ён ужо не атрымаў. Прымаў актыўны ўдзел ва ўнутрыпалітычнай барацьбе магнцкіх групавак. У 1740 г. абраны мазырскім дэпутатам і стаў маршалкам Скарбовага Трыбунала. Падтрымліваў праграму Чартарыйскіх па рэформе дзяржаўнага ладу. У 1756 г. быў абраны мазырскім дэпутатам і стаў маршалкам Скарбовага Трыбунала. На канвакацыйным сойме 1764 г. быў вызначаны соймам паслом складаць пакты канвенты новага караля [2, с. 43].

Можна меркаваць, што тры іншыя кандыдаты адмовіліся на карысць Рафала Аскеркі за пэўную выгаду для сябе. Магчымай выгадай для Казіміра Вольбека і Міхала Лянкевіча бачыцца падтрымка іх кандыдатур Аскеркамі на іншыя ўрады: Вольбека — на ўрад мазырскага падкаморыя, а Лянкевіча — на ўрад мазырскага земскага суддзі. Такім чынам, хутчэй за ўсё, мы маем справу з дамовай паміж канкурэнтамі на мазырскае маршалкоўства. Толькі ў адносінах да трэцяга канкурэнта — мазырскага стражніка Станіслава Вольскага — немагчыма вызначыць ніякіх прычын, якія прымусілі яго саступіць на карысць Рафала Аскеркі.

Другі з прадстаўленых дакументаў — «Крэдэнс на мазырскае земскае пісарства Юзафу Вольбеку». Згодна крэдэнсу, Юзаф Вольбек быў абраны мазырскім земскім пісарам «згоднымі галасамі, без пратэстаў, адзінагалосна». Для заняцця ўрада мазырскага земскага пісара Юзаф Вольбек павінен быў атрымаць прывілей ад караля Аўгуста III. Такім чынам, роля караля зводзілася да выдання прывілея абранаму на ўрад мазырскага земскага пісара. У той жа час, згодна праву, кароль меў магчымасць выбраць аднаго з чатырох прадстаўленых кандыдатаў і надаць яму ўрад земскага пісара. Фактычна шляхта такім чынам абмяжоўвала каралеўскае права надання ўрада мазырскага земскага пісара. Юзаф Вольбек з 1735 г. быў мазырскім скарбнікам. Атрыманы ўрад мазырскага земскага пісара быў найвышэйшым у яго кар’еры. Быў дэпутатам Трыбуналаў ВКЛ 1732 і 1741 гг. Звязаны быў з Аскеркамі і падтрымліваў іх у межах Мазырскага павета. Ва ўнутрыпалітычнай барацьбе ў Княстве спачатку падтрымліваў Чартарыйскіх, але ўжо ў 50-х гг. XVIII ст. супрацоўнічаў з Радзівіламі.

Трэці з прадстаўленых дакументаў — «Крэдэнс на мазырскае падкаморства Казіміру Вольбеку». Згодна крэдэнсу, Казімір Вольбек быў абраны мазырскім падкаморым «згоднымі галасамі, без пратэстаў, адзінагалосна». Такім

* Магчыма, што выконваў функцыі харужага падчас бескаралеўя 1733—1736 гг. У каралеўскім прывілеі на ўрад мазырскага маршалка выступаў як мазырскі падстоля, а не мазырскі харужы [3, арк. 126]. У каралеўскім прывілеі на ўрад мазырскага харужага ад 20 студзеня 1739 г. для Мікалая Булгарына пададзена, што гэты ўрад ён заняў пасля пераходу ранейшага мазырскага харужага Аляксандра Пшаздзецкага на ўрад інфлянцкага кашталіяна [3, арк. 230].

чынам, роля караля зводзілася да выдання прывілея абранаму на ўрад мазырскага падкаморыя. У той жа час, згодна праву, кароль меў магчымасць выбраць аднаго з чатырох прадстаўленых кандыдатаў і надаць яму ўрад падкаморыя. Фактычна шляхта такім шляхам абмяжоўвала каралеўскае права надання ўрада мазырскага падкаморыя. Атрымаўшы ўрад мазырскага падкаморыя, Казімір Мацей Вольбек больш не прасунуўся па кар’ернай лесвіцы. Раней ён займаў урады мазырскага лоўчага (з 1720) і мазырскага гродскага суддзі (з 1726). У самім дакуменце, па невядомых прычынах, называецца стольнікам, а ў каралеўскім прывілеі на ўрад мазырскага падкаморыя — па-ранейшаму мазырскім лоўчым. Казімір Вольбек праяўляў малую актыўнасць ва ўнутрыпалітычным жыцці ВКЛ, быў дэпутатам Трыбунала ВКЛ 1725 г. Звязаны быў з Аскеркамі і падтрымліваў іх у межах Мазырскага павета. Ва ўнутрыпалітычнай барацьбе ў Княстве падтрымліваў Сапегаў і Чартарыйскіх.

Чацвёрты з прадстаўленых дакументаў — «Крэдэнс на ўрад мазырскага земскага суддзі Міхалу Лянкевічу». Згодна крэдэнсу, Міхал Лянкевіч быў абраны кандыдатам на ўрад мазырскага земскага суддзі «згоднымі галасамі, без пратэстаў, адзінагалосна». Такім чынам, роля караля зводзілася да выдання прывілея абранаму на ўрад мазырскага земскага суддзі. У той жа час, згодна праву, кароль меў магчымасць выбраць аднаго з чатырох прадстаўленых кандыдатаў і надаць яму ўрад земскага суддзі. Фактычна шляхта такім чынам абмяжоўвала каралеўскае права надання ўрада мазырскага земскага суддзі. Да крэдэнсу далучаны і пяты дакумент — «Акт адмовы ад кандыдацтва на карысць земскага суддзі Лянкевіча», які дазваляе прасачыць, якім чынам Міхал Лянкевіч застаўся адзіным кандыдатам на ўрад мазырскага земскага суддзі, які і быў прадстаўлены каралю. Згодна гэтаму дакументу, тры іншыя кандыдаты на ўрад мазырскага земскага суддзі (нурскі стражнік Ян Араноўскі, мазырскі абозны Тэадор Антоні Яхімовіч і мазырскі падсудковіч Казімір Вольскі) адмовіліся ад ураду на карысць Міхала Лянкевіча, бо ён быў абраны мазырскім земскім суддзёй «без пратэстаў, адзінагалосна». Да канца свайго жыцця Міхал Лянкевіч не атрымаў іншых урадаў. Раней ён займаў урад мазырскага гродскага суддзі. Таму, напэўна, супрацоўнічаў з мазырскім гродскім старостам Людвікам Гервазіем Аскеркам і ўсім уплывовым родам Аскеркаў.

Адзін з кандыдатаў на ўрад мазырскага земскага суддзі Ян Араноўскі ў дакументах аб выбарах мазырскіх падкаморыя, земскага суддзі і земскага пісара называецца ўжо мазырскім гродскім суддзёй. Можна меркаваць, што за адмову ад кандыдацтва на ўрад мазырскага земскага суддзі Ян Араноўскі атрымаў урад мазырскага гродскага суддзі. Акрамя таго, вядома, што 1 лютага 1739 г. Яну Араноўскаму Аўгустам III быў падпісаны прывілей на ўрад мазырскага войскага. Невядома, ці заняў Ян Араноўскі ўрад мазырскага войскага, бо 10 лютага 1739 г. Аўгуст III выдаў прывілей на гэты ўрад Эразму Лянкевічу. Амаль адразу ў выніку нейкіх камбінацый Ян Араноўскі са-

ступіў урад мазырскага гродскага суддзі мазырскаму крайчаму Людвіку Богушу, а сам задаволіўся ўрадам мазырскага гродскага пісара. Тэадор Антоні Яхімовіч, верагодна, адмовіўся ад кандыдацтва на ўрад мазырскага земскага суддзі за ўрад мазырскага абознага. Прывілей на гэты ўрад быў падпісаны 1 снежня 1738 г. Ужо на элекцыйным соймаку па выбарах на ўрад падкаморыя (1 снежня 1738 г.) Тэадор Антоні Яхімовіч выступаў як мазырскі абозны. У адрозненне ад сітуацыі з Араноўскім і Яхімовічам не зразумелы прычыны, якія прымусілі Казіміра Вольскага адмовіцца ад ўрада мазырскага земскага суддзі на карысць Міхала Лянкевіча.

Варта звярнуць увагу на рэакцыю Аўгуста III на абмежаванне мазырскай шляхтай яго права намінавання ўраднікаў. Усім абраным кандыдатам былі дадзены прывілеі на ўрады, у якіх указвалася, што кароль выбраў іх з чатырох прадстаўленых кандыдатаў [3, арк. 126—127, 229, 231—234]. У той жа час, у прывілеях нічога не згадвалася аб тым, што шляхта ўжо раней пагадзілася і вызначыла па аднаму кандыдату на ўрады маршалка, падкаморыя, земскага суддзі і земскага пісара.

У мазырскай гродскай кнізе захоўваецца ўнутраная нумарацыя дакументаў. Прычым з часам яна была зменена і на дакументах засталіся закрэсленыя старыя нумары. Усе дакументы напісаны рознымі почыркамі. Кожны з пісараў мае свае асабліваці напісання слоў. Вельмі характэрна ў гэтым выпадку выглядае напісанне прозвішча мазырскага мастаўнічага Бенядыкта Касцешы Халайма. У дакуменце № 2 — *Hałajm*, № 3 — *Chałajm*, № 4 — *Chałaim*.

Дакументы публікуюцца з максімальным прыбліжэннем да арыгінала. У аснову перадачы тэксту дакументаў пакладзены прынцып палітарнай яго перадачы. Тэкст публікуецца без купюр і адвольных дапаўненняў, асабліваці напісання тэксту захоўваюцца, скарачэнні раскрываюцца, скарачаюцца толькі прыязныя звароты, даты перадаюцца лічбамі. Лацінізаваныя выразы не паланізуюцца. Выразы лацінскай мовай перададзены згодна іх напісанню ў рукапісе. У астатнім дакументы выдаюцца згодна метадычных рэкамендацый выдання польскамоўных дакументаў [4].

1. Актыкацыя цэсіі на ўрад мазырскага маршалка Рафалу Аскерку. 5 II 1738, Мазыр

НГАБ. Ф. 1728. Вон. 1. Спр. 28 (кніга Мазырскага гродскага суда за 1735—1739 гг.). Арк. 443—444. Конія.

|| [443]*

Aktykacya Cessij na Marszałkowstwo p[owia]tu mozyr[skiego] in rem W[ielmożneg]o jm. Pana Rafała Oskierki.

5 II 1738

№ 362**

Na roczkach gr[o]dz[kich] mozyr[skich] februarowych porządkiem prawa pospolitego agitujących się przed nami Gerwazym Ludwikiem Oskierką starostą sądowym p[owia]tu mozyr[skiego] Michałem Jpochorskim Lenkiewiczem sędzią, Rafałem Szumanowskim pisarzem, urzędnikami grodz[kimi] tegoż powiatu comparens personaliter jm. Pan Tadeusz Opoka dokumēt, niżej de actu et data wyrażony na osobę y rzecz w nim exprimowaną dany y służący, ku zapisani do xiąg teraznieyszych grodz[kich] mozyr[skich] per ablatam podał w ten sens. Maciey Kazimierz Wolbek stolnik, Michał Jpochorski Lękiewicz*** sędzia, Stanisław Wolski straznik urzędnicy p[owia]tu mozyr[skiego] za wydanemy jnnotescianiami od Jasne W[ielmożneg]o jm. Pana Żaby woiewody minskiego**** na seymik aleccionis***** in loco***** solito***** w Mozyrze będąc obranemi kędydatami***** do wakującej laski powiatu naszego mozyr[skiego] wespół z wielmożnym jm. Panem Rafałem Oskierką chorążym p[owia]tu naszego. Poniewaz z afektow || [443v] braterskich uno ore et labijo stałych pars votorum praevaluit na osobę W[ielmożneg]o jm. Pana chorążego p[owia]tu mozyr[skiego] więc i my nasze suffragie dla siebie konferowanę z osob swoich in personam W[ielmożneg]o jm. Pana Rafała Oskierki marszałka p[owia]tu mozyr[skiego] naszego, jako emeritum zasług antecessorow i swoich w powiecie naszym, virum transfundując za aktualnego marszałka p[owia]tu naszego mozyr[skiego] jako wolnemi głosami obranego. Rekognoskując tym urzędem presytum juramentum zaszczyczając się et munus officii sui gerere pozwalając zadney prepedycji Wielmożnemu jm. Panu marszałkowi ad praesens concorditer obranemu in aquirendo privilegio czynie niemamy y niepowinni będziemy w czym obstando dla lepszey wiary podpisuiemy się. Datum w zamku mozyr[skim] w roku 1738

* Вышэй закрэслена 423.

** Змешчана ў цэнтры радка. Далей закрэслены № 382.

*** Першыя чатыры літары вылучаны тлустым, дзве наступныя былі выпраўлены замест ранейшых, якія складана вызначыць.

**** Ян Казімір Жаба быў мінскім ваяводам з 1724 па 1754 гг. [5, с. 289].

***** Так у дакуменце, трэба *electionis*.

***** Перапраўлена з *k* на *c*.

***** Звычайным месцам правядзення соймаку ў Мазыры быў двор гродскага староства на замчышчы [6, s. 196].

***** Так у дакуменце, трэба *kędydatami*.

m[iesia]ca februarij piątego dnia. U tego dokumentu podpisy rąk w[ielmożnych] ichm. Panow urzędnikow grodz[kich] mozyr[skich] temi słowy Maciey Kazimierz Wolbek stolnik p[owia]tu mozyr[skiego], Michał Jpochorski Lenkiewicz sędzia grodz[ki] p[owia]tu mozyr[skiego], Stanisław Wolski strażnik p[owia]tu mozyr[skiego], ktory to takowy dokoment* jest do xiąg || [444]** grodzkich mozyrskich terazniejszych przyięty y zapisany.

2. Крэдэнс на ўрад мазырскага земскага пісара Казіміру Вольбеку. 5 XII 1738, Мазыр

НГАБ. Ф. 1728. Вон. 1. Спр. 28 (кніга Мазырскага гродскага суда за 1735—1739 гг.).
Арк. 566—567. Копія.

|| [566]**

Kredens na funkcyą pisarstwa ziemsk[i]ego w[ielmożnemu] jm. Panu Kazimierzowi Wolbekowi.

05 XII 1738 № 453****

Na roczkach grodzkich mozyrskich xbrowych***** porządkiem prawa pospolitego agituiących się przed nami Gerwazym Ludwikiem Oskirko starosto sądowym, Janem Oranowskim sędzią, Wiktorym Jelenskim podczaszym y pisarzem urzędnikami grodzkimi powiatu mozyrskiego, comparens personaliter jm. Pan Andrzej Kaminski patron credens na funkcyą pisarstwa ziemskiego Wielmożnemu jm. Panu Jozeffowi Wolbekowi staroscie domanowickiemu, pisarzowi ziemskiemu powiatu mozyrskiego. Po wykonanym przez tegosz Wiel[możneg]o jm. juramieniu do xiąg terazniejszych grodzkich mozyrskich dla jngrosowania per oblatam podał de tenore sequenti. My senatorowie, dignitarzę, urzędnicy ziemscy, grodz[cy], rycerstwo, szlachta obywatele powiatu mozyrskiego za wydanemi***** od Jas[nie] Wiel[możneg]o jm. Pana Jana Kazimierza Koscieszy Żaby woiewody minskiego uniwersałami, et in tempore publikowanemi, ad locum solitum obrad naszych zgromadziwszy się na seymik electionis do dystrybutiwy wakuiących urzędow ziemskim w powiecie naszym y pozagaionej sesyi przez jm. Pana Rafała Oskirkę marszałka powiatu naszego mozyrskiego, chcąc nie tylko stabilire porządek w powiecie, ale tesz subvenire in administranda justitia sitientibus in fundamento legis positive zgodnemi głosami nemine contradicente ac reclamante W[ielmożneg]o jm. Pa[na] Jozeffa Wolbeka skarbnika powiatu mozyrskiego do funkcyi pisarstwa ziemskiego za candidata virum qua sago et toga bene notum obrawszy. Za otrzymanym dla siebie od Naj[is]niejszego Regnanta***** || [566v] Pana Naszego Mifosciwego przywileym post

* Верагодна *dokóment*.

** Вышэй закрэслена 424.

*** У верхнім правым вугле закрэслена 546.

**** Нумар змешчаны адразу пасля даты, з правага боку ліста.

***** Так у дакуменце, скарачаны варыянт ад *decembrowych*.

***** W выпраўлена з іншай літары.

***** Закрэслена № 473. Знаходзіцца ўнізе, у цэнтры старонкі.

praestitum* juramentum praemissa functione nie tylko pomieny Wielmożny jm. Pan skarbnik mozyrski ad vite suae tempore lub ad alteriorum assensum gaudere, ale tesz munus officii sui disponende lege positive exequi et locum tey funkcyi solitum y na kozdych mieyscach, ziazdach zasiadac wolen y mocen będzie dla czego do ranc ten nasz credens dla lepszey wiary podpisuiemy. Datum w zamku mozyrskim dnia piątego miesiaca decembra, roku 1738. U tego credensu podpisy ranc temi exprimuntur słowy, Rafał Oskirka marszałek powiatu mozyrskiego, Gerwazy Ludwik Oskirka starosta mozyrski, Kazimierz Wolbek podkomorzy powiatu mozyrskiego, Mikołay Bułharyn chorąży powiatu mozyrskiego, podwoiewodzy woiewodztwa nowogrodzkiego, Wiktor Jelenski podczasz, pisarz grodzki y deputat na Trybunał Gł[ówny] WKL z powiatu mozyrskiego, Antoni Jachimowicz obozny powiatu mozyrskie[g]o, Wincenty Jpohorski Lenkiewicz sędzic ziemski mozyrski, Ludwik Korsak sędzic grodzki mozyrski, Stanisław Korsak sędzic grodz[ki] mozyrski, Jan Kelczewski obozny powiatu rzeczyckiego, Bogusław Wolbek łowczyc WKL, Dominik Obuchowicz skarbnik powiatu mozyrskiego, Jan Zydominowicz podpisuię się, Benedykt Kosciesza Hałaym mostownicz mozyrski, Dominik Wilbut Stocki, Paweł Żudra, Jan Oranowski, Jan Ciechanowicz, Stanisław Kotkowski, Franciszek Zborowski, Antoni Ratofft, Antoni Kaminski, Antoni Jacyna, Bazyli Ostrowski, Karol Odachowski, Jozef Bołczanski, Leon Rukiewicz, Paweł Wudmicz, Jan Wolbek, Kazimierz Wilbut Stocki, Ludwik Iwanicki, Kazimierz Wolski, Theodor Leon z Maiewa Maiewski podstoli buski, Bogusław Wolbek mostownicz powiatu mozyrskiego, Antoni Prokopowicz || [567] Michał Jadowienk Rucinski regent grodz[ki] mozyrski, Andrzej Kaminski, Jozef Piotrowski, Jan Chreptowicz, Ignacy Bieniecki, Jan Stupnicki, Thadeusz Opoka namiesnik grodzki mozyrski, Thomasz Grondzki czesnik wilkomirski, Alexander Lenkiewicz Jpohorski, Antoni Jacyna, Paweł Wudmicz, Antoni Prokopowicz, Kazimierz Czechowski, Jan Jakotkowski, Antoni Nientowski miecznikowicz podolski, Jozef Hrehorowicz, Jozef Felicyan Galecki, Waclaw Jalsowski, Atoni** Jpohorski Lenkiewicz podstolicz mozyrski, ktory to takowy credens zapodaniem onego przez wysz rzeczonego offerenta iest ad acta praesentia grodu mozyrskiego przyięty y jngrossowany.

* У дакуменце слова напісана як *praescitum*.

** Памылкова, на самай справе *Antoni*.

3. Акт на ўрад мазырскага падкаморыя Казіміру Вольбеку. 5 XII 1738, Мазыр

НГАБ. Ф. 1728. Вон. 1. Спр. 28 (кніга Мазырскага гродскага суда за 1735—1739 гг.).
Арк. 568—569. Копія.

|| [568]*

Акт креденсу на подкоморство мазырские W[ielmożnemu] jm. P[an]u Kazi-
mierzowi Wolbekowi.

5 XII 1738

№ 454**

Na roczkach xbrowych *** grodzkich mozyr[skich] porządkiem prawa pospoli-
tego sądzących się przed nami Gerwazym Ludwikiem Oskierką starostą sądowym,
Janem Oranowskim sędzią, Wiktorym Jelenskim pisarzem urzędnikami grodzkimi
p[owia]tu mozyrskiego stanowszy oczewiscie patron jm. P[an] Andrzej Kaminski
kredens nizey wyrazony na podkomorstwo p[owia]tu mozyr[skiego] Wielmożnemu
jm. Panu Kazimierzowi Wolbekowi służący ku zapisaniu do xiąg grodzkich mozyr-
skich per oblatam podał w ten sens. My senatorowie, dygnitarze, urzędnicy ziemscy,
grodczy, rycerstwo szlachta, obywatela p[owia]tu mozyr[skiego] zawydanemi od
J[asnie] W[ielmożnego] jm. Pana Jana Kazimierza Koscieszy Żaby woiwody
mńskiego uniwersalami et in tempore publikowanemi ad locum solitum obrad na-
szych zgromadziwszy się na seymik electionis do dystrybuty wakujących urzędów
ziemskich w powiecie naszym y po zagaioney sessyi przez W[ielmożnego] jm. Pa-
na Rafała Oskierką marszałka P[owia]tu naszego chcąc nietylko stabilire porządek
w powiecie, ale też subvenire in administranda justitia sitientibus in fundamento le-
gis positivie zgodnemi głosami nemine contradicente ac reclamante W[ielmożnego]
jm. Pana Kazimierza Wolbeka stolnika mozyr[skiego] do funkcji podkomorskiej
za kandydata virum quam in sago et toga bene notum obrawszy. Zaozrymanym dla
siebie od Nai[j]asnieyszego Regnanta Pana naszego Miłosciwego przywilejem post
praestitum juramentum praemissa functione nietylko pomieniony Wielmożny jm.
Pan Kazimierz Wolbek podkomorzy p[owia]tu mozyr[skiego] ad vitae suae tempo-
ra lub od ulteriore ascensum gaudere № 474**** || [568v] ale też munus officii sui
disponente lege positiva exequi et locum tey funkcji solitum w powiecie y na koz-
dych mieyscach ziazdach zasiadać wolen y mocen będzie. Dlaczego daiąc ten nasz
kredens dla lepszey wiary podpisuiemy. Datum w zamku mozyr[skim] roku 1738
mca xbra ***** dnia pierwszego. U tego kredensu podpisy rąk w te słowa. Rafał Os-
kierka marszałek p[owia]tu mozyrskiego, Gerwazy Ludwik Oskierka starosta mo-
zyrski, Mikołay Bulharyn podwoiewodzy woiewodztwa nowogrodzkiego, Michał

* З правага боку закрэслена 548.

** Знаходзіцца ніжэй даты, па цэнтры старонкі.

*** Так у дакуменце, скарачаны варыянт ад *decembrowych*.

**** Змешчана ўнізе, у цэнтры старонкі.

***** Так у дакуменце, скарачаны варыянт ад *decembrowych*.

Jpohorski Lenkiewicz sędzia grodzki p[owia]tu mozyrskiego, Stanisław Wolski
straznik mozyr[ski], Theodor Antoni Jachimowicz obozny p[owia]tu mozyr[skiego],
Jozef Wolbek star[osta] domanowicki, skarbnik mozyr[ski], Benedykt Kosciesza
Chałajm mostowniczy mozyr[ski], Wincenty Lenkiewicz sędzic ziem[ski] mozyr-
[ski], Dominik Obuchowicz skarbnik mozyrski, Bogusław Wolbek, Dominik Wil-
but Stocki, Jan Chreptowicz, Jan Oranowski, Thomasz Grądski czesnik wilkomir-
[ski], Jan Kietczewski obozny p[owia]tu rzeczyckiego, Jan Wolbek, Franciszek
Zborowski, Ignacy Rembek łowczyc orszanski, Jan Ciechanowicz, Antoni Jacyna,
Antoni Ratoft, Stanisław Kotkowski, Karol Odachowski, Jan Żydowinowicz, Leon
Rukiewicz, Antoni Kaminski, Ludwik Iwanicki, Jozef Bączalski, Alexander Lenkie-
wicz podstolic mozyr[ski], Marcin Jachimowicz, Dobrogost Gimbutus Pryszmont,
Jozef Piotrowski, Bazyli Ostrowski, Jan Olszewski, Andrzej Kaminski, Kazimierz
Wilbut Stocki, Kazimierz Wolski, Antoni Hrehorowicz, Łukasz Kaminski, Michał
Jadźwięg Rucinski regent grodzki mozyr[ski], Franciszek Niewiarowski, Paweł An-
toni Prokopowicz, Kazimierz Kosinski, Jan Stupnicki, Jan Jahatkowski, Ludwik
Korsak sędzic grodz[ki] mozyr[ski], Stanisław Korsak sędzic grodz[ki] mozyr[ski],
Thadeusz Opoka namiesnik grodzki mozyr[ski], Bogusław Wolbek || [569] mos-
towniczyc powiatu mozyr[skiego], Paweł Zudra, Kazimierz Chechowski, Teodor
Leon z Majew[a] Majewski, Antoni Gurski, Jozef Hrehorowicz, Antoni Niemen-
towski, Jozef Saczkow Galecki, Antoni Zahorowski, Antoni Jpohorski Lenkiewicz
podstolic mozyr[ski], Paweł Wiedzmicz który to takowy wyz wyrazony kredens za
ustnym wyzazonego* offerenta podaniem y prozbą iest do xiąg teraznieyszych
grodzkich mozyr[skich] przyjęty y zapisany.

4. Крэдэнс на ўрад мазырскага земскага судзі Міхала Лянкевіча. 5 XII 1738, Мазыр

НГАБ. Ф. 1728. Вон. 1. Спр. 28 (кніга Мазырскага гродскага суда за 1735—1739 гг.).
Арк. 570—571. Копія.

|| [570] № 455**

Kredens in personam w[ielmożnego] jm. Pana Michała Jpohorskiego Lenkie-
wicza sędziego ziemskiego mozyr[skiego] na senstwo***

5 XII 1738

Na roczkach grodzkich mozyrskich decembrowych porządkiem prawa pospoli-
litego agituujących się predemną Gerwazym Ludwikiem Oskierką starostą sądowym
przed nami Janem Oranowskim sędzią, Wiktorym Jelenskim pisarzem urzędnikami
grodzkimi mozyrskimi comparens personaliter patron jm. Pan Andrzej Kaminski
kredens na sę[d]stwo ziemskie mozyrskie nizey de acta et data wyrazony po wyko-
nanym juramencie przez Wielmożnego jm. Pana Michała Jpohorskiego Lenkiewi-
cza sędziego ziemskiego powiatu mozyrskiego dla jngressowania do xiąg terazniey-

* Літара з памылкова выпраўлена з іншай літары, трэба *wyrażonego*.

** Змешчана ўверсе, у цэнтры старонкі.

*** Слова напісана іншым почырмак і іншымі чарніламі.

szych roczkow grodzkich mozyrskich decembrowych per oblatam de tenore sequenti. My senatorowie, dygnitarze, urzędnicy ziemscy grodzcy, rycerstwo szlachta obywatele powiatu mozyr[skiego] za wydanemi od Jasnje Wielmoznego jm. Pana Jana Koscieszy Żaby wojewody minskiego uniwersalami et in tempore publikowanemi ad locum solitum obrad naszych zgromadziwszysię na seymik electionis do distribucij urzędow ziemskich wakuiących w powiecie naszym y pozagajoney sessij przez Wielmoznego jm. Pana Rafała Oskierki marszałka powiatu naszego mozyrskiego chcąc nietylko stabilire porządek w powiecie ale tez subvenire in administranda justicia sitientibus in fundamento legis positive zgodnymi głosami nemine contradicente ac reclamante Wielmoznego jm. Pana Michała Lenkiewicza do funkcij sędztwa ziemskiego powiatu mozyrskiego za kandydata virum quam sago et toga bene notum obrawszy. Za otrzymanym dla siebie od Nay Jasnieszego Regnanta Pana Nasze[go] Miłosciwego przywilejem praestitum juramentum praemissa functione nietylko pomieniony Wielmożny jm. Pan Michał Lenkiewicz ad vitae suae tempora sub ad ulteriorem ascensum gaudere ale tez munus officii || [570v] sui disponente lege positiva exequi et locum tey funkcij solitum w powiecie y na kazdych mieyscach y zjazdach* zasiadac wolen y mocen będzie dla czego daiąc ten nasz kredens dla lepszy wiary podpisuiemy się. Datum w zamku mozyrskim dnia 3 miesiaca decembra roku 1738 u tego kredensu podpisy rąk temi exprimuntur słowy Rafał Oskierka marszałek p[owia]tu mozyrskiego manu propria Gierwazy Ludwik Oskierka starosta mozyrski manu propria, Kazimierz Wolbek podkomorzy powiatu mozyrskiego, Mikołay Bulharyn chorąży p[owia]tu mozyr[skiego] podwojewódzi w[o]jewód]zditwa nowogrodzkiego**, Wiktor Jelenski podczaszy pisarz grodzki y deputat na Trybunał Główny WKL [z] powiatu mozyrskiego, Dominik Obuchowicz skarbnik p[owia]tu mozyrskiego, Jan Kiełczewski obozny rzeczycki, Wincenty Jpohorski Lenkiewicz sędzic ziemski mozyr[ski], Jan Wolbek, Ludwik Korsak, Bogusław Wolbek łowczyk nadworny [WKL], Jan Oranowski straznik ziemi nurskiej, Bogusław Wobek*** mostowniczc powiatu mozyrskiego, Franciszek Zborowski, Jan Żydowinowicz, Paweł Żudra, Thadeusz Opoka namiesnik grodzki mozyr[ski], Ludwik Iwanicki, Jan Ciechanowicz, Stanisław Kotkowski, Antoni Ratowt, Antoni Kaminski, Antoni Jacyna, Bazyli Ostrowski, Jozef Bączalski, Karol Odachowski, Leon Rukiewicz, Antoni Jpohorski Lenkiewicz, Dominik Wilbut Stocki, Kazimierz Wilbut Stocki, Antoni Jacyna, Kazimierz Wolski, Theodor Leon z Majow Majewski, Antoni Prokopowicz, Michał Jadzwięg Rucinski regent grodzki mozyrski, Andrzej Kaminski, Jozef Piotrowski, Ignacy Rombek, Niemętowski miecznikowicz m[ozyrski], Tomasz Grąski czesznik wilkomierski, || [571] podpisuięsię, Benedykt Kosciesza Chałaim mostowniczy mozyrski, Alexander Lenkiewicz p[odstolic] m[ozyrski], Paweł Wedzmicz, Jan Chreptowicz, Antoni Prokopowicz, Kazimierz Cze-

* Першая літара з паднята над словам.

** Слова выпраўлена з першапачатковага памылковага *mozyrogrodzkiego*.

*** Памылкова, трэба *Wolbek*.

chowski, Jan Jahatkowski, Jan Stupnicki, Jozef Hrehorowicz, Jozef Felician Gałtecki, Waclaw Jankowski ktory takowy kredens za podaniem przez wyz rzeczzonego offerenta jest do xiąg roczkow grodzkich mozyrskich decembrowych de verbo ad verbum prout in se continetur przyięty y jngressowany.

5. Акт адмовы Яна Араноўскага, Тэадора Яхімовіча і Казіміра Вольскага ад кандыдацтва на ўрад мазырскага земскага судзі на карысьць Міхала Лянкевіча. 5 XII 1738, Мазыр

НГАБ. Ф. 1728. Вон. 1. Спр. 28 (кніга Мазырскага гродскага суда за 1735—1739 гг.). Арк. 571—571адв. Копія. Дакумент дапісаны да папярэдняга дакументу «Крэдэнс на ўрад мазырскага земскага судзі Міхала Лянкевіча. 5 XII 1738, Мазыр».

|| № 456

Aktum abrenuncyacyi z kandydactwa in rem w[ielmożnego] jm. P[ana] Lenkiewicza sędziego ziem[skiego] służącey*.

5 XII 1738

Na roczkach grodzkich mozyr[skich] decembrowych porządkiem prawa popolitego sądzących się przede mną Gierwazym Ludwikiem Oskirką starostą sądowym y przed nami Janem Oranowskim sędzią, Wiktorym Jelenskim pisarzem urzędnikami grodz[kimi] p[owia]tu mozyr[skiego] comparens personaliter patron jm. P[an] Andrzej Kaminski niżej wyrażony de data instrument ku zapisaniu do xiąg grodzkich mozyr[skich] podał w ten sens. My niżej na podpisach rąk naszych wyrażeni czyniemy wiadomo tym naszym abrenuntiationis skryptem Iz my w roku terazniejszym 1738 na dzien 1 m[ie]s[ią]ca decembra vigore wydanych et in tempore publikowanych instrumentow od J[asnje] W[ielmożnego] jm. Pa[na] Jana Koscieszy Żaby wojewody minskie[go] na seymik electionis ad locum solitum obrad do zamku mozyr[skiego] ziezchawszysię y między Wielmożnym jm. Panem Michałem Lenkiewiczem ex pluralitate votorum stałym sędzią ziemskim powiatu mozyr[skim] będąc do tey funkcyi nominowanemi kandydatami ponieważ Wielm[ożny] jm. Pan Michał Lenkiewicz nemine contadicente et reclamante z afektow braterskich został obranym za sędziego ziemskiego mozyrskiego zaczym y my suffragia nostra iako na kandydatow dawane na osobę tegoż Wielm[ożnego] jm. Pana sędziego ziemskiego wlewając, ażeby tak in virtute swoich głosow jako też y naszych wla[s]nych affektow na tę funkcją sęd]stwa ziemskiego jurament po otrzymanym przywileju od JKM Pana nasze[go] Miłosciwe[go] wykonał et munus officii sui bez żadnego nieodkogo kontradykcyi y prepedycyi exequi raczył promittum do dla lepszy** || [571v] wiary podpisuiemy się. Datum w zamku mozyrskim dnia 3 m[ie]s[ią]ca decembra roku 1738. U tego dokumenta podpisy rąk w te słowa Jan Oranowski straznik ziemi nurskiej, Theodor Antoni Jachimowicz obozny powiatu mozyr[skiego], Kazimierz Wolski podsędkowicz mozyr[ski] ktory takowy dokument

* У адрозненне ад іншых дакументаў не пачынаецца з новай старонкі, а фактычна працягвае папярэдні дакумент.

** Унізе старонкі закрэслена № 476.

za podaniem przez wyz rzezzonego offerenta iest do xiąg terazniejszych grodzkich mozyr[skich] przyięty y jngressowany.

Публікацыя А. У. Мацука

Літаратура:

1. Zakrzewski A. Ograniczenie przez sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego monarszego prawa mianowania urzędników sądowych, XVII—XVIII w. // Lietuvos Valstybė XII—XVIII a. — Vilnius, 1997.
2. Мацук А. Аскерка Рафал Алойзы // Энцыклапедыя ВКЛ. Т. 3. — Мінск, 2010.
3. НГАБ. Кмф-18. Воп. 1. Спр. 170.
4. Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI do połowy XIX w. — Wrocław, 1953.
5. Насевіч В. Менскае ваяводства // Энцыклапедыя ВКЛ. Т. 2. — Мінск, 2006.
6. Rachuba A. Miejsca obrad sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1569—1794 // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV—XVIII стагоддзях. — Мінск, 2008.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 29.04.2010

ГАРАДЗЕНСКІ КЛЯШТАР СЁСТРАЎ СВ. КЛАРЫ Ў «ХРАНАЛОГІІ» ТОМАША ДЫГАНЯ

«Храналогія ордэна братаў меншых абсервантаў», складзеная Томашам Дыганем [1], уключае ў сябе апісанні як мужчынскіх, так і жаночых кляштароў прывіпцыі Малая Польшча і Вялікае Княства Літоўскае. Фрагмент хронікі, прысвечаны мужчынскаму гарадзенскаму кляштару, быў выдадзены ў «Беларускім археаграфічным штогодніку» ў 2008 г. [2]. Цяпер мы б хацелі прадставіць наступны ўрывак хронікі, які апісвае жаночы кляштар у Гародні.

«Храналогія» — агляд

Тэкст усёй «Храналогіі» пісаўся ў перыяд каля 1654—1662 гг. [1, с. 1, 323, 416, 419]. Яе агульная характарыстыка была дадзена пры выданні папярэдняга фрагмента.

Паўторам, што гэтая хроніка апісвае гісторыю правіпцыі бернардынцаў Малая Польшча і Вялікае Княства Літоўскае, а потым — гісторыі асобных кляштароў правіпцыі. Тут прыводзяцца копіі фундацыйных дакументаў, дарэнняў, апісваюцца знакамітыя асобы, цытуюцца тэксты інскрыпцый у касцёлах.

«Храналогія» была складзена манахам-бернардынцам, айцом Томашам Дыганем*. Трэба яшчэ раз падкрэсліць ролю адзінага аўтара ў стварэнні тэксту хронікі. Матэрыялы па асобных кляштароў, напэўна, падрыхтоўвалі браты і сёстры на месцах, але ў адказ на канкрэтную просьбу адной асобы, якая пазней займалася іх апрацоўкай. Мэты твора, якія дэкларуе аўтар ва ўступе [1, с. 3—4], паслядоўна вырашаюцца на старонках усёй хронікі. «Храналогія» ўяўляе сабой цэласны твор, нягледзячы на тэматычны адрозненні асобных раздзелаў. Такім чынам, Томаш Дыгань з'яўляецца аўтарам усяго твора, у тым ліку і фрагмента, які тычыцца гарадзенскага жаночага кляштара бернардынак.

Хронікі жаночых кляштароў

У жаночых кляштароў існавалі ўласныя хронікі, аўтарамі якіх былі манашкі адпаведнага ордэна. Праўда, пісанне хронік, на думку даследчыкаў, не было абавязковым для жаночых адгалінаванняў ордэна** [7, с. 325]. Аналіз жаночых хронік Рэчы Паспалітай, якія пісаліся ў XVII ст., прадстаўлены ў працы Караліны Таргош [8]. З бернардынскіх хронік тут апісваюцца гісторыі кляштароў св. Агнешкі ў Кракаве [8, с. 69—73] і св. Калеты на Страдоме каля Кракава [8, с. 73—74]. Гарадзенскіх жа бернардынскіх хронік, напіса-

* Біяграфія Т. Дыганя была апісана пры папярэднім выданні ўрывка «Храналогіі» [2]. (Таксама гл.: [3—5].)

** Пра іншыя тыпы прагматычнай літаратуры, якая стваралася ў жаночых кляштароў, гл. працу Я. Гвёздзік [6].

ных самімі сёстрамі, на сённяшні момант, на жаль, не выяўлена*. З гарадзенскіх жаночых кляштароў іншых ордэнаў вядома і надрукавана толькі хроніка сёстраў брыгідак [14].

Манаскае жаночае гісторыяпісанне сведчыць пра ўзровень адукацыі ў кляштарох і разам з іншымі пісьмовымі крыніцамі, якія ствараліся манашкамі, можа служыць даследаванню гэтых асяродкаў.

Прызнаецца, што ўвогуле адукаванасць манашак была вышэйшай, чым свецкіх жанчын [15, с. 80—82]. Сёстры павінны былі ведаць нават лацінскую мову, што было выключэннем для «жаночага свету» Рэчы Паспалітай. Напэўна, зыходныя матэрыялы для складання аналізаванага намі ўрыўка «Храналогія» былі таксама падрыхтаваны самімі манашкамі гарадзенскага кляштара.

Бернардзінкі ў Рэчы Паспалітай

Трэба спыніцца на гісторыі ордэна бернардзінак у Рэчы Паспалітай (нарыс гісторыі мужчынскай галіны быў прадстаўлены ў папярэднім артыкуле [2]).

Жаночыя кляштары бернардзінак пачалі ўзнікаць на тэрыторыі будучай Рэчы Паспалітай адразу пасля з'яўлення там братоў меншых абсервантаў (з сярэдзіны XV ст.) [9, с. 621; 16, с. 29—31; 17; 18]. Яны з'яўляліся не ў выніку рэформы існуючых французскіх жаночых манастыроў** (сёстраў св. Клары, т. зв. «кларысак»), ніякія існуючыя кляштары не пераходзілі да ліку рэфармаваных. Бернардзінскія жаночыя кляштары арганізаваліся з новапрыбыўшых сёстраў, якія хацелі весці супольнае жыццё.

Напачатку сёстры-бернардзінкі, звання яшчэ «калеткамі» ці «клепкамі», жылі паводле рэгулы Трэцяга ордэна***, якой падпарадкоўваліся свецкія французскія згуртаванні, і была яна, адпаведна, не вельмі жорсткай. Потым, пасля Трыдэнцкага сабора (1545—1563 г.), частка манастыроў прыняла больш суровыя абмежаванні (клаўзуру), арганізуючыся ў манаскую супольнасць закрытага тыпу. Актыўна выступаў за ажыццяўленне падобнай рэформы айцец Бенядыкт Гансэрак****, правінецьял, у 1594—1597 г. Але гэты пераход не адбываўся хутка і не атрымаў агульнай падтрымкі сёстраў, некаторыя супольнасці далей кіраваліся правіламі жыцця Трэцяга ордэна [8, с. 691; 7, с. 34—35]. Кляштары ж, якія ўзніклі пасля гэтага часу, ужо былі клаўзуровымі. Аднак

* Пералік вядомых архіўных крыніц па гісторыі гарадзенскага кляштара бернардзінак гл.: [9, с. 510; 10, с. 27], таксама ў тэксце манаграфій, прысвечаных Гародні: [11, с. 120—126; 12, с. 94—95, 229; 13, с. 169].

** Абсервантызм быў рэфармацыйным рухам унутры французскага ордэна, які аформіўся ў асобны ордэн у 1517 г.

*** «Першым ордэнам» была мужчынская плынь французскага, «Другім» — ордэн сёстраў французскага канвентуальных, «Трэцім» — свецкія супольнасці, згуртаваныя каля французскага.

**** Гансэрак Бенядыкт (Gašiorek, Anserius) (пам. 1607) — бернардзінец, найбольш знакаміты арганізацыйнік і Маскоўскую дзяржаву на пачатку XVII ст. [19].

акрэсленне «Трэці ордэн» захавалася як назва ў дачыненні да абедзвюх плыняў жаночага бернардзінскага руху (клаўзуравага і неклаўзуравага).

Жаночыя кляштары звычайна мясціліся побач з мужчынскімі (неклаўзуровыя сёстры ўдзельнічалі ў набажэнствах у касцёлах братоў меншых абсервантаў). Уласныя касцёлы пры манастырах бернардзінак пачалі будавацца толькі ў XVII ст. з увядзеннем клаўзуры (выключэннем з'яўляецца кляштар св. Агнешкі ў Кракаве, які меў свой касцёл такой жа назвы яшчэ ў XV ст. [9, с. 517—519]).

Увесь жаночы бернардзінскі рух (падобна як і пераважная большасць іншых жаночых ордэнаў) падпарадкоўваўся ўладам мужчынскага ордэна і не меў сваёй цэнтральнай структуры [7, с. 221—222].

На тэрыторыі Рэчы Паспалітай было заснавана 30 жаночых бернардзінскіх кляштароў (з якіх 15 — у XV — пачатку XVI ст., 5 — з 1530-х па 1596 г., 10 — з 1606 па 1666 г.) [9, с. 571]. Вельмі важнай для развіцця ордэна была першая палова XVII ст., калі некаторыя бернардзінскія супольнасці прынялі строгую рэгулу, узнікла дастаткова шмат новых клаўзуровых манастыроў, будавалася шмат цэркваў.

На землях Вялікага Княства было 7 жаночых бернардзінскіх кляштароў: у Вільні (2, заснаваныя ў 1495 і 1596 гг.), Коўне (каля 1500), Гародні (1617), Бярэсці (1624), Менску (1630) і Слоніме (1645) [9, с. 502—566, 571]. Бернардзінкі былі адзіным жаночым рухам, які меў свае кляштары на тэрыторыі Вялікага Княства да 1600 г. [17, с. 35]. Але і так колькасць кляштароў гэтага ордэна ў Княстве была значна меншая, чым у Кароне Польскай.

Гарадзенскі кляштар бернардзінак

Гарадзенскі кляштар быў заснаваны ў 1617—1618 гг., атрымаўшы зямельныя надзелы ад Гераніма Валовіча*. Гэта была не ўласна фундацыя, а перанос фундацыі парафіі, зробленай Г. Валовічам раней. Пад пабудову касцёла і кляштара сёстры купілі пляц у дабрадзея бернардзінцаў, Юрыя Сцыпіёна дэль Кампа**, за 2000 злотых з уласных пасагавых грошай [1, с. 337]***.

Гісторыя набыцця бернардзінкамі пляцаў у горадзе і фальваркаў апісана ў манаграфіях Пшэмыслава Баравіка і Юрыя Гардзева [11, с. 120—126; 12, с. 229]. Аднак большасць архіўных крыніц, якія захаваліся да нашага часу і на падставе якіх праводзіцца даследаванне, — больш познія (XIX ст.). Параўнанне даных кляштарных візітацый XIX ст. з больш раннімі хроніка-

* Геранім Валовіч (Hieronim Wołowicz) (? — 1636) — староста генеральны жамойцкі, пісар ВКЛ, падскарбі дворны, падканцлер ВКЛ [20; 21].

** Юры Сцыпіён дэль Кампа (1571—1623) — падкаморы гарадзенскі, спадкаемца Рэплі, пасол на сойм 1623 г., пахаваны ў гарадзенскіх бернардзінцаў [1, с. 330; 22, с. 301].

*** Паводле апісання фундацыі гарадзенскіх бернардзінак, зробленага ў 1805 г., гэты пляц (дакладна «адзін з трох пляцаў») быў ім падараваны Ю. Сцыпіёнам дэль Кампа [23, л. 7].

мі дазваляе ўдакладніць вядомыя даныя аб маёмасным стане ордэна і правярць верагоднасць крыніц абодвух тыпаў.

Так, не ўсе пералічаныя ў актах візітацыі XIX ст. зямельныя надзелы, набытыя паводле іх кляштарам у першай палове XVII ст., адзначаюцца ў аналізаванай намі «Храналогіі» (напрыклад, візітацыя 1820 г. падае інфармацыю пра валоданне кляштарам фальваркам Жарослаўкай, набытым у 1623 г. [24, л. 264], іншыя візітацыі сведчаць таксама пра фальварак Адамовічы, куплены ў 1633 г., і фальварак Плябанаўцы [23, л. 7]). Адсутнасць падобных даных у хроніцы Т. Дыганя можа тлумачыцца выбарачным цытаваннем дакументаў (цытавання ў «Храналогіі» крыніцы можна аднесці да катэгорыі фундацыйных дакументаў), але можа вынікаць і з недакладнасці пазнейшых крыніц (прыклад памылкі ў крыніцах XIX ст. будзе прыведзены ніжэй). Такім чынам, рэканструкцыя гісторыі набыцця надзелаў манастыром патрабуе ўважлівай працы даследчыкаў.

Будаўніцтва манастыра і касцёла адбывалася ў некалькі этапаў. Спачатку быў пабудаваны драўляны кляштар [1, с. 337], прычым тэкст дарчай Г. Валовіча сцвярджае, што манастыр сёстраў ужо быў збудаваны ў момант надання зямельных надзелаў у 1618 г.:

<...> eandem ecclesiam parochialem, cum <...> fundatione sua in fundationem sanctimonialium monasterii sancti Francisci tertiae regulae nuper Grodnae erecti <...> transferre [1, с. 335].

<...> перанесці названую парафіяльную царкву разам з <...> фундацыяй да фундацыі кляштара сёстраў трэцяга ордэна св. Францішка, збудаванага нядаўна ў Гародні.

Мураваны ж касцёл і кляштар былі збудаваны ў 1648 г. Крыніцы XIX ст. [24, л. 258; 25, с. 1] падаюць як дату пабудовы касцёла 1621 г.^{*}, што супярэчыць хроніцы. У сувязі з тым, што «Храналогія» Томаша Дыганя была складзена ў часы, блізкія да апісваемых, і яна, у сваю чаргу, спасылалася на тэкст інскрыпцыі, размешчанай над уваходам у касцёл («Aedes haec est erecta anno MDCXLVIII» [1, с. 337] (Святыня гэта збудавана ў 1648 г.)), мы прымаем дату 1648 г. як час збудавання царквы. Магчыма, у 1621 г. распачалося будаўніцтва касцёла, якое было скончана праз 27 гадоў, але на падставе захаваных дакументаў гэта немагчыма пацвердзіць.

«Храналогія» паведамляе, што будаўніцтва царквы ажыццяўлялася дзякуючы міласці Казіміра Льва Сапегі^{**} [1, с. 337]. Юзаф Ядкоўскі сведчыць, што партал з гербам Сапегі над бакавым уваходам у касцёл захоўваўся яшчэ ў XX ст. [26, с. 2]. Згаданая інскрыпцыя была знішчана значна раней: у візітацыях XIX ст. яна ўжо не згадваецца і сцвярджаецца, што ніякія магчымыя для

* Гэтая дата паўтараецца далей у літаратуры прадмета ([26, с. 2] і пазнейшыя распрацоўкі), іншыя дакументальныя пацверджанні гэтай даты ў літаратуры не прыводзяцца.

** Казімір Леў Сапега (1609—1656) — пісар вялікі літоўскі, маршалак дворны літоўскі, падканцлер літоўскі [27; 28, с. 225].

прачытання надгробныя надпісы ў касцёле не захаваліся [25, л. 1]. Напэўна, калі была б захавана хоць адна інскрыпцыя, гэта было б пазначана.

Касцёл быў асвечаны віленскім біскупам Юрыем Тышкевічам^{*} у 1651 г. [1, с. 337—338].

У тэксце «Храналогіі» прыводзяцца копіі многіх дакументаў, якія тычацца фундацыі і будаўніцтва царквы і кляштара:

— зацвярджэнне фундацыі каралём Жыгімонтам Вазай у 1619 г. [1, с. 333—337], у якім цытуецца фундацыя (уласна перанос фундацыі) Гераніма Валовіча ў 1619 г. [1, с. 334—335, 336] і дазвол на яе віленскага біскупа Яўстафія Валовіча ў 1618 г. [1, с. 335];

— ліст біскупа Юрыя Тышкевіча з нагоды асвячэння царквы ў 1651 г. [1, с. 337—338];

— дазвол на еўхарыстычную працэсію ў час актавы свята Божага Цела, выдадзены Юрыем Тышкевічам [1, с. 338];

— індальгенцыя Папы Інакенція X на свята асвячэння царквы [1, с. 339];

— індальгенцыя Папы Інакенція X на Задушны дзень [1, с. 339].

Хроніка таксама цытуе тэксты інскрыпцыі, якія знаходзіліся ў царкве, дае кароткае апісанне будынка касцёла. Гэтая інфармацыя асабліва важная, бо святыня не захавалася да нашых дзён. Хоць яна і існавала да XX ст., але гарэла і перабудоўвалася некалькі разоў (у XIX ст. функцыянавала як праваслаўная царква пры базіліянскім манастыры), таму ўсе звесткі пра яе першасны выгляд маюць вялікае значэнне. Як ужо адзначалася, у XIX ст. у будынку касцёла ўжо не было інскрыпцыі, якія цытуюцца ў «Храналогіі».

Выглядаў касцёл як бяскупальная, трохнефная базіліка. Яго архітэктурныя асаблівасці не былі даследаваны дэтальна, напэўна, з-за недахопу дакументацыі. Існуюць толькі агульныя апісанні будынка касцёла [30; 31, с. 221—223]. Будынкі кляштара апісаны Пш. Баравіком [11, с. 123—124]. У хроніцы царква апісваецца як «magnifico opere lateritio amoenissimi, et iucundissimi prospectus, cum pulcherrima intus pictura» [1, с. 337] («мураваная, цудоўнай работы, вельмі прыемнага і мілага выгляду, з прыгожымі малонкамі ўнутры»), што, напэўна, было праўдай, бо аўтар пісаў гэтыя словы праз шэсць гадоў пасля заканчэння будаўніцтва царквы, праз тры гады пасля яе асвячэння.

На жаль, у той жа хроніцы другой рукой дапісана: «Nec monasterium simul cum ecclesia ab exercitu Moschovitico combustum est» (Гэты манастыр разам з царквой быў спалены Маскоўскім войскам) [1, с. 339].

Тэкст «Храналогіі» амаль нічога не гаворыць пра асоб, якія жылі ў кляштары ў першыя дзесяцігоддзі яго існавання. Згадваецца толькі ксеня Уршуля Мялецкая [1, с. 337]. Пш. Баравік прыводзіць інфармацыю пра першых сёстраў у кляштары, называючы згаданую Уршулю Мялецкую, Фран-

* Юры Тышкевіч (Jerzy, Georgius Tyszkiewicz) (? — 1656) — біскуп віленскі, удзельнічаў у дыпламатычнай дзейнасці Уладзіслава IV [29, с. 458—459].

цішку Красінскую і Тэафілю Сапяжанку, якая сталася наступнай ксе-
няй [11, с. 121]. Звесткі пра іншых сёстраў, якія жылі ў гарадзенскім кляштара-
ры, пераважнай большасцю XVIII ст., прыводзяцца ў «Лексіконе польскіх
манахаў», створаным М. Баркоўскай [10, с. 27—29].

Выданне фрагмента «Храналогіі»

Спадзяёмся, што прыведзеныя вышэй даныя паказалі важнасць «Хра-
налогіі» як гістарычнай крыніцы. «Храналогія» як найбольш старажытная з
вядомых нам захаваных архіўных крыніц па гісторыі гарадзенскага кляштара,
цытуе ўнікальныя матэрыялы, якія былі знішчаны ў час войнаў і не заха-
валіся ў іншых копіях. Хроніка прыводзіць даныя адносна матэрыяльнага
стану кляштара, яго прававога становішча, апісвае гістарычныя падзеі. Яна,
безумоўна, з'яўляецца вельмі важным сведчаннем, якое абавязкова павінна
брацца пад увагу сучаснымі даследчыкамі.

Арыгінал рукапісу знаходзіцца ў Архіве правінцыі бернардзінцаў у
Кракаве. Вонкавае яго апісанне і палеаграфічны аналіз былі зроблены пры
выданні папярэдняга фрагмента тэксту [2].

Паўторам, што тэкст напісаны некалькімі почыркамі. Цэнтральная
частка твору, фрагмент якой выдаецца, напісана выразным каліграфічным
почыркам (почырк 1), магчыма, рукой кляштарнага пісара. Пачатак «Храна-
логіі», першая і апошняя часткі, дадаткі пра падзеі Маскоўскай вайны напі-
саны хуткім нахілістым почыркам (почырк 2, магчыма, рукой самога аўта-
ра — Томаша Дыганя). Некаторыя часткі рукапісу напісаны на асобных ліс-
тах іншым почыркам (почырк 3).

Цэнтральная частка «Храналогіі» мае падвойную пагінацыю (скраз-
ную і асобную для гэтай часткі). Мы захоўваем скразную пагінацыю ў вы-
данні лацінскага варыянта тэксту, падаючы яе ў квадратных дужках, курсі-
вам, пасля знака падзелу старонкі ||.

Пры транскрыпцыі лацінскага тэксту агульнапрынятыя скарачэнні
расшыфроўваліся без дужак, падкрэсліванні і папраўкі адзначаліся ў спа-
сылках. Лацінская арфаграфія і пунктуацыя былі перададзены ў адпаведнасці
з метадычнымі рэкамендацыямі для публікацыі лацінскіх дакументаў,
распрацаванымі Алесем Жлуткам [32, с. 26—33], правапіс польскіх слоў
(пераважна ўласных імёнаў) падаецца без змен.

Інфармацыя па асобах, якая была прыведзена ў артыкуле, не паўтара-
ецца пры выданні «Храналогіі».

Пераклад тэксту на беларускую мову зроблены намі. У квадратных дуж-
ках падаюцца словы, дададзеныя ў перакладзе для лепшага разумення тэксту.

Chronologia Ordinis Fratrum Minorum de Observantia provinciae Minoris Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae ex variis tam veterum manu scriptis patrum nostrorum codicibus ac monumentis, tum ex vetustissimis conventuum archivis collecta et conscripta <...> anno Domini 1656 per Patrem Fratrem Thomam Digon.

Conventus monial[i]um grodnensium tertiae regulae sancti Francisci sub titulo et patrocinio Beatae Virginis Mariae de Ara Caeli

[333] Hic conventus habet* sorores plusquam viginti. Cuius conventus talis
sequitur fundatio:

Sigismundus III Dei gratia Rex Poloniae, Magnus Dux Lituaniae, Rus- siae, Prussiae, Samogitiae, Masoviae, Livoniae etc., nec non Suecorum, Gottorum, Vandalorum hereditarius rex

Significamus praesentibus literis nostris, quorum interest, universis et singulis.
Produc[t]as** coram nobis fuisse literas papyreas magnifici Hieronymi Wołłowicz,
capitanei generalis Samogitiae, tivoni gondinensis et poiurgensis, saulensis, upiten-
sis, rudnicensisque nostri capitanei, aliarumque personarum infra specificatarum,
manibus subscriptas sigillisque eorundem consignatas, super ecclesiam parochialem
in bonis praedicti magnifici Hieronymi Wołłowicz, capitanei generalis Samogitiae,
haereditariis Zalesie et Zachorany dictis, || [334] in districtu grodnensi sitis, per eun-
dem magnificum generalem capitaneum Samogitiae foundationis factae pro monaste-
rio Deo dicatarum virginum Ordinis sancti Francisci Minorum de Observantia, ear-
undemque sub titulo Nativitatis Beatissimae ad Aram Caeli Virginis Mariae ecclesia,
Grodnae consistenti, cum scitu et assensu reverendissimi in Christo patris domini
Eustachii Wołłowicz, episcopi vilnensis, tanquam loci ordinarii, translationem in se
continentes. Supplicatumque nobis est, ut easdem literas earumque contenta autori-
tate nostra regia approbare, confirmare et ratificare dignaremur. Quarum quidem lite-
rarum tenor de verbo ad verbum sequitur talis.

In nomine Domini Amen

Ad laudem Omnipotentis Dei et Christi transfigurati perpetuam memoriam.
Quandoquidem in actionibus humanis nil tam firmum et stabile, quod non aliquando
quotidiana varietate violari, vetustate consumi, oblivione deleri possit, nisi aeternita-
tem rerum literarum conservent monumenta, custodiant et ad sempiternam memori-
am transmittant. Proinde ego Hieronymus Wołłowicz, capitaneus generalis Samogi-
tiae, tivonus gondinensis et poiurgensis, tenutarius saulensis et upitensis rudnicensis-
que, universis et singulis praesentibus et futuris, harum notitiam habituris, notum tes-
tatumque facio. Quod cum illud praecipuum hominis sit officium — laudem Omni-
potentis Dei curare, augere et propagare; tum vero recolens et revolvens memoria
multa in me a suprema illa Divina Maiestate tam corporis, quam animi beneficia es-

* Пасля *habet* — *habet* закрэслена.

** *Producas* — другім почыркам папраўлена на *productas*.

se collata. Cumque in matrimonium iunxissem mihi generosam Barbaram Herbur-tam a Fulsztin, virginem lectissimam, filiam olim piaе memoriae magnifici Ioannis Herburti, castellani sanocensis, Statutorum Regni Poloniae compilatoris dignissimi, ex eaque filium unicum suscepissem. Interea dum eandem consortem meam deside-ratissimam prius filium praedictum post decimum octavum mensem eam subsecu-tum morte, utrosque extinctos animadvertissem, destinaveram animo in parte haere-ditariorum bonorum meorum Zalesie nuncupatorum, dioecesis vilnensis, districtus grodnensis, pro fidei catholicae promovendo cultu ecclesiam parochialem fundare, dotare ac eandem ex integro erigere, ac viginti quinque mansos adscribere, prout de facto divina auxiliante gratia fundavi, dotavi, erexi; ac eadem bona potestate ecclesia-sticae et immunitatibus, et praerogativis ex gratia Sacrae Regiae Maiestatis incorpo-rata sunt: et praedictos 25 mansos terrae cum ecclesia, duabus villis: Zalesie et Za-chorany, cum praedio ibidem existenti et omnibus attinentiis, stagno, lacubus, parte sylvae adscripsi et consignavi. Eo onere appposito, ut singulis diebus festis et dominicis, insuper duae missae singulis septimanis absolvantur. Una pro generosa domina Barbara defuncta consortem meam, altera, quoad in vivis exitero, pro indulgentia meo-rum peccatorum, post mortem vero, ut Divina Maiestas tremendo sacrificio animae meae peccatrici placetur, ea conditione, ut semper parochus ibi maneat, qui tam subditorum, quam reliquorum subditorum, quos mihi relinquo, ad hoc praedium Za-lesie antea spectantium, quam et fratris mei germani duorum praediorum Paulovice et Andreiowo subditorum, curam animarum gerat, nihilque praeter quod gratis offer-retur, pro administratione sacramentorum extorquere possit a praedictis subditis. Cum autem posteriora consilia salubria accederent, et a me patres dicti bernardini Ordinis minorum de observantia ac alii amici petisissent, ut praedicta bona, sic a me fundata, transferrem in fun-|| [335] dationem monialium Tertii ordinis sancti Francis-ci Grodnae erectarum, inscriberem et transfunderem, ac in eo passu illustrissimi in Christo patris et reverendissimi domini, domini episcopi vilnensis, fratris mei charis-simi et observandissimi, consilio usus sum, quem causae tam piaе addictissimum in-veni, a quo et^{*} literas authenticas^{**} voluntatem suam firmatas^{***} accepi; quarum tenor talis.

Eustachius Wołłowicz, Dei et Apostolicae Sedis gratia episcopus vilnensis, universis et singulis, quorum interest aut quomodolibet nunc et in posterum interesse poterit: significamus hisce praesentibus literis nostris. Quod, cum illustrissimus do-minus Hieronymus Wołłowicz, capitaneus Samogitiae generalis, tironus gondinen-sis et poiurgensis, tenutarius saulensis, upitensis, rudnicensis, frater noster^{****} charis-simus et observandus, pro singulari suo in propagando cultu divino et fide orthodoxa catholica promovenda zelo et pietate, in bonis haereditariis Zalesie nuncupatis, dioe-

* a quo et — надписана іншай рукой.

** literas authenticas — перапраўлена іншай рукой з literis authenticis.

*** firmatas — перапраўлена іншай рукой з firmatam.

**** frater noster — падкрэслена.

cesis nostrae vilnensis, in districtu autem grodnensi sitis, parochialem ecclesiam^{*} ere-xisset et fundasset, eamque competentibus dotasset redivibus, atque eandem funda-tionem suam iuribus immunitatibus et praerogativis ecclesiasticis, recognitione sua coram Sacra Regia Maiestate confirmata, incorporasset, postmodum vero petisisset a nobis, ut pro maiori cultu divino et religionis augmento eandem ecclesiam parochia-lem cum tota dotatione et fundatione sua in fundationem sanctimonialium monasterii sancti Francisci tertiae regulae, nuper Grodnae erecti, ad sustentationem praedicta-rum sacrarum virginum transferre et eidem monasterio perpetuo incorporare et adicere nos autoritate nostra ordinaria eidem illustrissimo fundatori permitteremus et facultatem concederemus. Nos pro debito muneris nostri cupientes cultum divinum magis magisque propagare et desiderantes, ut sacrarum virginum (quae decus et or-namentum sunt gratiae spiritualis et illustrior gregis Christi portio, per quas floret Ec-clesiae Matris gloriosa foecunditas) monasteria, quorum hactenus exiguus in dioeci-si nostra existebat numerus, quam maxime augeantur et excolantur. Libenter tam piaе ac iustae illustrissimi praedicti fundatoris petitioni annuimus et hisce praesenti-bus nostris, autoritate qua fungimur ordinaria, fundationem ecclesiae parochialis in bonis Zalesie dictis, per praefatum illustrissimum dominum, capitaneum generalem Samogitiae, olim factam, eidem illustrissimo supra nominatis monialibus in monas-terio Grodnae erecto manentibus^{**}, perpetuo incorporare et omni meliori iure et mo-do dare et dotare permittimus et omnimodam concedimus facultatem: hac tamen speciali lege et conditione expresse adiecta. Scilicet ut eadem supra dictae moniales sint omnino adstrictae et obligatae sacerdotem unum idoneum, sive saecularem, sive regularem, per nos et officium nostrum approbandum, in eadem ecclesia in Zalesie erecta perpetuis temporibus propriis sumptibus ex eisdem bonis parochialibus alere et retinere: qui ibidem curam animarum et sacramentorum administrationem exerceat, et penes eandem ecclesiam perpetuo resideat, et alia ecclesiastica munera debite exerceat. Ad quod quidem praestandum dictae moniales a supra nominato illustrissi-mo domino capitaneo generali Samogitiae in commutatione fundationis parochialis et in erectione denuo ab eodemque facienda et dicto monasterio applicanda et incor-poranda, expresse debere obligari. Quas et nos hisce praesentibus obligamus perpetuo et in aevum. In quorum omnium fidem et evidentius testimonium praesentes manu nostra subscripsimus et sigillo nostro communiri iussimus. Datum Vilnae 24 Iulii anno 1618. ||

[336] His igitur literis visis et perlectis, et manu propria suae illustrissimae do-minationis subscriptis, et sigillo communis, de Omnipotentis Dei confisus miseri-cordia, quod hanc voluntatem meam acceptare dignabitur, praedicta bona, scilicet ecclesiam ex muro aedificatam sub titulo transfigurationis Domini, campanellas, campanas, calices, apparamenta et alia ad cultum divinum pertinentia, nec non 25 mansos terrae, in quibus duae villae Zalesie et Zachorany consistunt, una cum homi-

* parochialem ecclesiam — падкрэслена.

** erecto manentibus — падкрэслена.

nibus utriusque sexus liberis, illiberis, eorum laboribus et servitiis, agris, cultis et incultis, campis, pratis, hortis, domibus, areis, ac medietate sylvae, aucupiiis, rivis, stagno, piscinis, alveariis, apibus, molendino aquatico, et cum eorum emolumentis, quibuscunque proventibus industria humana inveniendis, ita longe late circumferentialiterque prout ipsa haereditas praedictorum mansorum terrae distinguenda, et limitanda sese extendet, et prout ego ipse, et parochus tenuimus, habuimus, et possedimus, ex nunc monialibus grodnensibus Ordinis sancti Francisci de Observantia sub titulo Nativitatis Beatissimae Virginis Mariae ad Aram Caeli do, dono, inscribo perpetuo et in aevum irrevocabiliter cum omni totali ipsorum haereditate, iure, dominio, proprietate et titulo haereditario, nec non cum omnibus ad ipsa bona spectantibus.

Et concedo realem intromissionem, et actualem possessionem cum omnibus pertinentiis et attinentiis, tenendis, habendis, possidendis, uti fruendis et in usus beneplacitos convertendis; nihil sibi iuris, domini, proprietatis in eis pro me et successoribus meis excipiendo, reliquendo: imo et successores meos in quibuscunque bonis onerando et obligando ad defendendum, evincendum et eliberandum a quavis iuridica impeditione toties, quoties evincere, defendere et eliberare opus fuerit, iis bene conditionibus, prout antea parochus obligatus fuit, et moniales circa ecclesiam Zalesie existentem sacerdotem catholicum, actu praesbyterum, ad residentiam obligatum, sumptibus alere tenebuntur propriis, qui superius specificata onera ferat et curam animarum fundatorum, tum et meorum, et fratris mei germani generosi domini Pauli Wołłowicz, thesaurarii curiae Magni Ducatus Lituaniae, capitanei grodnensis et plotolensis, tenentarii ucianensis, subditorum gerat, specialiter vero singulis septimanis duae missae pro me et consorte mea dicantur et celebrentur. Iamque exnunc munitamentorum meorum extracta omnia, literarum iurium, ad supra dicta bona pertinentium, praedicto conventui et monasterio quam primum in primis terminis iudicialibus terrestribus grodnensibus ad ingrossandum dare et concedere polliceor sancte: cum originalia mihi ad alteram partem dictorum bonorum meorum Zalesie, quae pro me et successoribus meis relinquo, necessaria sunt. Quod si quis ex meis posteris successoribus aut quispiam alter circa eadem bona negotium aut difficultatem facere aut ius monasterio transfusum vel in parte impedire, sibique vindicare aut annihilare auderet, talis quisunque, sive ex meis posteris successoribus aut quibuscunque personis fuerit, sit maledictus in hac et in futura vita in corpore et anima, vindexque omnium malorum Deus ei maledicat et puniat, tradatque in damnationem aeternam, ac praeterea tenebuntur vigore istius donationis meae, toties quoties id facerent, praedicto monasterio monialium grodnensium decem millium florenorum Polonicalium vadii a me interpositi persolvere, non tamen recuperare ea bona unquam poterit. Quam eandem donationem meam et inscriptionem praedicto monasterio, manu mea et aliorum illustrium, magnificorum et generosorum sigillisque munitam et subscriptam, coram Sacra Regia Maiestate Domino nostro clementissimo recognovi et ad acta cancellariae Magni Ducatus Lituaniae inscribi curavi.

Datum Varsaviae Anno 1619 die 9 Aprilis.

Hieronymus Wołłowicz manu propria

Gedeon Michael Trizna manu propria

Janussius Wołłowicz manu propria

Nos itaque Sigismundus Rex hoc tam pium et salutare magnifici Hieronymi Wołłowicz, generalis Samogitiae capitanei, tivoni gondinensis et poiurgensis, saulensis, upitensis, rudnicensisque nostri capitanei, institutum collaudantes; qui a nobis expostulavit, ut in promovendo cultu || [337] divino petitionem ipsius suscipere, literasque praeinsertas foundationis et transportationis in omnibus punctis, articulis et conditionibus approbaremus, confirmaremus et ratificaremus, uti quidem approbamus, confirmamus et ratificamus praesentibus, eaque bona quemadmodum iam antea ab omnibus saecularibus iurisdictionibus exemimus, iurisdictioni vero ecclesiae incorporavimus: nunc iterum illa ipsa eximimus et incorporamus, omnibus denique praerogativis et immunitatibus, quibus caeterae in Regno nostro et dominiis nostris gaudent Ecclesiae potiunda. Decernimus demum easdem literas vim et robur debitae et inviolatae firmitatis obtinere debere perpetuis temporibus. In cuius rei fidem praesentes manu nostra subscriptas sigillo Magni Ducatus Lituaniae communiri mandavimus. Datum Varsaviae die 9 Aprilis anno 1619 regnorum nostrorum Poloniae 32, Sueciae 26.

Sigismundus* Rex manu propria.

Extat in pargameno cum sigillo appenso.

Area vero cum omnibus aedificiis, hortis, hortaliis, pomariis pro monasterio et ecclesia empta est pro duobus millibus florenorum a venerabili sorore Mielecka, protunc abbatissa conventus, apud magnificum dominum Georgium Scipionem Campo. In qua area monasterium ligneum est elaboratum. Ecclesia vero magnifico opere lateritio amoenissimi et iucundissimi prospectus cum pulcherrima intus pictura sumptibus et impensis illustrissimi domini Casimiri Leonis Sapieha, procancellarii Magni Ducatus Lituaniae, est erecta.

Introitus vero ad ecclesiam ex lapidibus politis cum stemmate eiusdem illustrissimi domini in alabastro sculpto et deaurato est extractus, supra introitum et ostium ex una parte in alabastro literis aureis haec inscriptio est sculpta.

AD GLORIAM DEI OPTIMI MAXIMI AD HONOREM DEI
PARAE VIRGINIS MARIAE ET SANCTI ANTONII DE
PADUA, AC SANCTI CASIMIRI AEDES HAEC EST ERE
CTA ANNO MDCXLVIII**

Ex altera parte supra ostium et introitum ad ecclesiam in alabastro haec verba aureis literis sunt exarata.

DE TUIS BONIS TIBI DOMINE OFFERIMUS

In introitu sacristiae ex lapide polito supra in alabastro haec verba aurea sunt posita.

* У рукапісе *Rigismundus*.

** У выпадку інскрыпцыі захоўваем падзел на радкі і пунктуацыю, як у рукапісе.

VERBA MEA AURIBUS PERCIPE DOMINE, INTELLIGE CLAMOREM MEUM*

Ex altera vero parte in porticu, ubi venerabiles virgines sacrosanctam eucharistiam sumunt, supra in alabastro haec est inscriptio deaurata

IN QUACUNQUE DIE INVOCAVERO TE EXAUDI ME**

PRO DEDICATIONE ECCLESIAE IN NOMINE DOMINI AMEN

Splendor paternae gloriae***, qui sua mundum ineffabili illuminat claritate****, licet ex hoc mundo transierit ad Patrem***** et lucem habitet inaccessibilem, non usquequaque tamen suam nobis praesentiam subtraxisse creditur, cum in tremendo altaris sacrificio, quod Deo Patri semper est acceptabile, idem qui in Ara Crucis pro nobis immolatus est, vere et realiter licet sub alienis speciebus contineatur, sit et existat. Unde et huiusmodi iugi et tremendo sacrificio, quod pro peccatis totius mundi quotidie offertur, statim ab institutione illius et initio nascentis Ecclesiae loca et templa eidem speciali cultu, devotione, ritu, et veneratione sunt dedicata et consecrata. Hinc est, quod nos Georgius Tyszkiewicz, Dei sedisque apostolicae gratia episcopus vilmensis, suae sanctitatis domini nostri papae || [338] praelatus domesticus ac eiusdem Pontificiae Capellae assistens, nec non episcopatus piltinensis in Curonia et Semigalliae administrator perpetuus. Ad ecclesiam monialium Ordinis sancti Francisci in civitate grodnensi existente dioecesis nostrae de anno Domini 1651 in festo sanctorum Hilarii et Ursulae Martyrum, quae fuit dies 21 Octobris, personaliter venientes, eandem munificentia et liberalitate illustrissimi et magnifici domini Casimiri Leonis Sapieha, cancellarii Magni Ducatus Lituaniae, extractam et erectam, sed nondum ab ullo antistite catholico consecratam invenimus: praemissis itaque iuxta requisita sacrorum canonum praemittendis, ipsam ecclesiam et altare maius in honorem et titulum Nativitatis Beatissimae Virginis Mariae, sancti Antonii de Padua, sancti Casimiri confessoris, consecravimus et dedicavimus.

Reliquias sanctorum in dicto altari Vincentii, Innocentii et Euphemiae martyrum deposuimus et inclusimus.

Ac omnibus Christi fidelibus die ipso consecrationis — unius anni, die vero anniversaria, quam dominicam secundam mensis supra scripti perpetuo esse volumus et assignamus, — unam quadragenam, in forma Ecclesiae solita, concessimus et concedimus. Idque in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, Amen.

In cuius rei fidem praesentes manu nostra subscripsimus, sigilloque nostro communis extradi mandavimus. Datum Grodnae die, mense, anno quibus supra.

Extat in pergamento cum sigillo apposito.

* Ps. 5, 2.

** Ps. 137, 3.

*** *Splendor paternae gloriae* — пачатак гімна св. Амброзія.

**** *Splendor ... claritate* — распаўсюджаная формула, якая ўжывалася ў лістах біскупу прынамсі з XIII ст.

***** Пар.: Іоан., 13.1.

Licentia data pro processione cum venerabilissimo Sacramento, qualibet feria tertia infra octavam Corporis Christi ex nostra ecclesia ad templum monialium

Georgius Tyszkiewicz, Dei sedisque apostolicae gratia episcopus vilmensis, suae sanctitatis domini nostri papae praelatus domesticus ac eiusdem capellae assistens

Universis et singulis, quorum interest aut ad quoscumque pertinere dignoscitur, significamus. Expositum nobis esse pro parte religiosorum in Christo patrum Ordinis sancti Francisci minorum de observantia, totiusque conventus grodnensis, quatenus cum Venerabili Sacramento feria tertia infra octavas Corporis Christi semel duntaxat in anno ex ecclesia eorundem reverendorum patrum dictorum bernardinorum ad ecclesiam religiosarum monialium regulae sancti Francisci conventus grodnensis et ad Sanctam Crucem supra processione iuxta ritum et consuetudinem instituenda et peragenda nostrum praeberemus consensum. Nos itaque piis ipsorum respondentes desiderii, ut praefatam processionem cum Sacratissimo Sacramento in civitate grodnensi tempore suprascripto ex ecclesia sua reverendi patres dicti bernardini ad praedictas ecclesias seu loca insituere, peragere et promovere ad maiorem Dei Optimi Maximi gloriam, fidelisque populi devotionem possint et valeant, autoritate nostra ordinaria facultatem damus et in Dei nomine concedimus per praesentes. Quas maiorem in fidem manu nostra subscriptas sigillo nostro communiri mandavimus. Datum Vilnae die 22 Iunii anno 1651.

Indulgentiae ab papae* Innocentio X. eidem Ecclesiae concessae. Innocentius Papa X. || [339]

Universis Christi fidelibus praesentes literas inspecturis salutem et apostolicam benedictionem. Ad augendam fidelium religionem et animarum salutem caelestibus Ecclesiae thesauris pia charitate intenti, omnibus utriusque sexus Christi fidelibus vere poenitentibus ac confessis, ac sacra communione refectis, qui ecclesiam sanctae Mariae Angelorum et sancti Antonii monasterii monialium sanctae Clarae oppidi grodnensis vilmensis dioecesis.

Cui ecclesiae illiusque capellis et altaribus, sive omnibus sive singulis, eamque seu eas vel ea aut illarum seu illorum, singulas vel singula, etiam visitantibus, nulla alia indulgentia reperitur concessa, die festo Assumptionis Beatae Mariae Virginis a primis vespere usque ad occasum solis festi huiusmodi singulis annis devote visitaverint et ibi pro christianorum principum concordia, haeresum extirpatione ac Sanctae Matris Ecclesiae exaltatione pias ad Deum preces effuderint, plenariam omnium peccatorum suorum indulgentiam et remissionem misericorditer in Domino concedimus praesentibus ad decennium tantum valituris. Volumus autem, ut si alias Christi fidelibus in quocumque anni die dictam ecclesiam sive capellam aut altaria in ea sita visitantibus, aliqua alia indulgentia perpetuo vel ad tempus nondum elapsam daretur, etiam in erectione aut alio quocumque modo quantumlibet privilegiato concessa fuerit; vel si pro impetratione, praesentatione, admissione seu publicatione praesent-

* *P(ae)* надписана.

tium aliquid vel minimum detur aut sponte oblatum recipiatur, praesentes nullae sint eo ipso.

Datum Romae apud Sanctam Mariam Maiorem sub annulo Piscatoris. Die 25 Maii Anno MDCLI.

Extat in pergamento cum sigillo apposito.

Innocentius Papa X

Ad futuram rei memoriam

Omnium saluti paterna charitate intenti, sacra interdum loca spiritualibus indulgentiarum decoramus muneribus, ut inde fidelium defunctorum animae Domini Nostri Iesu Christi eiusque sanctorum suffragia meritorum consequi et illis adiutae ex purgatorii poenis ad aeternam salutem per Dei misericordiam reduci valeant.

Volentes igitur ecclesiam sanctae Mariae Angelorum et sancti Antonii monasterii monialium sanctae Clarae oppidi grodnensis, vlnensis dioecesis, in qua nullum aliud altare privilegiatum reperitur concessum, et in ea situm altare Crucifixionis hoc speciali dono illustrare; auctoritate nobis a Domino tradita ac de Omnipotentis Dei misericordia et beatorum Petri et Pauli apostolorum eius auctoritate confisi, ut quandocunque sacerdos aliquis saecularis sive cuiusvis ordinis regularis missam defunctorum in die Commemorationis defunctorum et singulis diebus infra illius octavam ac secunda feria pro anima cuiuslibet monialis dicti monasterii, quae Deo in charitate coniuncta ab hac luce migraverit, ad praedictum altare celebrabit, anima ipsa de thesauro Ecclesiae per modum suffragii indulgentiam consequatur, ita ut eiusdem Domini Nostri Iesu Christi ac Beatissimae Virginis Mariae Sanctorumque omnium meritis sibi suffragantibus a purgatorii poenis liberetur concedimus et indulgemus, in contrarium facientibus non obstantibus quibuscunque praesentibus ad decennium tantum valituris.

Datum Romae apud Santam Mariam Maiorem sub annulo Piscatoris die 25 maii 1651 Anno.

Extat in pergamento cum sigillo apposito.

Hoc monasterium simul cum ecclesia ab exercitu Moschovitico combustum est*.

* *Hoc monasterium simul cum Ecclesia ab exercitu Moschovitico combustum est* даписана іншым почыркам.

Пераклад

Канвент гарадзенскіх манашак Трэцяга ордэна св. Францішка пад назвай і заступніцтвам Бласлаўёнай Панны Марыі de Ara Caeli*

[333] Гэты кляштар мае больш чым дваццаць сёстраў. Заснаванне гэтага кляштара адбывалася наступным чынам:

Жыгімонт Ваза, з Божай ласкі кароль Польскі, вялікі князь Літоўскі, Рускі, Прускі, Жамойцкі, Мазавецкі, Лівонскі і г. д., а таксама наследны кароль шведаў, готаў і вандалаў

Даводзім да ведама гэтым нашым лістом усім і кожнаму, каму павінна быць ведама, што перад намі былі прадстаўлены папяровыя лісты, падпісаныя рукой вяльможнага Гераніма Валовіча, генеральнага жамойцкага старасты, цівуна гандыньскага і паюрскага, старасты нашага шавельскага, упіцкага, рудніцкага, а таксама іншых асоб ніжэйназваных, і замацаваныя іх пячаткамі. У гэтых лістах змяшчаецца ўстанаўленне фундацыі парафіяльнай царквы ў Залесці і Загаранах, дзядзічных уладаннях вышэйназванага вяльможнага Гераніма Валовіча, генеральнага старасты Жамойці, || [334] размешчаных у гарадзенскім павеце, а таксама манастыра пасвечаных Богу паннаў ордэна св. Францішка меншых абсерванткаў і іх жа царквы пад назвай Нараджэння Бласлаўёнай панны Марыі de Ara Caeli, размешчаных у Гародні. Фундацыя была зроблена тым самым вяльможным генеральным старастам жамойцкім з пастановы і дазволу найвялебнейшага ў Хрысце айца і пана Яўстафія Валовіча, біскупа віленскага, мясцовага ардынарыя. І прасілі нас, каб мы згадзіліся прыняць, пацвердзіць і зацвердзіць нашай каралеўскай уладай гэты ліст і яго змест.

Змест жа гэтага ліста, слова ў слова, наступны:

У імя Госпада Амінь

Для славы Усемагутнага Бога і вечнай памяці ўслаўленага Хрыста. Дзеля таго, што ніякая з чалавечых спраў не з'яўляецца настолькі моцнай і трывалай, каб, прынамсі, аднойчы не быць знішчанай штодзённай пераменлівасцю, паглынутай старасцю, зніштожанай забыццём, калі толькі пісьмовыя помнікі не захавваюць і не абароняць яе існаванне і не пакінуць у вечнай памяці. Таму я, Геранім Валовіч, генеральны стараста Жамойці, цівун гандыньскі і паюрскі, дзяржаўца шавельскі, упіцкі і рудніцкі, абвяшчаю і сведчу ўсім і кожнаму, сучасным і будучым, каму павінна быць ведама. [Раблю гэта дарэнне] не толькі дзеля таго, што асаблівы абавязак чалавека — клапаціцца, пашыраць і ўзвялічваць славу Усемагутнага Бога, але і ўзгадваючы і звяртаючыся памяццю да шматлікіх дабрадзействаў для цела і душы, якія мне ўчыніла Найвышэйшая Боская Магутнасць. Так, я ўзяў шлюб са шляхетнай Барбарай Гербурт з Фульштына, знакамітай паннай, дачкой святой памяці вяльможнага

* «Алтара Нябёсаў», традыцыйна гэта назва не перакладаецца.

Яна Гербурта*, кашталіна саноцкага, знакамітага складальніка Статутаў Каралеўства Польскага, і нарадзіла яна мне адзінага сына. Аднак у той час мая каханая жонка [памерла], а праз васьмнадцать месяцаў следам за ёй пайшоў з жыцця вышэйназваны сын. Так што, калі я даведаўся пра смерць абодвух, то вырашыў у душы дзеля шырэння каталіцкай веры ў частцы маіх спадчынных уладанняў, званых Залессе, віленскай дыяцэзіі гарадзенскага павета, заснаваць царкву і забяспечыць яе зямельнымі надзеламі ў дваццаць пяць валок. І сапраўды з Божай дапамогай я заснаваў і ўзвёў царкву, а таксама далучыў да царкоўных уладанняў зямельныя надзелы, замацаваўшы прывілеямі з ласкі Яго Каралеўскай Вялікасці вышэйназванага 25 валок зямлі з царквой і двюма вёскамі Залессе і Загараны, з фальваркам, там існуючым, і ўсім, што да гэтага адносілася: ставам, азёрамі, часткай лесу, — запісаў і пацвердзіў. Абавязаўшы, каб у кожны святочны дзень і нядзелю, а акрамя таго, па дзве імшы кожны тыдзень адпраўляліся: адна — за шляхетную пані Барбару, маю памёршую жонку, другая, пакуль буду жывы, — за дараванне маіх грахоў, пасля ж смерці — каб Боская Магутнасць змиласцілася над маёй грэшнай душой, памятаючы пра ахвяру [Свайго Сына]. Пры той умове, каб заўсёды там быў пробашч, які будзе апекавацца аб душах як [сваіх] падданных, так і іншых, якіх пакідаю сабе, з тых, што раней належалі да фальварка Залессе, так і падданных двух фальваркаў майго роднага брата — Паўлавічы і Андрэева. І гэты святар нічога акрамя добраахвотнай ахвяры не можа патрабаваць ад вышэйназваных падданных дзеля выканання сваёй службы. Пазней жа я атрымаў слушныя парады, калі айцы, званыя бернардынцамі, ордэна братоў меншых абсервантаў, а таксама іншыя мае сябры прасілі мяне, каб вышэйназваныя надзелы, такім чынам мною дараваныя, я перанёс, запісаў і перадаў для фундацыі || [335] манастыра трэцяга ордэна св. Францішка, закладзенай у Гародні. Таксама я паслухаўся рады найяснейшага айца ў Хрысце і вялебнага пана, пана біскупа віленскага, найдаражэйшага і паважанага майго брата, які быў вельмі прыхільны да гэтай пабожнай справы. Ад яго я атрымаў афіцыйны ліст, што замацоўваў яго волю, змест якога наступны:

Яўстафій Валовіч, з ласкі Бога і Апостальскай сталіцы біскуп віленскі, усім і кожнаму, каму гэта важна, або нейкім чынам цяпер і ў будучыні можа быць важна, абвясціваем гэтым нашым лістом, што, калі найяснейшы пан Гіеранім Валовіч, генеральны стараста Жамойціі, цівун гандыньскі і пагорскі, дзяржаўца шавельскі, упіцкі і рудніцкі, брат наш найдаражэйшы і паважаны, дзеля выключнай пабожнасці і руплівасці аб памнажэнні Боскай славы і пашырэнні праваслаўнай** каталіцкай веры, у спадчынных уладаннях, названых Залессе, нашай віленскай дыяцэзіі, размешчаных у гарадзенскім павеце, узнёс

* Ян Гербурт (пасля 1524—1577) — польскі гісторык, гуманіст, праўнік, кашталіян саноцкі, стараста пшэмыскі [33].

** У літаральным значэнні гэтага слова, г.зн. «праўдзівай».

і фундаваў парафіяльную царкву і забяспечыў яе належнымі даходамі, а таксама надзяліў гэтую сваю фундацыю прывілеямі і царкоўнымі прэрагатывамі, пацвердзіўшы перад Яго Каралеўскай Вялікасцю.

Пасля ж сапраўды прасіў нас, каб, дзеля павелічэння культу Бога і памнажэння веры, мы, нашай біскупскай уладай, дазволілі і далі паўнамоцтвы гэтаму найяснейшаму фундатару перанесці названую парафіяльную царкву разам з усім надзелам да фундацыі кляштара сёстраў трэцяга ордэна св. Францішка, збудаванага нядаўна ў Гародні, дзеля падтрымкі названых святых паннаў, і навечна ўключыць і далучыць [фундацыю] да гэтага манастыра.

Мы, выконваючы наш абавязак, жадаем яшчэ болей шырыць культ Божы і жадаем, каб кляштары святых паннаў (якія з'яўляюцца красой і ўпрыгожаннем духоўнай ласкі і яснай часткай статка Хрыста, праз якіх квітнее слаўнае багацце Маці Царквы), якіх да гэтага часу ў нашай дыяцэзіі была невялікая колькасць, як мага болей раслі і развіліся. Мы з ахвотай прыхіліліся да такой пабожнай і справядлівай просьбы вышэйназванага найяснейшага фундатара, і гэтым нашым лістом на падставе біскупскай улады, якой карыстаемся, дазваляем і перадаём таму ж найяснейшаму генеральнаму старасту Жамойціі ўсялякую ўладу надзяляць прывілеямі, даваць і дараваць вышэйназваным сёстрам, якія прабываюць у новаўзведзеным манастыры ў Гародні, фундацыю парафіяльнай царквы ва ўладаннях, званых Залессе, некалі ім учыненую. Да гэтага дадаецца асобная пастанова і ясна выражаныя ўмовы. Менавіта гэтыя вышэйназваныя манашкі павінны былі на вечныя часы ўтрымліваць на ўласныя сродкі (з уладанняў парафіі) аднаго святара, свецкага ці манаскага, прызнанага намі і нашым санам, у той жа царкве, у Залессі ўзведзенай. Гэты святар павінен клапаціцца пра душы і служыць таінства, жывы заўсёды пры той жа царкве і выконваць іншыя, належныя яму царкоўныя павіннасці. Да выканання гэтага былі яўна абавязаныя найяснейшым панам генеральным старастам Жамойціі названыя манашкі падчас замены парафіяльнай фундацыі, узвядзэнні яе і перадачы і далучэнні да названага кляштара, якое павінен быў зрабіць той жа стараста. Да чаго і мы гэтым нашым лістом абавязваем назаўжды і ў вечнасць.

У доказ усяго гэтага і дзеля больш яўнага пасведчання ўласнаручна падпісваем гэты ліст і загадваем замацаваць нашай пячаткай.

Дадзена ў Вільні 24 ліпеня 1618 года. || [336]

Убачыўшы і прачытаўшы гэты ліст, падпісаны ўласнаручна яго найяснейшай вялікасцю і замацаваны пячаткай, спадзеючыся на міласэрнасць Усемагутнага Бога, які захоча прыняць гэтую маю волю і вышэйназванага ўладанні, а менавіта царкву, збудаваную з каменя, названую ў гонар свята Праабражэння Госпада, званкі, званы, келіхі, убранні і іншае, што належыць да культу Госпада, а таксама 25 валок зямлі, на якіх знаходзіцца дзве вёскі Залессе і Загараны, разам з людзьмі абодвух полаў, вольнымі і нявольнымі, са службамі і паншчынай, з палямі, апрацаванымі і неапрацаванымі, лугамі, се-

нажачымі, садамі, дамамі, пляцамі і паловай лесу, правам паляваць на птушак, каналамі, ставам, рыбнымі сажалкамі, пасекамі, пчоламі, вадзяным млынам, а з імі і прыбыткамі, і вынікамі працы чалавечай. Гэтая зямля прасціраецца так доўга і шырока, наколькі сягаюць спадчыныя землі, і адпаведна таму, колькі зямель трымалі і валодалі я сам і пробашч. Ад гэтага часу я даю, дару і запісваю на векі вечныя нязменна гэтую зямлю гарадзенскім манашкам ордэна св. Францішка абсерванткам, пад назвай Нараджэння Бласлаўёнай панны Марыі ad Agam Coeli, з усім іх спадкам, правам, панаваннем, уласнасцю і правам на спадчыну і ўсім, што тычыцца гэтых надзелаў.

І прызнаю сапраўдным увядзенне ва ўласнасць, валоданне і трыманне, панаванне і гаспадаранне ўсімі належнымі [грунтамі], каб прыносілі плён і давалі прыбытак. І нічога з права, панавання і ўласнасці на іх не пакідаю ні для сябе, ні для маіх спадкаемцаў, а, наадварот, абавязваю і наказваю сваім спадкаемцам у любых уладаннях, каб яны абаранялі, вызвалілі і прадстаўлялі перад судом у выпадку любых юрыдычных перашкод столькі часу, колькі з'явіцца патрэба абараняць, вызваляць і прадстаўляць перад судом. Пры [выкананні] тых добрых умоў, якія раней быў абавязаны [выконваць] пробашч, цяпер манашкі пры царкве, якая існуе ў Залессі, будуць утрымліваць за ўласныя сродкі каталіцкага святара — чыннага прэсвітара, абавязанага там жыць, які будзе несці вышэйпералічаныя службы і клапаціцца пра душы фундатораў, а потым спадкаемцаў і маіх, і брата майго роднага — шляхетнага пана Паўла Валовіча*, падскарбія надворнага Вялікага Княства Літоўскага, старасты гарадзенскага і платэльскага, дзяржаўцы ўцянскага. А менавіта, каб кожны тыдзень былі ахвяраваны і праводзіліся дзве імшы за мяне і маю жонку.

І ад гэтага моманту як мага раней, у першыя рокі** гарадзенскага земскага суда, свята абяцаю даць і перадаць неабходныя копіі маіх зацвярджэнняў, прававых дакументаў, якія тычацца вышэйназваных надзелаў, згаданаму канвенту і кляштару, бо арыгіналы мне патрэбныя з-за таго, што іншую частку названых надзелаў маіх Залессе, я пакідаю для сябе і маіх спадкаемцаў.

Калі б, аднак, нехта з маіх спадкаемцаў або хто іншы наважыўся б у адносінах да гэтых уладанняў распачаць працэс ці рабіць перашкоды і права, перададзенае кляштару, [наважыўся б] аспрэчваць, прысвойваць сабе ці ануляваць, падобны чалавек, будзе ён маім нашчадкам ці нейкай іншай асобай, няхай будзе пракляты ў гэтым і будучым жыцці, у целе і душы, і мсцівец за ўсё злое — Бог — няхай яго пракляне і пакарае, і перадасць у вечную згубу, і, акрамя таго, ён будзе павінен, на падставе гэтай маёй дарчай, кожны раз, калі гэта будзе ўчынена, заплаціць вышэйназванаму кляштару гарадзенскіх мана-

* Павел Валовіч — падскарбі надворны літоўскі, стараста гарадзенскі, платэльскі, уцянскі [20, s. 418—419].

** Рокі — сесія суда ў ВКЛ.

шак штраф у дзесяць тысяч польскіх злотых, вызначаны мной, але аднак ніколі не зможа атрымаць гэтыя надзелы.

Гэтае маё дарэнне і запіс вышэйназванаму кляштару, падпісанае маёй рукой і іншых ясных, вяльможных і шляхетных [паноў] і замацаванае пячаткамі, я пацвердзіў перад Яго Каралеўскай Вялікасцю, панам нашым найласкавейшым, і загадаў упісаць у Акты Канцэлярыі ВКЛ.

Дадзена ў Варшаве, 9 красавіка 1619 г.

Геранім Валовіч уласнаручна

Гедэон Міхал Трызна ўласнаручна

Януш Валовіч уласнаручна.

Мы ж, Жыгімонт кароль, ухваляючы гэтую пабожную і збавіцельную пастанову вяльможнага Гераніма Валовіча, генеральнага старасты Жамойціі, цівуна гандыньскага і пагорскага, старасты нашага шавельскага, упіцкага і рудніцкага, які прасіў нас, каб мы прынялі яго просьбу дзеля пашырэння культуры Богага || [337] і прынялі, прызналі і зацвердзілі далучаны ліст фундацыі і яе пераносу ва ўсіх пунктах, артыкулах і ўмовах. Што сапраўды гэтым лістом прымаем, прызнаём і зацвярджаем, і гэтыя ўладанні, якія мы ўжо раней выключылі з розных свецкіх юрысдыкцый і перадалі пад царкоўную ўладу, цяпер зноў тыя самыя ўладанні перадаём, каб яны валодалі ўсімі правамі і прывілеямі, якімі карыстаюцца ў нашым Каралеўстве і ў нашых землях іншыя Цэрквы.

І ўрэшце пастанаўляем, што гэты наш ліст павінен на вечныя часы мець належную і нязменную сілу і моц.

Дзеля зацвярджэння правоўнасці гэтага ліста загадваем замацаваць яго, уласнаручна падпісаны намі, пячаткай ВКЛ.

Дадзена ў Варшаве 9 красавіка 1619 г., у год панавання нашага ў Польшчы — 32, Швецыі — 26.

Жыгімонт кароль уласнаручна.

Захавана на пергамяне з падвешанай пячаткай.

Пляч жа з усімі будынкамі, агародамі, загонамі, садамі быў куплены для кляштара і царквы за дзве тысячы злотых вялебнай сястрой Мялецкай, у той час ксеніяй кляштара, ад вяльможнага пана Юрыя Сцыпіёна дэль Кампа. На гэтым плячы быў збудаваны драўляны кляштар. Царква ж з цэглай цудоўнай работы, вельмі прыемнага і мілага выгляду, з прыгожымі малонкамі ўнутры, была ўзведзена за кошт і выдаткі найяснейшага пана Казіміра Льва Сапегі, падканцлера Вялікага Княства Літоўскага.

Уваход жа ў царкву збудаваны са шліфаваных камянёў з гербам таго ж найяснейшага пана, выразаным з алебастру і пазалочаным. Над уваходам і дзвярыма з аднаго боку выразаны на алебастры залатымі літарамі наступны надпіс:

Для хвалы БОГА НАЙВЫШЭЙШАГА НАЙМАГУТНЕЙШАГА І СЛАВЫ БАГА-РОДЗІЦЫ

ДЗЕВЫ МАРЫІ СВЯТЫХ АНТОНІЯ ПАДУАНСКАГА
І СВЯТОГА КАЗІМІРА ГЭТАЯ СВЯТЫНЯ ЎЗНЕСЕНА
Ў 1648 ГОДЗЕ.

З іншага боку над дзвярыма і ўваходам у царкву на алебастры напісаны залатымі літарамі наступныя словы:

З ТВАІХ ДОБРАЎ ТАБЕ, БОЖА, АХВЯРУЕМ.

Над уваходам у сакрыстыю, са шліфаванага каменя, на алебастры размешчаны наступныя залатыя словы:

ПАЧУЙ, ГОСПАДЗЕ, СЛОВЫ МАЕ, УРАЗУМЕЙ ПЛАЧ МОЙ*.

У другой жа частцы ў порціку, дзе вялебныя панны прымаюць святыю Еўхарыстыю, зверху ў алебастры наступная пазалочаная інскрыпцыя:

У КОЖНЫ ДЗЕНЬ, КАЛІ БУДУ КЛІКАЦЬ ЦЯБЕ, ПАЧУЙ МЯНЕ**.

Дзеля асвячэння царквы ў імя Госпада Амінь

Блеск славы Айца, які асвятляе свет сваёй невымоўнай яснасцю, хоць і перайшоў з гэтага свету да Айца і жыве ў святле недасягальным, верым, не цалкам нас пакінуў, бо сапраўды і праўдзіва змяшчаецца, ёсць і прысутнічае, хоць і пад іншым выглядам, у страшнай ахвяры алтара, заўсёды мілай Богу Айцу, той самы, хто быў за нас ахвяраваны на Алтары Крыжа. Менавіта таму дзеля гэтага з'яднанай і страшнай ахвяры, якая здзяйсняецца штодня за грахі ўсяго свету ад часоў яе прынясення, ад пачатку існавання Царквы, прысвячаюцца і асвячаюцца месцы і святыні для [правядзення] гэтага асаблівага культу, пасвячэння, абраду, рытуалу.

Таму і мы, Юрый Тышкевіч, з ласкі Бога і Сталіцы Апостальскай біскуп віленскі, хатні прэлат яго святасці пана нашага Папы || [338], асістэнт яго пантыфікальнай капэлы***, а таксама вечны адміністратар біскупства пілтынскага ў Курляндзіі і Земгаліі, прыйшоўшы асабіста да царквы манашак ордэна св. Францішка, размешчанай у горадзе Гародні нашай дзяцэзіі, у годзе Госпада 1651 на свята мучнікаў св. Гіларыя і Уршулі, якое было 21 кастрычніка, мы знайшлі, што гэтая царква была збудавана і ўзведзена з ласкавасці і шчодрасці найяснейшага і вяльможнага пана Казіміра Льва Сапегі, канцлера Вялікага Княства Літоўскага, але пакуль яшчэ ніякім каталіцкім святаром не была асвечана. Таму, абвясціўшы загады ў адпаведнасці з патрабаваннямі святых канонаў, мы асвятлілі саму царкву і галоўны алтар у гонар Нараджэння Благаслаўленай панны Марыі, святога Антонія Падуанскага, святога Казіміра спаведніка. Таксама змясцілі і замацавалі ў названым алтары рэліквіі святых пакутнікаў Вікенція, Інакенція і Еўфіміі.

І ўсім верным у Хрысце, [прысутным у гэтай царкве] ў сам дзень пасвячэння, прызначаем і надаем [індульгенцыю працягласцю] ў адзін год, [пры-

* Пс. 5, 2.

** Пс. 137, 3.

*** Працэсія біскупаў і кардыналаў падчас папскай месы.

сутным жа] ў дзень юбілейны, які пастанаўляем і прызначаем на другую надзелю вышэйназванага месяца, [працягласцю] ў сорак дзён.

Гэта [чынім] у імя Айца і Сына, і Святога Духа. Амінь.

Дзеля надання моцы гэтай пастанове падпісваем гэты ліст уласнаручна і замацаваны нашай пячаткай, загадваем перадаць.

Дадзена ў Гародні, у дзень, месяц, год, як было адзначана вышэй.

Захавана на пергаміне з падвешанай пячаткай.

Дазвол, дадзены для правядзення працэсіі з Найсвяцейшым Сакрамантам у кожны аўторак у час актавы Божлага Цела ад нашай царквы да храма манашак

Юрый Тышкевіч, з ласкі Бога і Сталіцы Апостальскай біскуп віленскі, хатні прэлат яго святасці пана нашага Папы і асістэнт яго пантыфікальнай капэлы.

Абвясчаем усім і кожнаму, каму гэта важна і каму павінна быць ведама. Была нам прадстаўлена з боку манахаў, айцоў у Хрысце, ордэна св. Францішка меншых абсервантаў і ўсяго гарадзенскага канвента [просьба], каб мы выказалі наш дазвол на ўстанаўленне і правядзенне, прынамсі раз у год, у аўторак падчас актавы Божлага Цела, працэсіі з Найсвяцейшым Сакрамантам, ад царквы названых айцоў бернардынцаў да царквы манашак ордэна св. Францішка, гарадзенскага канвента, і да святога Крыжа, адпаведна звычайу і рытуалу.

Мы ж, адказваючы на іх пабожныя жаданні, моцай нашай мясцовай улады ўпаўнаважваем і ў імя Госпада дазваляем гэтым нашым лістом, каб названыя вялебныя айцы бернардынцы мелі ўсе магчымасці для правядзення і шырэння згаданай працэсіі з Найсвяцейшым Сакрамантам у горадзе Гародні ў названы вышэй час ад царквы сваёй да названых цэркваў або месцаў дзеля павелічэння славы Найлепшага Найвышэйшага Госпада і пабожнасці вернага люду. Гэты ліст, падпісаны намі ўласнаручна, дзеля большай моцы загадваем замацаваць нашай пячаткай.

Дадзена ў Вільні, дня 22 чэрвеня 1651 года.

Індульгенцыя, нададзеная Папам Інакенціем X, той жа царкве.

Інакенцій X, Папа || [339]

Усім верным у Хрысце, якія будуць чытаць гэты ліст, вітанні і апостальскае бласлаўленне. Кіруемыя пабожнай любоўю да павелічэння рэлігійнасці верных і збаўлення душ з нябесных скарбаў Царквы, усім верным у Хрысце, абодвух полаў, якія шчыра пакаяліся, вызналі грахі і ўзмацніліся святым прычасцем, [наведаўшы] царкву св. Марыі Анёльскай і кляштар св. Антонія сёстраў св. Клары ў месце гарадзенскім віленскай дзяцэзіі, [абвясчаем]. Гэтай царкве і яе капліцам, і алтарам, усім ці паасобным, а таксама наведаўшым тую царкву ці нейкую капліцу, ці нейкі алтар (у царкве ці капліцах), прызнаецца права даваць індульгенцыю на свята Успення Найсвяцейшай панны Марыі. Калі [верныя] пабожна наведваюць [гэтую царкву] кожны год у гэтае свята, ад

першай вярчэнні да заходу сонца, і будуць там прыносіць Богу пакорныя малітвы за згоду паміж хрысціянскімі ўладамі, знішчэнне ерасей і ўзвышэнне Святой Маці Царквы, мы міласэрна ў Госпадзе прызнаем поўнае дараванне ўсіх іх грахоў. Гэты дэкрэт будзе дзейсны на працягу дзесяці год.

Таксама жадаем, каб верным у Хрысце, якія наведваюць у нейкі дзень года названую царкву ці капліцу, ці алтары, у ёй размешчаныя, дзеля атрымання нейкай іншай індальгенцыі, што будзе дзейнічаць у вечнасць ці да часу, які яшчэ не скончыўся, каб таксама яна распаўсюджвалася на свята Узнясення Царквы і іншыя, нейкім чынам упрывілеяваныя [святы]. Калі ж за атрыманне, прадстаўленне, доступ ці абвяшчэнне гэтага дэкрэта, што-небудзь, нават найменшае, будзе дадзена ці дабравольна ахвяраванае будзе атрымана, гэты ліст з той прычыны страціць сваю моц.

Дадзена ў Рыме, у Санта Марыя Маджорэ, [замацавана] пячаткай рыбака. У дзень 25 мая 1651 г.

Захавана на пергамене з падвешанай пячаткай.

Інакенцій X, Папа

Дзеля захавання памяці.

Кіруемья бацькоўскай любоўю і [жадаючыя] збаўлення ўсіх, тым часам надзяляем святых месцы духоўнымі ласкамі індальгенцыі, каб душы памершых верных былі здольнымі потым атрымаць дапамогу Госпада нашага Ісуса Хрыста і заслуг яго святых і, узмоцненыя імі, маглі быць выведзены праз міласэрнасць Бога з караў чыстца да вечнага збаўлення.

Такім чынам, жадаючы ўславіць гэтым асаблівым дарам царкву св. Марыі Анёльскай і алтар св. Крыжа, размешчаны ў ёй, а таксама кляштар св. Антонія сёстраў св. Клары места гарадзенскага, віленскай дзяццзі, у якой ніякі іншы алтар не быў прызнаны ўпрывілеяваным, на моцы нашай улады, перададзенай ад Госпада, і з міласэрнасці ўсемагутнага Бога, узмоцненыя аўтарытэтам яго бласлаўных апосталаў Пятра і Паўла, [пастанаўляем], каб кожны раз, калі святар, свецкага ці манаскага стану (кожнага ордэна), будзе служыць каля гэтага алтара імшу за памершых у дзень Паміну аб памершых і ў кожны дзень з актывы гэтага свята і ў панядзелак [пасля гэтага свята], за душу якой-небудзь з манашак гэтага манастыра, якая, злучаная ў любові з Богам, адышла з гэтага свету, гэтая душа атрымае са скарбу Царквы на моцы заступніцтва індальгенцыю. І мы надаём ласку і індальгенцыю, каб, дзякуючы заслугам Госпада нашага Ісуса Хрыста і Найсвяцейшай Панны Марыі, і ўсіх святых, якія за яе заступаюцца, [гэтая душа] вызвалілася ад кар чыстца. Гэты дэкрэт будзе дзейсны дзесяць год, нягледзчы на ніякія перашкоды.

Дадзена ў Рыме ў [царкве] св. Марыі Маджорэ, [замацавана] пячаткай Рыбака, у дзень 25 мая 1651 г.

* У арыгінале *secunda feria*. А. Пабян перакладае як «кожны другі дзень месяца» [9, s. 510].

Захавана на пергамене з падвешанай пячаткай.

Гэты манастыр разам з царквой быў спалены Маскоўскім войскам.

Публікацыя Г. Г. Паўлоўскай

Літаратура

1. Digon Th. *Conventus et guardianatus Grodnensis sub titulo s. Crucis inventionis // Chronologia Ordinis Fratrum Minorum de Observantia provinciae Minoris Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae / Th. Digon // Архіў правінцыі бернардынцаў у Кракаве (далей АРВКг). — Ф. М. — Спр. 25. — С. 315—332.*
2. Паўлоўская Г. Г. Новая нарматыўная крыніца па гісторыі кляштара бернардынцаў у Гародні / Г. Г. Паўлоўская // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 9. — Мінск, 2008. — С. 247—286.
3. Kantak K. *Dygoń Tomasz / K. Kantak // Polski słownik biograficzny. — Т. 6. — Kraków, 1948. — S. 53.*
4. Wyczawski H. *Eug. Dygoń Tomasz / H. Wyczawski // Słownik polskich pisarzy franciszkańskich / pod red. H. Wyczawskiego. — Warszawa, 1981. — S. 121.*
5. Estreicher K. *Bibliografia Polska / K. Estreicher. — Т. XV. — Kraków, 1897. — VIII, 475, V s.*
6. Gwioździk J. *Piśmiennictwo pragmatyczne w klasztorach żeńskich w XVII—XVIII wieku. Zarys problematyki / J. Gwioździk // Piśmiennictwo pragmatyczne w Polsce do końca XVIII wieku na tle powszechnym / Red. J. Gancewski, A. Wałkowski. — Olsztyn, 2006. — S. 43—59.*
7. Borkowska M. *Życie codzienne polskich klasztorów żeńskich w XVII—XVIII wieku / M. Borkowska. — Warszawa, 1996. — 376 s.: ill.*
8. Targosz K. *Piorem zakonnicy: Kronikarki w Polsce XVII w. o swoich zakonach i swoich czasach / K. Targosz. — Kraków, 2002. — 332 s.*
9. *Klasztory bernardyńskie w Polsce w jej granicach historycznych / red. ks. H. Eug. Wyczawskiego. — Kalwaria Zebrzydowska, 1985. — 681 s.*
10. Borkowska M. *Leksykon zakonnic polskich epoki przedrozbiorowej / M. Borkowska. — Т. III: Wielkie Księstwo Litewskie i ziemie Ruskie Korony Polskiej. — Warszawa, 2008. — 370 s.*
11. Borowik Prz. *Jurydyki miasta Grodna w XV—XVIII w. / Prz. Borowik. — Supraśl, 2005. — 412 s.*
12. Гардзеў І. Ю. *Магдэбургская Гародня / І. Ю. Гардзеў. — Гародня—Вроцлаў, 2008. — 383 с.*
13. Gordziejew J. *Socjotopografia Grodna w XVIII wieku / J. Gordziejew. — Toruń, 2002. — 342 s., ill.*
14. *Dzieje kapitulame zakonnic świętej matki Brygitty konwentu grodzieńskiego / Oprac. M. Borkowska, K. Obrenski. — Toruń, 2001. — 206, [1], [2] s.: ill.*
15. Borkowska M. *Panny siostry w świecie sarmackim / M. Borkowska. — Warszawa, 2002. — 377 s.*
16. Gustaw R. *Klasztor i kościół św. Józefa ss. bernardynek w Krakowie (1646—1946) / R. Gustaw. — Kraków, 1947. — 207 s., ill.*
17. Gapski H. *Zakony franciszkańskie w Polsce nowożytnej XVI—XVIII wieku / H. Gapski // Franciszkanie w Polsce XVI—XVIII w. / Red. J. Kłoczowski. — Т. II. — Cz. I. — Niepokolanów, 1998. — S. 11—46.*

18. Migdał B. Bernardynki / B. Migdał // Encyklopedia katolicka / Kom. red. W. Granat et al. — Т. 2. — Lublin, 1976. — Kol. 315.
19. Gustaw R. Gąsiorek Benedykt / R. Gustaw // Polski słownik biograficzny. — Т. 7. — Kraków, 1948—1958. — S. 340—341.
20. Niesiecki K. Herbarz Polski / K. Niesiecki. — Т. 9. — Lipsk, 1842. — 468 s.
21. Грыцкевіч А. Валовічы / А. Грыцкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. — Т. 2. — Мінск, 1994. — С. 209—210.
22. Niesiecki K. Herbarz Polski / K. Niesiecki. — Т. 8. — Lipsk, 1841. — 652 s.
23. Opisanie fundacji panien bernardynek grodzieńskich // Літоўскі нацыянальны гістарычны архіў (Lietuvos valstybinis istorijos archyvas, далей LVIA). — Ф. 294. — Воп. 1. — Спр. 294. — 11 л.
24. Wizyta całego funduszu panien bernardynek grodzieńskich <...> za rok 1820 // LVIA. — Ф. 694. — Воп. 1. — Спр. 4020. — Л. 258—275.
25. Kronika kościoła i klasztoru grodzieńskiego panien bernardynek // Адзел рукапісаў Бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта (Rankraščių skyriaus rinkiniai, Vilniaus Universiteto Biblioteka). — Ф. 4. — Спр. 2211a. — 2 л.
26. Jodkowski J. W sprawie kościoła panien bernardynek w Grodnie / J. Jodkowski. — Grodno, 1930. — 4 s.
27. Rachuba A. Sapieha Kazimierz Leon / A. Rachuba // Polski słownik biograficzny. — Т. 35. — Kraków, 1994. — S. 31—37.
28. Грыцкевіч А. Сапегі / А. Грыцкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. — Т. 6. Кн. 1. — Мінск, 2001. — С. 223—228.
29. Nitecki P. Biskupi Kościoła w Polsce: w latach 965—1999. Słownik biograficzny / P. Nitecki. — Wyd. 2. — Warszawa, 2000. — xvi, 523, 44 s.
30. Якімовіч Ю. Гродзенскі касцёл і кляштар бернардынак / Ю. Якімовіч // Архітэктура Беларусі: Энцыклапедычны даведнік. — Мінск, 1993. — С. 174.
31. Слонкова И. Н. Монастыри восточной и западной традиции. Наследие архитектуры Беларуси / И. Н. Слонкова. — М., 2002. — 600 с.: илл.
32. Метадычныя рэкамендацыі да публікацыі лацінскіх дакументаў XIII—XIV стст. / Камітэт па архівах і справаходству пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь, аўт.-скл. А. Жлутка. — Мінск, 2005. — 49 с.
33. Żelewski R. Herbut Jan / R. Żelewski // Polski słownik biograficzny. — Т. 9. — Kraków, 1960—1961. — S. 440—442.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 20.07.2009

УСХОДНЯЯ ЕЎРОПА Ў АПІСАННІ ВІЛІБАЛЬДА ПІРКХАЙМЕРА

Славуты нямецкі гуманіст Вілібальд Піркхаймер быў адным з найбольш аўтарытэтных вучоных свайго часу. Многія сучаснікі былі зачараваны яго выдатнай асобай. «Ніхто з высакародных родаў нямецкіх імперскіх гарадоў не быў так падобны да рымскіх патрыцыяў, як В. Піркхаймер, — пісаў нямецкі даследчык Д. Штраус. — Не было нічога дробязнага і вузкага ні ў гэтым чалавеку, ні ў яго справах» [1, с. 207].

Патрыцыянская сям'я Піркхаймераў належала да найбольш адукаваных колаў Нюрнберга. Яе старэйшыя члены, дзякуючы навучанню ў італьянскіх універсітэтах, далучыліся да гуманістычнай культуры ўжо ў сярэдзіне XV ст., але яшчэ не былі сапраўднымі вучонымі-гуманістамі. Першым, каго ў поўнай меры можна было лічыць гуманістам, быў дзед Вілібальда — Ганс Піркхаймер Старэйшы. Пасля вучобы ў Балонскім і Падуанскім універсітэтах ён займаўся палітычнымі справамі, аднак вядомасць набыў менавіта як гуманіст — аратар, заснавальнік гуманістычнай школы, аўтар каментарыяў да Вергілія. Бацька Вілібальда — Ёган Піркхаймер — таксама быў звязаны з палітычнай сферай, займаў пасады ў гарадскіх саветах Нюрнберга і Айхштэта, а таксама пры баварскім і аўстрыйскім дварах. Ён стаў душой суполкі нюрнбергскіх гуманістаў і ў свой час быў вядомы як аўтар велзарнага маральна-дыдактычнага твора «Кніга практыкі» [2]. Ёган Піркхаймер прыклаў шмат намаганняў, каб забяспечыць свайму сыну ўсебаковае выхаванне і якасную адукацыю, што павінна было падрыхтаваць яго да паспяховай палітычнай дзейнасці ў будучым. Такім чынам, многія асаблівасці далейшага жыццёвага шляху Вілібальда Піркхаймера былі прадвызначаны сямейнымі ўмовамі. Магчыма, гонар прыналежнасці да сям'і, славутай не толькі палітыкамі, але і вядомымі вучонымі, стаў прычынай таго, што гэты гуманіст не лацінізаваў і не грэцызаваў сваё імя насуперак распаўсюджанаму ў гуманістычным асяроддзі звычаю.

Нарадзіўся Вілібальд 5 снежня 1470 г. у Айхштэце (Eichstätt) і там зрабіў свае першыя крокі ў навучанні. У 1490 г. ён накіраваўся ў Італію, дзе на працягу сямі гадоў вывучаў юрыспрудэнцыю ў Падуі і Павіі, а таксама займаўся гуманістычнымі штудыямі, дзякуючы якім не толькі палепшыў сваю лаціну, але і грунтоўна авалодаў грэчаскай мовай. Усё гэта стала тым моцным падмуркам яго выдатнай адукаванасці і шырокай эрудыцыі, якімі захапляліся яго сучаснікі.

У 1497 г. Вілібальд вярнуўся ў Германію і пасяліўся ў Нюрнбергу. Уся яго далейшая дзейнасць так ці інакш была звязана з гэтым імперскім горадам. Дзякуючы многім выдатным вучоным (такім, напрыклад, як Конрад Цэльтыс, Зебальд Шрайер, Гартман Шэдэль), што тут жылі, Нюрнберг набыў славу аднаго з найбольш значных гуманістычных цэнтраў. Чвэрць стагоддзя Піркхаймер аддаў палітычнай дзейнасці. Ён быў абраны членам гарадскога савета і ў гэтай пасадзе накіроўваўся на рэйхстагі, удзельнічаў у

Швейцарскай вайне 1499 г., падчас якой звярнуў на сябе ўвагу імператара Максімільяна. Піркхаймер стаў яго саветнікам, і не толькі па палітычных пытаннях. Вядома, што гэты манарх часта звяртаўся да нюрнбергскага гуманіста таксама і па парады ў навуковых або літаратурных справах. І ўнук Максімільяна — імператар Карл V — ставіўся з вялікай павагай да выдатнага вучонага і таксама прызначыў яго сваім саветнікам.

Сярод розных грамадска-палітычных клопатаў Піркхаймер знаходзіў час для сваіх гуманістычных заняткаў, пра якія сведчаць шматлікія лісты, лацінскія вершы, пераклады з грэчаскай мовы, тэалагічныя даследаванні і невялікія гумарыстычныя творы. Будучы чалавекам забяспечаным, ён, як мецэнат, шмат зрабіў для развіцця гуманістычнага руху ў Германіі. Яго багатая бібліятэка была адкрыта для любога вучонага. Піркхаймер падтрымліваў перапіску са многімі знакамітымі вучонымі не толькі Германіі, але і Еўропы. Адным з блізкіх сябраў гуманіста быў славыты нямецкі мастак Альбрэхт Дзюрэр*.

Хоць значная частка жыцця Піркхаймера прайшла даволі бурна сярод падзей у палітычнай сферы, ён (як і многія іншыя выдатныя нямецкія гуманісты) больш імкнуўся да *beata tranquillitas*** (дабраславеннай цішыні) на фоне сельскай ідыліі, што дазваляла б займацца навукамі, літаратурнай творчасцю і пакідала б шмат часу на няспешныя разважанні. Такого кшталту карціну малое Піркхаймер у сваім знакамітым лісце да Бернгарда Адэльмана фон Адэльмансфельдэна (гл.: [1, с. 209]). Свае апошнія гады жыцця ён цалкам прысвяціў гуманістычным заняткам. Памёр Вілібальд Піркхаймер 22 снежня 1530 г. у Нюрнбергу і быў пахаваны пры царкве св. Іаана.

Шмат увагі Піркхаймер надаваў вывучэнню гісторыі, лічыў яе важным сродкам для развіцця самасвядомасці. Апроч таго, гістарычныя творы, на думку гуманіста, павінны ўзвысіць пачуццё нацыянальнай годнасці. «У тым, што немцы так невысока ацэньваюцца іншымі народамі, павінна не адсутнасць подзвігаў, а адсутнасць гістарычных твораў» [3] — так перадае нямецкі даследчык Л. Гайгер меркаванне Піркхаймера, якое падштурхнула яго самога ўзяцця за пяро. Яго ўклад у развіццё нямецкай гістарыяграфіі не абмяжоўваўся толькі падрыхтоўкай выданняў антычных аўтараў. Нюрнбергскі гуманіст таксама пакінуў некалькі ўласных гістарычных твораў, сярод якіх — гісторыя старажытнага Трыра і вялікае гістарычнае апісанне Швейцарскай вайны, у якой ён сам удзельнічаў. Вілібальд Піркхаймер належаў да той генерацыі нямецкіх гуманістычных гісторыкаў, якія імкнуліся да выкладання фактаў і пазбягалі выдуманак (у адрозненне ад тых, што гістарыя-

* Дзякуючы Піркхаймеру, Дзюрэр далучыўся да новых ідэй. І, відавочна, пад уплывам выдатнага вучонага многія сімвалы і вобразы ў творчасці «нямецкага Апелеса» набылі выразны гуманістычны сэнс.

** Выраз, які зрабіў сваім дэвізам і размясціў над уваходам у свой дом іншы нямецкі гуманіст, Муцыян Руф.

графію лічылі, перш за ўсё, літаратурным жанрам з усім, што з гэтага вынікала). Яму быў бліжэй вельмі дакладны і дбайны гісторык Беат Рэнан, чым цюбенгенскі гуманіст Франц Ірэнікус, які хаця і пісаў патрыятычныя гістарычныя творы, але — на падставе відавочных вымыслаў і скажэння фактаў [4]. Параўноўваючы Піркхаймера з іншымі нямецкімі гісторыкамі-гуманістамі, Ф. К. Вегеле адзначае: «Хоць ён не стварыў такіх шырокіх твораў як Куспініан, аднак ён перавышаў таго крытычным складам мыслення; ініцыятыва, што зыходзіла ад яго ва ўсіх кірунках, бадай не мела сабе падобнай у той час; у веданні нямецкай старажытнасці ён стаіць вышэй за Пейтінгера дзякуючы непрадзятым ясным меркаванням» [5].

Досыць цікавым з'яўляецца і яго твор «Кароткае апісанне Германіі, паводле розных пісьменнікаў»*, напісаны ў вельмі папулярным для XVI ст. жанры сціслага гістарычна-геаграфічнага апісання розных краін і народаў. Галоўная ідэя твора выказана аўтарам у своеасаблівай прадмове, напісанай у форме прысвячэння гуманісту Герману Нойенару: «Што можа быць больш абсурдным, чым тое, што немцы апісваюць увесь свет, сваю ж уласную айчыну не рагуюць з бездані забыцця!» [6]. Але такое стаўленне не робіць твор Піркхаймера вузка нацыянальным, бо ён не абмяжоўваецца апісаннем уласна Германіі. Як вядома, Рэнесанс стымуляваў развіццё нацыянальнай самасвядомасці еўрапейцаў. Гэта не толькі абуджала зацікаўленасць уласнай гісторыяй і каранямі, але і прымушала звяртаць увагу на іншыя народы. Піркхаймер абрысоўвае ўсю еўрапейскую прастору, вызначаючы знаходжанне краін, гарадоў, рэк так, што перад нашымі вачыма нібы паўстае сапраўдная карта. Некалькі старонак свайго твора ён прысвяціў агляду Усходняй Еўропы ад Прыбалтыкі да Чорнага мора.

У сваім географічным апісанні Піркхаймер спрабуе злучыць даныя антычных географіаў, перадусім Пталемея, з сучаснымі яму звесткамі пра вядомыя на ўсходзе Еўропы землі: для адных і тых жа географічных аб'ектаў ён адначасова і захоўвае антычныя назвы, і ўжывае сучасныя; пры гэтым дае некалькі розных старажытных і новых варыянтаў назваў (напрыклад, старажытныя назвы *Вянедскі заліў*, *Сармацкі акіян* побач з сучаснымі *Балтыйскае мора*, *Прускае мора*). У апісанні Піркхаймера сустракаюцца тыя самыя назвы рэк, што і ў Пталемея, нават у той самай паслядоўнасці, як іх пазначалі ў тыя часы на картах, паводле антычнага географа: пасля Вістулы — Хронас, Рубон, Турунтус, Херсінус. Піркхаймер спрабуе суаднесці іх з вядомымі яму сучаснымі назвамі рэк («Хронус — сёння Пасарыя», «Рубон, магчыма, [ёсць] Полер»). Цікава, што Дзвіну Піркхаймер атаясамлівае не з Рубонам, як іншыя аўтары, а з Херсінусам. Паміж Хронусам і Рубонам ён размяшчае Прэгору (відавочна, ням. Pregel/ рус. Прэголя) і Мемель

* Хоць напісаны гэты твор быў не пазней за 1530 г. (дата ў прадмове-прысвячэнні), але апублікаваны, відавочна, толькі ў 1532 г., г. зн. пасля смерці аўтара.

(«Мемель, які па-славянскі яшчэ называецца Немен»), якія не згадваліся ў старажытных крыніцах, і, апроч таго, дадае яшчэ некалькі назваў больш аддаленых рэк (Ана, Нарва), якія таксама былі невядомыя антычным географам. Тое, што Піркхаймер прыводзіць па некалькі сучасных яму назваў для адной ракі (як *Дуна*, *Звіна* і *Бінда* для Дзвіны), магло сведчыць пра некалькі розных крыніц, якімі ён карыстаўся. Пры апісанні розных краін згадваюцца не толькі народы, якія на той момант насялялі гэтыя землі, але і старажытныя плямёны, апісаньня ў антычных аўтараў.

У дачыненні да краін свету можна заўважыць не зусім дакладнае вызначэнне: яны нібыта змешчаны пад некаторым вуглом. Найбольш выразна гэта бачна з наступнага апісання Літвы: «Літва на *поўначы* мяжуе з Масковіяй, а на *захадзе*, дзе злучаюцца гэтая краіна і Самагітыя, — з Лівоніяй і Прусіяй; з *усходу* яна абмяжоўваецца рэкамі Аскол, Юга і Данец, якія ўсе ўпадаюць у Танаіс; на *поўдні* ж прылягае да Польшчы і Русі».

Звяртае ўвагу і геаграфічная лакалізацыя Русі*, якая, паводле Піркхаймера, уключала ўкраінскія і беларускія землі (Вільня — вялізны горад рутэнаў), а таксама Смаленскую і Наўгародскую землі, захопленыя ў той час Масковіяй.

Бачна імкненне аўтара да дакладнага вызначэння геаграфічных аб'ектаў праз указанне адлегласці паміж рознымі пунктамі або геаграфічнай шыраты асобных месцаў. Аднак сустракаюцца і розныя памылкі і няпэўныя звесткі. Гэта сведчыць пра тое, што Піркхаймер не быў асабіста знаёмы з гэтым краем, а атрымліваў звесткі праз іншых інфармантаў. Такім чынам, хоць твор і ўяўляе сабой працу дбайнага даследчыка, які старанна збіраў інфармацыю з разнастайных крыніц, аднак нават яго крытычны падыход не мог цалкам абараніць ад памылак і недакладнасцей. Тым не менш апісанне Піркхаймера стварала цэльную карціну, і яе трэба разглядаць як прыклад агульных уяўленняў заходнееўрапейцаў XVI ст. пра Усходнюю Еўропу.

W. Pirckheimer. Germaniae ex variis scriptoribus perbrevis explicatio**

(fragmentum)

Ceterum Ptolomaeus ultra Vistulam Sarmatiam auspicatur European, quam eo quoque tempore, quemadmodum et nunc, multae Germanorum habitabant gentes, veluti Gythones, Alani, Ragi, Scyri, Vandali, et cunctae aliae Gothorum nationes, post quorum transmirationem, Schlavini***, ut dictum est, ingressi sunt, et ter-

* Менавіта ў сувязі з разважаннямі наконт Русі і яе лакалізацыі твор Піркхаймера згадваецца ў працах А. С. Мильнікава і П. Урбана [7; 8].

** Тэкст на лацінскай мове прыводзіцца паводле выдання: Bilibaldi Pirckheimeri ... Opera Politica, Historica, Philologica et Epistolica / Collecta, recensita ac digesta Melchior Guldasto Haiminsfeldio. — Francoforti, 1610. — P. 104—106. У публікацыі захоўваецца гістарычная арфаграфія помніка з выпраўленнем выдавочных памылак друку.

*** У тэксце — *Schlevini*.

ras illas occuparunt, aut etiam alios expulerunt, gens multitudine sua numerosissima, et quae hodie praeter Poloniam, totam Russiam cum Moscovia usque ad mare glaciale et Tanaim, ac ultra illum etiam multa possidet. Ceterum sinus Veneticus cum magna parte mediterraneae regionis, quae hodie Prussia est, nec non Livonia universa, quae olim fuit Gotia orientalis, usque ad Narvam fluvium, qui in sinum exit Veneticum, hodie militiae Teutonicae sanctissimae virginis Mariae paret. Sunt que ibi ecclesiae cathedrales quam plurimae, veluti Sambiensis, Rigensis, Hapselensis, et ultima Revaliensis. Civitates vero Elbing, Armel castrum, Mariae Borgus, Mons Regalis, Riga civitas. Pornau, Hapsel civitas, et demum civitas Revalia, quae habet in poli altitudine gradus 62. In mare autem exeunt post Vistulam Chronus hodie Passaria, deinde Pregora vel Cherchia, postea Armele fluvius magnus *die Memel*: Vocatur et Niemen Slavonice, per Moscoviam* fluens ac in mare Prutenicum tribus hostiis exonerans: quidam hanc Chronum esse putant. Inde Hillige fluvius Rubonis, fortassis Poler: deinde Turnutus, forsan postea fluvius ingens, qui Duna et Zvina ac Binda vocatur, ex Moscovia ex oriens apud Rigam in mare erumpit, forsitan Chersinus est. Inde iuxta Revaliam Anna fluvius exit, demum autem Narva fluvius magnus, et ipse ex Moscovia fluens ac in Oceanum Sarmaticum iuxta Flautenam exonerat, Livoniamque a Moscovia disternit, hostia fluvii huius in elevatione polari gradus habent 64. vel circiter. In mediterraneis autem et haud longe inde civitas magna est, Novogradia dicta, quae graduum esse fertur 66. non multum a mari glaciale. Est hoc tempore Moscovia, cum terra illa universa, Magno Duci Moscoviae subiecta, eius ditio quum versus occidentem a mari Baltheo incipiat, per quingenta miliaria Alemanica et magna quidem orientem versus se extendit, quemadmodum Moscovitae pro certo affirmant, ita ut longe Tanaim, nec non Volgam, hoc est Rha fluvium superet et per Asiaticam Scythiam** excurrat. Ioannes enim praesentis Ducis Basilii pater multa suo adiecit imperio, veluti terram quae Permeska nominatur, nec non Correlam, ac ultimam Iuhram, ex qua olim egressi sunt Hungari, qui in Pannonia sedes fixerunt, quod non solum ex communi patriae liquet nomine, sed quod et lingua eadem utuntur, qua Hungari, licet incomptiori. Sunt vero praedictae gentes, non solum Barbarae, sed et ferinae ac beluine, pane carent, et solum ex ferarum venatione et piscium vivunt, et quia nil aliud possident, tributum nomine nil nisi animalium pelles et piscium dentes magnos Moscoviae Duci solvunt, ex quibus cultellorum fiunt manubria, praecipueque apud Turcas in praelio habentur. Sed et Tartari Kosanenses, qui iuxta castrum Kosam, quod super flumine Volha situm est, unde et nomen sortiti sunt, Moscovitae subsunt imperio, ac illius iussu bella capessunt. Moscoviae vero ad ortum Tartari adjacent Savolhenses, nec non Tartari Nohaienses, Sabolenses, qui se ceteris praestare putant, ad mare se extendunt Caspium: at Nohaienses admodum sunt Septentrionales, et quotidie Moscoviam suis infestant incursionibus, a Septentrionibus vero Moscovia Oceano terminatur glaciale: a meridie autem vastissimis campis, nec

* У тэксце — *Moscoviam*.

** У тэксце — *Scytream*.

non Lituania et Ruscia, a qua nostris temporibus Ioannes dux Novogradiensem ducatum cum civitate eiusdem nominis maxima, nec non Mozaisensem ducatum abstulit. Praesens vero dux Ploskoviensem et Smolensem ducatus, cum pluribus aliis, Lithuanis et Rutenis ademit. Utuntur Moscovitae* ac Ruteni lingua Sclavonica, ritumque observant Graecum, reliquis vero gentibus quibus Moscovitae et Lithuani imperant, singulis proprius est sermo. Civitas, in qua dux ipse plurimum degit, Moscovia, quemadmodum et Regio ipsa, appellatur: fluitque per eam nominis eiusdem fluvius vastus. Urbs est ingens, sed tota fere lignea, praeter castrum et Palatium Ducis, quae ex lapidibus sunt constructa, distatque a civitate Smolensi, quae in Russia est posita, centum miliaria Germanica. Smolensis vero civitas a Vilna civitate ingenti Rutenorum** abest miliaria centum viginti. At Vilna a Cracovia Regia civitate Poloniae per miliaria centum, ita ut a Cracovia usque ad Moscovium trecentum et viginti sunt miliaria Germanica magna, a Nuremberga autem Cracoviam, miliaria sunt centum, et aliquid plus. Sunt autem gentes illae incomptae, et admodum barbarae, extremae praeterea servituti subiectae, ita ut omnia, quemadmodum inter Turcas, dominorum propria esse censeantur. Princepsque Moscoviae cunctarum rerum proprietatem habeat: usum fructum vero subditis utendum relinquat, non diutius tamen, quam sibi placet. Moscovitarum terra pars est Sarmatiae Europae, ubi Ptolomaeus Hyperboreos et Basilicos ponit Sarmatas, nec non Modocas, a quibus forsitan Mosci sunt derivati, praeterea Hyppophagi Sarmatae ibi degebant, nec non Zagatae, Suardaeni, et Asei, et iuxta Borealem Tanaidis inflectionem Zerierbidi, gens magna. Juxta Australem vero Taxamatae, ultra Tanaim vero, quo se longissime Moscovia extendit, Sarmatia incipit Asiatica, et deinde Scithia est iuxta Rha fluvium, ubi a Ptolomaeo Phthirophagi et Materi cum aliis quam plurimis ponuntur gentibus, deinde erat terra incognita, ubi hodie Permeska Corrella, et Juhra vel Hungaria prisca fuit, quae cuncta Moscovitae sunt subiecta. In Moscovia oritus fluvius, Edel, id est, Rha, vel Volga, nec non Tanais, ex terra plana ac palustri, cum multis aliis veluti Zvina, Moska, Ocha, Mimula etc.

Lithuania Moscoviae versus Boream est coniuncta, ad occasum vero, ubi regio et Samagithia, Livoniae et Prussiae adnectitur: ab ortu autem fluvii terminatur Oskol, Juga et Donyetz, qui omnes in Tanaim exonerant: at meridiem versus Poloniae et Russiae adiacet, haec gens superioribus annis admodum obscura et Rutenis subdita fuit. Verum quum succedenti tempore Duces nacta esset bellicosos, ita praevaluit, ut totam Russiam suo subiiceret imperio, quin et Livoniam, Prussiam, et Poloniam assiduis infestavit in cursionibus, adeo ut nisi milites cruciferi, cum aliorum Christianorum principum subsidio, illis obuiam iuissent, tam de Polonia quam de Prussia actum fuisset. Nec tamen ita reprimi potuit, ut non maximos clades Christianis inferret, pariter et acciperet, duravitque bellum infestissimum multis annis, donec tandem deficiente regia stirpe Polonica, Jagellus magnus Lithuaniae princeps, fidem Christi

* У тэксце — *Moscobitae*.

** У тэксце — *Rutenarum*.

una cum Regno Poloniae, et relicta Ludovici regis filia Hegulde accepit, ac post susceptum Baptismum Vladislaus est vocatus. Contingere haec sub annum salutis 1386. Ab eo tempore Lituania Samagithia, et Polonia in stirpe illa permansit. Subsunt autem magni ducis Lituaniae imperio gentes multae, et principes quam plurimi tam Lithuani quam Ruteni. Civitas principalis Vilna est admodum magna ad fluvium eiusdem nominis condita. Oritur in Lithuania fluvius Boristhenes, qui deinde per Russiam fluens, in mare exit Ponticum, lingua gentes quadripartita est, paulatim lingua subintravit Polonica, nec non Germanica. Sequuntur Lithuania et Samogithia ritum ecclesiae Romanae. Ptolomaeus, Galindos, Bodmos, Sudinos, Sevinos, Amaxobias et Cariones ibi posuisse videtur.

Russia sive Roxolania et ipsa in Sarmatia posita est Europa. Ea duplex est, Alba et Rubea seu inferior: a solis ortu flumine terminatur Tanaide et paludibus Meotidis: a septentrionibus autem Moscoviae et Lithuaniae adiacet: a meridie vero Valachia, Moldavia et Carpato monte disternitur: ad occasum autem Poloniam et Moscoviam contingit. Eam regionem olim habitaverunt Massagetae, qui et Alani et Hamoxobii, ac per totum latus Meotidis Jaziges et Roxalani nec non Chuni. ad occasum versus Peucini et Bastarnae, Amatoci et Navari, Tyrangitae, Sauromatae, et Gythones, cum aliis nationibus Gothicis, siquidem ex his regionibus emigrarunt Gotthi, Alani, Scyri, Gepidae, Heruli, Thaiphalii, Corpi, et reliquae cunctae gentes Gothicae, quemadmodum ex certissimis historiis ostendi potest. Nam Alani et Roxolani in vastissimis campis ad Tanaim usque habitaverunt, qui hoc tempore ob Tartarorum incursionem, penitus sunt desolati et inculti. Ad fluvium vero Deneper, qui est Boristhenes, et Denester, qui et Tiras, Gotthi residebant: unde digressi, in duos divisi sunt populos. Nam qui ad solis ortum sunt progressi, ac Thauricam Chersonesum cum multis aliis occuparunt locis, Ostragothi hoc est, orientales Gotthi sunt dicti: Qui vero occidentem versus perexerunt, Visogothi, id est, occidentales Gotthi sunt appellati. In horum locum Sclavini successerunt, quemadmodum patet ex lingua. Ceterum hoc tempore Russiae, magno duci Lithuaniae, et principibus qui sub ipso sunt, est subdita, praeterea, quae Moscovitae abraserunt. Sane etsi regio illa pecoris, frumenti et mellis fertilissima sit, praecipue ea, quae Podolia nuncupatur, per Tartaros tamen ac Turcas admodum est vastata. Tartari enim Praecopenses, qui et Ulani, ex Thaurica Chersoneso quotidie illa inuadunt et spoliunt. Turcae vero postquam nostra aetate Bialogrod sive Nigrum castrum, ubi Tiras*, hoc est, Denester in Pontum influit, nec non Kiliam, hoc est Album castrum, non longe a danubii hostiis occuparunt, nunquam ab infestatione Russiae cessarunt. Sed et Tartari Praecopenses munitionem citra Boristhenem extruxerunt, nomine Ozarkau, ex qua Russiam invadunt et spoliunt. Rutheni enim licet olim supra flumine praesidia quaedam constituissent, per quae Tartari transgredi, prohibebantur, ea tamen propter avaritiam reliquerunt. Unde iam Tartaris liber patet aditus. Habet et Russia civitates quam plures insignes, quae magna ex par-

* У тэксце — *Tunas*.

te vastatae sunt, inter quas fuit Chiovia* urbs amplissima ad Boristenem fluvium sita, forsitan Olbia seu Boristhenes a Ptolomaeo, et Strabone vocata, iam pridem a Tartaris eversa. In illa residebat Ruthenorum Metropolitanus, cui subditi fuere omnes Russiae, Lithuaniae, Moldaviae et Walachiae Episcopi, hodie Leopoldis est civitas principalis, deinde Halitz ambae iuxta fluvium Tiram sitae cum plerisque aliis. Nam Smolensis nec non Plescoviensis et Novigradensis ducatus cum civitatibus suis Ruthenis, ut dictum est, per Moscovitas sunt adepti, Rutheni Slavonico loquuntur sermone, et ut plurimum Graecorum fidem sequuntur. Inhabitantes et Russiam Armeni, qui magnas exercent mercaturas. Nam ad Aegyptum, Persiam et Indiam usque penetrant. Inter Turcas enim et Mahometanos libere, et ubique sine vectigalibus negotiantur, ita enim lege sua Mahometes constituit, quoniam ab Armeniis educatus et multis beneficiis affectus fuit.

Пераклад

В. Піркхаймер. Кароткае апісанне Германіі

(фрагмент)

Далей за Вістулай**, паводле Пталамея***, пачыналася Еўрапейская Сарматыя, дзе як у той час, так і цяпер, жылі шматлікія германскія плямёны, як, напрыклад, гітоны, аланы, рагі, скіры, вандалы і іншыя гоцкія народы. Пасля іх перасялення, як сцвярджаюць, прыйшлі славяне****, захапілі тую землі, а іншых нават выгналі. Народ гэты надзвычай шматлікі і сёння акрамя Польшчы валодае ўсёй Руссю з Масковіяй да самага ледавітага мора і Танаіса****, і яшчэ многімі [землямі] за ім. Далей Вянедскі заліў****, да якога прылягаюць вялікія абшары зямель; на іх сёння размяшчаецца Прусія, а таксама ўся Лівонія. Некалі гэтыя землі да самай ракі Нарвы, што ўпадае ў Вянедскі заліў, былі ўсходняй Готыяй, а сёння падпарадкоўваюцца нямецкім воінам найсвяцейшай Панны Марыі****. Там існуе даволі шмат біскупскіх рэзідэнцый, як, напрыклад, Самбійская****, Рызская, Хапсельская**** і самая аддаленая Рэвельская****, і, зразумела, гарады: Эльбінг****, крэпасць Ар-

* У тэксце — *Chioria*.

** Антычная назва Віслы.

*** Выдатны старажытнагрэчаскі вучоны (каля 90 г. — каля 160 г.), вядомы сваімі працамі ў галіне матэматыкі, астраноміі, фізікі. У дадзеным выпадку маецца на ўвазе яго «Геаграфія». Піркхаймер падрыхтаваў выданне гэтага твору, які ўбачыў свет у 1525 г.

**** У тэксце арыгінала стаіць памылковае *Schlevini* замест *Schlavini*.

***** Антычная назва Дона.

***** Балтыйскае мора.

***** Г. зн. рыцарам Тэўтонскага Ордэна.

***** Ад Самбія — ням. Замланд (Samland).

***** Ад назвы г. Хапсель — сучасны Хаапсалу (Эстонія).

***** Ад назвы г. Рэвель — сучасны Талін (Эстонія).

***** Сучасны Эльблонг (Польшча).

мель*, Мар'енбург** (Mariae Borgus), Кёнігсберг (Mons Regalis), горад Рыга, Порнаў**, горад Хапсель і, нарэшце, горад Рэвель, які знаходзіцца на 62 градусае паўночнай шыраты***.

Далей пасля Вістулы ў мора ўпадаюць Хронус**** — сёння Пасарыя****, затым Прэгора****, або Керкія. Пасля Армеля — вялікая рака Мемель, што па-славянскі называецца яшчэ Немен, працякае праз Масковію**** і ўпадае ў Прускае мора трыма рукавамі: лічыцца, што адзін з іх — Хронус****. Пасля Хіліге**** — рака Рубон, магчыма, гэта Поллер**** (Poler); потым Турнутус****. Далей, можа быць, вялікая рака, якая называецца Дуна, а таксама Звіна і Бінда**** (Duna et Zvina ac Binda), што зыходзіць з Масковіі і ўліваецца ў мора каля Рыгі; яна, магчыма, з'яўляецца Херсінусам. Далей, каля Рэвеля, працякае рака Ана**** (Anpa), і, нарэшце, вялікая рака Нарва, якая, выпякаючы непасрэдна з Масковіі, упадае ў Сармацкі Акіян каля Флаўтэны**** (Flautena) і аддзяляе Лівонію

* Магчыма Каркельн (Karkeln).

** Крэпасць Мальборк (Польшча).

*** Сучасны г. Пярну (Эстонія).

**** Літаральна: «які мае 62 градусы ў вышыні полюса».

**** Піркхаймер прыводзіць назвы рэк, якія згадваюцца ў Пталамея, — Хронус, Рубон, Турнутус (антычны Турунтус), Херсінус, — і спрабуе іх звязаць з сучаснымі яму данымі.

**** Рака Пасарге на паўночным усходзе Польшчы.

**** Відавочна, рака Прэголя на тэрыторыі сучаснай Калінінградскай вобласці (Расія).

**** У лацінскім тэксце Піркхаймера Масковія звычайна пазначаецца як *Moscovia*. Але ў дадзеным выпадку напісана «per Moscoviam fluens», што можна разглядаць як адну з памылак друку. Яны даволі часта трапляюцца ў выданні 1610 г. Аднак гэта, можа, нават не адзіная памылка ў напісанні дадзенага слова. Нельга выключыць таксама, што тут аўтар меў на ўвазе Мазовію, а не Масковію, хоць гэта таксама з'яўляецца памылковым; Мазовія і Масковія ў лацінскім напісанні адрозніваюцца толькі адной літарай: *Mosovia* — *Moscovia*.

**** Крыху вышэй Піркхаймер ужо звязаў пталамееўскі Хронус з Пасарыяй (Пасарге); такім чынам, тут ён, відавочна, выказвае не ўласную думку, а паведамляе пра іншыя меркаванні адносна лакалізацыі гэтай ракі.

**** Відавочна, г. Хайлігаў (Heiligaw), які можна бачыць на карце В. Гардзецкага 1562 г. і на карце Я. І.Л. Дзэўтэкумаў (1570 г.), дзе г. Хайлігаў знаходзіцца на рацэ з такой самай назвай. Лакалізуецца бліз сучаснай Палангі.

**** Не ясна, якая рака маецца на ўвазе.

**** У Пталамея — Турунтус. Таксама з нявызначанай ідэнтыфікацыяй.

**** Магчыма, адбылося атаясамленне Дзвіны з Вентай/Вянтай (на карце Я. І.Л. Дзэўтэкумаў (1570 г.) яна пазначана як *Winda*).

**** Можа, размова ідзе пра раку Ваана (Vääna).

**** Не зразумела, які пункт маецца на ўвазе.

нію ад Масковіі; вусце гэтай ракі знаходзіцца на 64 градусе (або каля таго) паўночнай шыраты.

Ва ўнутраных жа землях і не занадта далёка, як кажучь, на 66 градусе, недалёка ад ледавітага мора, знаходзіцца вялікі горад, што называецца Ноўгарад. У цяперашні час Масковія з усёй той зямлёй падпарадкоўваецца Вялікаму князю Маскоўскаму, бо ўлада яго распасціраецца на вялікія абшары, што цягнуцца ад Балтыйскага мора на захадзе на пяцьсот нямецкіх міль ва ўсходні бок, як упэўнена сцвярджаюць маскавіты. Такім чынам, уладаранне працягваецца далёка за Танаіс, а таксама за Волгу, г. зн. за раку Ра^{***}, і нібы распаўсюджваецца на Азіяцкую Скіфію. Бо Іаан, бацька цяперашняга князя Васілія, шмат [зямель] далучыў да сваёй дзяржавы, накітаваў зямлі, што завецца Пермскай, а таксама Карэліі і аддаленай Югры, з якой калісьці выйшлі венгры, што аселі ў Паноніі; гэта відавочна не толькі на падставе агульнага з радзімай імя, але і з таго, што яны^{****} карыстаюцца той самай мовай, як і венгры, хоць і больш прастай. Аднак згаданыя народы не проста варвары, а падобныя да жывёл, абыходзяцца без хлеба і жывуць толькі паляваннем на дзікіх звяроў і рыбнай лоўляй. З прычыны таго, што нічым іншым не валодаюць, яны князю Маскоўскаму плацяць падаткі выключна шкурамі і вялікімі рыбінымі зубамі^{*****}, з якіх робяцца ручкі нажоў. Такімі [нажамі] асабліва карыстаюцца туркі падчас бою.

І казанскія татары, якія атрымалі назву паводле крэпасці Коза^{*****} на рацэ Волзе, таксама падпарадкоўваюцца Маскоўскай уладзе і з гатоўнасцю распачынаюць войны па яе загаду. На ўсход ад Масковіі ляжаць землі татараў заволжскіх (Savolhenses), а таксама татараў нагайскіх (Nohaienses), заболскіх (?) (Sabolenses), якія лічаць сябе вышэйшымі за астатніх і займаюць прастору да Каспійскага мора. Што датычыцца нагайцаў, то, знаходзячыся на поўначы, яны штодзень турбуюць Масковію сваімі набегамі.

На поўначы Масковія абмяжоўваецца Ледавітым акіянам, на поўдні ж шырока распасціраюцца стэпы, а таксама Літва і Русь, у якой у нашы часы князь Іаан адабраў Наўгародскае княства і вялізны горад з той самай назвай, а таксама княства Мажайскае (Mozaisensem). А цяперашні князь адняў Полацкае і Смаленскае княствы, а таксама многія іншыя — літоўскія і рутэнскія — землі. Маскавіты і рутэны^{*****} карыстаюцца славянскай мовай і прытрымліваюцца грэчаскага абраду. Астатнія ж народы, якімі маскавіты і літоўцы кіруюць, маюць, кожны паасобку, сваю ўласную мову. Горад, дзе пераважна і жы-

* Літаральна: «мае 64 градусы ў палярным падняцці».

** Старажытная назва Волгі, якая сустракаецца ў антычных географіях.

*** Г. зн. югры.

**** Ікламі маржоў.

***** Казань.

***** Піркхаймер ужывае для краіны назву Русь (Ruscia), а для народа — рутэны (Ruteni), хоць апошняя створана ад лацінскага Rutenia.

ве сам князь, называецца, як і сама краіна, Масковіяй, і праз яго цячэ велізарнага рака з такой самай назвай. Горад вялізны, але амаль увесь драўляны, за выняткам крэпасці і княжацкага палаца, якія пабудаваны з каменю. Ён размешчаны на адлегласці ў сто германскіх міль ад горада Смаленска, што знаходзіцца ў Русі. А горад Смаленск ляжыць на адлегласці ў сто дваццаць міль ад Вільні, вялізнага горада рутэнаў. Вільня ж знаходзіцца ад Кракава, сталіцы Польшчы, на адлегласці ў сто міль. Такім чынам, ад Кракава да Масквы павінна быць трыста дваццаць вялікіх германскіх міль, а ад Нюрнберга да Кракава — звыш ста міль.

Народы тэя протэя і вельмі варварскія, і, апроч таго, схільны да найгоршага рабства, да такой ступені, што ўсе лічаць сябе нібы ўласнасцю правіцеля, так сама, як гэта адбываецца ў туркаў. І ўладар Масковіі, маўляў, мае права ўласнасці на ўсё, і хоць дазваляе падданым для пражыцця карыстацца даходам, але толькі пакуль на гэта ёсць яго воля. Зямля маскавітаў з'яўляецца часткай еўрапейскай Сарматыі, дзе Пталамей размяшчаў гіпербарэяў і царскіх сарматаў, а таксама мадокаў, ад якіх, магчыма, пайшлі москі. Акрамя таго, там пражывалі сарматы-гіпафагі^{*}, а таксама загаты, сuardэны і азеі, каля паўночнага завароту Танаіса — велізарны народ зерыэрбіды, а каля паўднёнага — таксаматы. Далей за Танаісам, наўсцяж якога землі Масковіі працягваюцца далей за ўсё, пачынаецца Азіяцкая Сарматыя. Потым, непасрэдна за ракой Ра, ідзе Скіфія, дзе Пталамей размяшчае птырафагаў і матэраў з іншымі шматлікімі народамі. Далей была невядомая зямля; дзе сёння Перм, раней знаходзіліся Карэлія і Югра (або былая Венгрыя), якія [цяпер] цалкам падпарадкаваны маскавіту.

У роўнай і багністай мясцовасці Масковіі пачынаецца рака Эдэль, г. зн. Ра, або Волга, а таксама Танаіс са многімі іншымі [рэкамі], такімі як Звіна (Zvina), Моска, Ака, Мімула^{**} і г. д.

Літва на поўначы мяжуе з Масковіяй, а на захадзе, дзе злучаюцца гэтая краіна і Самагітэя^{***}, — з Лівоніяй і Прусіяй; з усходу яна абмяжоўваецца рэкамі Аскол, Юга^{****} (Juga) і Данец, якія ўсе ўпадаюць у Танаіс; на поўдні ж прылягае да Польшчы і Русі. Гэты народ^{*****} у мінулым быў вельмі цёмным і падпарадкоўваўся рутэнам, аднак у далейшым, калі знайшоў сабе ваяўнічых князёў, так узмацніўся, што ўсю Русь падпарадкаваў сваёй уладзе, і нават турбаваў частымі набегамі Лівонію, Прусію і Польшчу да такой ступені, што з Польшчай, як і з Прусіяй, было б пакончана, каб супраць не выступілі воіны-крыжакі пры падтрымцы іншых хрысціянскіх уладароў. Аднак і яны не здо-

* *Hypophagi* — літаральна «тэя, што ядзяць коней».

** Не вызначана.

*** Жамойць.

**** Магчыма, мелася на ўвазе р. Угра, але яна не ўпадае ў Дон, як піша аўтар.

***** Г. зн. «літва».

лелі ўтаймаваць яго настолькі, каб ён усё ж такі не прычыніў вялікай шкоды хрысціянам, хоць пры гэтым сам пацярпеў і шмат гадоў вытрымліваў бязлітасную вайну. Пакуль, нарэшце, вялікі князь Літвы Ягайла (Jagellus) пасля згадання польскай каралеўскай дынастыі не атрымаў хрысціянскую веру, адзіную з Польскім каралеўствам, і не ўзяў дачку караля Людовіка Хегульду* (Hegulde) [у жонкі]. Пасля прынятага хрышчэння ён быў названы Уладзіславам. Гэта адбылося ў 1386 г. З таго часу Літва, Самагітэя і Польшча падначалены той дынастыі. Уладзе вялікага князя Літоўскага падпарадкоўваюцца многія народы і шмат уладароў як літоўскіх, так і рутэнскіх. Галоўны горад Вільна вельмі вялікі і знаходзіцца на рацэ той самай назвы. У Літве бярэ пачатак рака Барысфен, якая потым цячэ праз Русь і ўпадае ў Пантыйскае мора. Мова народа складаецца з чатырох частак, паступова ў яе пранікла польская мова, а таксама нямецкая**. Літва і Самагітэя трымаюцца абраду рымскай царквы. Відавочна, там Пталамей змяшчаў галіндаў, бодмаў, судынаў, севінаў, амаксобіяў і карыонаў.

Русь, альбо Раксаланія, таксама размешчана ў Еўрапейскай Сарматыі. Яна падзяляецца на дзве часткі — Белую і Чырвоную, або ніжнюю; на ўсходзе дасягае ракі Танаіса і Меатыйскіх балот; на поўначы мяжуе з Масковіяй і Літвой; на поўдні аддзяляецца Валахіяй, Малдавіяй і Карпацкімі гарамі; на захад цягнуцца да Польшчы і Мазовіі. Некалі гэту краіну нібы насялялі масагеты, а таксама аланы і гамаксобіі, акрамя таго, уздоўж Меатыды — язигі, раксаланы і гуны; на захадзе знаходзіліся пеўцыны і бастарны, аматоцы і навары, тырангіты, саўраматы і гітоны з гоцкімі народамі, што яшчэ там заставаліся. Паколькі готы, аланы, скіры, гепіды, херулы, тайфалы, корпы і ўсе астатнія гоцкія плямёны перасяліліся з тых краін, як гэта можна вывесці з надзейных гістарычных твораў. Аланы і раксаланы пражывалі ў шырокіх стэпах да Танаіса, якія цяпер з-за татарскіх нападаў ляжаць апусцелыя і неапрацаваныя. Готы жылі на рэках Днепр (ён жа Барысфен) і Днестр (ён жа Тырас); адтуль яны выйшлі, падзеленыя на два народы. Тэя, што прасунулася на ўсход і захапілі Херсанес Таўрычаскі і многія іншыя месцы, называюцца астраготы (Ostragotthi), г. зн. усходнія готы. Тэя ж, што прайшлі на захад, называюцца візаготы (Visogotthi), г. зн. заходнія готы. Іх месца занялі славяне, як гэта вынікае з мовы.

Аднак цяпер Русь падпарадкавана вялікаму князю літоўскаму і падначаленым яму ўладарам, за выняткам той [часткі], якую адабралі маскавіты. І хоць край той мог быць вельмі багаты жывёлай, хлебам і мёдам, асабліва тая [зямля], што завецца Падоліяй, але ён значна спусташаецца татарамі і туркамі. Бо перакопскія (Praecopenses) татары, як і ўланы, штодзень урываюцца туды з

* Ядзвігу.

** З фразы не ясна, ці ўваходзяць польская і германская мовы ў названыя чатыры часткі, ці складаюць асобныя дадатковыя элементы.

Херсанеса Таўрычаскага і рабуюць той край. Туркі ж, пасля захопу ў наш час Бялагроду, або Чорнай крэпасці, што знаходзіцца пры ўпадзенні Тыраса (г. зн. Днястра) у Понт, а таксама Кіліі, г. зн. Белай крэпасці, недалёка ад вусця Данубія*, бесперапынна нападаюць на Русь. А перакопскія татары ўзвялі нават на гэтым баку Барысфена крэпасць пад назвай Ачакаў (Ozarkau), адкуль робяць рабаўнічыя набегі. Рутэны, хоць калісьці і наладзілі на другім баку ракі нейкія ўмацаванні, якія не дазвалялі татарам прайсці, аднак з-за скупасці пакінулі іх. Тым самым з гэтага часу татарам быў адкрыты вольны ўваход.

На Русі таксама большая частка значных гарадоў спустошана. Сярод іх Кіеў, найважнейшы горад на рацэ Барысфен, які Пталамей і Страбон, магчыма, называлі Ольбіяй ці Барысфенам, ужо даўно разбурылі татары. У ім знаходзіўся мітрапаліт рутэнаў, якому былі падначаленыя ўсе епіскапы Русі, Літвы, Малдавіі і Валахіі. Сёння галоўнымі горадамі з'яўляецца Леаполіс** (Leopolis), другі пасля яго — Галіч; абодва, як і многія іншыя, знаходзяцца бліз ракі Тырас. Смаленскае, а таксама Пскоўскае і Наўгародскае княствы са сваімі рутэнскімі гарадамі, як кажуць, захоплены маскавітамі. Рутэны размаўляюць на славянскай мове і, пераважна, вызнаюць грэчаскую веру. Русь насяляюць таксама армяне, якія займаюцца буйным гандлем і даходзяць аж да Егіпта, Персіі і Індыі. Сярод туркаў і магаметан яны гандлююць без усялякіх перашкод і паўсюль без пошлін, бо так сваім рашэннем устанавіў Магамет з-за таго, што армяне яго вырасталі і зрабілі [для яго] шмат дабрадзейства.

(Далей аўтар пераходзіць да апісання Крыма і яго народаў.)

Публікацыя А. І. Сынковай

Літаратура

1. Штраус Д. Ульрих фон Гуттен / Пер. с нем. Под ред. Э. Л. Радлова. — СПб., 1896.
2. Немилов А. Н. Немецкие гуманисты XV века. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. — С. 81—82.
3. Geiger L. Bilibald Pirckheimer // Allgemeine Deutsche Biographie. Band 26. — Leipzig, 1888. — S. 814.
4. Вайнштэйн О. Л. Западно-европейская средневековая историография. — М.—Л., 1964. — С. 327.
5. Wegele F. X. Geschichte der Deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. — München u. Leipzig, 1885. — S. 117.
6. Bilibaldi Pirckheimeri ... Opera Politica, Historica, Philologica et Epistolica. — Francoforti, 1610. — P. 94.
7. Мильников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. = The picture of the Slavic world: the view from the Eastern Europe: Этногенетические легенды, догадки, прототипотезы XVI — начала XVIII в. — СПб., 2000.
8. Урбан П. Да пытання этнічнай прыналежнасці старажытных ліцьвінаў. — Мінск, 1994.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 29.04.2010

* Дуная.

** Львоў.

СЕНАТОРСКАЯ РЕВИЗИЯ КАНЦЕЛЯРИИ НАЧАЛЬНИКА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ 1853 г.

Сенаторские ревизии — периодические проверки сенаторами в XVIII — начале XX в. деятельности местных государственных учреждений — введены при Петре I указом от 4 апреля 1722 г. «для смотра всяких дел в губерниях и провинциях, чтобы во всех делах была правда, посылать на каждый год из сенаторских членов по одному, да при нем из каждой коллегии по одному члену» [1, л. 504]. Законом предусматривалось назначение senatorской ревизии, во-первых, для расследования и прекращения злоупотреблений с целью проверки действий должностных лиц; во-вторых, для раскрытия нужд местного населения, ознакомления на местах с порядками учреждений, выяснения их недостатков и средств к улучшению. Известны senatorские ревизии в губерниях Пензенской (1859 г.), Пермской (1870 г.), Оренбургской (1881 г.) [1, с. 504], Калужской, Владимирской (1862—1863 гг.) [1, с. 505], Олонецкой (1859—1860 гг.) [2] и др. За пореформенный период (1861—1904 гг.), например, было проведено 18 senatorских ревизий [3, с. 217].

В ходе senatorских ревизий выявлялись многие недостатки в местном управлении и состоянии экономики, чиновничий произвол и волокита, значительное число нерешенных дел и т. д. Senatorские ревизии являются богатым источником для изучения как истории государственных учреждений, так и истории делопроизводства Российской империи.

В публикации представляются материалы senatorской ревизии Канцелярии витебского гражданского губернатора 1853 г.: препроводительное письмо от 19 ноября 1853 г. senatorа Д. Д. Ахлестышева, ревизовавшего Витебскую губернию, губернатору П. Н. Игнатьеву к «общим выводам из обзора о делопроизводстве канцелярии начальника Витебской губернии» и вышеназванные «общие выводы из обзора о делопроизводстве канцелярии начальника Витебской губернии» [4, л. 2—19], выявленные в архивном фонде Национального исторического архива Беларуси «Витебский гражданский губернатор».

№ 1 «Препроводительное письмо senatorа Д. Д. Ахлестышева, ревизовавшего витебскую губернию, губернатору П. Н. Игнатьеву к «общим выводам из обзора о делопроизводстве канцелярии начальника Витебской губернии»

19 ноября 1853 г.

Милостивый государь Павел Николаевич!

Препровождая при сем к вашему превосходительству список с общих выводов из обзора произведенной мною ревизии канцелярии начальника Витебской губернии вместе с аттестацией чиновников той канцелярии, нужным считаю присовокупить, что об исправлении замеченных беспорядков, мною, с препровождением подробного обзора произведенной ревизии, вместе с сим

предложено исправляющему должность начальника Витебской губернии с тем, чтобы он при исправлении таковых беспорядков сколько руководствовался указанными в моем обзоре способами и соображениями, столько же не стеснялся бы принимать и другие способы, какие он по ближайшему своему усмотрению найдет более удобными, успешными к водворению в делах его канцелярии и архива надлежащего порядка. Определение же с чиновников меры взыскания за допущенные беспорядки, а равно определение того, может ли кто-либо из них, за обнаружением ревизией беспорядков, оставаться долго на службе, я предоставил непосредственному усмотрению и распоряжению начальника губернии, за исключением старшего помощника правителя канцелярии Самуйло, которого я признал за нужное, для пользы службы уволить, на основании 1203 ст. Т[ома] III уст[ава] о службе гражданской по 1 части XV прод[олжения] к Свод[у] зак[онов], о чем и предложил начальнику губернии сделать надлежащее распоряжение.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга
Дмитрий Ахлестышев.

ИИАБ. Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 25436. — Л. 2.

№ 2 «Общие выводы из обзора о делопроизводстве канцелярии начальника Витебской губернии»

Подробное соображение всех фактов о производстве дел во всех столах Канцелярии начальника Витебской губернии приводит к следующим выводам:

1) До 1852 года мало было порядка в производстве дел и только с начала 1852 г. стало постепенно вводиться единообразие в содержании и ведении книг и реестров: в 1852 году введены во всех столах распорядительные реестры бумагам, а в 1853 г. заведены настольные реестры делам. Начало разбора дел архива канцелярии положено также перед наступлением 1852 года.

2) Все книги и реестры, как в регистратуре, так и в столах за 1850 и 1851 годы содержались в беспорядке и велись с большим небрежением, ибо: а) почти все они не пронумерованы, не прошнурованы и без надлежащих в конце надписей о числе номерованных листов, за исключением весьма немногих (именно: передаточных реестров регистратуры, первой части распорядительного реестра полицейского стола за 1850 год), но и те, хотя прошнурованы, но надписей о числе листов на них нет; б) по книгам регистратурным в большей части бумаг нет расписок в принятии оных в столы (а в общем входящем реестре 1851 года в принятии ни одной из 13 082 бумаг расписок таких нет) и не сделано отметок о передаче бумаг; в) по столам в распорядительных реестрах противу почти половины бумаг или вовсе нет никаких отметок, ни о движении оных, ни о том, к какому делу бумаги приобщены, или же не означен номер дела, к которому бумага принадлежит, а во многих местах отметки о движении бумаг и номер дела означены каран-

дашом; г) в некоторых столах (в хозяйственном, статистическом) в 1850 и 1851 годах никаких книг, ни алфавитов вовсе не велось.

3) Книги за 1852 и 1853 годы находятся в более удовлетворительном состоянии: почти все они, за исключением немногих (разносные книги за 1852 и 1853 гг., распорядительного и настольного реестров полицейского, хозяйственного и статистического столов, которые или не прошнурованы, или же без надлежащих в конце надписей о числе номерованных листов), содержатся в порядке и ведутся аккуратнее, ибо из прописанных во 2-м пункте беспорядков некоторые встречаются в 1852 и 1853-м годах несравненно в меньшем размере или же вовсе уже не встречаются.

4) Неисполненных и не подложенных к делам бумаг по всем столам оказалось 1011, из них 151 подлежит исполнению, а остальные 860 — к сведению и к делам; самые старые бумаги относятся к 1847 и 1848 годам, а большее их число принадлежит годам последующим. Цифра эта может быть признана положительно верною, так как не окончена подробная разборка архива, в котором могут оказаться также бумаги неисполненные. Неисполнение по первоначальным бумагам делалось иногда медленно: через несколько месяцев и даже более года; в последние два года заметно меньше медленности в движении и исполнении бумаг.

5) Подлинные дела, как решенные, так и нерешенные, содержатся в неудовлетворительном виде: частных описей бумагам, входящим в дело, почти нигде нет и только при некоторых делах 1853 г. описи таковые начали составляться; отпуски с исходящих бумаг никем не заверяются, а в некоторых делах (впрочем, весьма немногих) отпуски таковые писаны карандашом, бумаги в дела подшиваются часто не в порядке; в лучшем порядке содержатся дела секретные, из которых при некоторых частные описи бумагам есть. Нерешенных дел в канцелярии по 10 мая 1853 г. было всего 1305, из того числа большая часть — 1206 — останавливались за другими местами и лицами, а остальные 199 дел — за канцеляриею. Но и эта цифра по той же причине неокончания разбора архива не может быть признана за положительно верною.

6) Медленность в производстве дел и отсутствие всякого наблюдения за исполнением подлежащими местами и лицами сделанных начальником губернии распоряжений заметна почти по всем родам дел и во всех столах канцелярии: по многим требуемые сведения не были доставлены в течении 5-ти и 6-ти лет и о том или вовсе подтверждений сделано не было, или сделаны были таковым уже во время ревизии сенаторской (в мае и июне месяцах 1853 г.); по многим делам просительским о сделанных распоряжениях просителям объявлено не было, через что дела их оставлены совершенно без наблюдения как со стороны самих просителей, так и канцелярии.

7) Требования сторонних мест и лиц о побуждении полиции к исполнению сделанных распоряжений или вовсе не исполняются, или же исполняются медленно без надлежащей точности и без той строгости, которая необходи-

ма для достижения успеха в делах такого рода: подтверждения делаются через год и более и весьма часто уже после новых представлений и требований.

8) К прекращению бездействия и злоупотреблений торговой полиции по продаже несвежих съестных припасов, успешных мер по представлениям врачебной управы не принимается: распоряжение иногда не делается в течение семи и более месяцев, через что вся польза, которая могла бы произойти только через своевременное и поспешнейшее преследование зла, теряется и вовсе ограничивается одною бесполезною и часто весьма неисправною перепискою.

9) Содействие казенной палаты к получению его отчетности о суммах земского сбора оказывается недостаточным.

10) Бумаги и дела, подлежащие непосредственному рассмотрению губернского правления, передавались при предложениях начальника губернии весьма медленно: иногда по истечении двух месяцев, а шесть дел с произведенными следствиями по предмету составления подложных дворянских документов, по представлении оных из следственной комиссии в губернское правление переданы были с лишком через год и три месяца и в течении всего этого времени лежали без движения. Недостаток внимательности и должного надзора видел ясно о помещике Франце Калиновском, подозреваемом в подлогах по составлению дворянских документов, где уведомление тобольского гражданского губернатора от 11 ноября 1849 г. о том, что сосланный по приговору Полоцкого уездного суда на поселение в Сибирь Франц Калиновский 8 декабря 1839 г. по назначению Тобольского приказа отправлен на поселение в Томскую губернию до марта месяца 1853 г., т. е. в течении с лишком 3,5 лет лежало без движения, ибо только 30 марта 1853 г. сделан был по сему предмету запрос к томскому гражданскому губернатору и уже тогда, когда само следственное дело о происхождении Франца Калиновского было передано на рассмотрение губернского правления, а подозреваемый в подлогах Франц Калиновский, по постановлению следственной комиссии, освобожден из-под ареста. В следственно-уголовные дела о лицах, подозреваемых в подложном составлении дворянских документов, требуют со стороны начальника губернии особенного надзора по важности распространившегося по сему предмету в Витебской губернии зла.

11) Об увеличении городских доходов оказывается мало заботливости; представления городских дум, как по сему предмету, так и об испрошении разрешения на записку сумм в расход передаются на рассмотрение губернского правления через два и три месяца и иногда даже с лишком через год; самый закон (Г[ом] V уст[ава] о податях, ст[атья] 254) о командировании от начальника губернии в течение года благонадежного чиновника для удостоверения на месте в правильности производства сборов, не исполняется.

12) Переписка с военным начальством об удовлетворении за неотвод пастбищных лугов, начата с 1850 г. и ранее, еще не окончена преимущественно от недостатка в исправной и своевременной распорядительности.

13) Переписка об удовлетворении почт администраторов за палых и испорченных лошадей, а обывателей — за поставку дополнительных лошадей во время путешествия высочайших особ, не окончена еще с 1850 г., лица сии, в противность закона (Устава о земск[их] повин[остях], Т[ом] IV и в продолжениях II и XVI) в продолжении столь долгого времени неудовлетворены, и медление происходит главным образом за канцеляриею, где дела эти лежат без рассмотрения. К сохранению казенного интереса в производстве освидетельствования палых и испорченных лошадей нужных мер предосторожности на принимается, почему число таких лошадей всегда показывалось весьма значительное.

14) На собрание секретных сведений о римско-католических ксендзах, определяемых к должностям, употребляется иногда год и более, медленность же в доставлении секретных сведений о прочих лицах происходит большею частью за городскими и земскими полициями.

15) Статистические сведения по губернии собираются и доставляются с большою неисправностию, так что в 1850, 1851 и 1852 годах ни одно из срочных сведений в министерства внутренних дел, финансов и государственного имущества не были доставлены к назначенным срокам, а некоторые сведения и вовсе доставлены не были; сами всеподданнейшие отчеты о состоянии губернии представлялись поздно: так как отчет за 1850 г. представлен был едва 14 августа 1851 г., отчет за 1851 г. представлен 16 мая 1852 г. и только отчет за 1852 г. представлен сколько ранее, именно 15 марта 1853 г. Статистический комитет, открытый в 1835 году, с 1836 года до начала 1853 года бездействовал и, будучи восстановлен 15 апреля 1853 года, к действию еще не приступил.

16) По некоторым делам о совращенных из православия подтверждений не было с 1850 г. до времени сенаторской ревизии; а в распоряжениях и донесениях даже по делам арестантским нередко допускалась неаккуратность, так что по указу Сената делались кому следует подтверждения, но донесения в Сенат уже вследствие новых понудительных указов оно.

17) Приговоры судебных мест первой и второй степени, особенно за прежнее время, рассматривались не в установленный законом (Ст[атья] 535 Т[ома] II) семидневный и шестинедельный срок, не исключая и дел арестантских, по коим приговоры пропускались по истечении 11-ти, 20-ти и более дней, а по прочим делам по истечении 6-ти и более месяцев, четыре же приговора (в 1850-м г.) находились в рассмотрении более года.

18) Предложения генерал-губернатора исполнялись неисправно, без надлежащей поспешности, распоряжения по предписаниям главного начальника губернии делались иногда через год, иногда оставались вовсе без

исполнения и без ответа, по некоторым представлялись донесения вовсе не по тем предметам, о которых спрашивал генерал-губернатор. При исполнении циркулярных предписаний министра допускалась также нередко медленность: через несколько месяцев делались распоряжения, а о некоторых распоряжениях, сделанных по предписанию министра внутренних дел, донесения представлены не были; так, распоряжение министра внутренних дел о доставлении ежемесячных ведомостей о ходе производящегося по высочайшему повелению дела об устройстве православных церквей в помещичьих имениях исполняется неисправно: в мае и июне месяцах 1853 года ведомостей тех доставлено не было.

19) Медленность и нечеткое исполнение указа Правительствующего сената была замечена и самим Сенатом, как можно видеть из дела губернского секретаря Немчинского, где указ Сената в течение двух лет не был исполнен, тогда как сведения, необходимые для представления в Сенат, в течение этого времени находились в канцелярии начальника губернии; медленность эта продолжается и до последнего времени, как можно видеть из дела об отмене мер, предположенных для истребления волков.

20) В делах по высочайшим повелениям допускалась медленность: исполнение по вступившим бумагам делалось иногда на 11 день; при исполнении же высочайших повелений по двум делам допущена была неточность и некоторого рода произвол, как это можно видеть во 1-х из дела о пособии жителям города Полоцка, пострадавшим от пожара в 1848 году, где предложение генерал-губернатора было без исполнения и без ответа 10-ть месяцев, а требование управляющего министерством внутренних дел удовлетворено только через 2½ месяца; и во 2-х, по делу о разрешенном чиновникам Витебской губернии в 1852 году по случаю неурожая пособии, где таковым пособием воспользовались и такие лица, которые по буквальному смыслу высочайше утвержденного по сему предмету положения Комитета г[оспод] министров, права на него не имели.

21) Казначейская и паспортная часть находится в особенном беспорядке: а) книги велись с большою небрежностью. Правила Общего счетного устава и такого же устава Департамента полиции исполнительный почти вовсе не исполнялись, ибо во 1-х, в книгах много пробелов, подчисток и помарок в суммах, приходные статьи подписью приходо-расходчика не скреплены, остатки сумм, переносимые из года в год, показывались неверно и надлежащею подписью не заверены, означение количества сумм в статьях неверно с означением их в графах, итоги под некоторыми статьями неверны и многие статьи в расходе записаны по два и более раза; во 2-х, в статьях расхода вместо лиц посторонних оказались расписки самого приходо-расходчика и лиц, служащих в канцелярии, а в некоторых статьях расхода вовсе нет расписок получателей, отметок уведомлений мест и лиц противу расходных статей нет, в 3-х, о ежемесячном свидетельстве сумм подписи пра-

вителя канцелярии есть не везде, а подписей начальника губернии нет нигде; в 4-х, суммы пересылочные в приход записывались несвоевременно — спустя месяц и до полугода, а две статьи (1850 и 1851 гг. на 600 руб. сер[ебром]) в приход не были записаны более года, некоторые же статьи вовсе на приход записаны не были и таких незаписанных сумм с 1847 г. по 1-е июня 1853 г. оказалось всего на 25 766 руб. 36 коп. сер[ебром]. Неопределение сумм израсходованных должно быть сделано по точной проверке самых подлинных дел: так, из суммы, не записанной на приход с декабря месяца 1851 г. по 1 июня 1853 г. (9623 руб. 33¼ коп. сер[ебром]), в расход подлинным делам не оказалось 98 руб. 78 коп. сер[ебром], употребление которых по делам не видно и неизвестно, где сумма эта находится.

Подробный учет всей денежной суммы, долженствующей быть в наличности, может определиться только по совершенном окончании действий следственной комиссии, наряженной (по случаю насильственной смерти заведывавшего денежной частью старшего помощника правителя канцелярии Родзевича) для раскрытия всех беспорядков, допущенных в денежной части канцелярии начальника Витебской губернии.

б) денежная отчетность в казенную палату доставляется несвоевременно: за все годы, начиная с 1848-го, таковая отчетность доставлена была только 12 мая 1853 года после многих представлений казенной палаты, после трех предложений генерал-губернатора и после двукратного предписания министра внутренних дел. Но и об отчетности за прежние годы (1838-й, 1845-й) требуемые казенной палатой сведения не доставлены с 1845-го и 1846-го годов.

в) паспорта иностранцам во многих случаях до истечения года не выдавались, а затем, под предлогом минования годового срока, снова требовалось представление гербовой бумаги несмотря на то, что при первоначальном требовании на покупку гербовой бумаги высылались обыкновенно деньги. При выдаче паспортов дворянам было поступаемо произвольно и неосмотрительно: в самоличности просителя, ходатайствующего о выдаче паспорта, никаких удостоверений, ни от полиции, ни от предводителей не требовалось, вследствие чего паспорта могли быть выдаваемы лицам подложным, как и обнаружилось это из дела о выдаче паспорта дворянину Иосифу Щебровскому, по которому оказалось, что паспорт по прошению назвавшего себя Иосифом Щебровским выдан был под расписку Щебровского в марте 1850 г., тогда как Иосиф Щебровский еще в 1848 году умер. Выдача дворянских паспортов из канцелярии начальника губернии прекращена только с мая месяца 1853 г. и предоставлена, согласно ст. 55 Т[ома] XIV уст[ава] о паспорт[ах], губ[ернскому] правлению и полициям городским и земским.

22) Архив канцелярии находится в состоянии весьма неудовлетворительном: все имущество его в точную известность не приведено, ибо: во 1-х, в нем хотя отчасти и отобраны дела нерешенные от решенных для возвращения первых к производству и окончанию в столы, но дела эти, а равно и

составленные им описи не проверены; во 2-х, во многих делах оказались бумаги, не подлежащие к ним подложенные; в 3-х, все дела в архиве не сшиты, не говоря уже о частных описях бумагам, которых ни при одном деле нет; в 4-х, заверения в конце дела о зачислении его конченным также нигде нет; в 5-х, дела в архив сдавались без всякого порядка и формальности и даже без тщательной разборки оных; в 6-х, алфавита делам архивным не составлено, отчего, а равно и от неправильного размещения бумаг по делам происходит большое затруднение, а в некоторых случаях даже невозможность в отыскании справок, необходимых для разрешения дел канцелярии; в 7-х, по начатой в ноябре 1851-го года разборке архива отделены: а) 6212 дел оконченных до 1847 г. для передачи их на хранение в общий губернский архив, но опись оных еще не окончена, и б) 13 382 дела, конченные после 1847 года, а из остальных дел большая часть не разобрана, а некоторые дела просто лежат в груды на полу и ни количество их, ни самое содержание в известность не приведены; и в 8-х, при такой далеко не удовлетворительной и не полной разборке архива оказалось в оном много дел неоконченных и бумаг неисполненных, а при окончательной разборке архива должно открыться еще более дел неоконченных и бумаг неисполненных.

Аттестация чиновников

Правитель канцелярии титулярный советник Шошин в должности состоит с декабря 1851 года и с того времени, т. е. с 1852 г. дела канцелярии начали приводиться в лучший порядок: заведены сперва реестры распорядительные, а потом с 1853 г. и настольные. Человек очень знающий свое дело и трудолюбивый: по делам видно, что весьма многие проекты докладов и бумаг писаны его рукою.

Старший помощник правителя канцелярии Олешкевич судебную часть знает очень хорошо и, заведя судебным столом, может быть полезен при хорошем и строгом * надзоре за ним правителя канцелярии.

Старший помощник правителя канцелярии, не имеющий чина, Самуйло, заведя хозяйственным столом, оказывается виновным в медленности по делу Немчинского, производившемуся по указу Правительствующего сената и по делу, производившемуся по высочайшему повелению о ссуде жителям г. Полоцка, пострадавшим от пожара, в медленном докладе дел об удовлетворении лиц за проезды высочайших особ и в неисправном канцелярском порядке по другим делам.

Младший помощник правителя канцелярии Куксинский, человек очень старательный и аккуратный, хотя небольших способностей, но для производства дел секретных, по видимому, благонадежный, управляет 5-м столом с 1851 года, с которого времени замечен в столе больший порядок — стали заводиться книги и т. д.

* Словосочетание «и строгом» вписано над строкой.

Младший помощник правителя канцелярии, не имеющий чина, де Гейкине — человек аккуратный и при хорошем наблюдении со стороны правителя канцелярии может привести в порядок дела первого стола, ибо они большею частию мелкие.

Третий младший помощник правителя канцелярии губернский секретарь Чирьев управляет статистическим столом только в течение 1850 года, а с 1851 года имеет разного рода поручения о произведении следствий и дознаний: в 1851 году ему дано было начальником губернии два поручения, из которых одно окончено в том же, а другое в следующем году; в 1852-м ему дано было 16 и в 1853-м г. 36 поручений, из которых большая часть еще не кончена, сколько по большому числу их, столько же и по важности поручений, относящихся по большей части к злоупотреблениям римско-католических ксендзов и требующих знания дела и опытности.

Из чиновников особых поручений во время ревизии были только титулярный советник Белов, который в должность эту вступил с 1852 года и с тех пор имеет 14-ть поручений и одно время управлял канцелярией за отсутствием и по болезни правителя оной.

Из остальных чиновников особых поручений ко времени ревизии канцелярии начальника Витебской губернии окончательно определенных не было.

В общем же составе канцелярии начальника губернии нельзя не заметить, что все помощники правителя канцелярии, заведующие столами, держатся системы старого сословия чиновников — быть исключительно необходимым каждому по своей части; поэтому они помощников своих не допускают почти ни до каких дел, ни до составления докладов, и заготовления проектов исполнительных бумаг, а занимают их одною только перепискою для того, чтобы начальника губернии и правителя канцелярии поставить в зависимость от себя и в совершенную невозможность при всяком необходимом случае тотчас заменить столоначальников их помощниками. Злу этому немало содействовал бывший прежде порядок, по которому столоначальники о делах своих докладывали непосредственно начальнику губернии помимо правителя канцелярии.

Старший чиновник .....* Советник (подпись)

Советник Д. Шубин.

НИАБ. Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 25436. — Л. 3—19.

Публікація І. М. Шнілеўскай

Литература и источники

1. Сенаторские ревизии // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. — СПб., 1900. — Т. 29-А. — С. 504—505.

* Слово неразборчиво.

2. Виноградова, Т. В. Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX в.: на материалах Олонечской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.02 / Т. В. Виноградова; Ист.-арх. ин-т Рос. гос. гуманитар. ун-та, Всерос. науч.-исслед. ин-т документо-ведения и арх. дела. — М., 2004. — С. 13.
3. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции: учеб. пособие / Н. П. Ерошкин, Ю. В. Куликов, А. В. Чернов; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. — М., 1965. — 417 с.
4. Дело о ревизии генерал-лейтенантом Ахлестышевым канцелярии начальника Витебской губернии в 1853 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 25436. — Л. 2—19.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 21.04.2010

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ

МЕЖДУНАРОДНЫХ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ

(Методические рекомендации по археографической обработке документов серии сборников «Восстание 1863 г.»)

Парадоксально, но факт: за почти полвека, прошедшие после реализации одного из немногочисленных в 1960-е гг. международных археографических проектов, каким является советско-польская серийная публикация «Восстание 1863 г. Материалы и документы», не появилось сколько-нибудь значительных работ, посвященных изучению организационно-методических аспектов данного предприятия. Укажем лишь на единственную статью одного из участников проекта — члена советской части Главной редакции издания, научного сотрудника Института славяноведения АН СССР И. С. Миллера, освещающую в основном организационные аспекты подготовки издания, и рецензию Н. Н. Улащика, в которой поднимаются проблемы отбора документов для издания и вполне справедливо обращается внимание на неравномерность освещения событий в некоторых томах советской части серии (рецензент, в частности, отмечает, что событиям в Украине, где восстание было выражено слабее, посвящено 2 тома, в то время как центру восстания — Литве — один том)*. Не нашлось места статье об этом международном серийном издании тематического вида и в исторической энциклопедии Беларуси, в отличие от нью-йоркского сборника 1980 г., безусловно важного, но все же имеющего ограниченный вид публикуемых документов характер**.

Попытка дать обзор документальных изданий о восстании, начиная с 1907 г., а также проанализировать, насколько на их характер влияла историографическая традиция, предпринята и в наших статье и монографии***. В их контексте обращается внимание на советско-польскую публикацию, участие в подготовке которой стало хорошей археографической школой для белорусских историков и архивистов.

Напомним, что одни из первых документальных публикаций о восстании 1863—1864 гг. появились в России в связи с его 50-летием. Их составители — попечитель Виленского учебного округа А. В. Белецкий и особенно биограф М. Н. Муравьева — А. И. Миловидов и не пытались скрывать их за-

* Миллер И. С. Восстание 1863 года (Об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов) // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1973. С. 36—48; Улащик Н. Н. Восстание 1863 года. Материалы и документы // Советское славяноведение. 1966. № 4. С. 70—75.

** Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мінск, 1999. Т. 5. С. 450.

*** Шумейко М. Ф. За нашу и вашу свободу? (Историографическая традиция и археографические публикации о восстании 1863—1864 гг.) // Проблемы славяноведения: Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2000. Вып. 1. С. 81—88; Он же. Белорусская археография в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методологии). Минск, 2007. С. 339—341.

казной характер. Так, последний писал в предисловии к первому тому сборника «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края»: «Издание в этом томе материалов Муравьевского музея, относящихся к польскому восстанию 1863—1865 гг., вызывается прежде всего исполнившимся 50-летием этого события, а также появлением по тому же поводу в России и за границей на польском языке многих изданий, тенденциозно освещавших события, имевшие место 50 лет тому назад. Противопоставить произвольным измышлениям авторов таких сочинений объективный документ как основу исторической правды мы считаем вполне своевременным».

Разумеется, пытаясь противопоставить «объективный документ» «произвольным измышлениям авторов», А. И. Миловидов отобрал и прокомментировал соответствующим образом такой корпус исторических источников, который никоим образом не мог составить «основу исторической правды».

В дальнейшем документальные публикации о событиях 1863—1864 гг., появившиеся в Беларуси, США, сводились преимущественно по форме к «изданию документов одного лица», т. е. К. Калиновского, что вполне объяснимо, учитывая масштаб данной личности и роль, которую она сыграла в руководстве восстанием**. Исключение составляет подготовленный польским отделом Инбелкульта и увидевший свет в 1927 г. сборник «Rok 1863 na Minszczyźnie (Materiały archiwum wydziału III w kancelarji cesarskiej)», формально принадлежавший к высшему типу археографической продукции — пофондовым изданиям, — но фактически оказавшийся заложником небрежно проведенной в свое время экспертизы ценности хранившихся в фонде III отделения СЕИВК*** документов, выступавших в качестве объекта публикации, и квалифицировавшийся ввиду этого российскими археографами как яркий образец «археографической безграмотности»****.

Возвращаясь к изданию 1960-х гг., отметим, что инициатива его подготовки исходила от польских историков и архивистов и была обусловлена приближавшимся 100-летним юбилеем восстания. Учитывая международный ха-

* Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию в пределах Северо-Западного края. Ч. 1.: Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 г. по май 1963 г. / Сост. А. И. Миловидов. Вильна, 1913. С. XXIX.

** Перечень важнейших публикаций идейно-творческого наследия К. Калиновского начиная с 1867 г. по 1988 г. приводится Г. В. Киселевым в очерке «Кастусь Каліноўскі, яго час і спадчына» (Каліноўскі К. За нашу вольнасць. Творы, дакументы / Уклад., прадм., паслясл. і камент. Г. Кісялёва. Мінск: Беларускі кнігазбор, 1999. С. 290—292.

*** Собственная его императорского величества канцелярия.

**** Сергеев А. А. Методология и техника публикации документов // Архивное дело. 1932. № 1—2 (30—31). С. 56.

раक्टर последнего и неоднозначные его оценки в прошлом и настоящем, советская сторона не могла не участвовать в этом археографическом проекте.

В соответствии с соглашением о научном сотрудничестве между АН СССР и Польской АН, подписанным 28 марта 1957 г., была создана смешанная советско-польская комиссия для подготовки и издания сборников* документов «**Польское восстание 1863—1864 гг.**» (выделено мною. — *М. III*). В ее состав вошли представители Института славяноведения АН СССР В. Д. Королюк и И. С. Миллер, а также зам. руководителя Главного архивного управления МВД СССР Л. И. Яковлев. Польскую сторону в комиссии представляли сотрудники Института истории ПАН С. Кеневич, Э. Халич и один из руководителей Главной дирекции государственных архивов Польши К. Конарский.

Разработанный комиссией предварительный план издания предполагал, что последнее составит из шести основных разделов:

1. Документы Центрального национального комитета и Национально-го правительства;
2. Русско-польские революционные связи накануне и в ходе восстания;
3. Следственные и судебные дела;
4. Крестьянское движение в Польше;
5. Развитие революционных событий в Польше;
6. Повстанческое движение в Литве, Беларуси и Украине.

Публикация материалов должна была производиться на языке оригинала. По усмотрению публикующей стороны иноязычные документы могли быть снабжены переводом на русский (соответственно польский) языки. Вступительные статьи и перечни документов во всех томах издания должны были публиковаться параллельно на русском и польском языках; легенды для документов из архивохранилищ СССР — на русском, из архивохранилищ Польши — на польском языках**.

В направленном 2 октября 1957 г. Институтом славяноведения АН СССР и ГАУ МВД СССР в адрес АУ МВД БССР информационном письме о плане и организации работы по публикации документов и материалов «Польское восстание 1863—1864 гг.» (к нему прилагались соглашение о совместной работе, инструкция руководителю бригады, работающей по выявлению, проект инструкции по регистрации архивных материалов, образец карточки на выявленные документы) особое внимание обращалось на необходимость учета историографического и архивоведческого факторов при

* В соответствии с основными положениями редакционной подготовки серии в ней не предполагалось применять порядковой нумерации томов. Каждый том должен был представлять собой законченный тематический сборник и иметь научное значение не только как часть серии, но и самостоятельно, что имело особое значение для сборников, готовившихся в Беларуси, Литве и Украине.

** НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 637. Л. 11.

выборе объектов публикации, а также подчеркивалось позитивное значение совместной работы советских (имея в виду белорусских, литовских, российских, украинских) историков и архивистов с их польскими коллегами.

«Нет нужды доказывать, — говорилось в письме, — как велико общественно-политическое значение международных научных связей, в особенности в полном смысле слова совместной работы и совместных изданий. В области исторической науки таких примеров (за исключением несравненно меньшей по масштабу и значимости работы по истории Монгольской Народной Республики) еще не было. Такая совместная работа, при этом работа по истории Польши, имеющая целью выявление традиций совместной революционной борьбы польского и русского народа, — политически важное и нужное дело»*.

Декларируя строго научный характер издания и с удовлетворением отмечая согласие польских коллег следовать разработанным советскими историками критериям и принципам отбора документов для издания, авторы письма вместе с тем указывали, что «в центре внимания должны стать важнейшие проблемы развития прогрессивных идей, революционных связей польского народа и народов СССР, революционной борьбы масс, а не тот круг вопросов, который искусственно выпячивался дворянско-буржуазной националистической историографией Польши и России»**.

Для координации действий академических учреждений Беларуси и Литвы с архивными ведомствами этих республик в плане подготовки двух сборников — Революционный подъем 1861—62 гг. в Литве и Белоруссии и Восстание 1863—64 гг. в Литве и Белоруссии — серии «**Восстание 1863 г.**» (выделено мною. — *М. III*) в 1957—1961 гг. был проведен в Минске и Вильнюсе ряд совещаний с участием историков и архивистов. На них были также рассмотрены и приняты к руководству методические документы, сопровождавшие подготовку документального издания. Это разработанная Институтом славяноведения и изданная ротاپринтным способом в 1958 г. «Инструкция по выявлению и отбору архивных материалов к серии «**История восстания 1863—1864 гг.**» (выделено мною. — *М. III*), а также согласованная советско-польской смешанной комиссией на совещании 15 октября 1960 г. «Памятка о порядке подготовки публикации».

В то же время на проходившем 17—18 мая 1960 г. в Вильнюсе совещании по обсуждению итогов работы над «белорусско-литовскими» сборниками серии «Восстание 1863—1864 гг.» (в нем помимо белорусских и литовских историков и архивистов принимали участие и научные сотрудники Института славяноведения, а также представители союзного архивного ведомства) Архивному отделу Литовской ССР было предложено «сформули-

* НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 637. Л. 3.

** Там же.

ровать замечания по подготовке документов для сборника на основе опыта проделанной работы и составить инструкцию по их археографической обработке^{*}. Эта работа должна была быть завершена до 1 августа 1960 г., с тем чтобы после ее обсуждения и согласования руководствоваться ею. Подготовка инструкции была поручена Г. В. Киселеву, который возглавил группу составителей сборников (в нее вошли по два представителя от Института истории и архивных учреждений Литвы). В конце марта проект инструкции был обсужден на состоявшемся в Вильнюсе совещании. Участники последнего внесли ряд замечаний в нее, в частности, предложив назвать ее памяткой, оговорить в названии, что она будет распространена на все сборники серии и др. С некоторыми из замечаний составитель согласился, другие, как например предложение готовить тексты телеграмм в соответствии с только что опубликованными «Правилами издания документов советского периода» (М., 1960), он считал нецелесообразными, справедливо полагая, что нельзя переносить правила издания документов советского периода на документы другой эпохи^{**}. Возражал составитель и против предложения назвать подготовленный им проект инструкции памяткой, дабы не возникло путаницы с названным точно так же документом, ранее подготовленным и согласованным советско-польской смешанной комиссией (док. № 1). Правда, это возражение не было принято, хотя сам Г. В. Киселев продолжал считать свои методические рекомендации «рабочей инструкцией» (док. № 3).

22 июня 1961 г. Памятка по археографической обработке документов серии сборников «Восстание 1863 г.» (на 18 л., с двумя приложениями), согласованная с Институтом славяноведения, была направлена зам. начальника ГАУ СССР Л. И. Яковлевым на имя начальника АУ при Совете Министров БССР А. И. Азарова «для руководства при подготовке томов серии». В ее основу составитель положил «Правила издания исторических документов» (М., 1955), творчески адаптировав их к подготавливаемой публикации. Заметно, что Памятка носит сугубо прикладной характер: составитель концентрирует внимание на трех разделах Правил — передача текста, составление заголовков и легенд. Однако, в отличие от Правил, излагающих вначале текстологические аспекты, Г. В. Киселев на первое место ставит вопросы составления заголовков, а затем уже — передачи текста и, наконец, составление легенд, что вполне соответствует логике эдиционной работы. Особенно наглядный (и одновременно прикладной) характер имеют приводимые составителем Памятки примеры. Сопровождающие Памятку приложения также носят сугубо прикладной характер. То же самое можно сказать и о справке, дополняющей и уточняющей некоторые положения Памятки.

* НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 637. Л. 149.

** Основой для археографической обработки белорусско-литовских сборников являлись «Правила издания исторических документов» (М., 1955).

Публикуемые ниже документы (центральное место среди них занимает Памятка, подготовленная Г. В. Киселевым) находятся в деле «Материалы по подготовке к изданию сборника документов «Восстание 1863—1864 гг.» (соглашения, инструкции, планы, указания, переписка)» фонда Главархива Беларуси, хранящегося в НАРБ. Они представляют, на наш взгляд, интерес как источник для изучения истории белорусской археографии, а также (что особенно важно!) для исследования методики развития эдиционных приемов, не нашедших отражения в существовавших на то время «Правилах издания исторических документов» (М., 1955; 2-е изд.: М., 1956). С другой стороны, эти документы дают представление о первых (и отметим сразу же таких успешных!) шагах на археографическом поприще известного белорусского ученого Г. В. Киселева (1931—2008), внесшего значительный вклад в изучение белорусской истории, литературоведение, текстологию^{*}.

Документы публикуются с учетом основных положений «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990), а также археографической традиции, существующей в Беларуси. Подчеркнутые авторами документов слова выделены в тексте полужирным шрифтом.

№ 1

Памятка о порядке подготовки публикации, согласованная Советско-польской смешанной комиссией

15 октября 1960 г.^{**}

1. В процессе археографической обработки и подготовки публикации каждая сторона пользуется правилами публикации, принятыми соответственно в СССР (для томов, издаваемых советской стороной) и в Польше (для томов, издаваемых польской стороной).

2. Все документы публикуются на языке оригинала, при этом в томах, публикуемых в СССР, иноязычные документы снабжаются переводом (в соответствии с правилами публикации, принятыми в СССР), в томах же, публикуемых в Польше, перевод будет делаться лишь для документов, написанных на литовском, венгерском и других малоизвестных языках (в соответствии с правилами, принятыми в Польше).

3. Заголовки документов оформляются единообразно по следующему типу: год, месяц, число и место написания документа, вид документа, составитель и адресат, краткое изложение содержания документа.

В отдельных случаях (публикация группы единообразных по типу документов) польская сторона будет применять предусмотренную польскими пра-

* Подробнее об этом см.: ...Пачуць, як лёсу валяцца муры: Памяці Генадзя Кісялёва. Мінск: Лімарыус, 2009; Кісялёў Г. Сейбіты вечнага: артыкулы пра беларускіх пісьменнікаў і дзеячаў рэвалюцыйнага руху 1863 года; Скарынаўская сімвалака: вытокі, традыцыі, інтэрпрэтацыі. Мінск: Мэдысон, 2009.

** Датируется по протоколу заседания Советско-польской смешанной комиссии.

вилами публикации сокращенную форму заголовка, например, при публикации корреспонденции. Заголовок должен набираться полужирным курсивом.

4. Легенды, составленные в соответствии с аналогичными у обеих сторон правилами публикации, помещаются после документа (при развернутом заголовке) или после заголовка (при сокращенном заголовке). Легенды должны набираться петитом.

5. Текст документов набирается корпусом, перевод документов (следует за текстом оригинала)—петитом.

6. Все примечания располагаются внизу соответствующей полосы в следующем порядке:

а) примечания самого документа обозначаются через *, набираются корпусом;

б) текстологические примечания обозначаются порядковыми буквами, цитируемые слова документа набираются прямым петитом, а текст от составителей примечания — курсивным петитом;

в) примечания по содержанию (реальный комментарий) обозначаются порядковыми арабскими цифрами и набираются курсивным петитом.

7. В состав реального комментария не будет вводиться биографический материал об упоминаемых в тексте документов лицах; соответствующий материал будет использован в аннотированных указателях имен.

8. Каждый том издания будет снабжен указателем имен. В зависимости от тематики тома и содержания документов будет решаться вопрос о снабжении отдельных томов издания указателем географических названий, хронологическим указателем (Хроника событий) и т. п.

9. Вступительные статьи и оглавления (перечни опубликованных документов) в каждом томе издания будут публиковаться на русском и польском языках. Для вступительной статьи применяется отдельная (римская) пагинация.

10. В издании будут применяться взаимосогласованные сокращения наименований архивов, элементов легенды и т. п.

НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 637. Л. 185—186. Маши. копия.

№ 2

Памятка по археографической обработке документов серии сборников «Восстание 1863 г.»*

Не позднее 29 августа 1961 г.**

При подготовке к изданию серии сборников «Восстание 1863 г.» следует руководствоваться «Правилами издания исторических документов», выпущенными в 1955 г. Институтом истории АН СССР, Главным архивным управлением и Государственным историко-архивным институтом.

* Заголовок документа.

** Датируется по времени ее поступления в АУ при СМ БССР.

При этом следует иметь в виду:

Заголовки документов

1. Печатаются курсивом. Точка после заголовка не ставится.

2. Дата помещается перед заголовком и отделяется от него точкой с тире. 1863 г. августа 18. —

1861 г. май. —

3. При установлении приблизительной даты желательно определить **двусторонние** хронологические рамки. Например, для документа, подписанного М. Н. Муравьевым, в котором говорится как о живом о Б. Кольшико, такими рамками будут:

1863 г. мая не ранее 13 — не позднее 28*.

Установленную составителями дату необходимо обосновать.

4. Документы датируются старым стилем. Если в документе употребляется датировка нового стиля, в заголовке в скобках приводится дата по новому** стилю. Следует постоянно иметь в виду, что в Царстве Польском был принят григорианский (новый) календарь.

5. При определении разновидности документа следует исходить из классификации документов данного периода. Для эпохи 60-х годов характерны: рапорты, донесения, уведомления (но не сообщения), предписания (но не указания), отношения, воззвания, приказы, указы, прошения (но не заявления), циркуляры, письма и т. д. При этом следует учитывать, как называет себя сам документ.

6. В заголовках, помимо наименования должности, следует указывать фамилии и инициалы авторов и адресатов документов. Воинские звания указываются только в случае отсутствия инициалов и должностного положения упоминаемых в заголовке лиц. Для лиц польского и литовского происхождения указываются фамилия и первая буква имени. Инициалы представляются перед фамилией.

7. Наименования должностей унифицируются, громоздкие названия по возможности сокращаются. Вместо «гражданский губернатор», «начальник губернии», однообразно пишется: «губернатор». (Наименование «военный губернатор» сохраняется.) В отношении часто упоминаемых в заголовках крупнейших должностных лиц (генерал-губернаторов, наместников, министров) наименование должности опускается (за исключением первого упоминания). Например, для сборника «Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии» такими лицами являются прежде всего виленские генерал-губернаторы В. И. Назимов и М. Н. Муравьев. Это правило может быть распростра-

* Датируется по подписи М. Н. Муравьева, вступившего в должность генерал-губернатора 13 мая 1863 г., и по упоминанию о Б. Кольшико, казненного 28 мая 1863 г. (примеч. док.).

** Так в тексте. Очевидно, имелся в виду старый стиль.

нено и на некоторых других царских сановников (П. А. Валуев, В. А. Долгоруков и т. д.).

8. Если из приведенного в заголовке наименования должности автора документа неясно его местонахождение (или если адресат в момент написания письма находился не в месте своего обычного нахождения), в заголовке дополнительно указывается местонахождение автора. Это указание делается по возможности всегда для документов, исходящих из воинских частей, и для частных лиц. Указание на местонахождение помещается между датой и текстом заголовка и отделяется от даты точкой, а от текста заголовка точкой с тире.

9. Географические названия в составе заголовков приводятся в их исторической форме. Критерием должно являться официальное написание этих названий, принятое в то время: гор. Вильно, гор. Шавли, м. Кейданы и т. д. Местонахождение упоминаемых в заголовке деревень поясняется указанием волости и уезда, местонахождение волостей и местечек — указанием уезда. Уездные города приводятся, как правило, без указания губернии. Губернии указываются лишь в самых необходимых случаях. Если после названия населенного пункта следует название волости, уезда или губернии, то последние запятыми не выделяются. Запяты ставятся лишь тогда, когда их отсутствие затрудняет понимание текста. В заголовках следует раскрывать значение польских терминов типа «Литва» и «Русь». Вместо «Литва» следует писать «Литва и Белоруссия», вместо «Русь» — «Украина».

10. Образцы заголовков:

а) 1861 г. ноября 11. — Предписание В. И. Назимова виленскому, ковенскому и гродненскому губернаторам не принимать на должности волостных писарей студентов и учеников гимназий, исключенных из учебных заведений «за участие в беспорядках»

б) 1864 г. февраля 16. — Доклад виленской следственной комиссии М. Н. Муравьеву о результатах расследования деятельности нелегального общества «Пентковичей»

в) 1863 г. февраля 7. — Донесение и. д. минского губернатора Кожевникова (указать инициалы) В. И. Назимову об аресте в м. Городок Минского у. учительницы К. В. Марцинкевич и о влиянии на нее ее отца, белорусского писателя В. И. Дунина-Марцинкевича

г) 1863 г. февраля 7. — Уведомление командующего войсками Киевского военного округа Н. П. Анненкова В. И. Назимову о выезде из Киева студентов в Литву и Белоруссию для вступления в повстанческие отряды

д) 1863 г. февраля 10*. — Ведомость о сословном составе волостных писарей в Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерниях

* Дата сопроводительного письма В. И. Назимова министру внутренних дел П. А. Валуеву.

е) 1863 г. февраля 1. — Манифест «Временного провинциального правительства в Литве и Белоруссии» о равенстве всех сословий и вероисповеданий и безвозмездном наделении крестьян землею

ж) 1863 г. апреля 15 (28)*. — Расписание кассира при повстанческом военном начальнике Шавельского у. П. Оворского о приеме денег в «национальную кассу»

з) 1863 г. марта 29 (апреля 10). — Обращение Национального правительства «К полякам на русской службе», предписывающее оставить ряды царской армии и присоединиться к повстанцам

и) 1863 г. апреля 24. — Правила для образования в западных губерниях сельских вооруженных караулов

к) 1863 г. июня 16. — Телеграмма председателя Казанской следственной комиссии сенатора Жданова (указать инициалы) виленскому губернатору Панютину (указать инициалы) с просьбой направить в Казань документы арестованного Е. Госцевича

л) 1863 г. апреля 16. — Из показаний воспитанника Петербургского строительного училища А. Гродзкого в следственной комиссии кн. А. Ф. Голицына о попытке вывезти из Петербурга оружие для повстанцев

11. В ряде случаев целесообразно выделить группу документов и снабдить их общим заголовком. Заголовки отдельных документов принимают тогда более упрощенный вид:

№№ 25—29

1860 г. сентябрь—декабрь. — Расследование деятельности кружка демократической молодежи в Вильне под руководством В. Витковского

№ 25

Не позднее 1860 г. сентября 9**. — Рукопись В. Витковского «Да возлюбим друг друга»

№ 26

1860 г. сентября 9. — Показание сафьянного подмастерья К. Наркевича о попытках В. Витковского вести революционную агитацию среди ремесленников

№ 27

1860 г. сентября 9. — Акт обыска у В. Витковского

№ 28

1860 г. сентября 17. — Предписание В. И. Назимова о передаче дела В. Витковского в Виленскую следственную комиссию

№ 29

1860 г. декабря 12. — Уведомление В. А. Долгорукова В. И. Назимову о решении Александра II по делу В. Витковского

* Так в документе. Очевидно, имелось в виду: 15 (27).

** Датировано временем обнаружения.

Передача текста документов Примечания и комментарии

12. Документы печатаются, как правило, полностью. В случае необходимости документы могут быть даны в извлечении. При этом заголовок должен начинаться словом «Из...», опущенные части обозначаются отточиями в квадратных скобках с соответствующим пояснением в примечании.

13. Грифы («Спешно», «Конфиденциально», «Секретно» и т. д.) печатаются с прописной буквы прямым шрифтом (без разрядки) под заголовком, справа, отдельной строкой. Точка после грифа не ставится.

14. При публикации телеграмм воспроизводится только текст. Содержание верхней части телеграфного бланка передается в заголовке. Текст дополняется союзами (в квадратных скобках) и знаками препинания.

15. При передаче текста протоколов допросов и определений главного и полевых аудиториатов, написанных по форме с графлением, форму опускать, давая в протоколах допросов ответ вслед за вопросом, а в определениях аудиториатов — воспроизводить четыре графы одну за другой. Аналогичным образом поступать и в других случаях, когда графленая форма может быть опущена без ущерба для передачи содержания документа.

16. Допустима разбивка текста документов на абзацы.

17. Неисправности текста, не имеющие смыслового значения (орфографические ошибки, явные описки и т. п.) устраняются без оговорок, а имеющие смысловое значение с оговоркой в подстрочном примечании. В последнем случае вставки составителей берутся в квадратные скобки.

18. Количественные числа, обозначенные в тексте словами, передаются арабскими цифрами, без падежных окончаний. Однако в листовках и авторских документах сохраняется словесное выражение чисел.

Слова типа «семичасовой», «двухдневный» передаются однообразно буквами, без цифр:

В документе:

2-дневный

2-х дневный

2-хдневный

Следует исправить:

Двухдневный

19. Номерные обозначения всех воинских подразделений, станов, участков, отделов губерний передаются арабскими цифрами без добавления падежных окончаний. Следует проследить за унификацией всех подобных обозначений.

Падежные окончания при обозначении дат не сохраняются, кроме тех случаев, когда число приведено без года и месяца: «1863 г. апреля 27», но «в четверг 19-го»; не сохраняются падежные окончания в сочетаниях типа «19 числа».

20. Знак «№» там, где он не стоит рядом с числом, должен быть заменен словом. Вместо «в этом № газеты» пишется «в этом номере газеты».

21. Прописные буквы употребляются в соответствии с действующими правилами орфографии. Наименования должностных лиц пишутся со строчной буквы, если даже они начинаются с географического признака. Первое слово названия учреждения пишется с прописной буквы, если подразумевается одно, конкретное, данное учреждение. Если в состав наименования должностного лица входит название территориальной единицы или учреждения, первое слово названия этой единицы или учреждения пишется с прописной буквы:

а) виленский губернатор

б) начальник Виленской губернии

в) Виленская палата государственных имуществ, Палата государственных имуществ (если имеется в виду именно эта, например, Виленская), но: палаты государственных имуществ (во множественном числе)

г) попечитель Виленского учебного округа

д) командующий войсками Виленского военного округа

е) свенцянский уездный исправник

Обращения «Вы» в личных документах пишется с прописной буквы, в официальных — со строчной.

22. В текст должны быть введены в строго унифицированном порядке сокращения в соответствии с приложенным к настоящей памятке списком. Остальные сокращения должны быть раскрыты. Квадратные скобки при раскрытии более употребительных сокращений не применяются.

23. Подписи печатаются тем же (прямым) шрифтом, что и тексты документов. Точка после подписи не ставится. В случае неразборчивости подписи это отмечается в подстрочном примечании.

24. Все примечания располагаются внизу соответствующей полосы в следующем порядке:

а) примечания самого документа — обозначаются «звездочками»

б) текстологические примечания — обозначаются буквами

в) примечания по содержанию (реальный комментарий) — обозначаются арабскими цифрами.

25. Составители должны обратить особое внимание на резолюции и пометы, имеющиеся на документе. Не публикуются, как правило, делопроизводственные резолюции и пометы, как «в дело», «к сведению» и т. д. Но в отдельных случаях (если дело касается важнейших документов) могут быть опубликованы даже и эти пометы.

Таков же подход и к остальным примечаниям: все слова составителей печатаются курсивом, слова документа — прямым шрифтом без кавычек.

26. В процессе археографической обработки документов составители готовят реальный комментарий текста документов. При этом следует учесть, что в состав реального комментария не будет вводиться биографи-

ческий материал об упоминаемых в тексте документов лицах; соответствующие сведения будут помещены в аннотированном именном указателе.

27. Все встречающиеся в тексте документов и заголовков фамилии и географические названия составители берут на учет (на карточки) и проверяют правильность их написания по другим документам и печатным изданиям. В отношении лиц выясняется (по возможности): имя и отчество, годы рождения и смерти, род занятий, служебное положение и политическая характеристика. Относительно населенных пунктов выясняются их нынешние названия. Эта картотека преследует две цели:

а) поможет устранить разнобой в написании фамилий и географических названий;

б) в последующем послужит основой для именного и географического указателей.

28. Тексты на иностранных языках и языках народов СССР даются сначала на языке оригинала, а затем в переводе на русский язык. Заголовки и примечания — только на русском языке.

Легенды

29. Шифры документов должны быть унифицированными и содержать лишь минимум данных, необходимых для отыскания документа. Этот минимум выясняется по каждому архивному фонду отдельно (по одним фондам достаточно указать год дела, номер описи указывать не нужно, по другим наоборот — можно ограничиться указанием номера описи). В шифрах даются номерные обозначения фондов.

Следует применять строго единообразные сокращения названий архивохранилищ: ЦГИАМ, ЦГИАЛ, ЦГВИА, ЦГИА УССР (Киев), ЦГИА УССР (Львов), ЦГИА Лит. ССР, ЦГИА БССР (Могилев), ЦГИА БССР (Гродно), ГИАМО (Государственный исторический архив Московской обл.), ГАМО (Государственный архив Минской обл.) и т. д.

30. Для обозначения подлинности или копийности документа применяются следующие выражения:

- а) Подлинник
- б) Автограф (подлинник авторского документа)
- в) Копия
- г) Заверенная копия
- д) Отпуск (копия документа, остающаяся в учреждении после отсылки подлинника адресату)
- е) Отпуск — черновик
- ж) Черновик
- з) Телеграфный бланк
- и) Дешифрованный текст
- к) Гектографский оттиск
- л) Типографский оттиск

м) Литографский оттиск

Слово «Рукопись» в легенде не применять.

31. Легенда печатается курсивом в следующей последовательности элементов:

Шифр, указание на подлинность; далее с новой строки — справки о всех прежних публикациях документа.

Инструкция составлена ст. научным сотрудником АУ при СМ Лит. ССР Г. В. Киселевым.

Приложение: список сокращений и проект инструкции по составлению указателя имен в томах издания источников по истории восстания 1863 г.

Приложение № 1 к док. № 2

Список сокращений для текста, заголовков, примечаний и указателей

- б. — бывший
- в. б. — ваше благородие
- в. вб. — ваше высокоблагородие
- в. вп. — ваше высокопревосходительство
- в. и. в. — ваше императорское величество
- в. и. выс. — ваше императорское высочество
- в. кн. — великий князь
- вол. — волесть (только после названия, во множественном числе не сокращается)
- в. п. — ваше превосходительство
- вр. — временно, временный (только перед наименованием должности)
- вр. и. д. — временно исполняющий должность
- вып. — выпуск (о книгах)
- в. св. — ваша светлость
- в. с. — ваше сиятельство
- г. — год, господин («год» только после числа: «господин» — только перед фамилией)
- газ. — газета (только перед названием; во множественном числе не сокращается)
- гг. — года, господа (см. примечание к «г»)
- ген. — генерал (только перед фамилией и в сложных словах)
- г-жа — госпожа (только перед фамилией)
- гм. — гмина — в указателях (только после или перед названием; во множественном числе не сокращается)
- гор. — город (см. примечание к «газ.»)
- губ. — губерния (см. примечание к «вол.»)
- д. — дело, дом (только перед числом)
- дер. — деревня (см. примечание к «газ.»)
- дес. — десятины (только после числа)

док. — документ (только в примечаниях перед номером документа, во множественном числе не сокращается)

д. с. с. — действительный статский советник

д. т. с. — действительный тайный советник

е. б. — его благородие

е. вб. — его высокоблагородие

е. вп. — его высокопревосходительство

е. и. в. — его императорское величество

е. и. выс. — его императорское высочество

е. п. — его превосходительство

ж. д. — железная дорога (см. примечание к «вол.»)

заст. — застенок — в указателях (см. примечание к «газ.»)

и. д. — исправляющий должность

и др. — и другие (сокращается только в конце предложения; в оборотах типа: «и другие губернии» — не сокращается)

изд. — издание

им. — имение (см. примечание к «газ.»)

и. о. — исполняющий обязанности

и пр. — и прочие (см. примечание к «и др.»)

и т. д. — и так далее

и т. п. — и тому подобное (см. примечание к «и др.»)

кв. — квартира (только перед номером квартиры или фамилией квартиросъемщика)

кн. — книга (только перед номером книги)

кн. — князь, княгиня (только перед фамилией)

коп. — копейка, копейки (только после чисел)

кр. — крепость

кс. — ксендз (только перед фамилией)

Л. — Ленинград (в выходных данных печатных изданий)

л. — лист (только перед номером)

л.-гв. — лейб-гвардии (только перед наименованием подразделений)

лл. — листы (только перед номерами)

М. — Москва (в выходных данных печатных изданий)

м. — местечко (см. примечание к «газ.»)

м. г. — милостивый государь

мин. — минута, минуты (только после числа)

млн. — миллион (только после числа)

н. ст. — нового стиля

об. — оборот (применительно к листу)

о-в — остров (см. примечание к «газ.»)

оз. — озеро (см. примечание к «газ.»)

оп. — описание (только перед номером)

п. — пункт (только перед или после номера)

пер. — переулок (см. примечание к «газ.»)

пп. — пункты (см. примечание к «п.»)

р. — река (см. примечание к «газ.»)

руб. — рубль, рубли (только после числа)

с. — село (см. примечание к «газ.»)

саж. — сажени (только после числа)

сб. — сборник (в примечаниях)

св. — святой (в культовых терминах)

с. г. — сего года

сел. — селение (см. примечание к «газ.»)

см. — смотри (в примечаниях)

соч. — сочинения (в примечаниях)

ст. — статья (см. примечание к «п.»)

ст. — станция (см. примечание к «газ.»)

стр. — страница, страницы (только перед номером)

ст. ст. — статьи (см. примечание к «п.»)

ст. ст. — старого стиля

т. — том (см. примечание к «п.»)

т. е. — то есть

т. с. — тайный советник

у. — уезд (см. примечание к «вол.»)

ул. — улица (см. примечание к «гм.»)

ф. — фонд (только перед номером)

фольв. — фольварк — в указателях (см. примечание к «газ.»)

ч. — часть (о книгах и т. д.)

час. — часы (только после числа)

экз. — экземпляр, экземпляры (только после числа и в примечаниях)

яз. — язык (только в примечаниях после названия языка; во множественном числе не сокращается).

Приложение № 2 к док. № 2

Проект инструкции по составлению указателя имен в томах издания источников по истории восстания 1863 г.

Указатель должен содержать краткие биографические данные, дающие ключ к раскрытию роли различных лиц в тех событиях, которые составляют тему каждого тома.

Указатель включает в себя следующие сведения:

1. Фамилию и имя; для русских, украинцев и белорусов — фамилию, имя и отчество.

Фамилию поляков в русских указателях и соответственно фамилии русских, украинцев и белорусов в польских указателях приводятся в транскрипции в скобках. В скобках же приводятся различные варианты написания

ния фамилий, встречающихся в документах данного тома. Для замужних женщин девичьи фамилии указываются только тогда, когда они встречаются в тексте. Эти фамилии даются в указателе самостоятельно и снабжаются ссылкой на фамилию мужа.

2. Годы рождения и смерти. В случае невозможности установить точно одну из дат следует ставить прочерк.

3. Псевдонимы, встречающиеся в тексте (сокращенно: псевд.), указываются отдельно с отсылкой к фамилии.

4. Титул (сокращенно), происхождение и общественное положение. Для лиц, занимающих определенную должность в повстанческой гражданской и военной организациях, а также для чинов царской администрации по мере возможности следует указывать должности, которые они занимали в период, относящийся к публикуемым материалам.

5. Очень краткая информация о политической деятельности накануне восстания.

6. Роль данного лица в период восстания: краткое изложение важнейших фактов, в случае необходимости указывается принадлежность к политической партии или политическая ориентация. Для лиц, встречающихся эпизодически, достаточно указания места жительства (например, «крестьянин из деревни В.», «купец из города Н.») или службы («партизан из отряда Лангевича», «офицер такого-то полка» и т. п.).

7. Дальнейшая судьба данного лица, указать вкратце: погиб, казнен, сослан, эмигрировал и т. п. (по мере возможности с указанием дат). Это не касается представителей царской администрации, кроме тех случаев, когда их последующая карьера заслуживает специального упоминания.

Пункты 5—7 не распространяются на лиц, широко известных (указанных в настольных энциклопедиях) и не связанных непосредственно с восстанием, и лиц, живших в другие эпохи.

Пункт 5 и особенно 6 могут быть несколько расширены в отношении лиц, менее известных, но сыгравших важную роль в событиях, отраженных в данном томе. Касается это в первую очередь сведений, взятых из рукописных источников, не публикуемых в данном издании. В таком случае надо дать краткую ссылку на источники.

Фамилии авторов трудов выделяются курсивом и не снабжаются аннотациями (проставляется только имя).

В том случае, когда автор фигурирует и как участник событий, его фамилия комментируется в указателе, а страницы, на которых он упоминается только как автор, выделяются курсивом.

НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 637. Л. 240—257. Маши. копия.

№ 3

**Справка Г. В. Киселева о некоторых деталях
археографического оформления сборника
«Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—62 гг.»**

18 августа 1962 г.

В ходе работы над тремя первыми разделами сборника нами допущены следующие отклонения от рабочей инструкции:

1. При обозначении в заголовке местонахождения *автора** наименования населенного пункта, согласно инструкции, должно было отделяться от даты точкой. Мы заменили ее запятой, поскольку точка в некоторых случаях мешает восприятию текста:

1862 г. июня 27, м. Сморгонь...

2. В конце легенды мы ставили точку, хотя инструкция предусматривала в этом случае отсутствие знака препинания. Считаем точку более целесообразной.

В плане окончательной доработки рукописи обращаем внимание на следующие моменты:

1) Курсив в примечаниях нами не обозначен.

2) После знаков ссылки у нас повсюду скобки, которые не должны попадать в типографский текст.

3) Арабская единица во многих случаях передается римской единицей. Два слова о терминологии:

1) «Отношение», по моему мнению, — наиболее общее наименование для всякого рода документов, направляемых друг другу должностными лицами равного ранга или не подчиненными один другому. Если в «отношении» только сообщаются факты и не содержится просьб, предложений и т. п., я называю такое «отношение» — «уведомлением». В противном случае оставляется термин «отношение».

2) К гимназ, которые пелись в 1861—62 гг. в Литве и Белоруссии, мы применяем в основном термин «запрещенные гимны» или «запрещенный гимн». Другие возможные обозначения: «революционный», «патриотический», «польский патриотический» — считаем хуже, потому что «патриотический» вызывает дополнительные вопросы, а «революционный» и «польский патриотический» не соответствуют сложности событий.

О некоторых отличиях обработки вильнюсских и минских разделов:

1) В заголовках вильнюсских разделов всюду пишется «губернский жандармский штаб-офицер», у минчан — «губернский» всюду опущено. За основу можно принять и то и другое.

2) Минчане, в соответствии с инструкцией, не ставили после легенды точки. Считаем, что с точкой лучше (но не настаиваем).

* Исправлено автором от руки вместо зачеркнутого адресата.

3) При указании изданий, в которых документы публиковались, минчане начинали обозначение издания со слова «Сб.» («Сборник»): «Сб.: «Крестьянское движение...». У вильнюсцев «Сб.» нет. За основу можно принять и то и другое.

4) Минчане сокращали слово «графиня», хотя по инструкции сокращается только «граф», поскольку, скажем, в сокращении «гр. Плятер» теряется пол. Можно принять компромиссное решение и сокращать «графиню», когда пол не теряется.

Г. В. Киселев

НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 637. Л. 313—314. Маши. автограф.

Публікацыя М. Ф. Шумейкі

Артыкул наступіў у рэдакцыю 13.05.2010

ПОСТАЦІ

М. Ф. Шумейка

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ: К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

А. В. ВОРОБЬЕВА (21.02.1930—4.06.2006)

21 февраля 2010 г. исполнилось бы 80 лет со дня рождения белорусского историка-архивиста, первого директора БГАНТД Александра Васильевича Воробьева (1930—2006), по праву считающегося «основателем архивной династии»*. Накануне, 19 февраля 2010 г., в НАРБ состоялся вечер его памяти, организованный по инициативе хозяина места проведения вечера и архива научно-технической документации, с которыми связана почти вся трудовая деятельность А. В. Воробьева**. На нем выступали коллеги и ученики Александра Васильевича, руководители архивной отрасли республики, его родные и близкие, — одним словом, все те, кому довелось испытать на себе радость от общения с этим обаятельным человеком, высококлассным специалистом своего дела, светлой личностью.

В очередной раз предпринимая попытку раскрыть феномен этого человека, ловлю себя на мысли, что, с одной стороны, мне известно очень многое о нем, прежде всего, как о профессионале, одном из руководителей архивного дела в Беларуси во второй половине XX в., но, с другой стороны, совершенно неизвестными остаются многие аспекты его архивной деятельности, особенно в части, связанной с первыми шагами Александра Васильевича на архивной стезе.

Какими источниками, дающими представление о многогранной научно-организационной и конкретно-практической деятельности Воробьева-архивиста, располагаем мы сегодня? В первую очередь, делопроизводственные документы тех архивных органов и учреждений, в которых он работал или которые возглавлял, отразившие основные этапы карьерного роста А. В. Воробьева; во-вторых, составляющие его личный архивный фонд документы личного происхождения, существенным образом дополняющие, конкретизирующие, поясняющие первую группу источников [1]; и, наконец, в-третьих, личные воспоминания людей, с ним учившихся, работавших, знавших его по неформальным общениям. Автор настоящей статьи имел счастье принадлежать к числу носителей такой информации, поэтому в дальнейшем он будет ссылаться на нее без цитирования источника.

* Именно так — «Основатель архивной династии» — названа наша статья, помещенная в выпуске 8 «БАШ» (Минск, 2007) и посвященная памяти Александра Васильевича Воробьева.

** Информация об этом публиковалась во 2-м номере белорусского журнала «Архивы и делопроизводство» и в 3-м номере его российского аналога — журнале «Отечественные архивы».

Заранее приносим извинения читателям настоящего издания за возможное излишнее присутствие в статье личностного момента. Однако, как нам представляется, было бы не совсем правильным говорить о таком ярком, эмоциональном, импульсивном человеке, каким был Александр Васильевич, лишь языком официальных, бесстрастных, порой сухих (хотя по сути своей, конечно же, верных!) документов, без привнесения субъективной окраски.

Архивный биобиблиографический справочник зафиксировал совсем немного работ Воробьева-архивиста, имеющих научный, методический, справочный характер [2]. Действительно, Александр Васильевич не был кабинетным ученым, предпочитая теоретизированию в сфере архивоведения (чем, кстати, нередко грешат современные историки, ни дня не работавшие в качестве штатных сотрудников государственных архивов) конкретную, практическую работу—по описанию ли архивных материалов, переработке архивных описей, перефондированию и т. п. Это была его стихия; надо было видеть, с каким вдохновением и даже упоением занимался он такого рода работой, вполне отдавая себе отчет в том, что ее результаты останутся скрытыми в архивной тиши, а его фамилия не будет фигурировать в числе авторов престижных исторических, архивоведческих, археографических изданий. Однако это не смущало его. Будучи архивистом что называется «до мозга костей», он прекрасно понимал: как после литератора «написане застаецца», так и после него останется то, что мог сделать только он.

А сделал он немало, как в сфере лишь недавно начавшего формироваться архивного права (чего стоит одно его участие в разработке проекта первого архивного закона Беларуси!), так и в деле интеграции фондов и научно-справочного аппарата бывшего центрального партийного архива в структуру НАРБ. Не будучи специалистом в области партийного строительства, Александр Васильевич, тем не менее, где-то интуитивно, где-то с учетом основательного базового образования, а также накопленного огромного опыта практика-архивиста, безошибочно выбирал наиболее эффективные пути решения крайне сложной проблемы интеграции двух важнейших архивных комплексов, до 1990-х гг. принадлежавших к разным архивным фондам (государственному и партийному) одного государства. При этом он, как и работник самой гуманной в мире профессии, всегда руководствовался принципом «Не навреди!». Участвуя ли в проведении экспертизы ценности документов, создании объединенных архивных фондов, пересоставляя и редактируя ли описи архивных дел, А. В. Воробьев, как мне представляется, всегда думал о тех, ради кого он все это делал — о пользователях содержавшейся в архивных документах информации, своих коллегах — сотрудниках архива или исследователях, каждодневно заполняющих его читальный зал. Он действовал сродни футурологу, пытающемуся заглянуть в будущее: а не случится ли так, что сегодня кажущиеся незначительными или малозначительными документы, через десятилетия (а может, и столетия!) станут весьма востребованными, уни-

кальными историческими источниками. С учетом данного обстоятельства, вероятно, полагал он, от того, насколько верно будут расставлены знаки препинания в знакомой каждому практику-архивисту формуле «хранить нельзя уничтожить», зависит жизнь или смерть архивных документов.

Традиционалист-консерватор (в хорошем смысле этого слова), Александр Васильевич еще со студенческой скамьи твердо усвоил неизменное правило, которым руководствовались его предшественники, в частности, выдающийся архивист, управляющий Московским архивом Министерства юстиции академик Н. В. Калачов, проводя экспертизу ценности документов: «лучше оставить на хранение десять ненужных документов, чем уничтожить один нужный». Ссылку на это правило, которую делал А. В. Воробьев, работая ли со студентами-практикантами историко-архивного отделения исторического факультета БГУ или с коллегами-архивистами, автору настоящей статьи приходилось слышать неоднократно. Причем делал он это весьма деликатно, ненавязчиво, без менторства.

Вообще, он был, действительно, весьма скромным, деликатным человеком как в отношениях с подчиненными, так и с родными и близкими, друзьями и знакомыми. В то же время не лишенный чувства юмора, он всегда находил нужное слово, чтобы поддержать неуверенного в себе, а когда надо — и указать на дверь слишком самоуверенному, а то и зарвавшемуся хаму и наглецу. И делал все это он изысканно, виртуозно, находя нужные присловья и поговорки, но при этом не злоупотребляя последними. У него, как говорится, «каждое лыко было в строку». О его выражении «холера ясная!», несколько неожиданным для него, типичного «русака», уроженца Подмоскovie, до сих пор вспоминают ветераны архивного дела — москвичи, с которыми часто общался Александр Васильевич.

Так случилось, что в течение более чем двух десятилетий мы жили с ним в одном районе Минска, даже на соседних улицах. Разумеется, часто встречались, разговаривали. Его «летающую» походку нельзя было спутать ни с какой иной: так ходить, точнее — летать, мог только он, Александр Васильевич Воробьев. Со временем поседела и поредела его пышная шевелюра, но не изменилась его стремительная походка.

Он был заботливым мужем, нежным отцом и дедом. Преждевременная смерть горячо любимой жены Тамары Анатольевны Воробьевой (в девичестве Шукиной) (1932—1999), с которой он прошел рука об руку по жизни почти полвека, приехав в 1955 г. в Минск после окончания Московского историко-архивного института, подкосила его. Вспоминаю, как незадолго до ее кончины, возвращаясь с какого-то неформального мероприятия, Александр Васильевич поделился со мной своей глубокой болью, сказав примерно следующее: «Наверное, Тамара скоро уйдет...».

Он пережил ее на семь лет, почти до последних своих дней оставаясь в «архивном строю». Так случилось, что о кончине Александра Васильевича

я узнал в день похорон и не смог проститься с ним. А может, оно и к лучшему: присутствовавшие на похоронах передавали позже, как до неузнаваемости изменился он. Для меня же он навсегда останется таким, каким я его знал в жизни — обаятельным, моложавым, постоянно спешащим человеком, любившим людей и пользовавшимся любовью с их стороны.

Л и т е р а т у р а

1. Не без удовлетворения отмечаем, что сбылось наше пожелание, высказанное в вышеупомянутой статье «Основатель архивной династии», о целесообразности создания в НАРБ личного архивного фонда А. В. Воробьева. См.: Фонды и коллекции документов личного происхождения в государственных архивах Республики Беларусь: Краткий справочник / сост. Т. И. Седляевич. Минск: БелНИИДАД, 2009. С. 11—12.
2. Архівісты Беларусі: Біябібліяграфічны даведнік. Мінск: БелНДДАС, 2006. С. 79—80.

— ◇ —

Д. В. Карев

Э. М. САВИЦКИЙ — ИСТОРИК, АРХИВИСТ, ПЕДАГОГ

В жизни иных людей юбилейные даты не оставляют других ассоциаций, кроме ощущений быстротекущего времени. Для юбиляра, чья жизнь была наполнена трудом, творчеством, радостью открытий, юбилейная дата — лишь время подведения промежуточных итогов, осмысления пройденного пути. К таким людям относится и профессор, доктор исторических наук Эдуард Михайлович Савицкий. Уроженец Белорусского Полесья (Буда-Кошелево Гомельской обл.) с 1954 г. он по существу определил главную линию своей профессиональной судьбы, поступив в Московский государственный историко-архивный институт и навсегда связав свою дальнейшую биографию с историей и архивами.

После окончания (1959 г.) МГИИИ он прошел практически все возможные ступени в архивных ведомствах республики. С августа 1959 г. — научный сотрудник, с января 1964 г. — зам. директора по научной работе ЦГИА БССР в г. Минске. После девятилетней работы на различных должностях в архивной отрасли, защиты в 1968 г. кандидатской диссертации «Революционное движение в Беларуси в годы Первой мировой войны и Второй русской революции (июль 1914 г. — март 1917 г.)» последовала работа редактором, заведующим редакцией истории Беларуси издательства «Белорусская Советская Энциклопедия». С 1973 г. Эдуард Михайлович — научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора, а с 1977 г. — Института истории АН БССР. В 1980-е гг. реализуются и профессиональные качества ученого как педагога. С 1982 г. он преподает в должности доцента в Белорусском государственном институте народного хозяйства имени В. Куйбышева, с 1987 г. — в Минском государственном медицинском институте. Полученный богатый практический опыт, высокий профессионализм и организаторские способности были вновь востребованы архивным ведомством

республики в переломные для нее 1990-е гг. В апреле 1990 г. Э. М. Савицкий был назначен заместителем начальника Главного архивного управления при Совете Министров БССР, с 1992 г. — Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь, с сентября 1994 г. — Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь (с подчинением Администрации Президента Республики Беларусь). Являясь заместителем председателя Комитета по науке, Э. М. Савицкий принимал самое деятельное участие в подготовке нормативно-правовых актов по архивам и делопроизводству суверенной Беларуси. Так, он возглавлял комиссию по разработке первого Закона Республики Беларусь «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь», много времени уделял созданию «Основных правил работы государственных архивов Республики Беларусь», лично разработал «Положение о страховании документов НАФ Республики Беларусь», «Положение о денежной оценке документов НАФ Республики Беларусь» и др. В период работы в Комитете по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь Эдуард Михайлович смог защитить и докторскую диссертацию по истории рабочего движения в Беларуси в 1907—1917 гг. (1992). Отметим, что обе диссертации Эдуарда Михайловича полностью изданы отдельными монографиями.

Особая страница в трудовой биографии юбиляра связана с БелНИИДАД. Он стоял у истоков создания этого первого в Беларуси научно-исследовательского учреждения, был его куратором, возглавлял Специализированный совет по защите кандидатских диссертаций при БелНИИДАД. Одновременно со второй половины 1990-х гг. и до начала XXI в. Эдуард Михайлович являлся членом Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Белорусском государственном университете. Ученый и нынешний юбилей отмечает в БелНИИДАД. Здесь он возглавляет группу сотрудников по подготовке справочника «Органы государственной власти Республики Беларусь. 2001—2008 гг.», является главным редактором «Беларускага археаграфічнага штогодніка», первым заместителем председателя Археографической комиссии Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, председателем бюро этой комиссии.

Основные направления научной деятельности Э. М. Савицкого в эти годы — история рабочего класса и крестьянства, общественно-политическое и революционное движение в Беларуси в конце XIX — начале XX в., история населенных мест, памятники истории и культуры на территории Беларуси, проблемы теории и практики архивоведения и др. Им также подготовлено и издано несколько документальных сборников. Общее количество научных работ, опубликованных Э. М. Савицким за плодотворный период его многолетней научной, педагогической и управленческой деятельности, насчитывает более 170 названий.

Высокопрофессиональный исследователь, один из авторитетных руководителей архивной службы Беларуси, Э. М. Савицкий всегда был и остается открытым к новым творческим идеям, доброжелательному человеческому общению с коллегами по работе и научной молодежью. Хотелось бы от души пожелать ему на долгие годы не только крепкого здоровья, но и радости новых профессиональных открытий.

Л и т е р а т у р а

1. Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы: Да 10-годдзя ўтварэння. — Мінск, 2001.
2. Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы: Бібліяграфічны паказальнік (1997—2001). — Мінск, 2001.
3. Смальянінаў М. Савіцкі Э. М. // ЭГБ. — Мінск, 2001. — Т. 6. — Ч. 1. — С. 200—201.
4. Вараб'ёва К. У. Савіцкі Эдуард Міхайлавіч // Архівісты Беларусі: Біябібліяграфічны даведнік. — Мінск, 2006. — С. 190—192.

— ◇ —

Е. А. Макаренко

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О ЛИХТЕНШТЕЙН ГАЛИНЕ НИКОЛАЕВНЕ

Очень важно в любом коллективе иметь людей-маяков, тех, чей большой опыт является мерилком компетентности и профессионализма и для молодых, только что поступивших на работу сотрудников, и для искушенных специалистов. В Национальном архиве Республики Беларусь таким человеком является ведущий научный сотрудник отдела информационно-поисковых систем Галина Николаевна Лихтенштейн, проработавшая в сфере архивного дела более 40 лет. Пожалуй, нет такого вопроса, на который она не смогла бы дать ответ. Всегда выслушает, поймет, поддержит добрым словом и мудрым советом.

Галина Николаевна в 1962 г. окончила исторический факультет Белорусского государственного университета. Трудовую деятельность начала воспитателем детского сада города Минска, а с 1969 г. — в Центральном государственном архиве Октябрьской революции БССР (современный НАРБ), где прошла путь от младшего научного сотрудника до заведующей отделом обеспечения сохранности документов и фондов. С 2000 г. — ведущий научный сотрудник отдела информационно-поисковых систем архива.

Сфера профессиональных интересов Галины Николаевны Лихтенштейн широка и разнообразна: она участвует в научно-исследовательской работе архива, разрабатывает нормативно-методические документы, много внимания уделяет вопросам обеспечения сохранности, учета и научно-справочного аппарата, отбора документов на государственное хранение.

Начиная практически с нуля, она своими знаниями и опытом «вспахала» целину архивного дела в области организации учета документов различных видов, методики организации их хранения, и преемственности с ав-

томатизированным учетом. Сегодня, в XXI в., ее идеи воплощены в жизнь: налажен автоматизированный учет всех фондов архива.

Галина Николаевна разработала план мероприятий по созданию централизованной системы учета фондов Национального архива Республики Беларусь и совершенствованию научно-справочного аппарата к документам бывшего Центрального партийного архива КПБ, подготовила методические рекомендации по созданию объединенных архивных фондов из малообъемных фондов подпольных партийных и комсомольских организаций и партизанских формирований 1941—1944 гг. Самостоятельно и в соавторстве подготовила 15 методических рекомендаций по упорядочению учета фондов. Является членом дирекции архива и экспертно-методической комиссии.

Отмечая несомненные достижения Галины Николаевны Лихтенштейн в области обеспечения сохранности, комплектования и организации учета документов Национального архивного фонда Республики Беларусь, Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь в 2006 г. наградила ее нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі».

За многолетний и добросовестный труд Галина Николаевна неоднократно награждалась Почетными грамотами Главного архивного управления СССР и ЦК профсоюзов, за высокие показатели в работе более 8 раз была отмечена благодарностями и премиями.

Галина Николаевна — личность необыкновенно многогранная. В ней удивительно гармонично сочетаются, с одной стороны, демократичность, доброжелательность, житейская мудрость, заинтересованность и уважительное отношение к людям, с другой стороны — решительность, принципиальность к любым проявлениям несправедливости и непорядочности.

В январе 2010 г. Галина Николаевна Лихтенштейн отметила свой 70-летний юбилей. Архивисты Национального архива Республики Беларусь от души поздравляют юбиляра со знаменательной датой и желают осуществления всех ее многочисленных творческих планов.

— ◇ —

Т. Г. Воронава

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Ф. МАРКОВОЙ

В январе нынешнего года отдел научного использования документов и информации НАРБ отметил юбилей своего старейшего сотрудника Аллы Федоровны Марковой.

Родилась она на Гомельщине в г. п. Тереховка в 1940 г. в семье служащих. О людях, рожденных накануне войны, говорят «дети войны». А для Аллы Федоровны тема войны в судьбах людей стала еще и делом жизни. В 1960 г. она начинает работать архивариусом в Партийном архиве Института истории партии при ЦК КПБ. В 1969-м заканчивает исторический факультет БГУ.

Становление ее как специалиста происходит в секторе научной разработки материалов по истории партизанского движения в Беларуси периода Великой Отечественной войны. С 1968 г. она активно сотрудничает с БелСЭ, в которой опубликовала более 70 научных статей по вопросам организационной структуры партизанских соединений, бригад, отрядов, их личного состава и боевой деятельности. Принимала участие в составлении и издании сборника воспоминаний «Партийное подполье в Белоруссии. 1941—1944. Страницы воспоминаний. Витебская, Могилевская, Гомельская, Полесская области». Один из авторов карт дислокации партизанских формирований в 1942—1944 гг. для 1-го и 2-го томов коллективной монографии «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны».

В период работы в партархиве Алла Федоровна много занимается рецензированием книг, статей, телесценариев на тему Великой Отечественной войны. Пишет отзывы на рукописи А. А. Погорелова «Жыццё — як легенда», С. А. Прокочика «Их было девятнадцать», Г. И. Геродника «Поплачем и посмеемся», В. Э. Шмоди «Маршрутами народной славы».

В 1995 г., когда документы архива Института истории партии передаются в НАРБ, А. Ф. Маркова остается верной своей профессии и теме войны. Вот уже 15 лет она — ведущий научный сотрудник отдела научного использования документов и информации Национального архива Республики Беларусь. Занимается исполнением запросов по партизанскому и подпольному движению в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Высокий профессионализм и глубокие знания по теме дают ей возможность исполнять работу не только в целом, но и внимательно относиться к деталям. Десятки сотен людей благодаря скрупулезному труду А. Ф. Марковой узнали факты партизанской биографии, места захоронения своих родных и близких. Несколько лет, в силу сложившейся производственной необходимости в отделе, Алла Федоровна работала в читальном зале архива. Ее ответственность и инициативность здесь также проявились в полной мере. Щедро делиась знаниями с пользователями архива, она всегда настойчиво направляла их в русло всестороннего и объективного использования документального достояния страны. В год 65-летия Великой Победы, когда тематика Великой Отечественной войны наиболее востребована, творческий подход к работе Аллы Федоровны помог отделу справиться с огромным объемом работы. Свой профессиональный опыт она охотно передает молодым сотрудникам отдела. Всегда сохраняет оптимизм, выдержку и позитивное отношение к коллегам.

У А. Ф. Марковой богатый жизненный опыт. Есть очень интересное хобби — вышивание лентами. Ее во всем поддерживают дочери и трое внуков. Она прекрасная хозяйка. Очень любит свою дачу, летом утопающую в цветах. Там, на природе, она получает вдохновение и силы для кропотливой архивной работы.

Г. В. Запартыка

ГАННА ДЗМІТРЫЕЎНА ХАРАВЕЦ. ЖЫЦЦЁ І СЛУЖЭННЕ АРХІЎНАЙ СПРАВЕ

(Да 70-годдзя з дня нараджэння)

Ганна Дзмітрыеўна Харавец належыць да пакалення архівістаў, якое пачынала амаль з нуля ўзводзіць падмурак сучаснага Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва. Зусім юнай дзяўчынай яна спачатку пераступіла парог Цэнтральнага дзяржаўнага архіва Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва, ненадоўга, але так прадвызначальна для свайго лёсу і так прадбачліва для будучага архіва літаратуры і мастацтва. Яе прафесійная дзейнасць прыпала на вельмі складаны час, але час стваральны і значны ў гісторыі краіны і яе архіўнай галіны.

Г. Дз. Харавец (у дзявоцтве Турко) нарадзілася 1 красавіка 1940 г. у в. Ператокі на Стаўбцоўшчыне ў сям'і сялян Надзеі Вікендзеўны і Дзмітрыя Міхайлавіча Турко. Самае трагічнае маленства, якое толькі можна ўявіць, — маленства ваеннае. Ганна Дзмітрыеўна часам прыгадвала страшныя дзіцячыя ўявы вайны, ад якіх запомніліся толькі самыя яркія і ўражлівыя, але так і не сіцёртыя часам з памяці падзеі. З малых гадоў — штодзённасць сялянскай працы, абавязкі па хатняй гаспадарцы, якіх ніхто з сялянскіх дзяцей нават у думках не аспрэчаў. Характар будучага вядомага архівіста, яе працавітасць і цяга да сістэмнасці і парадку ў самых розных прафесійных абавязках гарталіся ў няпростых умовах пасляваеннага станаўлення. Але, да ўсяго, дзяўчына расла натурай рамантычнай, улюбёнай у свой край, яе культуру і літаратуру. Яна ведала і сама падтрымлівала народныя традыцыі, зачытвалася паэзіяй — беларускай, рускай, сусветнай, многія творы ведала напам'яць. У 1956 г., скончыўшы Стара-Свержанскую сярэдняю школу, доўга не выбірала, была ўпэўнена, што рана ці позна, але стане студэнткай і будзе вывучаць беларускую мову і літаратуру, спасцігаць яе гісторыю, глыбіню яе творчых здабыткаў. Так яно і адбылося. У 1957 г. Ганна Дзмітрыеўна стала студэнткай завочнага аддзялення філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Праца ў Мінску яе сама знайшла, на толькі што здадзены ў эксплуатацыю Мінскі камвольны камбінат набіралі маладых дзяўчат. Ганна Дзмітрыеўна прыняла рашэнне скарыстаць такую магчымасць і ў сакавіку 1957 г. стала работніцай камбіната. Той час яна ўспамінае з вялікай цеплынёй і сардэчнасцю да людзей, якія яе падтрымлівалі. Для маладой дзяўчыны, учарашняй школьніцы, гэта было сапраўдным выпрабаваннем: праца ў тры змены, познае, за поўнач, вяртанне з працы па малаасветленым і малазнаёмым горадзе, жыллёвая неўладкаванасць. Але ўсё гэта было другасным у параўнанні з тым, што давала жыццё ў вялікім горадзе чалавеку ўзвышанаму і дапытліваму. Бібліятэкі, тэатры, кіно наведваліся з неверагоднай актыўнасцю. Праз нейкі час выпадак прывёў у Цэнтральны дзяржаўны архіў Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва і ў сакавіку 1959 г. Ганна Дзмітрыеўна напісала заяву з

просьбай прыняць яе на пасаду архіварыуса. Якраз у гэты перыяд пачалося актыўнае абмеркаванне і распрацоўка праблемы арганізацыі ў Беларусі літаратурнага архіва. Ганна Дзмітрыеўна была сведкай многіх дыскусій і падзей, якія прывялі да стварэння 9 чэрвеня 1960 г. Цэнтральнага дзяржаўнага архіва літаратуры і мастацтва. Роўна праз два месяцы ёй прапанавалі працу ў новаствораным архіве, нават з невялікім павышэннем, старшага архіварыуса. 8 жніўня 1960 г. у асабовым спісачным складзе архіва яна стала другім супрацоўнікам, прынятым на працу з дня стварэння архіва. Жыццё, вучоба — усё цяпер было падпарадкавана клопатам літаратурнага архіва. На першым этапе даводзілася выконваць самую розную працу: быць машыністкай, складаць вопісы, рабіць тэхнічную апрацоўку дакументаў, весці перамовы з архіваўладальнікамі і яшчэ многае з таго, што пасля стане неад’емнай часткай працы архівістаў самастойных аддзелаў.

У канцы чэрвеня 1963 г. Ганна Дзмітрыеўна атрымала дыплом аб сканчэнні Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, а некалькімі тыднямі раней была прызначана на пасаду малодшага навуковага супрацоўніка. З гэтага часу пачынаецца яе актыўная пошукавая і навукова-даследчая праца. Крыху больш чым праз год Ганна Дзмітрыеўна атрымлівае пасаду старшага навуковага супрацоўніка і па сутнасці ўзначальвае адзін з важнейшых напрамкаў дзейнасці літаратурнага архіва — камплектаванне. У 1976 г. Цэнтральны дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва БССР быў рэарганізаваны ў архіў-музей, а ў яго структуры з’явіліся аддзелы. Выконваючым абавязкі начальніка аддзела камплектавання і ведамасных архіваў была прызначана Турко Ганна Дзмітрыеўна. 16 сакавіка 1977 г. яна была зацверджана і працавала на гэтай пасадзе да 1995 г.

Працуючы загадчыкам аддзела камплектавання, стварыла сваю ўнікальную метадыку прыцягнення на дзяржаўнае захоўванне асабістых архіваў пісьменнікаў, актёраў, мастакоў, кампазітараў. Не шкадавала асабістага часу на сустрэчы з уладальнікамі архіваў вечарам ці ў выхадны дзень, з многімі ліставалася, падтрымлівала пастаянную сувязь па тэлефоне. Часта выязджала ў многія гарады СССР, адкуль прывозіла архівы дзеячаў беларускай літаратуры і мастацтва, якія сталі гонарам беларускай архівістыкі. Пры яе непасрэдным удзеле былі вернуты на Радзіму асабістыя архівы спявачкі Л. Ф. Аляксеевай (Масква), сям’і паэта М. Багдановіча (Яраслаўль), пісьменніка Я. Брайцава (Масква), паэтки К. Буйло (Масква), крытыка Я. Бэндэ (Ленінград), паэта В. Гарбука (Пяцігорск), скульптара А. Грубэ (Масква), пісьменніка і дзяржаўнага дзеяча Я. Дылы (Саратаў), паэта А. Жаўрука (Масква), паэта А. Дзеркача (Ленінград), рэжысёра А. Літвінава (Казань), літаратуразнаўца С. Ліхадзіеўскага (Ташкент), перакладчыка Я. Мазалькова (Масква), літаратуразнаўца В. Мачульскага (Масква), актёра Г. Някрасава (Масква) і многіх іншых. Гэтак жа шчыра і самааддана працавала па выяўленні і збіранні архіваў у розных кутках Беларусі. Гэта з яе старанняў Нацыянальны архіўны фонд мае сёння

асабістыя архівы народных артыстаў СССР і БССР Л. П. Александроўскай, І. Ф. Ждановіч і Б. В. Платонава, Г. Б. Абуховіч, В. У. Галіны, З. І. Канапелькі, Р. М. Кашэльніковай, Уладзімірскіх і інш.; кампазітараў Л. М. Абелёвіча, С. С. Аксакава, А. В. Багатырова, Ю. Д. Бяльзацкага, Г. М. Вагнера, Я. А. Глебава, П. П. Падкавырава, Ю. У. Семянякі, А. Я. Туранкова, Я. К. Цікоцкага, М. М. Чуркіна і інш.; пісьменнікаў Я. Брыля, В. У. Быкава, С. У. Грахоўскага, У. М. Дамашэвіча, Я. Журбы, М. Ц. Лынькова, І. П. Мележа, І. П. Шамякіна і многіх іншых. Многія з названых фондаў былі цалкам сфарміраваны ў гады дзейнасці Ганны Дзмітрыеўны, некаторыя толькі пачаты, але гэты пачатак быў арганізаваны так, што ўладальнікі архіваў і далей працягвалі перадаваць дакументы, ні разу не ўсумніўшыся ў правільнасці свайго рашэння. І сённяшнія архівісты, і магчыма яшчэ не адно пакаленне будучы вывучаць запісы Ганны Дзмітрыеўны ў «Картатэцы ўліку асабістых архіваў», дзе роўным прыгожым почыркам пазначаны даты перамоў з архіваўладальнікамі, іх змест і вынікі. Яна пакінула лаканічную, але такую бясцэнную інфармацыю, якая і далей будзе спрыяць паспяховаму камплектаванню архіва-музея.

Ганна Дзмітрыеўна Харавец стала ўніверсальным спецыялістам. Выдатны эксперт, археограф у галіне навуковага апісання фондаў асабістага паходжання, яна была да таго ж выдатным «ведамаснікам». У 1970—1971 гг. скончыла курсы пры Маскоўскім дзяржаўным гісторыка-архіўным інстытутце, дзе вывучала тэорыю і практыку архіўнай справы, сучасную арганізацыю архіўнай справы і арганізацыю справаводства ў СССР, гісторыю дзяржаўных устаноў. Выдатна валодала тэорыяй і практычна падтрымлівала працу з ведамаснымі архівамі — крыніцамі камплектавання архіва-музея.

У працоўным спісе Ганны Дзмітрыеўны мноства падзяк: «за добрыя паказчыкі ў працы», «за добрасумленныя адносіны да працы», «за шматгадовую і бездакорную службу», «за паспяховае выкананне і перавыкананне планавых паказчыкаў». Памятаецца, як з радасцю ўспрыняў калектыў Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР 20 жніўня 1986 г. аб узнагароджанні Харавец Ганны Дзмітрыеўны медалём «За трудовое отличие», а ў хуткім часе Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР медалём «Ветеран труда».

У чэрвені 1996 г. Ганна Дзмітрыеўна Харавец пайшла на заслужаны адпачынак. Зараз апякуецца сваімі блізкімі, яе клопатамі і яе падтрымкай упрыгожана жыццё маці Надзеі Вікенцьеўны, якой мінуў ужо дзевяноста другі год. Не забывае Ганна Дзмітрыеўна і Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва, дзе прайшлі яе яркія і напоўненыя высокім стваральным сэнсам гады маладосці і сталасці, і дзе засталася вялікая доля яе працы. Доўгіх летаў Вам, Ганна Дзмітрыеўна, у здароўі і радасці.

*И. М. Воронко***ПОЧЕТНЫЙ АРХИВИСТ КАРАСЬК НИНА ВИТАЛЬЕВНА**

Родилась Нина Витальевна 1 августа 1940 г. в селе Савино Пермской области в семье военного. После войны в 1946 г. семья прибыла в г. Гродно по месту службы отца. С 1959 г. Н. В. Караськ начала свою трудовую деятельность на архивном поприще в ЦГИА в г. Гродно, где прошла путь от архивариуса до старшего хранителя фондов. Н. В. Караськ совмещала учебу в Московском историко-архивном институте с работой в архиве, успешно применяя теорию на практике. В 1966 г. она закончила институт по специальности историк-архивист. В 1979 г. Н. В. Караськ перешла на работу в Государственный архив Гродненской области на должность старшего научного сотрудника отдела фондов, учета и научно-справочного аппарата. В 1980 г. была переведена в группу информации, публикации и научного использования документов архивистом I категории, а в 1984 г. возглавила отдел информации, публикации и научного использования документов, которым руководила до 2005 г.

За годы работы в архиве Н. В. Караськ внесла значительный вклад в дело популяризации и использования документов Национального архивного фонда Республики Беларусь. Ею была проведена большая работа по выявлению документов для сборников «Восстановление и развитие народного хозяйства БССР», «Народное образование в БССР (1941—1965)», «Издательское дело и печать в БССР (1941—1980)», «Национально-государственное устройство БССР (1919—1939)», «В едином строю братских республик (1920—1960)», «Библиотечное дело в БССР». Она принимала активное участие в выявлении документов для 13-го тома серии «Документы и материалы по истории советско-польских отношений (1966—1970)». Участвовала в подготовке Справочника о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси, 1941—1944 годы, историко-документальных хроник «Память» Берестовицкого, Зельвенского, Слонимского, Сморгонского районов, Справочников по истории организации и реорганизации колхозов и совхозов Гродненской области, принимала участие в научно-практических и историко-краеведческих конференциях, посвященных истории и развитию архивного дела, истории регионов области. В периодической печати опубликовано более 40 статей и подборок документов, подготовленных Н. В. Караськ. С ее участием проведены 22 теле- и радиопередачи.

Н. В. Караськ осуществляла работу с запросами граждан и организаций, поступавшими из-за рубежа. На протяжении свыше 20 лет являлась экспертом экспертно-методической комиссии областного архива и ЭПК отдела по архивам и делопроизводству Гродненского облисполкома.

Н. В. Караськ, являясь профессиональным архивистом, пользуется заслуженным уважением коллег и пользователей архивных документов. Она была наставником более 10 молодых специалистов своего отдела. Более

15 лет принимала участие в проведении архивной практики студентов-историков Гродненского государственного университета имени Я. Купалы. Она научила работать с архивными документами более 600 будущих историков. В 1999 г. Н. В. Караськ была присвоена высшая квалификационная категория «архивист».

За многолетнюю плодотворную работу Караськ Нина Витальевна награждена Почетной грамотой Гродненского обкома профсоюзов работников госучреждений и архивного отдела облисполкома (1968), дважды — Почетной грамотой Главного архивного управления при Совете Министров БССР и Белорусского республиканского комитета профсоюзов работников госучреждений (1977, 1990), медалью «Ветеран труда» (1985), нагрудным знаком Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь «Ганаровы архівіст Беларусі» (2004).

— ◇ —

У. В. ФЯДОСАВУ — 60 ГАДОЎ

6 лістапада 2010 г. споўнілася 60 гадоў Уладзіміру Васільевічу Фядосаву — намесніку дырэктара Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы. Ён нарадзіўся ў 1950 г. на Віцебшчыне ў в. Вялікая Выдрэя Лёзненскага раёна Віцебскай вобласці ў сям’і рабочых. У 1965 г. скончыў Выдрэйскую васьмігадовую школу і паступіў у прафесійна-тэхнічнае вучылішча № 37 г. Віцебска. Атрымаўшы спецыяльнасць слесар-інструментальшчыка, працаваў на Віцебскім заводзе радыёдэталей і адначасова вучыўся ў школе рабочай моладзі, па сканчэнні якой у 1968 г. паступіў у Ленінградскае вышэйшае ваенна-палітычнае вучылішча войск супрацьпаветранай абароны. Пасля заканчэння вучылішча У. В. Фядосаў з 1972 г. служыў ва Узброеных Сілах СССР (з 1991 г. — Рэспублікі Беларусь). У 1982 г. скончыў Ваенна-палітычную акадэмію імя У. І. Леніна і да 1997 г. працаваў выкладчыкам, намеснікам начальніка, прафесарам кафедры сацыяльных навук у Мінскім вышэйшым інжынерным зенітна-ракетным вучылішчы, у Ваеннай акадэміі Рэспублікі Беларусь. Пасля заканчэння аспірантуры пры Беларускаім дзяржаўным інстытуце народнай гаспадаркі імя В. Куйбышава ў 1988 г. Уладзімір Васільевіч абараніў кандыдацкую дысертацыю па эканоміцы (тэма — «Уплыў умоў працы на пераўтварэнне яе ў першую жыццёвую патрэбнасць. Палітыка-эканамічны аспект»). Быў звольнены ў запас у званні палкоўніка, але не пакінуўшы выкладчыцкую дзейнасць, узначаліў ведамасную навуковую ўстанову, якая перажывала не самы лепшы час у сваёй гісторыі.

З пачатку 1997 г. Уладзімір Васільевіч Фядосаў плённа працаваў на пасадзе дырэктара Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы, а з канца 2005 г. стаў адным з намеснікаў дырэктара БелНДДАС. Ён не з’яўляецца ні прафесійным архівістам, ні прафесійным дакументазнаўцам, і нялёгка даваліся яму першыя крокі на нязведаным шляху. Уладзімір Васільевіч выхоўваў калектыў, а калектыў выхоўваў яго.

Незаўсёды адназначна станоўча ўспрымаліся яго тыя ці іншыя адміністрацыйныя дзеянні, але як дырэктар У. В. Фядосаў здолеў зрабіць галоўнае — аб'яднаць калектыв у адзінае цэлае, стварыць належныя ўмовы для працы і магчымасці для рэалізацыі творчага патэнцыялу супрацоўнікаў, а таксама абстаноўку добразычлівасці і ўзаемаразумення ў інстытуце. Часам ён праяўляў «армейскі характар», але заўсёды прыслухоўваўся да меркаванняў калег і імкнуўся іх улчыць. Шэраг даволі праблемных пытанняў вырашаў па-жыццейску мудра, з улікам інтарэсаў людзей і іх звычайных патрэб.

Менавіта ў час дырэктарства Уладзіміра Васільевіча былі рэалізаваны многія буйныя праекты інстытута — правілы работы ведамасных архіваў, першы пералік тыпавых дакументаў з паказаннем тэрмінаў захоўвання, архіўныя даведнікі і г. д. На базе БелНДДАС пачаў выходзіць «Беларускі археаграфічны штогоднік», паспяхова працаваў савет па абароне кандыдацкіх дысертацый.

У. В. Фядосаў знайшоў і сваю даследчыцкую нішу. Як эканаміст, ён у сваёй навуковай дзейнасці імкнецца распрацоўваць эканамічныя аспекты архіўнай справы. Аднавядна Уладзімір Васільевіч працаваў і працуе над пытаннямі нарміравання і цэнаўтварэння ў галіне маркетынга ў архівах, агульнай тэорыі архівазнаўства, эканамічнай асветы архівістаў і інш. Ён з'яўляецца аўтарам больш за 60 навуковых, нарматыўна-метадычных прац па пытаннях выкладання грамадскіх навук, умоў працы, архівазнаўства, у тым ліку манаграфіі «Эканоміка архіўнага дела».

У. В. Фядосаў мае ваенныя ўзнагароды, але менавіта за дзейнасць у «цывільнай» архіўнай галіне ён быў узнагароджаны Ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь.

Шаноўны Уладзімір Васільевіч! Калектыву БелНДДАС шчыра віншуе Вас з юбілеем і жадае Вам здароўя, жыццёвых поспехаў і працоўных дасягненняў!

*Ад імя супрацоўнікаў БелНДДАС
С. У. Жумар*

— ◇ —

Е. Г. Бейнер

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О. А. КОЗАК

Архивный фонд — это неотъемлемый признак информационного суверенитета государства, признак его достоинства. Зональные государственные архивы Беларуси выполняют функцию сохранения документальных фондов, закрепленных за ними территорий. Можно утвердительно сказать, что архивисты сохранили многовековое документальное наследие прошлого, приумножили его бесценными документами. Одним из таких преданных своему делу архивистов является директор Зонального государственного архива в г. Борисове Ольга Александровна Козак, которая 19 августа 2010 г. отметила свой 60-летний юбилей.

Родилась Ольга Александровна в Украине в с. Хоружевка Сумской области. В 1975 г. закончила Ворошиловградский машиностроительный институт и до 1991 г. работала экономистом по труду на Борисовском заводе пластмассовых изделий. В сентябре 1991 г. она была принята в филиал госархива Минской области на должность архивиста 1-й категории, с 1993 г. была переведена на должность зав. сектором ведомственных архивов, с 1995 по 1999 г. — зав. отделом использования и публикации документов. С 11 сентября 1999 г. возглавляет Зональный государственный архив в г. Борисове.

За многолетнюю добросовестную работу в архивной отрасли награждена Почетной грамотой Борисовского городского исполнительного комитета, Минского областного исполнительного комитета и Минского обкома профсоюза работников государственных учреждений.

Еще десять лет назад в архиве не было ни одного компьютера, архивохранилища были перегружены, а помещения кабинетов сотрудников настойчиво требовали ремонта. За время управления архивом Ольга Александровна справились со всеми проблемами: теперь почти у каждого работника на столе персональный компьютер, кабинеты отремонтированы, площадь архивохранилищ расширилась. И к тому же заканчивается реконструкция нового здания, в которое в скором времени переедет архив.

Ольга Александровна активно участвует в архивной работе: она является автором ряда статей, вышедших в периодической печати, налаживает деловые и дружеские связи со службами города, другими госархивами, участвует в обучении новых специалистов архивному делу. Большую помощь оказала архивистам вновь созданных архивов по личному составу, проводя неисчислимое количество консультаций по созданию и ведению документации нового архива.

Работники архива знают Ольгу Александровну как эрудированного, инициативного, трудолюбивого, требовательного к себе, коллегам по работе специалиста. Коллектив Учреждения «Зональный государственный архив в г. Борисове» сердечно поздравляет Ольгу Александровну с юбилеем, желает ей новых трудовых успехов, крепкого здоровья и семейного счастья.

— ◇ —

ПАМЯТИ Ф. Э. САВИНСКОЙ

1 марта 2010 г. в Нью-Йорке после тяжелой болезни скончалась Франя Эдуардовна Савинская, одна из самых значимых и ярких личностей в архивном деле Беларуси послевоенного периода.

Франя Эдуардовна родилась 28 декабря 1938 года в семье служащих в г. Новоборисове. После окончания средней школы работала лаборанткой на местном стеклозаводе. В 1958 г. поступила в Московский историко-архивный институт. После окончания института в 1963 г. была направлена в Ригу, где работала научным сотрудником организационно-методического отдела Архивного управления при Совете Министров Латвийской ССР. В феврале

1964 г. Франя Эдуардовна переведена в Минск на должность научного сотрудника отдела публикации и использования документов ЦГАОР БССР. С этого времени на протяжении более двадцати пяти лет ее судьба была связана с этим крупнейшим архивом республики, в котором она работала на разных должностях — и в отделе фондов, учета и научно-справочного аппарата, и в хозрасчетной группе по научно-технической обработке документов, а с января 1970 по 1991 г. возглавляла отдел ведомственных архивов, комплектования и экспертизы ценности документов. Франя Эдуардовна проявила себя как крупный специалист-практик в области комплектования государственных архивов, как талантливый методист и автор ряда научно-методических пособий, инструкций, положений, которыми пользовались работники не только ЦГАОРа, но и ряда государственных и ведомственных архивов — о проведении экспертизы ценности документов, об организации работы с ведомственными архивами, отборе документов на государственное хранение, научно-технической обработке документов и другим вопросам. Она была награждена Почетной грамотой Верховного Совета БССР.

Франя Эдуардовна Савинская запомнилась всем знавшим ее как обаятельная женщина, человек высокой культуры и внутреннего благородства. Всегда ровная и с руководителями, и с подчиненными, никогда ни на кого не повысившая голос, доброжелательная и интеллигентная, она обладала и твердостью, и чувством собственного достоинства. Умела и научить, и сделать замечание необходимо, не унижая другого человека. С ней было легко работать и приятно общаться. В памяти всех, знавших Франю Эдуардовну, навсегда останется ее светлый образ, образ Порядочного человека с большой буквы.

Пусть земля ей будет пухом...

Анейчик Ю. И., Бирюкова О. В., Голубович А. К., Гонакова Н. И., Григорьева З. П., Громько Г. А., Гурецкая Г. С., Давыдова Э. Н., Евсеенко В. А., Дзюба Н. П., Запартыко А. В., Жумарь С. В., Каменко Е. К., Капмолё Н. А., Ледовская О. А., Лисова Л. М., Лиходиевская Ж. А., Лихтенштейн Г. Н., Минаева Л. Н., Мурмыло Л. И., Плавская Г. И., Раленок В. М., Селемев В. Д., Столина Т. В., Шевченко Т. А., Шумейко М. Ф., Шуляк Г. В. ....

— ◇ —

Р. Ф. Горячева

ПАМЯТИ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ СЕНИЦИНОЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ

В декабре 2009 г. ушла из жизни бывший сотрудник Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно Ольга Николаевна Сеницина. В этом году ей исполнилось бы 80 лет.

33 года — эту немалую часть своей жизни она отдала архивной работе. Но этой части жизни предшествовал другой жизненный отрезок, события которого приближали ее к еще нечетко видимой, маячившей где-то на далеком горизонте, мечте. А начиналось все с тяжелого детства.

Ольга Николаевна родилась 22 июня 1930 г. в Гомеле в семье рабочего. В 1940 г. семья, состоявшая из шести человек (у родителей было четыре дочери) переехала в Гродно, а через год город был оккупирован фашистами. Годы оккупации и сопровождавшие их нужда, голод, унижения оставили неизгладимый след в памяти маленькой Оли. Часто Ольга Николаевна делилась своими воспоминаниями о тех страшных годах с архивистами, и мы слышали рассказ о том, как долгие месяцы семья питалась одной лишь капустой. Продукты приобрести было негде, так как магазины в оккупированном Гродно не работали. Для того чтобы выжить, мама Ольги Николаевны уходила пешком в деревню Княжеводцы, за 100 километров от Гродно, где жил ее брат с семьей. Там можно было обменять какие-то промышленные товары на продукты питания. Мешочек муки или фасоли, выменянные в деревне, считались большой роскошью, и экономно расходовались до следующего похода в деревню. В один из летних месяцев Оля была отправлена в деревню хоть как-то подкормиться, еще не зная, какая судьба уготована родной деревне. В тот страшный день деревню окружили фашисты, ничего не понимающих жителей согнали в амбар. Олю, направлявшуюся туда одной из последних, окликнул конвоир, вероятно, чех (со слов Ольги Николаевны). Жестикую руками, он указал ей на ржаное поле, давая возможность бежать. Перебежав поле, Оля долго добиралась до Гродно, а спустя несколько дней узнала о судьбе заживо сожженных жителей деревни. До конца своих дней Ольга Николаевна вспоминала эти трагические события, собирала сведения о них, сопоставляла факты, и в конечном итоге написала воспоминания о судьбе деревни Княжеводцы, которые были опубликованы в периодической печати. Познав цену человеческой жизни, она часто повторяла фразу, которая отвечала ее жизненной позиции: «Все, что угодно можно пережить, только бы не было войны». В 1944 г. Оля поступила в третий класс общеобразовательной школы и окончила шесть классов. Дальнейшее продолжение учебы не предоставлялось возможным, так как надо было зарабатывать свой хлеб и помогать семье. В 1947 г. она поступает на работу в гродненский универмаг, но денег в семье хронически не хватает, и в 1949 г. Ольга Николаевна уезжает по вербовке в Петрозаводск, где до 1953 г. работает кухонным контролером в кафе. Все это время ее не покидают мысли о завершении образования, и там же, в Петрозаводске, в школе рабочей молодежи она оканчивает седьмой и восьмой классы. Вернувшись в Гродно в 1952 г., от старшей сестры Галины, работавшей в филиале ЦГИА БССР в г. Гродно, узнает, что в архиве имеется вакантная должность архивариуса, и без раздумий поступает туда на работу. Работая в архиве, оканчивает девятый и десятый классы вечерней школы. Ее цель — получить законченное десятилетнее образование — достигнута.

Работа в архиве поглотила Ольгу Николаевну всецело. История всегда влекла ее, а столкнувшись в работе с архивными документами, отражающими историческое прошлое Гродненщины, и особенно ее родного Гродно,

поняла, что архивной ниве посвятит всю свою жизнь. Результатом этого решения стало поступление в 1961 г. на заочное отделение факультета архивного дела Московского историко-архивного института. Старательно постигая основы архивоведения, результат которого более чем успешно отражался в зачетной книжке, в 1967 г. окончила институт. Мечта, которая брезжила на горизонте детства и юности, осуществилась.

За годы работы в архиве Ольга Николаевна прошла путь от архивариуса до старшего научного сотрудника отдела учета документов, информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий. Много сил и труда вложила в создание научно-справочного аппарата, комплектование документов, разработку различных методических пособий. Долгие годы, вплоть до ухода на пенсию, заведовала и занималась сохранением и использованием печатных изданий научно-справочной библиотеки архива. Все годы работы в архиве проявляла живейший интерес к документам, постоянно делая для себя открытия. Работая с документами, попутно вела записи, связанные с историей родного Гродно, и ее знания о прошлом города не переставали удивлять. Долгие годы поддерживала связь со старейшим жителем Гродно Червяковским А. И., (работавшим еще в царское время делопроизводителем в Гродненском губернском правлении), почерпнув из общения с ним много интересных событий и фактов об историческом прошлом Гродно. Кропотливо накапливая краеведческий материал, появилась потребность поделиться им с гродненцами. Так в периодической печати стали появляться ее статьи, которые неизменно отличали живой слог и одной ей присущий стиль.

Автору этих строк довелось проработать с Ольгой Николаевной 9 лет, и за все годы общения раскрывались такие черты ее характера, как пунктуальность, ответственность, скрупулезность, крайне бережное отношение к архивным документам. Всегда поражало ее доскональное знание архивных фондов, которым она щедро делилась с коллегами. Ольга Николаевна была страстным библиофилом, долгие годы собирая домашнюю библиотеку и не переставая удивлять своими знаниями классической русской и зарубежной, мемуарной литературы.

Работая архивариусом, мне довелось проводить с Ольгой Николаевной проверку наличия фондов научно-справочной библиотеки, и что меня тогда поразило, так это обширные знания об истории комплектования, и самое главное — об авторстве и внутреннем содержании каждого печатного издания.

Заслуженными оценками труда Ольги Николаевны стали награды, среди которых Почетная грамота Верховного Совета БССР, Почетная грамота Архивного управления при Совете Министров БССР. Ее персоналия внесена в биобиблиографический справочник «Архівісты Беларусі».

РЭЦЭНЗІ

С. У. Жумар

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ ПРАВА БЕЛОРУССКОЙ ССР

Сарокін, А. М. Покліч роднай зямлі. Канстытуцый Беларусі Савецкай эпохі / А. М. Сарокін. — Мінск: Права і эканоміка, 2010. — 270 с. (+ 2 л. мал.) — (Серыя «Гуманітарныя навукі»).

В отечественной историографии немало работ, посвященных анализу содержания и особенностей конституций Советской Беларуси. В то же время специального монографического исследования процессов государственного строительства в советский период на основе конституций еще не было. Рецензируемая книга доктора исторических наук, профессора ЧУО «БІП — Институт правоведения» А. Н. Сорокина (первый раздел выполнен в соавторстве с В. В. Мельником) восполняет этот пробел. Отметим также, что большинство вопросов и тем, освещенных в работе, успело «обрасти» аналитической литературой и подверглось историками, правоведами и политологами осмыслению. Однако это не помешало, а, напротив, помогло автору: опираясь на уже наработанный научный багаж, он сумел в развернутом виде выявить специфику отечественного конституционно-правового развития, общего и особенного в нем, а также уточнить основные тенденции зарождения, становления и развития государственно-правовых институтов власти и управления республики, оценки некоторых политических доктрин и научных взглядов, содержание ряда публикаций не только советского, но и современного периодов. При этом в монографии отражены изменения в принципах деятельности звеньев госаппарата республики в ходе решения поставленных задач, дается их оценка с позиции происходивших перемен в национальном государственном строительстве.

В отличие от многочисленных работ по отечественному конституционному правотворчеству рецензируемое исследование не содержит жестких итоговых вердиктов. В нем не допускаются, по сути, односторонние оценки содержания конституционных положений, восхваления или очернения государственнообразующей деятельности лидеров национально-демократического и социалистического течений белорусского национального движения. Высокий теоретический уровень исследуемых вопросов сочетается с оригинальной постановкой ряда исследовательских задач, попыткой их переосмысления, а также рекомендациями по ним, имеющими важное практическое значение.

Источниковая база работы включает широкий круг нормативных правовых актов республиканских (в т. ч. РСФСР) и союзных партийно-государственных органов власти и управления, информацию сборников документов и материалов, а также периодики. Среди них выделяются тексты конституций. Воспроизведены наблюдения ряда авторов, изучавших становление и развитие белорусской государственности, историю конституционного права Советской Беларуси: П. И. Бригадин, Г. А. Василевич, А. Ф. Вишневецкий, Т. Н. Довнар, С. Г. Дробязко, В. А. Круталевич, В. А. Кучинский, В. Ф. Ладысев, С. П. Маргунский, М. Ф. Чудаков, И. А. Юхо и др.

Примечательно и то, что в основе авторских поисков ответов на изучаемые вопросы лежат активное использование сравнительного метода познания, стремление к пониманию сущности и содержания правотворчества на основе механизма реализации конституционных норм, вовлечения в научный оборот статистических данных. Тем самым достигается высокая степень достоверности проведенного анализа. В воссозданной панораме конституционного строительства показаны прогрессивные интеллектуальные приобретения и, к сожалению, декларативные, а то и агрессивные.

Процесс конституционно-правового развития Беларуси рассматривается на фоне жизни республики в тесной связи с РСФСР, а затем со всем Советским государством. В итоге дается понимание, что его развитие на белорусских землях обуславливалось единством решаемых советскими республиками задач, ориентацией их на законодательный опыт РСФСР или СССР.

В монографии представлено авторское видение страны и ряда ключевых проблем конституционного правотворчества в Беларуси не только прошлого, но и ряда тех, которые ей придется решать в перспективе. В частности, вопросы по либерализации правовых отношений, ориентации конституционных норм и принципов на положения международных правовых актов.

При этом в ряде случаев содержится призыв к дискуссии или высказывается сомнение относительно сложившихся оценок о роли центральной большевистской власти Советской России в создании белорусской государственности, относительно наличия принципа разделения власти в Конституции БССР 1937 г., оценки новизны содержания Конституции СССР 1977 г., восприятия вопроса преемственности Конституции БССР 1978 г. Конституцией Республики Беларусь 1994 г.

При освещении сюжета о государственном самоопределении Беларуси в 1919—1921 гг. проводится мысль: момент, методы и форму государственного образования белорусскому народу особенно выбирать не приходилось. Они зависели от политических событий в России, силы власти большевиков в ней в ходе борьбы с внешней агрессией, контрреволюцией и оппозицией. При этом подчеркивается: нельзя забывать (как это имеет место и в постсоветской литературе) об огромных усилиях самих белорусов в наращивании национально-освободительной борьбы в Беларуси, национально-государственном строительстве в частности. Только воздействие всех этих факторов заставило, скорее всего, лидеров политической элиты Советской России признать право народа Беларуси на самостоятельное государственное образование. Правда, сохранение этой государственности в дальнейшем не было приоритетным (с. 40).

В «Заключении» монографии не только подводятся итоги конституционного правотворчества в Советской Беларуси, но и отражается их влияние на реальное становление и развитие собственно белорусской государственности, глубокие социально-экономические и политические изменения в обществе. Осмысливая совершенное, по мнению автора, не стоит безоглядно осуждать вынужденных жить в свое время. Однако о нем можно было сказать полнее. Желательно было бы сказать и о развале Союза ССР. Впрочем, когда рассматриваются события, происходившие на протяжении относительно большого временного промежутка, и столь широкий круг проблем политико-правовой истории конституционного строительства, некоторые неточности и пробелы возможны и даже неизбежны.

Завершая разговор о книге, необходимо обратить внимание на приложения к ней. Это воспроизведение полных текстов четырех конституций (на языке оригинала), включение в книгу заданий для самоконтроля (глоссарии, тесты, тренинги) и изображений символов белорусской государственности, а также указателя терминов и понятий, именного указателя. Они, несомненно, рассчитаны не только на исследователей, но и на массового читателя — учащихся средних учебных заведений и студентов вузов. Благодаря им читатель может углубить и закрепить свои представления по вопросам, о которых идет речь в тексте. Тем самым практическая направленность работы повышается.

Монография А. Н. Сорокина является существенным вкладом в изучение темы и может быть полезна научным и практическим работникам, а также использована в образовательном процессе.

С. В. Жумарь

— ◇ —

ДАВЕДНІК ПА ДАКУМЕНТАХ АСАБІСТАГА ПАХОДЖАННЯ Ў ДЗЯРЖАЎНЫХ АРХІВАХ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Фонды і калекцыі дакументаў лічнага проісходжання ў гасударственных архівах Рэспублікі Беларусь / сост. Т. І. Сядлярэвіч. — Мінск: БелНІІДАД, 2009. — 172 с.

У апошнія дзесяцігоддзе пільная ўвага беларускіх архівістаў і навукоўцаў усё больш скіроўваецца да праблем пошуку, камплектавання, захоўвання і выкарыстання дакументаў асабістага паходжання, якія з'яўляюцца неацэннай крыніцай для гістарычных даследаванняў, прапануючы свой спецыфічны, суб'ектыўны погляд на гісторыю. Маштабныя макрагістарычныя канструкты, створаныя ў XX ст., усё часцей разбіваюцца аб індывідуальныя лёсы канкрэтных людзей. З гэтых маленькіх «гісторый» і будзецца сёння новая нацыянальная гісторыя. Праблема вяртання нападзубытых імёнаў дзеячаў беларускай культуры і захавання іх асабістых архіваў пачала актыўна гучаць з канца 90-х гг. мінулага стагоддзя [1]. У 2004 г. у рамках Другіх архіўных чытанняў, што праводзіліся ў Беларускам дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва (БДАМЛІМ), вядучай архіўнай установе, якая працуе з дакументамі асабістага паходжання, была абмеркавана тэма «Архівы асабістага паходжання — састаўная частка інфармацыйнага рэсурсу грамадства». У навуковай дыскусіі прынялі ўдзел вядучыя архівісты, архівазнаўцы, гісторыкі краіны, якія акрэслілі інфармацыйную каштоўнасць дадзеных комплексаў дакументаў у параўнанні з дакументамі афіцыйнага паходжання [2]. Метадычныя аспекты і вопыт працы беларускіх архівістаў з дакументамі такога кшталту знайшлі замацаванне ў рэкамендацыях, створаных аўтарскім калектывам БДАМЛІМ, на чале з дырэктарам Г. В. Запартыка, якія пабачылі свет у 2005 г. [3]. Колькасная і якасная характарыстыкі дакументаў асабістага паходжання, якія захоўваюцца ў дзяржаўных сховішчах Рэспублікі Беларусь, былі дадзены на старонках Беларускага археаграфічнага штогодніка [4].

Нягледзячы на гэта, першыя і апошнія спробы інфармацыйнага абагульнення даных аб дакументах асабістага паходжання ў выглядзе даведніка адносяцца яшчэ да сярэдзіны 1960-х гг., калі пабачыў свет паказальнік «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» [5]. У склад зборніка былі ўключаны звесткі аб персанальных зборах, сямейных, фамільных, сядзібных архівах, калекцыях дакументаў адной асобы ў дзяржаўных архівах, а таксама ў комплексах дакументаў асоб (не менш за 5 адз. зах.) у фондах музеяў і бібліятэк. У першыя два тамы (1962, 1965) увайшла інфармацыя, прадстаўленая чатырма беларускімі архівамі: Дзяржаўным архівам Мінскай вобл., Цэнтральным дзяржаўным архівам літаратуры і мастацтва, Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архівам і ў г. Гродна і Магілёве. У трэцім томе (1980) улічаны яшчэ больш за 400 комплексаў дакументаў асабістага паходжання (большасць з іх малаколькасныя, ад 5 адз. зах.), што знаходзіліся на захоўванні ў Беларускам дзяржаўным музеі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны (125), архіве Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі ў г. Горкі (1), Бібліятэцы Інстытута літаратуры АН БССР (1), Бабруйскім (13), Брэсцкім (1), Віцебскім (14), Слоніўскім (3) і Слуцкім

(4) краязнаўчых музеях, Фундаментальнай бібліятэцы імя Я. Коласа АН БССР (4), Дзяржаўным музеі БССР (111), Гродзенскім гісторыка-археалагічным музеі (27), ЦДАМЛІМ (87) і ЦДІГА БССР (4). Прынцып пабудовы паказальніка, што зыходзіць з неабходнасці шырокага ўліку ўсіх захаваных у розных дзяржаўных сховішчах звестак аб дзейнасці адной асобы (прыналежнасць да дзейнасці адной асобы), адкрыў значныя магчымасці для пошуку і працы з дакументамі асабістага паходжання ў беларускіх сховішчах і ацэнкі іх інфармацыйнай каштоўнасці.

У 1990-х гг. актуальным стала абагульненне інфармацыі аб дакументах асабістага паходжання ў шэрагу краін былога сацыялістычнага лагера. Так, у 1992 г. у Германіі на падставе друкаваных даведнікаў па асабістых архівах (1971 і 1981) быў створаны электронны рэсурс, які ўключаў інфармацыю аб больш за 25 тыс. асабістых архіваў з некалькіх тысяч сховішчаў краіны, які абнаўляецца раз у некалькі гадоў [6]. У 1999 г. украінскія архівісты распачалі праект «Эліта Украіны XVIII—XX стст.: нацыянальны рэестр асабістых архіваў». Анатаваны даведнік і база даных». Эліта Украіны — гэта выдатныя дзеячы навукі, культуры, грамадска-палітычнай сферы, радавыя прадстаўнікі інтэлігенцыі, асабістыя архівы якіх ствараюць фундамент для яскравага і рэльефнага адлюстравання гісторыі Украіны. Праект пачаў працу пад кіраўніцтвам Дзяржаўнага камітэта архіваў, Нацыянальнай акадэміі навук, Міністэрства культуры і мастацтваў пры ўдзеле Украінскага навуковага інстытута Гарвардскага ўніверсітэта. Рэестр пабудаваны па прынцыпе прыналежнасці дакументаў, што захоўваюцца ў розных сховішчах, да дзейнасці адной асобы і ўключае ў сябе анаталы на асабістыя архіўныя фонды, якія захоўваюцца ў цэнтральных, галіновых і абласных архівах Украіны (больш за 2000 фондаў), установах сістэмы Акадэміі навук Украіны (больш за 1000 фондаў), дзяржаўных музеях (каля 600 фондаў). Рэестр з'яўляецца часткай шырокамашабнай праграмы актуалізацыі інфармацыйнага патэнцыялу ўкраінскіх архіваў і складаецца з дзвюх серыяў: першая прадстаўляе дзеячаў XVIII—XIX стст.; другая — XX ст. Апісальны артыкул уключае: кароткую біяграфічную даведку пра асобу, пошукавыя даныя, даныя пра склад і змест дакументаў архіва, даведчыя бібліяграфічныя звесткі. Метадычныя асновы праекта выкладзены ў асобным выданні і базіруюцца на вопыце працы акадэмічных архіваў [7].

Крыху іншы фармат і мэты маюць пабачыўшыя свет у 2001 і 2007 гг. у Расіі першыя два выпускі «Каталога лічных архіўных фондаў отечественных историков» — навукова-даведчага выдання, якое ўключыла ў сябе апісанні асабістых архіваў, біяграфічныя звесткі, бібліяграфіі больш за 250 расійскіх гісторыкаў XVIII — першай паловы XIX ст. Праца праводзілася з 1970-х гг. і была задумана і ўзначалена старшынёй Археаграфічнай камісіі акадэмікам РАА С. О. Шмідтам. Каталог уключае ў сябе звесткі аб расійскіх гісторыках, асабістыя архівы якіх захаваліся як у расійскіх сховішчах, так і сховішчах дзяржаў блізкага замежжа на правах самастойных фондаў ці ў складзе іншых фондаў (усяго выкарыстана больш за 400). Апісанне архіваў, якія захоўваюцца ў краінах далёкага замежжа, не праводзілася. Мэтай каталога стала пашырэнне крыніцзнаўчай базы навукі, выкарыстання архіўных матэрыялаў у даследаваннях розных накірункаў, узмацненне цікавасці да асабістых фондаў і ўдасканаленне метадыкі іх выяўлення і апісання [8].

Канец 2009 г. у Беларусі азначыўся выходам у свет доўгачаканага даведніка па асабістых фондах і калекцыях, што захоўваюцца ў дзяржаўных архівах рэспублікі, мэтай стварэння якога стала азнаямленне шырокага кола даследчыкаў з месцазнаходжаннем і складам дакументаў такога кшталту. Даведнік быў створаны па ініцыятыве Дэпар-

тамента па архівах і справаводству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь на падставе інфармацыі, прадстаўленай рэспубліканскімі, абласнымі і занальнымі дзяржаўнымі архівамі, якія захоўваюць дакументы асабістага паходжання. Інфармацыя аб фондах і калекцыях у даведніку згрупавана па архівах, унутры — па ўліковых адзінках у межах архіваў (фондах і калекцыях), фонды сістэматызаваны па алфавіце прозвішчаў фундаўтваральнікаў. Апісальныя артыкулы, што вельмі станоўча, маюць разгорнутую структуру: уключаюць у сябе прозвішча і ініцыялы фундаўтваральніка, пошукавыя даныя фонду ці калекцыі ў архіве, назву фонду ці калекцыі, характарыстыку зместу дакументаў (па групах: рукапісы, дакументы дзейнасці, біяграфічныя дакументы, фотаздымкі і г. д.). У даведніку таксама маецца імяны паказальнік, які значна павышае інфармацыйную каштоўнасць выдання. Паводле даных складальніка ў дзяржаўных архівах Рэспублікі Беларусь налічваецца 605 фондаў і калекцый асабістага паходжання. Асабліваці захоўвання дакументаў асабістага паходжання ў дзяржаўных архівах вызначылі структуру даведніка, большая частка якога — амаль 300 запісаў адносіцца да БДАМЛІМ, 55 — да Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. Усяго прадстаўлены звесткі па 5 рэспубліканскіх, 9 абласных і 15 занальных архівах.

Разам з несумненнай інфармацыйнай і навуковай вартасцю выдання неабходна адзначыць некаторыя асаблівасці дакументаў асабістага паходжання, іх захоўвання, апісання і выкарыстання, якія істотна ўплываюць на мэты, прынцыпы і метадыку складання даведнікаў такога кшталту, але недастаткова ўлічаны ў рэцэнзуюмым выданні.

Асабістыя архівы дзеячаў беларускай навукі, культуры і грамадска-палітычнай сферы захоўваюцца ў якасці фондаў асабістага паходжання, а таксама ў складзе калекцый і фондах устаноў не толькі дзяржаўных архіваў, але і ў рукапісных аддзелах бібліятэк, музеях, ведамасных архівах, яны ўжо неаднаразова становіліся аб'ектам апісання і даследаванняў [9]. Асаблівай увагі патрабуюць і часткі асабістых архіваў дзеячаў, што трапілі на захоўванне ў замежныя сховішчы, без якіх немагчыма скласці ўяўленне аб паўнаце і каштоўнасці асабістых архіваў, асабліва дзеячаў XIX — пачатку XX ст. Да ліку фондаў асабістага паходжання адносяцца не толькі асабістыя, але сямейныя і фамільныя, дакументы асабістых архіваў уваходзяць у склад калекцый асабістага паходжання (гэта могуць быць як калекцыі, сабраныя асобай, так і калекцыі, што ўтрымліваюць дакументы некалькіх асоб), персанальных збораў [10], з дапамогай дадзеных паняццяў магчыма акрэсленне фондавай прыналежнасці аанатуемых дакументаў. Асабістыя архівы, як правіла, уключаюць у сябе дакументы некалькіх тыпаў (пісьмовыя (папяровыя), электронныя, выяўленчыя, аўдыя і відэа (на магнітнай плёнцы), рэчавыя, некалькіх відаў і груп (дакументы да біяграфіі, творчыя дакументы, ліставанне, мемуары, калекцыі), што вызначае іх тэматычную разнастайнасць і рознасць у падыходах да апісання. Падлік фондаў і калекцый дакументаў асабістага паходжання можа адбывацца як зыходзячы з уліковых магчымасцяў архіўных устаноў, так і выходзячы за іх рамкі: у шматлікіх выпадках патрабуюцца і асобны ўлік дакументаў, якія з'яўляюцца часткай фонду ці калекцыі, і іх больш дэтальнае апісанне.

Пільная ўвага да асаблівасцей складу комплексу дакументаў асабістага паходжання, а таксама да тэарэтыка-метадалагічных асноў складання даведніка садзейнічае пазбяганню інфармацыйных прабелаў. Так, напрыклад, у дадзеным выданні, пры апісанні фонду № 3 «Калекцыя дакументаў аддзела рукапісаў Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў г. Вільна» ў БДАМЛІМ, згадваюцца комплексы дакументаў 3. Бядулі, В. Ластоўскага, братоў Луцкевічаў і інш., аднак апускаюцца не менш вартыя ўвагі

прозвішчы У. Талочкі, П. Крэчэўскага, А. Клімовіча, В. Іваноўскага, А. Грыневіча, А. Станкевіча, Б. Брэжгі, М. Брэніштэйна і інш., тым самым яны выключалі з інфармацыйнага пошуку. З іншага боку, даецца характарыстыка матэрыялаў газеты «Наша Ніва», якія не маюць дачынення да дакументаў асабістага паходжання. Таксама не раскрываецца і змест т. зв. Калекцыі Грыгаровічаў (БДАМЛМ, ф. 6), выкрэсліваючы са складу архіваўтваўтаральнікаў Івана Іванавіча Грыгаровіча (1833—1895), настаўніка гісторыі, сына першага беларускага археографа.

У 60—80-х гг. XX ст. у абласныя і занальныя архівы БССР на захоўванне пачалі прымацца дакументы асабістага паходжання, якія набывалі статус асабістага ці сямейнага фонду, альбо ўключаліся ў склад калекцый пад традыцыйнай назвай «Калекцыя дакументаў асабістага паходжання ўдзельнікаў рэвалюцыйнага руху і грамадзянскай вайны ў Расіі, Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі і Вялікай Айчыннай вайны, партызанскага руху, дзеячаў культуры і народнай гаспадаркі». У архівах Брэсцкай, Гомельскай, Магілёўскай, Мінскай абласцей комплексы дакументаў асабістых архіваў былі аб'яднаны ў калекцыі, у архіве Віцебскай вобласці створана больш за 30 самастойных асабістых фондаў, у архіве Гродзенскай вобласці — 5 асабістых фондаў і калекцыя, у склад якой уваходзяць дакументы 13 асоб. Колькасць адзінак захоўвання адной асобы ў складзе калекцый абласных архіваў, як правіла, не перавышае 50, колькасць адзінак захоўвання ў асабістых фондах вагаецца ад 35 (журналіст А. Песін, Дзяржаўны архіў Віцебскай вобл.) да 350 (Я. Мараш, В. Бржэскі, Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобл.). Такім чынам, колькасць і якасныя паказчыкі дакументаў асабістых фондаў і дакументы асоб у складзе калекцый амаль раўназначныя і патрабуюць аднолькавых прынцыпаў апісання і дэталізацыі ў межах даведніка.

Колькасць і склад фондаў і калекцый асабістага паходжання ў дзяржаўных архівах не з'яўляюцца стагачыннымі: на захоўванне прымаюцца новыя фонды (напрыклад, у БДАМЛМ — 10—12 у год), ранейшыя фонды папаўняюцца новымі дакументамі, фонды і іх часткі праходзяць навукова-тэхнічную апрацоўку і становяцца даступнымі для даследчыкаў, фондаўтваўтаральнікі заканчваюць свой жыццёвы шлях і ў назву фонду дадаецца дата смерці і г. д. Вызначэнне характару праанатаваных фондаў (апрацаваны ці неапрацаваны) і канечнай даты прадстаўленай інфармацыі дае магчымасць дакладнага аналізу даных за пэўны перыяд і іх дапаўнення. Так, у БДАМЛМ на канец 2007 г. захоўвалася каля 400 фондаў і калекцый асабістага паходжання (разам з неапрацаванымі) [11] у параўнанні з 300 на канец 2006 г. (не ўлічваючы неапрацаваныя), якія ўключаны ў даведнік. У 2008 г. у БДАМЛМ (ф. 55) стала даступна для даследчыкаў каштоўнейшая калекцыя дакументаў беларускіх пісьменнікаў (уключаючы дакументы С. Адамовіча, Ф. Аляхновіча, З. Бядулі і паўсотні іншых асоб).

Акрамя таго, да прадстаўленага ў даведніку шэрагу дзяржаўных архіваў, якія захоўваюць фонды і калекцыі асабістага паходжання, можна дадаць Беларускі дзяржаўны архіў кінафотонадакументаў (БДАКФФД), дзе ўтрымліваецца каля 6 калекцый асабістага паходжання (сабраных асобай), і Занальны дзяржаўны архіў у г. Лідзе, у якім у 2007 г. архівістамі была створана калекцыя, у склад якой увайшлі дакументы грамадска-палітычнага дзеяча раёна Г. П. Барана і ветэрана Вялікай Айчыннай вайны З. Дз. Балабай. Складанне даведніка па фондах і калекцыях асабістага паходжання адбывалася на падставе створаных у дзяржаўных архівах апісанняў. На жаль, складальнікам рэцэнземага даведніка не была адзначана гэтая даволі грунтоўная праца архі-

вістаў, асабліва Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, якія праанатавалі каля 300 сваіх фондаў.

Даведнікі па дакументах асабістага паходжання, акрамя даведчна-інфармацыйнай функцыі, могуць выконваць функцыю крыніцзнаўчую (стварэнне базы для даследаванняў розных накірункаў ці яе пашырэнне, што асабліва актуальна для развіцця біяграфістыкі), архівазнаўчую (пошук дакументаў асабістага паходжання і ўдасканаленне метадыкі іх апісання), архівасофскую (ацэнка значнасці комплексаў дакументаў асабістага паходжання ў той ці іншы гістарычны перыяд, ацэнка свядомасці грамадства ў справе захоўвання асабістых архіваў дзеячаў нацыянальнай культуры), культуралагічную (ацэнка захаваных асабістых архіваў як культурнага здабытку народа), ідэалагічную (выхаванне свядомасці на прыкладах асабістых лёсаў дзеячаў нацыянальнай навукі і культуры і іх дакументальнай спадчыны) і інш. Рэалізацыя пералічаных функцый залежыць ад мэт, што ставяцца аўтарамі-складальнікамі, а таксама сродкаў і спосабаў іх рэалізацыі.

Кароткі даведнік «Фонды і калекцыі дакументаў асабістага паходжання ў дзяржаўных архівах Рэспублікі Беларусь» можа стаць першым крокам на шляху стварэння найбольш поўнага даведніка па асабістых архівах дзеячаў беларускай навукі і культуры, што захоўваюцца ў архівах, музеях і бібліятэках, а таксама за мяжой, ці агульнанацыянальнага рэсурсу па прыкладу ўкраінскай базы даных «Эліта Украіны» ці нямецкай Nachlassdatenbank. Методыка складання даведніка павінна базіравацца на навуковых прынцыпах, выпрацаваных складальнікамі міжархіўных тэматычных даведнікаў такога тыпу [12], асноўным з якіх з'яўляецца прынцып прыналежнасці да дзейнасці адной асобы, што значна павялічвае інфармацыйную каштоўнасць выдання і адкрывае магчымасці для грунтоўнай крыніцзнаўчай ацэнкі прадстаўленых комплексаў дакументаў. Даведнік (альбо агульнанацыянальны інфармацыйны рэсурс) павінен скіраваць увагу даследчыкаў на вывучэнне дакументаў асабістага паходжання, а таксама абавязальна ўдаскладніць ужо вядомыя даныя аб колькасці і якасным складзе дакументаў асабістага паходжання — адной з каштоўнейшых частак Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь.

Бібліяграфія

1. Сурмач, Г. Лёс нашай спадчыны. Час вярнуць нацыянальныя гістарычныя каштоўнасці з суседніх сховаў // Літаратура і мастацтва. — 1991. — 3 вер. — С. 14—15; Карлюкевіч, А. М. Знойдзенае і... згубленае? (Тыпова беларускі лёс архіваў краязнаўцаў канца XX стагоддзя) // Беларускі археографічны штогоднік. — Вып. 1. — Мінск: БелНДДАС, 2000. — С. 92—97.
2. Архіўныя чытанні I—III: Матэрыялы навуковых канферэнцый, Мінск, 2003—2005 гг. — Мінск: РІВІІ, 2006. — С. 62—125.
3. Метадычныя рэкамендацыі па рабоце архіваў з дакументамі асабістага паходжання / Аўт.-склад. Г. В. Запартыка. — Мінск: БелНДДАС, 2005. — 200 с.
4. Іванова, В. С. Асабістыя архівы ў дзяржаўных сховішчах Беларусі // Беларускі археографічны штогоднік. — Вып. 9. — Мінск, 2008. — С. 94—108.
5. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель: В 3 т. — М.: Тип. Библиотеки им. В. И. Ленина, 1962—1980. — Т. 1—3.
6. Zentrale Datenbank Nachlässe [Электрон. рэсурс] // Das Bundesarchives. — Berlin, 2004—2005. — Рэжым доступу: <http://www.nachlassdatenbank.de/>. — Дата доступу: 20.01.2010.

7. Літа Украіны XVIII—XX ст.: Нацыянальны рэестр асобовых архіваў. Анатова-ніі довіднік і база даных [Электрон. рэсурс] // *Архівы Украіны*. — Кіев, 2008. — Рэжым доступу: <http://www.archives.gov.ua/BranchProgs/ELITA.php>. — Дата доступу: 20.01.2010.
8. Каталог личных архивных фондов отечественных историков. — Вып. 1: XVIII век / Под ред. С. О. Шмидта. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 368 с.; Каталог личных архивных фондов отечественных историков. — Вып. 2: Первая половина XIX века / Отв. ред. С. О. Шмидт. — М.: РОССПЭН, 2007. — 720 с.
9. Документы Национального архивного фонда Республики Беларусь в Национальной библиотеке и музеях системы Министерства культуры и печати Республики Беларусь: Справочник. — Минск: БелНИИДАД, 1995. — 167 с.; Жумарь, С. В. Ведомственные архивы и отраслевые фонды Республики Беларусь. — Минск: БелНИИДАД, 2005. — 152 с. і інш.
10. Краткий словарь архивной терминологии. — М.—Л., 1968. — 68 с.; Метадчыныя рэкамендацыі па рабоце архіваў з дакументамі асабістага паходжання / Аўт.-склад. Г. В. Запарытка. — Мінск, 2005. — 200 с.
11. Иванова, В. С. Асабістыя архівы ў дзяржаўных сховішчах Беларусі // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. — Вып. 9. — Мінск, 2008. — С. 102—103.
12. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель: В 3 т. Т. 1—3. — М.: Тип. Библиотеки им. В. И. Ленина, 1962—1980; Каталог личных архивных фондов отечественных историков. — Вып. 1: XVIII век / Под ред. С. О. Шмидта. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 368 с.

В. С. Иванова

АРХИВЫ И ИМЕНА

Рублевская Л. И., Скалабан В. В. Время и бремя архивов и имен. — Минск: Литература і Мастацтва, 2009. — 192 с.

Книга Л. И. Рублевской и В. В. Скалабана является по-своему уникальным изданием. В ней собраны воедино принадлежащие их перу 17 очерков и эссе, частично опубликованных в газете «Советская Белоруссия», а также «пьеса-документ» «Людвіка і Фабіян». Книга Рублевской и Скалабана стала своеобразным итогом трудной, но плодотворной совместной работы по заполнению многочисленных «белых пятен» белорусской национальной культуры. В авторском предисловии, адресованном читателям, они сформулировали собственное кредо: «Наш долг — здесь и сегодня восстанавлять историческую правду и память». Л. И. Рублевская и В. В. Скалабан отметили в связи с этим одно крайне прискорбное обстоятельство: «историческую память белорусского народа выкорчевывали столетиями» (с. 5).

Книга Рублевской и Скалабана хорошо фундирована. Авторы черпали информацию из многочисленных собраний белорусских архивов, библиотек и музеев. Основным из них явился Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), в составе которого наибольшую информативную ценность представляли рассекреченные документы бывшего Партийного архива ЦК Компартии Белоруссии. Существенным дополнением к ним стали документальные материалы Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, Центрального архива Комитета государственной безопасности Республики Беларусь. Помимо этого, авторы привлекли отдельные документы из архивов Москвы и Санкт-Петербурга, фотографии из личных коллекций.

Основная часть книги Л. И. Рублевской и В. В. Скалабана отведена освещению неоднозначной истории белорусской литературы советского периода, трагическим судьбам белорусских писателей, которые попали в водоворот политических репрессий. В ней впервые опубликованы ранее недоступные документы о тех из них, кто погиб либо оказался за бортом литературной и общественной жизни в период репрессий. В этот скорбный список вошли Максим Горещкий, Тишка Гартный, Кузьма Чорный, Платон Головач, Микола Хведорович, Андрей Александрович...

Известная поговорка гласит: «Все писатели пьют, но не все, кто пьет, являются писателями». Она приходит на ум, когда читаешь помещенный в книге Л. И. Рублевской и В. В. Скалабана очерк под характерным заголовком: «В пьяном виде можно поцеловать классового врага». Из истории писательских застолий» (с. 24—34). Событийная канва, вокруг которой разворачивается повествование в этом очерке, — роскошный ужин, устроенный 14 декабря 1923 г. в Минске по случаю 15-летия творческой деятельности писателя Тишки Гартного (Змитера Жилуновича). Л. И. Рублевская и В. В. Скалабан приводят любопытные свидетельства об этом ужине, извлеченные из архивных документов. Когда «наверху» начался разбор «дела о банкете» в честь Т. Гартного, были получены показания целого ряда очевидцев и участников данного, как подчеркивают авторы книги, «в общем, заурядного события» — начиная от служащей столовой № 6, где происходил банкет, и кончая партийно-государственными функционерами и писателями, приглашенными на застолье в качестве гостей. По свидетельству заведующего злополучной столовой № 6 тосты на банкете в честь Т. Гартного «вносились» с пением «Интернационала» «в честь Соввласти, Компартии, юбилея, вождей наших». Но несмотря на это, по «делу о банкете» было принято серьезное партийное постановление. Спустя несколько лет, в ходе «генеральной чистки» 1929 г. партийных рядов, как показали Л. И. Рублевская и В. В. Скалабан, Т. Гартному «припомнили» злополучный «юбилейный» банкет...

Одним из основных источников информации о «нежелательных» высказываниях и действиях, которые впоследствии органы ОГПУ и НКВД брали за основу при формулировке политических обвинений в адрес некоторых белорусских писателей, являлись письменные показания их «товарищей по цеху». Этот «литературный жанр» был особо «популярен» в период репрессий 1930-х гг. Многочисленные примеры этих «посланий особого рода», как их метко окрестили Л. И. Рублевская и В. В. Скалабан, приведены в книге. Однако Рублевская и Скалабан специально оговариваются: доносов от писателей «во власть», по их мнению, направлялось «меньше, чем на писателей от всяческих «окололитературных» товарищей». Подобная «практика», как видно из опубликованных ими документов, сохранялась и спустя несколько десятилетий после репрессий 1930-х гг.

Но среди деятелей белорусской культуры встречались и такие, которые находили в себе мужество сопротивляться несправедливым наветам и оговорам. Среди других документов в книге опубликовано адресованное секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко и наркому внутренних дел БССР Л. Ф. Цанаве письмо писателя К. Чорного (Н. Романовского), которого «органы» готовили в качестве свидетеля на очередном процессе над «нацидемами». К. Чорный просидел в тюремной одиночке более полугодя. Сотрудники НКВД подвергали его всевозможным издевательствам. В конечном счете под угрозой расстрела он был вынужден подписать «неправду о себе и о других лицах». В упомянутом письме на имя П. К. Пономаренко и Л. Ф. Цанавы бе-

лорускі пісатель хотел «внести ясность», не желая, даже страшась последствий, содействовать расправе над своими собратьями по перу.

Более восьми месяцев в самых тяжелых условиях «кошмара и мучений» провел в минской тюрьме НКВД подследственный Н. Казюк, от которого чекистам силой удалось добиться «компромата». Однако он осмелился отказаться от «вынужденно-ложных собственноручных показаний», о чем свидетельствует запись в протоколе от 19 декабря 1938 г. (с. 111).

Внимание читателей, особенно любителей белорусской литературы, привлекут очерки и эссе Л. И. Рублевской и В. В. Скалабана, посвященные ее выдающимся представителям: Якубу Коласу, Янке Купале, Петрусь Бровке, Максиму Танку. С большим сочувствием к погибшему в 1942 г. в московской гостинице при загадочных обстоятельствах Янке Купале написан очерк «Курган и «Шевроле». Литературная история в удостоверениях и описях» (с. 78—86). По-настоящему детективной выглядит описанная Л. И. Рублевской и В. В. Скалабаном история о том, как благодаря сложной поисковой работе, проделанной белорусскими архивистами, были возвращены на родину вывезенные немецкими оккупантами творческие материалы этого известного писателя («Одиссея рукописей Янки Купаль», с. 87—95).

Следуя сформулированному в обращении к читателю кредо, — восстанавливать историческую память и правду, авторы книги продемонстрировали высокий профессионализм не только в деле выявления и публикации ранее неизвестных документов, но и в процессе поиска родных и близких тех исторических персонажей, которые вызвали их интерес. Так, в очерке «Возвращение имени: Николай Казюк» (с. 105—115) Л. И. Рублевская и В. В. Скалабан рассказали о том, как им удалось выйти на В. Бодя, внучку Н. Казюка. Она сообщила массу сведений, которые позволили восстановить недостающие биографические данные.

В качестве пожелания можно было бы посоветовать Л. И. Рублевской и В. В. Скалабану (в случае, если их книга будет переиздаться), во-первых, поместить в приложение именной указатель, поскольку в тексте упоминается много исторических персонажей. Во-вторых, было бы желательно к документам, публикуемым впервые, указать архивную «легенду».

Материалы, помещенные в книге Л. И. Рублевской и В. В. Скалабана, написаны хорошим, можно даже сказать, сочным литературным языком. Авторы проявили себя как подлинны патриоты, увлеченно и в то же время профессионально работающие в архивах и библиотеках над заполнением «белых пятен» истории.

В. А. Невежин

— ◇ —

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ СУПОЛЬНАСЦІ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРЫЯД ГЕРМАНСКОЙ АКУПАЦЫІ (ЧЭРВЕНЬ 1941 — ЛІПЕНЬ 1944)

Крывацэй, Дз. А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 — ліпень 1944) / Дз. А. Крывацэй. — Мінск: Беларус. навука, 2009. — 198 с.

Даследаванне Вялікай Айчыннай вайны складае ў беларускай гістарыяграфіі асобны раздзел. Яно было распачата адразу пасля вызвалення Беларусі ад германскай акупацыі. На працягу пасляваенных дзесяцігоддзяў была надрукавана вялікая колькасць навуковых артыкулаў, манаграфічных прац, збораў крыніц і падручнікаў, вы-

сновы якіх былі абагульнены ў шэрагу энцыклапедычных выданняў. Нягледзячы на відавочную запатрабаванасць тэмы ў савецкія часы, можна з упэўненасцю сцвярджаць, што яна не губляе сваёй актуальнасці і ў нашы дні. Істотным недахопам прац, выдадзеных у другой палове 40-х — 80-х гг. XX ст. з'яўляецца аднабокае адностраванне характару падзей, якія разгортваліся на тэрыторыі Беларусі ў гады германскай акупацыі. У гістарыяграфіі замацаваліся ідэалагічныя падыходы, што негатыўна паўплывала на вынікі даследаванняў і прывяло да штучнага абмежавання спектра «дазволенага» тэм. На першым плане апынуліся міфалагізаваныя і аднабока разгледжаныя старонкі партызанскай і падпольнай барацьбы, пры разглядзе баёў на тэрыторыі Беларусі пераважаў апісальны падыход.

Вывучэнне міжнацыянальных адносін на акупіраванай тэрыторыі Беларусі з'яўлялася зонай асаблівага ідэалагічнага кантролю. Міжэтнічныя стасункі разглядаліся выключна пад аптымістычным вуглом бачання: савецкая армія — усабленне баявога духу садружнасці народаў СССР, інтэрнацыяналізм — крыніца народнай барацьбы ў тыле ворага і на працоўным фронце. Гэта выключала магчымасць аб'ектыўнага аналізу нацыянальных рухаў у перыяд акупацыі, прымушала гісторыкаў замоўчваць «нязручныя» моманты этнічнай гісторыі народаў нашай краіны ў час Вялікай Айчыннай вайны. Толькі ў гады пасля распаду савецкай сістэмы і атрымання Беларуссю нацыянальнага суверэнітэту грамадскасці стала вядома, што міжнацыянальныя стасункі ў гады вайны існавалі не толькі ва ўзорна-бесканфліктным варыянце, але і ў выглядзе складаных супярэчлівых сітуацый. Міжэтнічныя камунікацыі ў мінулым і ў сучаснасці застаюцца для шматнацыянальнай Беларусі актуальнай, а ў чымсьці і бялоунай тэмай.

У сувязі з гэтым нельга не выказаць вялікі энтузіязм з нагоды выхаду з друку манаграфіі Дз. А. Крывацэя «Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 — ліпень 1944)», якая з'яўляецца плёнам шматгадовай працы даследчыка. Аўтар быцьцё сваю задачу ў тым, каб на прыкладзе гістарычных лёсаў нацыянальных супольнасцей раскрыць характар нацыянальнай палітыкі германскіх акупацыйных улад у розных зонах акупацыі Беларусі, правесці параўнанне гістарычных фактаў, з'яў і працэсаў. Ён паслядоўна вывучае спецыфіку нацыянальна-культурнага становішча народаў краіны, выяўляе і асвятляе асноўныя вузлы нацыянальных і этнасацыяльных праблем, якія праявіліся ў жыцці мясцовага насельніцтва ў час Вялікай Айчыннай вайны.

Тэма сфармулявана вельмі шырока, і зразумела, што нават фармат манаграфіі не мог дазволіць Дз. А. Крывацэю разгледзець усе аспекты этнічнай гісторыі народаў Беларусі ў час Вялікай Айчыннай вайны. Згодна з гэтым, аўтар адмовіўся ад вывучэння сутнасці ўдзелу прадстаўнікоў розных супольнасцей у партызанскім руху, дзейнасці нацыяналістычных (літоўскіх і латышскіх) паліцэйскіх батальёнаў на тэрыторыі акупіраванай Беларусі, толькі ўскосна закрануў пытанне пра дзейнасць Арміі Краёвай і калабарацыянскіх узброеных фарміраванняў (казацкіх атрадаў, Рускай вызваленчай арміі, брыгады Камінскага), адмовіўся ад дакладнага вызначэння колькасці асобных нацыянальных груп.

На карысць прадстаўленага Дз. А. Крывацэем даследавання прамаўляе спіс крыніц. Іх колькасць і нават сам пералік архіваў, з якіх паходзяць гэтыя акты, выклікае пашану. Фундамантам для працы сталі фонды Архіва новых актаў у Варшаве, Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, дзяржаўных архіваў Гродзенскай, Брэсцкай і Мінскай абласцей, а разам з тым — перыядычны друк, мемуарная літаратура на беларускай,

нямецкай, рускай і польскай мовах. Крыніцы лагічна сістэматызаваны, звяртае на сябе ўвагу крытычны падыход аўтара да дакументаў. Пададзеныя ў крыніцазнаўчым раздзеле інфармацыя — неацэнная дапамога маладым даследчыкам, якія збіраюцца прысвяціць сябе далейшаму разгляду гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ў Беларусі.

Выснову пра грунтоўнасць любой манаграфіі заўсёды дапамагае зрабіць таксама і гістарыяграфічны агляд. Пераадольваючы штучны ізаляцыянізм, на жаль, уласцівы для айчынных навукоўцаў, Дз. А. Крывашэй грунтоўна і педантычна вывучае даследчыцкі плён сваіх класікаў з Беларусі, так і з-за мяжы. Адзінае, у чым можна было б папракнуць аўтара, гэта апавядальны тон гістарыяграфічнага агляду. Робячы выснову пра тое, што гісторыя нацыянальных супольнасцей Беларусі ў перыяд германскай акупацыі да гэтага часу не стала тэмай асобнага даследавання (у чым з ім нельга не згадзіцца), і што на дзень сённяшні ў працах гісторыкаў прысутнічаюць толькі асобныя аспекты ўзнятай Дз. А. Крывашэем тэмы, ён, на жаль, не паведамляе чытачу, у чым менавіта бачыць пралікі ці памылкі сваіх папярэднікаў. Між тым крытычны разгляд гістарыяграфіі пытання толькі падмацоўвае пазіцыі даследчыка і актуалізуе яго творчыя намаганні.

Вельмі цікавым падаецца 3-ці раздзел, дзе разглядаюцца ўмовы, у якіх апынуліся ў Беларусі ў часы германскай акупацыі прадстаўнікі нямецкай супольнасці. Прыведзены архіўныя даныя пра становішча райхсдойчэ і фольксдойчэ, захадзі акупацыйнай адміністрацыі па перацягванні на свой бок беларускіх немцаў. Як вынікае з даследавання, асабліва ўвага пры гэтым надавалася развіццю нямецкай адукацыі і выхаванню падрастаючага пакалення фольксдойчэ ў нацыянал-фашысцкім рэчышчы. Аўтар першым у айчыннай гістарыяграфіі звяртаецца да вывучэння багатага архіўнага матэрыялу па гэтым пытанні. Ён аналізуе стан школьнай справы — мэты і статыстыку школ для фольксдойчэ, умовы залчэння ў іх склад, вывучэнне нямецкай мовы, забеспячэнне падручнікамі, кадравы склад і падыходы да выхавання дзяцей фольксдойчэ «ў нямецкім духу». Прааналізаваўшы пытанні пра выкарыстанне асоб нямецкага паходжання на неваеннай службе, падыход нямецкай улады да аплатаў іх працы, перасяленне фольксдойчэ на тэрыторыю Трэцяга Рэйха, Дз. А. Крывашэй рашуча абвяргае міф пра існаванне ў Беларусі ў час вайны нямецкай «Пятай калоны» і мізэрнасць вынікаў нацыянальнай палітыкі акупантаў у дачыненні да гэтай групы насельніцтва.

У сваёй манаграфіі Дз. А. Крывашэй не цураецца разгляду праблемных і дыскусійных пытанняў, адным з якіх, безумоўна, стала становішча палякаў у акупіраванай Беларусі, а таксама беларуска-польскія адносіны ў часы Вялікай Айчыннай вайны. Ён паведамляе, што на пачатку акупацыі становішча палякаў у Беларусі можна лічыць лепшым у параўнанні з іншымі этнасамі. Палякі лічыліся пакрыўджанымі савецкай уладай, таму акупанты зрабілі стаўку на прыцягненне іх на свой бок. Супольнасць была шматколкаснай у мясцовай адміністрацыі і школе, што прывяло да ажыццяўлення спроб па паланізацыі і акаталічвання беларускага і рускага насельніцтва. Пры гэтым самаідэнтыфікацыя асобных жыхароў Заходняй Беларусі была складанай і нават пакутлівай, што добра прайлюстравана мемуарнымі крыніцамі. Слушнымі падаюцца высновы Дз. А. Крывашэя пра распаўсюджанасць антыпольскіх настрояў сярод мясцовага насельніцтва і абвастранне канкурэнцыі паміж польскай і беларускай нацыянальна свядомай элітай.

Аўтар даволі падрабязна спыняецца на асаблівасцях становішча ўкраінцаў Беларусі ва ўмовах германскай акупацыі. Ён адзначае дынаміку росту колькасці гэтай этнічнай супольнасці, спасылгаючыся на польскія і беларускія архівы, прыводзіць но-

выя звесткі пра развіццё ўкраінскай школьнай справы, параўноўваючы яе са станам беларускай і польскай адукацыі, вывучае дзейнасць Украінскага камітэта самапомачы па адкрыцці рамесных школ, пашырэнні ўжывання ўкраінскай мовы. Па-за яго ўвагай не засталіся культурна-асветніцкае таварыства «Просвіта», украінскі тэатр, клубы і гурткі, нацыянальны друк. На нашу думку, Дз. А. Крывашэй робіць слушную выснову пра тое, што нацыянальная палітыка германскіх акупантаў актывізавала грамадска-культурную дзейнасць украінскага этнасу ў Беларусі, а палітыка ўкраінізацыі прывяла да прымушовага распаўсюджвання ўкраінскамоўнай адукацыі і друку, аднак імкненне да самавызначэння ўкраінскага народа прывяло да росту напружання і вяржасці паміж акупантамі і ўкраінскім насельніцтвам на апошнім этапе акупацыі.

Адна з тэм, якая раней, на жаль, не вельмі прываблівала даследчыкаў Вялікай Айчыннай вайны, — жыццё прадстаўнікоў рускай супольнасці ва ўмовах акупіраванай Беларусі. Дз. А. Крывашэй запаўняе гэты прабел, даводзячы, што нямецкія ўлады змагаліся з «бальшавіцкім уплывам», носбітамі якога была, на яго думку, руская інтэлігенцыя. Пры гэтым падтрымка белэмігранцкай рускай інтэлігенцыі знаходзілася ў рэчышчы палітыкі «падзяляй і ўладар», а з другога боку, — стварала альтэрнатыву «чырвоному крылу» рускай супольнасці. Як вынікае з матэрыялу, пададзенага ў 7-м раздзеле, рускае насельніцтва вяло надзвычай актыўнае нацыянальнае і сацыяльна-палітычнае жыццё, што ўвасобілася ў стварэнні нацыянальнага камітэта самадапамогі, Саюза рускай моладзі, газет і школ.

Падаецца, што большай увагі заслугоўвала б тэма генацыду яўрэйскага народа ва ўмовах акупацыі. Аўтар пачынае раздзел з тэрміналагічнага пытання, даводзячы, што назва «генацыд» сапраўды слушна прымяняецца ў дачыненні да палітыкі захопнікаў адносна яўрэяў. На нашу думку, тут лагічна было б таксама выказаць свае адносіны да іншага, пашыранага ў заходняй гістарыяграфіі тэрміна — Халакост. Далей нямала месца аддаецца аповеду пра антыяўрэйскі рух на тэрыторыі Германіі з 1938 па 1941 год. Па гэтым пытанні аўтар вымушаны выказацца даволі павярхоўна і з чужых слоў, таму альбо сюжэт гэты наогул трэба было б апусціць, альбо дадаць глыбокі аналіз фарміравання расавай тэорыі, на глебе якой і ўзнікла менавіта такая нацыянальная палітыка. Пры напісанні гэтага раздзела Дз. А. Крывашэй абмінуў шмат цікавых пытанняў, напрыклад, пра паўсядзённасць у гета, стратэгіі выжывання, формы супраціўлення германскім уладам, культурнае, сацыяльнае і грамадска-палітычнае жыццё гета. Нам вельмі не хапіла імёнаў: героюў, калабарантаў, здрайцаў, партызан. На старонках 7-га раздзела яўрэі ператварыліся ў нейкую пакорлівую, бязлікую, шэрую масу, якая апатычна чакае, калі яе павядуць на смерць, што на самой справе было няпраўдай. Нельга не заўважыць і некаторую аднабаковасць крыніц, якія сталі падставой для напісання гэтага раздзела. Яго недахопы дапамаглі б ліквідаваць мемуары, напісаныя тымі, хто выжыў падчас Катастрофы, Кнігі Памяці асобных абшчын, якія складаюць на сённяшні дзень шматтомную бібліятэку, а таксама іўрытамоўна гістарыяграфія.

Грунтоўнасцю вылучаецца 8-мы раздзел, які прысвечаны разгляду становішча народаў, удзелу якіх у Вялікай Айчыннай вайне на тэрыторыі Беларусі раней даследчыкі шчодро аддавалі некалькі сказаў, проста канстатуючы, што татары, цыгане, літоўцы і латышы «таксама былі тут». Абапіраючыся на матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, польскага Архіва новых актаў, Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці, друк і надрукаванне нямецкіх крыніц, Дз. А. Крывашэй распавядае пра колькасць гэтых нацыянальных супольнасцей і асаблівасці палітыкі, якую право-

дзілі германскія ўлады ў дачыненні да іх прадстаўнікоў. Ён адзначае, напрыклад, што адносіны немцаў да цыганоў на тэрыторыі Беларусі мелі сваю спецыфіку. Тут яны падзяляліся на «вандроўных», якія былі асуджаны на смерць, і «асельных», якія былі прыраўнаны да іншага карэннага насельніцтва. У падраздзелах пра становішча латышоў і літоўцаў асноўную ўвагу аўтара, па прычыне слабай захаванасці крыніц, прыцягнулі ў асноўным пытанні развіцця нацыянальнай школы, дзейнасць якой была прасякнута ідэалагічнымі ўстаноўкамі.

Не заставаліся па-за ўвагай нямецкіх акупантаў і татары. У лютым 1942 г. абласныя камісары атрымалі загад сабраць падрабязныя звесткі пра татарскае насельніцтва, вызначыць яго ляльнасць да акупацыйных улад, каб пазней выкарыстоўваць іх у ваенных, палітычных і гаспадарчых мэтах. Асабліва ўвага звярталася на рэлігійнае жыццё прадстаўнікоў гэтага народа. У піку палітыцы прымусовага атэізму савецкіх часоў нямецкія акупанты прынялі рашэнне пра неабходнасць усяляк садзейнічаць мусульманскаму культу. Дз. А. Крывашэй распавядае пра дзейнасць мусульманскага святарства і татарскіх грамадскіх дзеячаў, станаўленне Саюза татарскай моладзі, беларусізацыю татар, якая праявілася перш за ўсё ў пераходзе на беларускую мову. Як даводзіць аўтар, апалітычнасць татарскага насельніцтва прадухіліла рэалізацыю плана германскіх улад па перасяленню гэтай супольнасці ў Сярэдняю Азію. Абагульняючы, што ў перыяд акупацыі беларускія татары змаглі захаваць адметнасць сваёй нацыянальнай культуры і пашырыць рэлігійную адукацыю.

У заключным раздзеле аўтар падводзіць вынікі даследавання і паказвае, што ва ўмовах вайны нацыянальнае жыццё этнічных супольнасцей Беларусі ажывілася. Нацыянальны аб'яднанні ў асноўным мелі культурна-дабрачынны характар, бо да палітычнай актыўнасці мас акупанты ставіліся падазрона. Нацыянальная палітыка акупантаў была накіравана на дамінаванне арыйскай расы, анямечванне і эксплуатацыю мясцовых жыхароў. Тактыка «падзяляй і ўлада» не прадугледжвала ні нацыянальнага самавызначэння асобных народаў, ні іх мірнага суіснавання. У кнізе сфармулявана галоўная выснова, якая заключаецца ў тым, што векавыя традыцыі талерантнага трактавання чужой самабытнасці, якія былі выпрацаваны на тэрыторыі Беларусі, спрыялі краху палітыкі акупантаў па культываванню этнічнай напружанасці. Простае насельніцтва не цікавілася палітычнымі гульнямі калабарантаў, яно вымушана было супольна шукаць шляхі выжывання ў драматычных умовах вайны.

Падводзячы вынікі, можна адзначыць, што манаграфія Дз. А. Крывашэя — гэта якасна зробленае, самастойнае даследаванне. Напісанае ясна, кампетэнтна і сумленна, яно патрэбна беларускай гістарычнай навуцы. Зразумела, што «немагчыма агарнуць неабсяжнае», аўтар не мог асвятліць усе акалічнасці тэорыі і практыкі нацыянальнай палітыкі германскага фашызму і стану этнічных супольнасцей на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Не ўсе меркаванні аўтара будуць бяспрэчна прыняты навуковым светам. Нічога дрэннага ў гэтым няма: не выклікае дыскусіі толькі нецікавая кніга. Зроблены вялікі крок наперад, і ў сувязі з выходам у свет новай манаграфіі можна пажадаць аўтару плённага працягу даследчыцкай справы, а ўсім, хто цікавіцца гісторыяй нашага роднага краю, — прыемнага і карыснага чытання.

В. А. Сабалеўская

— ◇ —

ЦІКАВАЯ СТАРОНКА Ў ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬНАГА РУХУ

Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР у Нямеччыне (1919—1926): Дакументы і матэрыялы // Arche. — 2009. — № 3. — С. 1—328.

У працы У. Сакалоўскага раскрываецца адзін з вельмі складаных і напружаных этапаў на шляху беларускага народа да атрымання дзяржаўнай незалежнасці.

Адраджэнне Беларусі і цяга беларускай інтэлігенцыі да нацыянальнага самавызначэння распачаліся яшчэ ў XIX ст. Важным штуршком у яго развіцці стала рэвалюцыйная сітуацыя ў Расіі 1905 г. Вайна 1914—1918 гг. і развал Расійскай імперыі вызначылі новы этап у імкненні зняволеных народаў Расіі: польскага, украінскага, беларускага, фінскага, літоўскага і інш. да нацыянальнага вызвалення.

У прапанаванай увазе чытача працы У. Сакалоўскага на аснове работы адной з найбольш значных і актыўных беларускіх місій, Берлінскай, знайшла яркае адлюстраванне дзейнасць урада Беларусі. Дакументы і матэрыялы яскрава сведчаць пра актыўную дыпламатычную працу БНР насуперак тым фальшывым фабрыкаціям польскай і савецкай прапаганды таго часу, у якіх галаслоўна гучалі фальшывыя, недарэчныя сцвярджэнні пра ўрад БНР як нейкае штучнае ўтварэнне.

У працы апублікаваны 204 дакументы з Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ), Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ) і Цэнтральнага архіва Рэспублікі Літва, бібліятэкі Акадэміі навук Літвы (БАНЛ), архіва Міністэрства замежных спраў Германіі, Бундэсархіва і інш. З спадчыны, дайна сабранай даследчыкам, вылучаны самыя значныя і важныя дакументы, якія найбольш поўна характарызуюць важнейшыя напрамкі дзейнасці дыпламатычнага прадстаўніцтва БНР у Берліне. Яны падаюцца з захаваннем правапісу 20-х гадоў, з улікам тагачаснай моўнай традыцыі. Большая частка дакументаў друкуюцца ўпершыню.

Публікацыя складаецца з сямі раздзелаў, якія скіраваны на тое, каб найлепш выявіць важнейшыя аспекты працы як самой місіі ў Берліне, так і ўсяго ўрада, абумоўлення часам, гістарычнымі падзеямі, а таксама тактыкай і стратэгіяй дзейнасці ўрада БНР. Дзейнасць місіі прасочваецца ў гістарычнай паслядоўнасці ад заснавання БНР да заканчэння яе існавання і перадачы мандатаў ураду БССР.

Згодна з інструкцыяй, складзенай А. Луцкевічам для Берлінскай місіі, ёй прадпісвалася ў першую чаргу сканцэнтраваць сваю працу на самых актуальных для новага ўрада напрамках: прызнанне Германіяй БНР і самой Берлінскай місіі, праца з беларускімі ваеннапалоннымі, распаўсюджанне праўдзівых звестак пра Беларусь і яе ўрад, ператварэнне місіі ў важны цэнтр сувязі як з беларускімі дыпламатычнымі прадстаўніцтвамі, так і са сталіцамі важнейшых еўрапейскіх дзяржаў, асабліва з Парыжам, дзе тады вырашаўся лёс многіх зняволеных народаў.

Першачарговай задачай місіі, асабліва на пачатку яе дзейнасці, была праца з ваеннапалоннымі. Яе ўзначальваў А. Борык, які як прадстаўнік ваеннай місіі ўрада БНР першым прыбыў у Берлін і разгарнуў там актыўную дзейнасць. Важнасць і актуальнасць ваеннай місіі выклікалася тым, што якраз у гэты час вырашалася пытанне аб стварэнні беларускага войска. Ужо 21 мая 1919 г. на пасяджэнні Рады народных міністраў БНР у Берліне было разгледжана пытанне аб вайсковых беларускіх фарміраваннях дзеля абароны Беларусі ад бальшавікоў і палякаў, якія занялі тэрыторыю Беларусі. У прынятай пастанове адзначалася: адразу ж прыступіць да арганізацыі нацыянальнага войска дзеля абароны Беларускай Народнай Рэспублікі, утварыць у Берліне Арганізацыйны ад-

дзел ваеннага міністэрства, назначыўшы начальнікам яго генерал-маёра Л. Давыдава. Каштарыс, які прадставіў генерал Давыдаў, зацвердзіў на першы месяц у суме 23 700 марак, адкрыць крэдыт генералу Давыдаву на 100 000 марак.

Аднак дзейнасць гэтага аддзела не знайшла актыўнага развіцця як з-за адсутнасці фінансавых сродкаў, так і па прычыне перашкоды дыпламатычнай агентуры Пілсудскага, якая дабілася таго, што беларускаму ўраду было адмоўлена ў атрыманні аб'яцання амерыканскіх узбраенняў, што знаходзіліся ў Еўропе.

Беларуская ваенная місія займалася ўлікам беларускіх ваеннапалонных у Германіі, якіх налічвалася там да 60 тыс., выдзяленнем іх у асобны табар. Увесь час вялася жорсткая барацьба з расійскімі генераламі і польскімі агентамі, якія вербавалі ваеннапалонных як гарматнае мяса для белаі арміі ці польскіх легіёнаў. Акрамя таго, з боку Беларускай ваеннай місіі рабіліся грашовыя дапамогі ваеннапалонным, а таксама распаўсюджвалася ў лагеры шмат беларускай нацыянальнай літаратуры: часопіс «3 роднага краю», бюлетэні Беларускага Прэс-Бюро.

І усё ж самым важным напрамкам у працы Берлінскай місіі была дзейнасць, скіраваная на прызнанне Беларускай Народнай Рэспублікі як суверэннай дзяржавы. Вяліся перамовы з прадстаўнікамі Міністэрства замежных спраў Германіі аб прызнанні беларускага ўрада дэ факта і дэ юра; і хаця немцы вельмі прыхільна ставіліся да беларускага нацыянальнага руху, беларускага эміграцыйнага ўрада, яны, звязаныя ў сваіх дзеяннях Версальскімі дамовамі, не мелі магчымасці першымі прызнаць БНР. Аднак такія адносіны сведчаць пра тое, што за больш незалежнае і дэмакратычнае беларускае прадстаўніцтва, а магчыма і адзінае, Міністэрства замежных спраў Германіі схільна было лічыць Урад БНР у Коўна, бо асобныя яго справы (іх пяць) былі распачаты і вяліся гэтым міністэрствам з 1920 па 1923 г. толькі з дакументамі БНР, а дакументацыя зносін з БССР, нягледзячы на падпісанне Рапальскага пагаднення, уключалася ў справы СССР. Гэта адно з пацвярджэнняў таго, што нямецкі ўрад не лічыў БССР самастойнай дзяржавай.

Згодна з нямецкім архіўным матэрыялам, Міністэрства замежных спраў Германіі актыўна праводзіла працу з Берлінскай місіяй амаль да падпісання Берлінскага пагаднення паміж Германіяй і БССР. Хаця Берлін і надалей падтрымліваў даволі прызныя адносіны з Беларускай эмігранцкім урадам, аднак пазней такія кантакты праводзіліся больш завуаліравана і асцярожна, каб пазбегнуць папрокаў з савецкага боку.

Місія ў Берліне адгрывала важную ролю як цэнтр, куды з'язджаліся прадстаўнікі іншых місій і дыпламаты, таму што Берлін ляжаў якраз на шляху да Парыжа, на Мірную канферэнцыю, дзе вырашаўся лёс многіх дзяржаў і народаў. Яна вяла актыўныя перамовы з іншымі дыпламатычнымі прадстаўніцтвамі, звязвалася з падобнымі місіямі БНР у іншых краінах, а таксама з місіямі іншых краін у самой Германіі. Былі ўсталяваны самыя цесныя зносіны з украінцамі, латышамі, эстонцамі, літоўцамі і фіняндцамі.

Менавіта па ініцыятыве беларускіх прадстаўнікоў у Берліне 17 чэрвеня 1919 г. была праведзена канферэнцыя паслоў усіх дзяржаў, што ўзніклі на тэрыторыі царскай Расіі пасля яе распаду: Азербайджана, Эстоніі, Грузіі, Латвіі, Паўночнага Каўказа, Беларусі, Украіны. На ёй прынята дэкларацыя да вялікіх дзяржаў і канферэнцыі з пратэстам супраць згоды Антанты на вызначэнне Калчаком лёсу зноў узніклых дзяржаў.

Берлінская місія падтрымлівала актыўныя кантакты і каардынавала сувязі паміж беларускімі прадстаўніцтвамі ў Капенгагене, Гданьску, Празе, Рызе, Канстанцінопалі, Сафіі, Парыжы, Рыме і ўрадам БНР, які спачатку знаходзіўся ў Коўна, а затым пераехаў у Прагу.

Важнае значэнне беларускае дыпламатычнае прадстаўніцтва надавала інфармацыйнай і культурна-асветнай дзейнасці. Пры місіі ў Берліне было заснавана Беларускае Прэс-Бюро. Яно друкавала бюлетэні на нямецкай мове, асвятляла дзейнасць як самога ўрада, так і раскрывала тую фальш і дэзынфармацыю, якія вяліся асабліва з боку польскіх і савецкіх сродкаў масавай прапаганды.

Нямецкія дзяржаўныя і прыватныя ўстановы, органы друку таксама праяўлялі значную цікавасць да Берлінскай місіі. Прадстаўнікі яе змяшчалі ў нямецкай прэсе публікацыі пра эканамічнае і палітычнае становішча Беларусі, чыталі лекцыі, рэфераты і як мага больш інфармавалі нямецкую грамадскасць пра наш край, асабліва шмат у гэтай справе зроблена лектарам В. фон Дзітманам.

Акрамя таго, пры Берлінскай місіі існавала выдавецкая суполка «Вызваленне». Гэта дзякуючы ёй выданыя кніга А. Цвікевіча «Адраджэнне Беларусі і Польшча» (Берлін, 1921), часопіс для беларускіх ваеннапалонных «3 роднага краю», аказана дапамога ў выданні на нямецкай мове кнігі В. Егера «Беларусь», надрукаваны першыя дзяржаўныя загранічныя пашпарты для цывільных, адрукаваны паштоўкі з гербамі беларускіх ваяводстваў, а таксама карта Беларусі з паляпшэннямі і дадаткамі. Неабходна адзначыць, што ўсе гэтыя выданні пашыраліся як сярод нашых ваеннапалонных, так і рассылаліся ў вялікай колькасці экзэмпляраў па ўсім свеце.

Важным аспектам дзейнасці місіі было атрыманне фінансавай падтрымкі, без якой не маглі існаваць і місія і нават сам урад. Крыніцай іх з'яўляліся галоўным чынам крэдыты, якія атрымоўвала БНР ад украінскага, літоўскага і іншых урадаў.

Тут у Германіі было заключана фінансавое пагадненне з фірмай «ІВЕГ», праз якую беларускі бок імкнуўся атрымаць украінскі крэдыт і паправіць сваё фінансавое становішча. Для ажыццяўлення гандлёвай дзейнасці з нямецкай фірмай была створана спецыяльная Гандлёвая камісія, якую ўзначальваў намеснік старшыні Рады Рэспублікі В. Захарка. Гандлёвая дзейнасць місіі, хаця не прынесла асаблівых дывідэндаў для БНР, тым не менш была працяглай па часе, значнай па багатці дакументаў, інтэнсіўнай па ўдзеле ў ёй урадавых структур.

Іншай крыніцай паступлення фінансавых сродкаў было выданне беларускіх пашпартоў самой Берлінскай місіяй, матэрыяльная дапамога ад прадрымальніка, ураджэнца Беларусі Станіслава Льва Сапегі Ваяводы, які заснаваў у Берліне фірму «Сіндыкат Сапегі для Еўропы і Азіі на Беларусі».

У заключэнне падаюцца важнейшыя матэрыялы і дакументы, якія праліваюць святло на апошні этап дзейнасці місіі БНР у Берліне, а менавіта знакамітую так званую Берлінскую канферэнцыю, скліканую для таго, каб скласці паўнамоцтвы ўрада БНР і перадаць мандаты ўраду БССР. Яна ўнесла трагічны раскол у шэрагі беларускага нацыянальнага руху і паклала канец актыўнай дзейнасці ўрада БНР.

Выданне У. Сакалоўскага — яшчэ адна старонка раскрыцця і асвятлення белых плямаў у гісторыі беларускага нацыянальнага руху на шляху станаўлення самастойнай беларускай дзяржаўнасці.

Важным, на нашу думку, з'яўляецца і тое, што праца даволі багатая ілюстравана. Ілюстрацыі, падабраныя з густам, значна дапаўняюць і абагачаюць уяўленне пра дзейнасць місіі, некаторыя з іх падаюцца ўпершыню.

В. Дз. Селяменёў

НОВАЕ АРХЕАГРАФІЧНАЕ ВYДАННЕ ПА ВАЕННАЙ ГІСТОРЫІ

Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Выпуск 1. М.: Квадрига, 2009. — 295 с., илл.

У Маскве пад патранатам Інстытута расійскай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Расійскага дзяржаўнага архіва старажытных актаў, Дзяржаўнага ваенна-гістарычнага і прыроднага музея-запаведніка «Кулікова поле» пачало выходзіць новае перыядычнае выданне «Единорогъ». Яно зайўлена як навуковы альманах, арыентаваны перш за ўсё на прафесіянальных гісторыкаў вайскавай справы. Хоць падзаглавак альманаха ўтрымлівае слова «матэрыялы», азнаямленне з першым выпускам выдання сведчыць, што ў ім змешчаны не толькі гістарычныя матэрыялы, археаграфічныя публікацыі, але і апрацаваныя гэтыя матэрыялаў, што выклікае ў памяці аналагічнае польскае выданне «Штудыі і матэрыялы па гісторыі вайсковасці» («*Studia i Materiały do Historii Wojskowości*»). Чаму ў падзагаалоўку «Единорога» адсутнічае пазначэнне «штудыі» («даследаванні»), незразумела, але крок зроблены правільны. Сапраўды, «голыя» матэрыялы, якія ўваходзяць у раздзел «Публікацыі», лагічна дапаўняць іх інтэрпрэтацыямі, — такая публікацыя зборніка выкліча большую цікавасць чытачоў. Зайўлены ў перспектыве і іншыя раздзелы — «Даведнікі, рэзесты, апісанні», «Крытыка, гістарыяграфія і бібліяграфія», «Навуковая спадчына». Храналагічныя межы матэрыялаў альманаха не зусім ясныя. Пачатковы рубж ніяк не агавораны, а канечны, відаць, уключае ўсё XVIII ст. Мяркуюцца, што альманах будзе выходзіць адзін — два разы на год.

Улічваючы, што ў перыяд сярэднявечча і новага часу Масковія, Расія часта ваявалі з Вялікім Княствам Літоўскім, то альманах абяцае быць цікавым беларускаму чытачу. Азнаямленне з першым выпускам «Единорога» паказвае, што гэта сапраўды так. Напрыклад, публікацыя польскага даследчыка Т. Бохуна «Письмо Херонима Яроша Волловича о несостоявшемся походе гетмана Я. К. Ходкевича на Москву (1612)» уводзіць у навуковы зварот цікавы дакумент, які тычыцца вайны Рэчы Паспалітай з Расіяй 1609—1618 гг. Дзякуючы апублікаванай крыніцы выяўляюцца новыя падрабязнасці сітуацыі на літоўска-маскоўскай граніцы ў пераломным 1612 г., калі войскі Рэчы Паспалітай вымушаны былі пакінуць заняты яшчэ ў 1610 г. Маскоўскі Крэмл. Як вядома, адной з прычын гэтай ваеннай няўдачы была пустата дзяржаўнага скарбу Вялікага Княства Літоўскага, затрымкі з выплаты жолду войску. Яно ўзбунтавалася і ўтварыла самакіруемы ўзброены саюз — канфедэрацыю, якая ў сучаснай гістарыяграфіі атрымала назву Берасцейская канфедэрацыя. Пра гэта перш-наперш і піша падскарбі ВКЛ Яраш Валовіч свайму адрасату — вармійскаму біскупу Шыману Рудніцкаму (адразу зазначым, што называць Валовіча двума імёнамі Іеронім Яраш, як гэта робіць публікатар, не варта, бо імя Яраш — гэта ўсяго толькі варыянт імя Іеронім). Па-другое, Яраш Валовіч апісвае свайму адрасату спрэчкі, якія ўзніклі паміж Янам Каралем Хадкевічам, вялікім гетманам ВКЛ, і Якубам Патоцкім, ваяводам брацлаўскім, што вызначыўся пры ўзяцці Смаленска ў 1611 г. Гаворка ішла пра новы паход на Маскву, дзе ў Крамлі яшчэ сядзеў абложаны гарнізон Рэчы Паспалітай. Аднак з-за спрэчак паход не адбыўся, і ў канцы 1612 г. крамлёўскі гарнізон капітуляваў.

Апублікаваны ліст каштоўны інфармацыяй, што паходзіла ад адной з вышэйшых асоб ВКЛ, якая мела, пэўна, надзейныя крыніцы звестак. У гэтым вялікая навуковая каштоўнасць ліста Яраша Валовіча. Аднак можна зрабіць некаторыя заўвагі наконт публікацыі. Па-першае, не вызначана, на аснове якіх эдытарскіх прыняццяў ліст выдадзены. Публікатар абагульнена заўважае толькі: «Тэкст дакумента перададзены ў адпа-

веднасці з правіламі публікацыі гістарычных дакументаў, прынятымі ў навуковым таварыстве». З эдытарскіх правілаў адзначана адно ўжыванне дужак: «З дапамогай круглых дужак раскрыты скарачэнні, прамавугольнымі пазначаны лакуны, трохвугольнымі — прапушчаныя літары і словы». Такіх тлумачэнняў, відавочна, недастаткова, да таго, правамоцнасць тэрміну «трохвугольныя дужкі» выклікае сумненні. Вельмі карысна, што публікацыя забяспечана перакладам на рускую мову, аднак ён не распаўсюджваецца на падрадкавыя заўвагі эдытара, якія засталіся цалкам польскамоўнымі. Некалькі заўваг можна зрабіць наконт перакладу. Такое знаёмае беларусам слова як «валока» перакладзена формай «влука», што недапушчальна, бо ў рускай мове ў навуковай літаратуры здаўна ўжаранілася форма «волока» (эдытар тлумачыць, што «влука» роўная каля 16,5 га, што таксама можа выклікаць пярэчэнні). Адзін беларускі горад на Дняпры названы ў рускім перакладзе «Думбровна» або «Домбровна», відаць, перакладчык (ці эдытар) не знаёмы з формай «Дубровно». Да таго, у падрадкавай заўвазе гэты горад патлумачаны як мястэчка ў Горацкім павеце. Тут эдытар, напэўна, чэрпаў звесткі з вядомага і саліднага для XIX ст. выдання «*Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*», хоць было б варта даваць адміністрацыйную прывязку на пачатак XVII ст. і на сённяшні час. Тут атрымалася, як і ў выпадку са Шкловам: «город в Белоруссии, в Могилевском повете», што было актуальна для часоў Расійскай імперыі. Месяца захавання дакумента трэба было пазначыць па-руску, бо звычайнаму рускаму чытачу будзе цяжка зразумець польскія абрэвіятуры «*PAN Kómiik, rkp. 290*» (месяца на ўвазе Курніцкая бібліятэка Польскай акадэміі навук).

Наступны матэрыял альманаха, што мае адносіны да беларускай гісторыі — публікацыя А. А. Курбатава «Документ об участии Леонтия Степановича Плещеева в событиях Тихвинского осажденного сидения 1613 г.». Тут надрукавана даведка з Разрадана прыказа ў Прыказ прыказных спраў пра службу Л. С. Пляшчэева пад Ціхвіным у 1613 г., дзе неаднаразаў ўпамінаюцца ваенныя дзеянні «немецких и литовских людей».

А. В. Вінаградаў публікуе гравіраваны партрэт шведскіх военачальнікаў XVII ст. — Густава Горна, Карла Густава Врангеля, Арвіда Вітэнберга, Густава Адольфа Левенгаўпта, Іагана Крыстофа Кёнігсмарка і Роберта Дугласа. Пры гэтым эдытар дае звесткі пра баявы шлях гэтых ваяроў, кожны з якіх даслужыўся да вышэйшага звання генерал-фельдмаршала. Гэты матэрыял спатрэбіцца і беларускім даследчыкам, бо некаторыя з гэтых асоб ваявалі і ў Рэчы Паспалітай. Гравіраваны партрэт паходзіць з калекцыі Ф. Ф. Вігеля і ў свой час былі выразаны з ілюстраванага выдання XVII ст. «Гэатр Еўропы».

Публікацыя Д. З. Фельдмана «Редкий документ о службе выкреста-еврея в русской армии во второй половине XVII в.» уводзіць у навуковы зварот звесткі пра магілёўскага яўрэя Ісачку, які ў 1650-х гг. быў захоплены ў расійскі палон, прыняў хрышчэнне (з імем Якаў) і паступіў на вайсковую службу як пушкар, хоць і застаўся ў «вечным холопстве». З «Памяці з Пушкарскага прыказа ў Прыказ паланяннічных спраў» ад 5 снежня 1667 г. вынікае, што «Якушка» ў гэты час вырашыў вярнуцца на радзіму і схваўся ў рэзідэнцыі паслоў Рэчы Паспалітай, якія ў той час прыбылі ў Маскву («и хочет ехать в литовскую сторону»). Царскі загад быў — «Якушку» на радзіму не пушчаць. Відаць, расійскія ўлады разглядалі яго не як палоннага, а як свайго новага падданага, што, пэўна, вынікала з акта яго праваслаўнага хрышчэння. Чым скончылася справа, невядома.

Раздзел «Артыкулы» пачынаецца з даследавання Ю. В. Селязнёва «К вопросу о тактической расстановке войск на Куликовом поле», дзе ў чарговы раз разглядаецца праблема, якім строем стаялі войскі вялікага князя маскоўскага Дзмітрыя Іванавіча ў час Кулікоўскай бітвы 1380 г. Бітва цікавая для беларускіх даследчыкаў у многіх адносінах, у тым ліку дзякуючы ўдзелу ў ёй князёў з ВКЛ — Андрэя Альгердавіча (Полацкага), Дзмітрыя Альгердавіча, Дзмітрыя Баброка (Вальнскага). Аўтар артыкула схіляецца да той схемы члянэння маскоўскага войска, якая апісана ў позніх помніках «Кулікова цыкла», хоць і адзначае няпэўнасць гэтых звестак.

Артыкул А. В. Белякова «Служилые татары Мещерского края XV—XVII вв.» прысвечаны своеасабліваму саслоўю маскоўскага грамадства — служылым татарам, якія, між іншым, удзельнічалі і ў баявых дзеяннях на тэрыторыі Беларусі. Мяшчэрскія (касімаўскія) татары ўдзельнічалі ў войнах паміж ВКЛ і Масквой у пачатку XVI ст., у Інфлянцкай вайне 1558—1582 гг. Як адзначае аўтар артыкула, «западные авторы рисуют татарские бесчинства в двадцатипятилетней войне в самых жутких красках. При этом зачастую приводят самые фантастические подробности. В частности, о людоедстве татар. Хотя русские войска действительно опустошили в начале войны Ливонию. Правда, русское воинство не отставало от татар». Цікавыя разважанні аўтара, што выкарыстанне маскоўскімі ўладамі татарскіх атрадаў мела і ідэалагічнае значэнне. Гэта павінна было падкрэсліць значныя памеры Маскоўскага царства, яго шматнацыянальны характар, падпарадкаванне маскоўскаму цару нашчадкаў ардынскіх цароў. Менавіта таму намінальна касімаўскія цары і царэвічы не раз узначальвалі маскоўскія ваенныя кампаніі, у тым ліку па захопу Полацка ў 1563 г. Мяшчэрскія татары адзначыліся ўдзелам і ў баявых дзеяннях XVII ст., аднак ваеннае значэнне іх знізілася.

Яшчэ два матэрыялы, што маюць некаторыя адносіны да беларускай гісторыі — артыкулы ўкраінскай даследчыцы Т. Г. Таіравай-Якаўлевай «Иван Выговский» і расійскага гісторыка І. Б. Бабуліна «Поход Белгородского полка на Украину осенью 1658 г.». Яны тычацца асобы і спраў украінскага гетмана Івана Выгоўскага, яго ўзаемаадносін з уладамі Рэчы Паспалітай і Расіі. Гэтыя артыкулы дэманструюць разнаветарныя падыходы сучаснай украінскай і расійскай гістарыяграфіі да шмат якіх пытанняў гісторыі Украіны. Калі для ўкраінскай даследчыцы Выгоўскай — верны спадарожнік і спадкаемец Багдана Хмяльніцкага, барацьбіт за ўкраінскую незалежнасць, то для Бабуліна ён мяцежнік, здраднік і больш ніхто. Думаецца, наўмысны падбор дзвюх сучасных прац, якія з розных ідэйна-дзяржаўных бакоў асвятляюць адны і тыя ж падзеі, выглядае даволі штучным, жаданнем некага ці нешта апраўдаць, што для гісторыі зусім не патрэбна. Украінская дзяржаўніцкая гістарыяграфія пойдзе далей сваім шляхам, а расійская — сваім.

У цэлым альманах «Единорог» выглядае цэльным, высокапрафесійным выданнем, якое будзе небескарысным і для беларускіх даследчыкаў. Вядома, шмат гадоў расійская гістарыяграфія знаходзілася пад забаронай асвятляць былыя войны Расійскай дзяржавы, што закраналі беларускія і ўкраінскія землі. Цяпер гэтыя забароны зняты, час весці даследаванні і канструктыўны дыялог.

В. С. Пазднякоў

РЭЗІЮМЭ

А. М. Запартыка, Г. В. Запартыка. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Пачатак *(да 50-годдзя заснавання)*.

У публікацыі даецца характарыстыка дакументам, якія адлюстроўваюць працэс рэалізацыі ідэі і ўмовы стварэння ў Беларусі літаратурнага архіва, а таксама першыя крокі дзейнасці адной з унікальных архіўных устаноў — Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва. Публікуемія дакументы змяшчаюць невядомыя факты з гісторыі архіва-музея і асвятляюць роллю ў яго стварэнні Архіўнага ўпраўлення пры Савецкім Міністраў БССР, Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР, вядомых архівістаў А. І. Азарава, Т. А. Трухіной і інш.

Э. М. Савіцкі. Органы Союзного государства Беларуси и России.

Уступленне ў сілу Дагавора аб стварэнні Саюзнай дзяржавы Беларусі і Расіі ад 8 снежня 1999 г. паклала пачатак новаму этапу развіцця працэсу беларуска-расійскай інтэграцыі. У артыкуле паказана, што гэты дакумент носіць характар устаноўчага акта, які акрэслівае статус ствараемага міждзяржаўнага ўтварэння. Назіраецца працэс стварэння прынцыпова новай сістэмы органаў Саюзнай дзяржавы, якая дазваляе найбольш эфектыўна ажыццяўляць дзейнасць па дасягненні яе мэт. Комплексна асвятляюцца парадак фарміравання, прадметы выдзення, паўнамоцтвы, арганізацыя работы, віды нарматыўных прававых актаў, якія прымаюцца organамі Саюзнай дзяржавы. Структура органаў Саюзнай дзяржавы ўключае Вышэйшы Дзяржаўны Савет, Парламент, Савет Міністраў, Пастаянны Камітэт, Суд, Падліковую палату, галіновыя і функцыянальныя камітэты.

У. В. Фядосаў. Архивоведение в системе междисциплинарных связей *(историографический обзор)*.

Прааналізаваны міждысцыплінарныя сувязі архівазнаўства. Асноўная ўвага звернута на ўзаемасувязі архівазнаўства з філасофіяй, навукай аб сацыяльным кіраванні і яе прыкладной дысцыплінай — дакументазнаўствам, гісторыяй дзяржаўных устаноў, сучаснымі інфармацыйнымі тэорыямі і дысцыплінамі, крыніцазнаўствам. Акрэслена кола іншых навуковых дысцыплін, веды якіх выкарыстоўваюцца архівазнаўствам для развіцця ўласнай тэорыі і практыкі.

М. М. Ялінская. Символика креста в территориальной геральдике Беларуси.

Аб'ектам разгляду ў артыкуле з'яўляецца крыж як адзін з найбольш распаўсюджаных знакаў у міжнароднай геральдыцы і сімволіцы. На падставе гістарычных крыніц і матэрыялаў Дзяржаўнага геральдычнага рэгістра Рэспублікі Беларусь падрабязна аналізуецца формы і значэнне крыжоў у тэрытарыяльнай геральдыцы Беларусі, іх развіццё ў гістарычнай рэтраспектыве. Паказваецца пераёмнасць у сучаснай беларускай гербатворчасці.

А. Б. Жайваронак. Источники по становлению многопартийности в Республике Беларусь.

Артыкул прысвечаны пачатковаму этапу ўзнікнення і эвалюцыі партыйнай сістэмы Беларусі. У ім дадзены крыніцы станаўлення беларускай шматпартыйнасці, сумярэння палітычных падзей, дзейнасці партыі і рэакцыя дзяржаўнай улады на іх. Аўтар дае свой навуковы прагноз рэзультатаў будучай дзейнасці палітычных партыі і грамадскіх рухаў Рэспублікі Беларусь.

Я. С. Мальчэўскі. Склад сістэмы патэнтавай дакументацыі.

Артыкул прысвечаны даследаванню сістэмы патэнтавай дакументацыі ў Беларусі. Аўтарам вылучаюцца асноўныя кампаненты сістэмы. На аснове аналізу дакументаў заявак на аб'екты прамысловай уласнасці вызначаюцца структура і інфармацыйны змест камплектаў заявачых дакументаў. У артыкуле разглядаецца склад дакументаванай інфармацыі дзяржаўных рэсэтраў і ахоўных дакументаў на аб'екты прамысловай уласнасці, вызначаюцца іх функцыі і практычнае значэнне. У рамках даследавання вызначаецца характар узаемазвязей паміж кампанентамі сістэмы патэнтавай дакументацыі.

В. М. Магох. Документы городских управ как источник по истории Великой Отечественной войны (по материалам Государственного архива Минской области).

У артыкуле пададзены крыніцазнаўчы агляд архіўных фондаў гарадскіх упраў перыяду акупацыі 1941—1944 гг., якія захоўваюцца ў Дзяржаўным архіве Мінскай вобласці. Даецца ацэнка ступені іх захаванасці, рэпрэзентатывнасці і навуковай каштоўнасці як гістарычнай крыніцы па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Паказаны іх спецыфічныя асаблівасці, адзначаны найбольш унікальныя і каштоўныя дакументы.

Г. Г. Карапузава. Документы гминных правлений Полесского воеводства как источник по истории региона в 1919—1939 гг. (по материалам Государственного архива Брестской области).

У артыкуле аналізуецца склад і змест дакументаў архіўных фондаў гмінных праўленняў Палесскага ваяводства, якія захоўваюцца ў Дзяржаўным архіве Брэсцкай вобласці. Даецца кароткая характарыстыка сферы дзейнасці, структуры, функцый органаў гміннага самакіравання на заходнебеларускіх землях у складзе Польшчы ў 1919—1939 гг. На прыкладзе гмінных праўленняў Палесскага ваяводства аналізуецца змест дакументаў, якія адкасаліся ў працэсе іх дзейнасці, як крыніцы па вывучэнні сацыяльна-эканамічнага, грамадска-палітычнага, культурнага развіцця Палесся ў міжваенны перыяд. Робіцца спроба сістэматызацыі комплексу дакументаў гмінных праўленняў па відах, аўтарству і змесце.

А. М. Лукашэвіч. Источники Национального исторического архива Беларуси о размерах материального ущерба, нанесенного войной 1812 г. населению белорусских земель.

У артыкуле разглядаюцца пытанні вызначэння памеру матэрыяльных страт, нанесеных вайной 1812 г. насельніцтву беларускіх губерняў і яго кампенсацыі. Адзначаецца, што гэтыя праблемы былі вельмі складанымі для ўрада. У найбольш сціплыя тэрміны, да 1817 г., быў праведзены падлік матэрыяльных страт. Пытанне аб кампенсацыйных выплатах жыхарам беларускіх губерняў вырашалася больш марудна і расцягнулася на дзесяцігоддзі.

І. П. Клімаў. Да праблемы функцыянальнай стратыфікацыі старабеларускай мовы ў ВКЛ XIV—XVIII стст.

У працы разглядаюцца прапановы асобных расійскіх (І. Лапо, В. Мякішаў), украінскіх (П. Плюшч, А. Маскаленка, Л. Гумецкая, Ю. Шавялёў, А. Даніленка) і замежных (М. Мозар) вучоных XX—XXI стст. падзяліць адзіную літаратурна-пісьмовую мову беларусаў і ўкраінцаў XIV—XVIII стст. на дзве мовы, якія звычайна называюцца як *рус(ь)кая мова* і *проста(я) мова*. Першую мову звязваюць з канцылярска-адміністрацыйнай сферай, а другую — з рэлігійнай і літаратурай. Адзначаецца спрэчнасць і

супярэчлівасць такога падзелу, а таксама адсутнасць якога-небудзь сур'эзнага лінгвістычнага матэрыялу для такіх прапаноў.

Я. К. Анішчанка. Да пытання аб падрыхтоўцы заканадаўства Расійскай імперыі аб мякы пастаяннай яўрэйскай аселасці.

Прыведзены дакументы, знойдзеныя ў Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў, з падрыхтоўчых матэрыялаў закону Расійскай імперыі аб яўрэх 1802 г.

В. С. Іванова. З асабістага архіва І. Я. Спрогіса (лісты Дз. І. Даўгялы да І. Я. Спрогіса ў Бібліятэцы Віленскага ўніверсітэта).

Прадстаўлена публікацыя лістоў гісторыка і архівіста Дз. І. Даўгялы з архіва І. Я. Спрогіса, што захоўваюцца ў Бібліятэцы Віленскага ўніверсітэта. Гэта 10 лістоў за 1898—1903 гг., якія найбольш поўна адлюстроўваюць накірунку дзейнасці і погляды Дз. І. Даўгялы, а таксама характарызуюць значныя падзеі з жыцця Віцебскага цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг. Ліставанне можа стаць крыніцай для біяграфічных даследаванняў, даследавання гісторыі архівазнаўства, археаграфіі, крыніцазнаўства, гісторыі штодзённага жыцця жыхароў Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст., аналізу грамадскай свядомасці ў ацэнцы тагачасных падзей і інш.

Дз. У. Караў. Архивы средневековой Руси и Великого Княжества Литовского (X—XV вв. в творческом наследии академика М. К. Любавского).

У артыкуле і публікацыі, заснаваных на аналізе асноўных друкаваных і архіўных крыніц, даследуюцца галоўныя моманты ў архіўнай спадчыне М. К. Любаўскага — аднаго з найбольш вядомых расійскіх і савецкіх гісторыкаў канца XIX — пачатку XX ст. Аўтар адзначае ўнёсак Любаўскага ў савецкае архіўнае будаўніцтва і фарміраванне сістэмы архіўнай адукацыі (1918—1929 гг.). Робіцца выснова аб тым, што акадэмік Любаўскі, аўтар аднаго з першых вучэбных дапаможнікаў у галіне архівазнаўства, выдатны арганізатар і актыўны дзеяч архіўнага будаўніцтва, належаў да той лепшай часткі генерацыі вучоных, якіх можна лічыць ахоўнікамі гістарычнай памяці Айчыны. Дз. Караў адзначае неабходнасць публікацыі «Гісторыі архіўнай справы ў Расіі» ў сучасным навуковым друку.

А. У. Мацук. Асаблівасці выбараў павятовых земскіх ураднікаў у панаванне Аўгуста III (на прыкладзе дакументаў аб выбарах мазырскіх земскіх ураднікаў).

Выяўленыя і прадстаўленыя пяць дакументаў аб выбарах мазырскіх земскіх ураднікаў у рознай ступені паказваюць абмежаванне соймакамі ў ВКЛ каралеўскага права надання ўрадаў. Згодна з заканадаўствам на элекцыйным соймаку выбіралася чатыры кандыдаты на ўрады маршалка, падкамор'я, земскага судзі, падсудка і пісара. Сярод іх кароль выбіраў таго, хто зойме ўрад і выдаваў яму прывілей. Прадстаўленыя дакументы пераканаўча сведчаць, што шляхта імкнулася абмежаваць права караля. Менавіта таму каралю прадстаўляўся толькі адзін кандыдат для зацвярджэння. Фактычна роля караля зводзілася да выдання прывілея абранаму на ўрад. Аўгуст III вымушаны быў змірыцца з такой практыкай, але не прызнаваў яе ў сваіх прывілеях. У іх нічога не згадвалася пра тое, што шляхта ўжо раней пагадзілася і вызначыла па аднаму кандыдату на ўрады маршалка, падкамор'я, земскага судзі і земскага пісара. Усім абраным кандыдатам былі дадзены прывілеі на ўрады, дзе ўказвалася, што кароль выбіраў яго з чатырох прадстаўленых кандыдатаў.

Г. Г. Паўлоўская. Гарадзенскі кляштар сёстраў св. Клары ў «Храналогіі» Томаша Дыганя.

У дадзеным артыкуле змешчаны ўрывак з «Храналогіі ордэна братоў меншых абсервантаў» Томаша Дыганя, у якім апісваюцца заснаванне і дзейнасць кляштара сёстраў бернардынак у Гародні. Гэта працяг публікацыі хронікі Т. Дыганя. Апісаны фрагмент цікавы тым, што ён тычыцца гісторыі жаночага кляштара ордэна. У артыкуле даецца агляд жаночага гісторыяпісання, пачаткаў ордэна бернардынак у Рэчы Паспалітай, гарадзенскага кляштара сёстраў, прадстаўляецца ўрывак з «Храналогіі» з перакладам на беларускую мову.

І. А. Сынкова. Усходняя Еўропа ў апісанні Вілібальда Пірксхаймера.

Артыкул змяшчае кароткі гістарычна-біяграфічны нарыс, прысвечаны жыццю і творчасці выдатнага нямецкага гуманіста Вілібальда Пірксхаймера (1470—1530). Адным з напрамкаў яго шматграннай дзейнасці была гістарыяграфія. Пірксхаймер належаў да таго пакалення нямецкіх гісторыкаў-гуманістаў, якія імкнуліся да выкладання фактаў і пазбягалі вымыслу, што і вызначыла каштоўнасць яго гістарычных прац. «Кароткае апісанне Германіі» ўяўляе сабой папулярны ў XVI ст. жанр гістарычна-геаграфічнага агляду. У гэтым творы распавядалася не толькі пра Германію, але ахоплівалася і большая частка Еўропы. Асабліва цікавасць уяўляе апублікаваны фрагмент гэтай кнігі з апісаннем краін Усходняй Еўропы і ў тым ліку беларускіх зямель.

І. М. Шпілёўская. Сенатарская рэвізія канцелярыі начальніка Витебской губернии 1853 г.

Публікуюцца матэрыялы сенатарскай рэвізіі канцелярыі віцебскага грамадзянскага губернатара за 1853 г., якія захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі: суправаджальнае пісьмо ад 19 лістапада 1853 г. сенатара Д. Д. Ахлестышава, які рэвізаваў Віцебскую губерню, губернатара П. Н. Ігнацьева да «агульных вывадаў з агляду аб справаводстве канцелярыі начальніка Віцебскай губерні» і названья вышэй «агульныя высновы». Змест дакументаў адлюстроўвае выяўленні злоўжывання ў дзеяннях службовых асоб, кадравыя змены і недахопы ў вядзенні справаводства.

М. Ф. Шумейка. Из истории подготовки международных археографических публикаций (*методические рекомендации по археографической обработке документов серии сборников «Восстание 1863 г.»*).

Друкуюцца распрацаваныя беларускім гісторыкам-архівістам і філолагам Г. В. Кіслёвым (1931—2008) метадычныя рэкамендацыі па археографічнай апрацоўцы дакументаў беларуска-літоўскіх тамоў міжнароднага серыйнага дакументальнага выдання «Паўстанне 1863 г.», якое рыхтавалася савецкімі і польскімі гісторыкамі і архівістамі да 100-годдзя паўстання. Яны сведчаць аб удзеле беларускіх гісторыкаў-архівістаў у рэалізацыі міжнародных археографічных праектаў, укладзе ў фарміраванне нарматыўна-метадычнай базы ў сферы эдыцыйнай дзейнасці.

РЕЗЮМЕ

А. М. Запартыко, А. В. Запартыко. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Пачатак (да 50-годдзя заснавання).

В публикации дана характеристика документам, которые раскрывают процесс реализации идеи и условия создания в Беларуси литературного архива, а также первые шаги деятельности одного из уникальных архивных учреждений — Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства. Публикуемые документы приводят неизвестные факты из истории архива-музея и освещают роль в его создании Архивного управления при Совете Министров БССР, Института литературы имени Янки Купалы АН БССР, известных архивистов А. И. Азарова, Т. А. Трухиной и др.

Э. М. Савицкий. Органы Союзного государства Беларуси и России.

Вступление в силу Договора о создании Союзного государства Беларуси и России от 8 декабря 1999 г. положило начало новому этапу развития процесса белорусско-российской интеграции. В статье показано, что этот документ носит характер учредительного акта, определяющего статус создаваемого межгосударственного образования. Прослеживается процесс создания принципиально новой системы органов Союзного государства, которая позволяет наиболее эффективно осуществлять деятельность по достижению его целей. Комплексно освещаются порядок формирования, предметы ведения, полномочия, организация работы, виды нормативных правовых актов, принимаемых органами Союзного государства. Структура органов Союзного государства включает Высший Государственный Совет, Парламент, Совет Министров, Постоянный Комитет, Суд, Счетную палату, отраслевые и функциональные комитеты.

В. В. Федосов. Архивоведение в системе междисциплинарных связей (*историографический обзор*).

Проведен анализ междисциплинарных связей архивоведения. Основное внимание обращено на взаимосвязи архивоведения с философией, наукой о социальном управлении и ее прикладной дисциплиной — документоведением, историей государственных учреждений, современными информационными теориями и дисциплинами, источниковедением. Обозначен круг других научных дисциплин, знания которых используются архивоведением для развития собственной теории и практики.

М. М. Елинская. Символика креста в территориальной геральдике Беларуси.

Объектом рассмотрения в статье является крест как один из наиболее распространенных знаков в международной геральдике и символикe. На основе исторических источников и материалов Государственного геральдического регистра Республики Беларусь подробно анализируются формы и значение крестов в территориальной геральдике Беларуси, их развитие в исторической ретроспективе. Показывается предметность в современном белорусском герботворчестве.

А. Б. Жайворонюк. Источники по становлению многопартийности в Республике Беларусь.

Статья посвящена начальному этапу возникновения и эволюции партийной системы Беларуси. В ней даны источники становления белорусской многопартийности, соизмерения складывающихся политических событий, деятельности партий и реакция государственной власти на них. Автор дает свой научный прогноз результатов будущей деятельности политических партий и общественных движений Республики Беларусь.

Е. С. Мальчевский. Склад сістэмы патэнтавай дакументацыі.

Статья посвящена исследованию системы патентной документации в Беларуси. Автором выделяются основные компоненты системы. На основе анализа документов заявок на объекты промышленной собственности определяются структура и информационное содержание комплектов заявочных документов. В статье рассматривается состав документированной информации государственных реестров и охраняемых документов на объекты промышленной собственности, определяются их функции и практическое значение. В рамках исследования определяется характер взаимосвязей между компонентами системы патентной документации.

В. М. Матюх. Документы городских управ как источник по истории Великой Отечественной войны (*по материалам Государственного архива Минской области*).

В статье представлен источниковедческий обзор архивных фондов городских управ периода оккупации 1941—1944 гг., хранящихся в Государственном архиве Минской области. Дана оценка степени их сохранности, репрезентативности и научной ценности как исторического источника по истории Великой Отечественной войны. Показаны их специфические особенности, отмечены наиболее уникальные и ценные документы.

А. Г. Карапузова. Документы гминных правлений Полесского воеводства как источник по истории региона в 1919—1939 гг. (*по материалам Государственного архива Брестской области*).

В статье анализируются состав и содержание документов архивных фондов гминных правлений Полесского воеводства, хранящихся в Государственном архиве Брестской области. Дается краткая характеристика сферы деятельности, структуры, функций органов гминного самоуправления на западнобелорусских землях в составе Польши в 1919—1939 гг. На примере гминных правлений Полесского воеводства анализируется содержание документов, отложившихся в процессе их деятельности, как источника по изучению социально-экономического, общественно-политического, культурного развития Полесья в межвоенный период. Делается попытка систематизации комплекса документов гминных правлений по видам, авторству и содержанию.

А. М. Лукашевич. Источники Национального исторического архива Беларуси о размерах материального ущерба, нанесенного войной 1812 г. населению белорусских земель.

В статье рассматриваются вопросы определения размера материального ущерба, нанесенного войной 1812 г. населению белорусских губерний и его компенсации. Отмечается, что эти проблемы были очень сложными для правительства. В наиболее краткие сроки, до 1817 г., был произведен подсчет материального ущерба. Вопрос об компенсационных выплатах жителям белорусских губерний решался более медленно и растянулся на десятилетия.

И. П. Климов. Да праблемы функцыянальнай стратыфікацыі старабеларускай мовы ў ВКЛ XIV—XVIII стст.

В работе рассматриваются предложения некоторых российских (И. Лаппо, В. Мякишев), украинских (П. Плющ, А. Москаленко, Л. Гумецкая, Ю. Шевелёв, А. Даниленко) и зарубежных (М. Мозер) ученых XX—XXI вв. разделить единый литературно-письменный язык белорусов и украинцев XIV—XVIII вв. на два языка, обычно называемые как *рус(ь)кая мова* и *проста(я) мова*. Первый язык обычно связывают с канцеляр-

ско-административной сферой, а второй — с религией и литературой. Отмечается спорность и противоречивость такого разделения, а также отсутствие какого-либо серьезного лингвистического материала для таких предложений.

Е. К. Онищенко. Да пытання аб падрыхтоўцы заканадаўства Расійскай імперыі аб мяжы пастаяннай яўрэйскай аселасці.

Приведены документы, найденные в Российском государственном архиве древних актов, из подготовительных материалов закона Российской империи о евреях 1802 г.

О. С. Иванова. З асабістага архіва І. Я. Спрогіса (*лісты Дз. І. Даўгялы да І. Я. Спрогіса ў Бібліятэцы Віленскага ўніверсітэта*).

Представленная публикация — это письма историка и архивиста Д. И. Довгялло из архива И. Я. Спрогиса, хранящиеся в Библиотеке Виленского университета. Опубликованы 10 писем за 1898—1903 гг., которые наиболее полно отражают направления деятельности и взгляды Д. И. Довгялло, а также характеризуют значительные факты деятельности Витебского центрального архива древних актов книг. Переписка может стать источником для биографических исследований, исследований по истории архивоведения, археографии, источниковедения, истории повседневности конца XIX — начала XX в., анализа общественной мысли и т. д.

Д. В. Карев. Архивы средневековой Руси и Великого Княжества Литовского (X—XV вв. в творческом наследии академика М. К. Любавского).

В статье и публикации, основанных на анализе опубликованных и архивных источников, исследуются важные моменты в архивном наследии М. К. Любавского — одного из наиболее известных российских и советских историков конца XIX — начала XX в. Оценивается вклад Любавского в советское архивное строительство и формирование системы архивного образования (1918—1929 гг.). Делается вывод о том, что академик Любавский, автор одного из первых учебных пособий в области архивоведения, выдающийся организатор и активный участник архивного строительства, принадлежал к той лучшей части поколения ученых, которых можно назвать хранителями исторической памяти Отечества. Д. Карев отмечает необходимость публикации «Истории архивного дела в России» в современной научной печати.

А. В. Мацук. Асаблівасці выбараў павятовых земскіх уряднікаў у панаванне Аўгуста III (*на прыкладзе дакументаў аб выбары мазьрскіх земскіх уряднікаў*).

Выявленные и представленные пять документов о выборе мазьрских земских урядников в разной степени показывают ограничение сеймиками ВКЛ королевского права надания урядов. Согласно законодательству на элекционном сеймике избиралось четыре кандидата на уряды маршалка, подкомория, земского судьи, подсудка и писаря. Среди их король избирал того, кто получит уряд и выдавал ему привилей. Представленные документы убедительно свидетельствуют, что шляхта стремилась ограничить право короля. Именно поэтому королю представлялся только один кандидат для утверждения. Фактически роль короля сводилась к выдаче привилей избранному на уряд. Август III был вынужден смириться с такой практикой, но не признавал ее в своих привилеях. В них ничего не упоминалось о том, что шляхта уже раньше пришла к согласию и определила по одному кандидату на уряды маршалка, подкомория, земского судьи и земского писаря. Всем избранным кандидатам были выданы привилеи на уряды, где указывалось, что король выбрал его из четырех представленных кандидатов.

А. Г. Павловская. Гарадзенскі кляштар сёстраў св. Клары ў «Храналогіі» Томаша Дыганя.

В данной статье представлен отрывок из «Хронологии ордена братьев меньших обсервантов» Томаша Дыганя, в котором описываются возникновение и деятельность монастыря сестер бернардинок в Гродно. Это продолжение публикации хроники Т. Дыганя. Описываемый фрагмент интересен тем, что он касается истории женского монастыря ордена. В статье дается обзор женского монашества, истоков ордена бернардинок в Речи Посполитой, гродненского монастыря сестер, представляется отрывок из «Хронологии» с переводом на белорусский язык.

И. А. Сынкава. Усходняя Еўропа ў апісанні Вілібальда Піркхаймера.

Статья содержит краткий историко-биографический очерк, посвященный жизни и творчеству выдающегося немецкого гуманиста Вилибальда Пиркхаймера (1470—1530). Одним из направлений его многогранной деятельности была историография. Пиркхаймер принадлежал к тому поколению немецких историков-гуманистов, которые стремились к изложению фактов и избегали вымысла, что и определило значимость его исторических работ. «Краткое описание Германии» представляет собой популярный в XVI в. жанр историко-географического сочинения. В этом произведении рассказывалось не только о Германии, но охватывалась большая часть Европы. Особый интерес представляет публикуемый фрагмент этой книги, посвященный описанию стран Восточной Европы и, в том числе, белорусских земель.

И. Н. Шпилевская. Сенаторская ревизия канцелярии начальника Витебской губернии 1853 г.

Публикуются материалы сенаторской ревизии канцелярии витебского гражданского губернатора за 1853 г., хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси: препроводительное письмо от 19 ноября 1853 г. сенатора Д. Д. Ахлестышева, ревизовавшего Витебскую губернию, губернатору П. Н. Игнатеву к «общим выводам из обзора о делопроизводстве канцелярии начальника Витебской губернии» и вышеназванные «общие выводы». Содержание документов отражает выявленные злоупотребления в действиях должностных лиц, кадровые изменения и недостатки в ведении делопроизводства.

М. Ф. Шумейко. Из истории подготовки международных археографических публикаций (*методические рекомендации по археографической обработке документов серии сборников «Восстание 1863 г.»*).

Публикуются разработанные белорусским историком-архивистом и филологом Г. В. Киселевым (1931—2008) методические рекомендации по археографической обработке документов белорусско-литовских томов международного серийного документального издания «Восстание 1863 г.», готовившегося советскими и польскими историками и архивистами к 100-летию восстания. Они свидетельствуют об участии белорусских историков-архивистов в реализации международных археографических проектов, их вкладе в формирование нормативно-методической базы в сфере эдиционной деятельности.

SUMMARY

In the article of **Aliaksandr and Hanna Zapartyka** the characteristics of documents that reflect the process of implementing the idea and conditions of create of a literary archive in Belarus, as well as the first steps of one of unique institutions — the Belarusian State Archives-Museum of Literature and Art. Published documents contain unknown facts from the history of the Archives-Museum and highlights the role of Archival Administration under the Council of Ministers of the BSSR, the Institute of Literature named after Yanka Kupala of Academy of Sciences of the BSSR, known archivists A. I. Azarau, T. A. Trukhina etc. in its creation.

Entry into force of the treaty establishing the Union State of Belarus and Russia on December 8, 1999 marked the beginning of a new stage of development of Belarusian-Russian integration. The article of **Eduard Savitski** shows that this document is in the nature of the constituent instrument defining the status of the interstate formation. The process of creating a fundamentally new system of organs of the Union State, which allows most effectively to achieve its goals, is traced. The order of formation, objects of reference, powers, organization of work, types of normative and legal acts, adopted by bodies of the Union State, highlights complex. The structure of the Union State bodies includes the Supreme State Council, the Parliament, the Council of Ministers, the Standing Committee, the Court, the Accounting Chamber, sectoral and functional committees.

The **Uladzimir Fiadosau**'s article contains the analysis of interdisciplinary connections of archival science. The main attention is drawn to the relationship of archival science to the philosophy, the science of social management and his applied discipline — records keeping and the history of public institutions, modern information theories and disciplines. Outline a range of other scientific disciplines, knowledge of which is used by archival science to develop their own theory and practice.

The object of consideration in the article of **Maryna Jalinskaja** is the cross as one of the most common signs of international heraldry and symbolism. On the basis of historical sources and materials of the State Heraldic Register of the Republic of Belarus the form and meaning of crosses in the territorial heraldry of Belarus, its development in historical perspective are analyzed in detail. Continuity in modern belarusian creating of coats of arms is shown.

The **Andrej Zhayvaronak**'s article is devoted to the initial stage of formation and evolution of the party system in Belarus. It identified the sources that illuminate the formation of the Belarusian multiparty, political events, the activities of political parties and the reaction of the government on it. The author gives a scientific forecast of activity of political parties and social movements of the Republic of Belarus.

The **Yauhen Malcheuski**'s article is dedicated to the study of the patent documentation system in Belarus. The author defines the main components of the system. On the basis of the analysis of application records the structure and information content of application files are determined. The author considers the composition of recorded information of state registers and protection titles for industrial property objects and defines their functions and practical importance. Within the framework of the study interlinks between the components of the patent documentation system are described.

The source study review of archival funds of town councils of the period of occupation 1941—1944, stored in the State archive of the Minsk area, is presented in article of **Vasil Matoh**. The estimation of degree of their safety, representativeness and scientific value as

historical source on Great Patriotic War stories is given. Their specific features are shown, the most unique and important documents are noted.

The article of **Hanna Karapuzava** analyzes the composition and content of archives documents of gmina boards of Palesie Voivodeship stored in the State Archives of Brest Region. We give a brief description of the scope, structure, function, self-government bodies gminas in western Belarusian lands of Poland in the years 1919—1939. With an example gmina boards of Palesie Voivodeship the content of the documents deposited in the course of their activities is reviewed as a source for the study of socio-economic, socio-political and cultural development of Palesie in the interwar period. An attempt to systematize the complex documents of gmina boards by type, authorship and content.

Questions of the determination of the size of the material damage, inflicted by war 1812 the population of the Belarusian provinces and its compensation are considered in the article of **Andrej Lukashevich**. It is noted that these problems have been very difficult for the government. At the most compressing period, to 1817. was made count of the material damage. The question about compensation payments to residents of the Belarusian provinces resolved much more slowly and lasted for decades.

The **Ihar Klimau**'s paper considers the suggestions of some Russian (I. Lappo, W. Miakiszew), Ukrainian (P. Pljušč, A. Moskalenko, L. Humec'ka, G. Shevelov, A. Danylenko), and foreign (M. Moser) scholars of the 20th and the 21st c. to divide common standard language of Belarusians and Ukrainians during the 14—18th cc. into two languages called usually as *rust* ('*ka mova* and *prostaj*) *mov*. The former is applied commonly to the administrative domain; the last is applied to religion and literature. The paper point out debatableness and contradictoriness of such dividing as well as absence of some strong linguistic materials for those suggestions.

Documents discovered in the Russian State Archive of Ancient Acts, from the preparatory work of the law of the Russian empire on Jews in 1802 are given in the article of **Yauhen Anishchanka**.

The documental publication by **Volha Ivanova** includes the letters of the historian and archivist Dmitry Daugiala from the personal archive of Ivan Sprogis, saved in the Vilno University Library. 10 letters from 1898 to 1903 illustrate activities and views of Dmitry Daugiala, and characterize the most important facts from the history of the Vitebsk Central Archiv of Ancient Documents. The correspondence may be used as a source for biography investigations, researches in the field of archival science, archeography, source science, the history of every-day life at the end of XIX — beginning of the XX cent., the analysis of the social thinking and etc.

The article and publication by **Dzmitry Karau** based on the analysis of the main published and archival resources, the author examines the predominate moments of the archival heritage of M. K. Lubavsky — one of the famous Russian and Soviet historians of the 19th — the beg. of the 20th century. The author presents the contribution of Lubavsky in the Soviet archival building and the archival education (1918—1929). We may come to the conclusion that the academician of the AS of the USSR M. K. Lubavsky, the author of one of the first textbooks in the sphere of archival studies, an evident organizer and an active participant of archival building, belonged to the best part of the generation of scientists who may be considered to be the preservers of the historical memory of the Motherland. D. Karev marks the necessity of publishing «The History of Archiving in Russia» in modern scientific editions.

Five documents about elections of people's officials of Mozyr are presented by **Andrej Matsuk**. They show in different degree limitation by seymiks in the GDL kings right to grant different posts. According to law on the elections seymiks were chosen four candidates on the post of marshal, padkamory, people's judge, underjudge, and clerk. The king chose among them one person and gave him document on the post. Documents, which are presented in the article, gave us evidence that shlachta seeded to limit kings right. That's why only one candidate on the each post was presented to the king for confirmation. In fact the role of king was only to give document for person, who was chosen on the post. August III was forced to become reconciled with this practice, but didn't declare it in his documents. For every chosen candidate were given document on the post, in which was pointed, that the king chose this person among four presented candidates.

The article of **Hanna Paulouskaja** presents a fragment of «Chronologia Ordinis Fratrum Minorum de Observantia» written by Thomas Digon, which describes the origins and history of the convent of sisters of S. Claire in Harodnia. It is a continuation of edition of the Th. Digon's chronicle. The present fragment is of great importance because it presents history of a female convent of the order. The article describes historiography written by women, the beginnings of the order of S. Claire and its Harodnia convent; it presents the fragment of the «Chronologia». The fragment is published with its translation into Belarusian.

The article of **Iryna Synkova** contains the short historical and bibliographical essay dedicated to the life and the works of the famous Germany humanist Wilibald Pirckheimer (1470—1530). One of the spheres of his many-side activity was historiography. Pirckheimer belonged to that generation of the Germany historians-humanists which strived for the account of the facts and avoided inventions. And it was a reason of the importance of his historical wars. «The short description of Germany» is a work in the historical-geographical genre that was popular in the 16th century. This work told not only about Germany but about the most part of Europe. The published fragment of this book dedicated to the description of the East Europe including Belarus is an especially interesting.

Iryna Shpileuskaya publishes materials of senatorial audit of the civil office of governor of Vitebsk province in 1853, which are stored in the National Historical Archives of Belarus: a cover letter dated November 19, 1853 Senator D. D. Ahlestyshev, which audited the Vitebsk province, to the governor of the P. N. Ignatiev to «the overall findings of the review of record keeping in office of the chief of the Vitebsk region». Contents of the documents reflects shortcomings in the actions of officials, personnel changes and deficiencies in record keeping.

Mihail Shumeyka publishes the archaeographic guidelines developed by Belarusian historian, archivist and philologist G. V. Kiselev (1931—2008) for handling documents of the Belarusian-Lithuanian volumes of international documentary serial edition «Uprising in 1863», prepared by Soviet and Polish historians and archivists for the 100th anniversary of the uprising and. They show the participation of Belarusian historians archivists in the implementation of international archaeographic projects, their contribution to the formation of normative-methodical base in edition activities.

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

- Анішчанка Яўген Канстанцінавіч**, кандыдат гістарычных навук.
- Бейнер Алена Генадзьеўна**, загадчык аддзела захаванасці дакументаў і фондаў Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Барысаўе; e-mail: zga.bor@mail.ru.
- Варанко Ірына Міхайлаўна**, загадчык аддзела інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання дакументаў Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці; e-mail: grodnooblarhiv@tut.by.
- Воранава Таццяна Рыгораўна**, загадчык аддзела навуковага выкарыстання дакументаў і інфармацыі Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь; e-mail: narb@narb.by.
- Гарачава Роза Фуатаўна**, намеснік дырэктара Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў г. Гродна; e-mail: niab_grodno@tut.by.
- Жайваронак Андрэй Барысавіч**, дацэнт кафедры сацыяльных навук Ваеннай акадэміі Рэспублікі Беларусь, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Расійскага дзяржаўнага сацыяльнага ўніверсітэта (філіял у г. Мінску), кандыдат гістарычных навук.
- Жумар Сяргей Уладзіміравіч**, намеснік дырэктара БелНДЦДАС, кандыдат гістарычных навук; e-mail: secretar@belniidad.by.
- Запартыка Аляксандр Міхайлавіч**, дырэктар Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі; e-mail: bgantd@mail.ru.
- Запартыка Ганна Вячаславаўна**, дырэктар Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва; e-mail: bdamlim@tut.by.
- Іванова Вольга Сяргееўна**, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Інстытута парламентарызму і прадпрымальніцтва, кандыдат гістарычных навук; e-mail: ivanova_olga_s@mail.ru.
- Карапузава Ганна Генадзьеўна**, дырэктар Дзяржаўнага архіва Брэскай вобласці; e-mail: oblgosarhiv@brest.by.
- Караў Дзмітрый Уладзіміравіч**, прафесар Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, доктар гістарычных навук; e-mail: karev-dv@yandex.ru.
- Клімаў Ігар Паўлавіч**, дацэнт кафедры беларускай філалогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў, кандыдат філалагічных навук; e-mail: klimau@mail.ru.
- Лукашэвіч Андрэй Міхайлавіч**, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.
- Макаранка Алена Аляксандраўна**, загадчык аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь; e-mail: narb@narb.by.
- Мальчэўскі Яўген Сяргеевіч**, вядучы спецыяліст аддзела кантролю і справаводства Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці, магістр гістарычных навук.
- Магох Васіль Міхайлавіч**, вядучы навуковы супрацоўнік Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці; e-mail: albarussia@tut.by.
- Мацук Андрэй Уладзіміравіч**, навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, кандыдат гістарычных навук; e-mail: anrzey@tut.by.

- Нявежын Уладзімір Аляксандравіч**, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута расійскай гісторыі Расійскай акадэміі навук, доктар гістарычных навук; e-mail: nevva@mail.ru.
- Пазднякоў Валерый Сямёнавіч**, загадчык аддзела археаграфіі БелНДЦДАС, кандыдат гістарычных навук; e-mail: vp@miensk.com.
- Паўлоўская Ганна Генрыхаўна**, аспірант Варшаўскага ўніверсітэта; e-mail: handziara@gmail.com.
- Савіцкі Эдуард Міхайлавіч**, галоўны навуковы супрацоўнік БелНДЦДАС, доктар гістарычных навук, прафесар; e-mail: secretar@belniidad.by.
- Селяменёў Вячаслаў Дзмітрыевіч**, дырэктар Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, кандыдат гістарычных навук; e-mail: narb@narb.by.
- Сынькова Ірына Анатолеўна**, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Мінскага інстытута кіравання, кандыдат філасофскіх навук; e-mail: isynkova@yahoo.com.
- Фядосаў Уладзімір Васільевіч**, намеснік дырэктара БелНДЦДАС, кандыдат эканамічных навук; e-mail: secretar@belniidad.by.
- Шпілеўская Ірына Мікалаеўна**, навуковы супрацоўнік БелНДЦДАС; e-mail: dokumentoved@tut.by.
- Шумейка Міхал Фёдаравіч**, вядучы навуковы супрацоўнік БелНДЦДАС, кандыдат гістарычных навук.
- Ялінская Марына Міхайлаўна**, галоўны спецыяліст аддзела навуковага выкарыстання дакументаў і інфармацыі Дэпартаменту па архівах і справаходству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, кандыдат гістарычных навук; e-mail: belcom@archives.gov.by.

**ПРАВИЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»**

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні па розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументалістыкі і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя працы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляе Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года паслявузаўскага навучання (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць персанальную адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю ўжо раней апублікаваных артыкулаў або артыкулаў, прынятых да друку іншымі выданнямі.
5. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонай рады, аддзела, кафедры з месца працы з рэкамендацыйнай артыкула да друку.
6. Дапускаецца замест выпіскі з пратакола прадставіць дзве рэцэнзіі — доктара і кандыдата навук, якія з'яўляюцца спецыялістамі ў той галіне ведаў, па якой зроблена даследаванне. Рэцэнзіі павінны ўтрымліваць рэкамендацыі артыкула да друку.
7. Рэкамендацыі да друку навуковых артыкулаў, падрыхтаваных супрацоўнікамі органаў і ўстаноў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляюць Вучоныя рады БелНДІДАС, БелНДЦЭД, дзяржаўных архіваў.
8. Для публікацый дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не патрабуюцца.
9. Рукапіс завяраецца подпісам аўтара з прастаўленнем даты, а таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы, займаемая пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (не публікуюцца) і кантактныя тэлефоны (e-mail) для зваротнай сувязі чытачоў з аўтарам (публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычны электронны варыянт артыкула.
10. Артыкул забяспечваецца анатацыяй на беларускай (рэзюмэ), рускай (резюме) і англійскай (summary) мовах памерам 100—150 слоў.
11. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвала, палі верхняе і ніжняе па 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.
12. Бібліяграфічныя спасылкі афармляюцца згодна з главой 5 Інструкцыі па афармленні дысертацыі і аўтарэферата (пастанова ВАК Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, апублікавана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 20 сакавіка 2006 г., № 41, 7/603).

13. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца для публікацыі ў штогодніку ў наступным годзе.
14. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за апублікаванне навуковых артыкулаў.

*Рэдакцыйная калегія
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск,
arheograph@belniid.by*

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

<i>А. М. Запартыка, Г. В. Запартыка.</i> Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Пачатак (да 50-годдзя заснавання)	5
<i>Э. М. Савицкий.</i> Органы Союзного государства Беларуси и России	32
<i>В. В. Федосов.</i> Архивоведение в системе междисциплинарных связей (историографический обзор).....	72
<i>М. М. Елинская.</i> Символика креста в территориальной геральдике Беларуси.....	81
<i>А. Б. Жайворонок.</i> Источники по становлению многопартийности в Республике Беларусь.....	105
<i>Я. С. Мальчэўскі.</i> Склад сістэмы патэнтавай дакументацыі	116
<i>В. М. Матох.</i> Документы городских управ как источник по истории Великой Отечественной войны (по материалам Государственного архива Минской области)	125
<i>А. Г. Карапузова.</i> Документы гминных правлений Полесского воеводства как источник по истории региона в 1919—1939 гг. (по материалам Государственного архива Брестской области).....	132
<i>А. М. Лукашевич.</i> Источники Национального исторического архива Беларуси о размерах материального ущерба, нанесенного войной 1812 г. населению белорусских земель.....	145
<i>І. П. Клімаў.</i> Да праблемы функцыянальнай стратыфікацыі старабеларускай мовы ў ВКЛ XIV—XVIII стст.	157

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

<i>Я. К. Анічанка.</i> Да пытання аб падрыхтоўцы заканадаўства Расійскай імперыі аб мяжы пастаяннай яўрэйскай аселасці	171
<i>В. С. Іванова.</i> З асабістага архіва І. Я. Спрогіса (лісты Дз. І. Даўгялы да І. Я. Спрогіса ў Бібліятэцы Віленскага ўніверсітэта)	177
<i>Д. В. Карев.</i> Архивы средневековой Руси и Великого Княжества Литовского (X—XV вв. в творческом наследии академика М. К. Любавского)	190
<i>А. У. Мацук.</i> Асаблівасці выбараў павятовых земскіх ураднікаў у панаванне Аўгуста III (на прыкладзе дакументаў аб выбары мазьірскіх земскіх ураднікаў)	214
<i>Г. Г. Паўлоўская.</i> Гарадзенскі кляштар сёстраў св. Клары ў «Храналогіі» Томаша Дыганя	226
<i>І. А. Сынкова.</i> Усходняя Еўропа ў апісанні Вілібальда Піркхаймера	250
<i>И. Н. Штлевская.</i> Сенаторская ревизия канцелярии начальника Витебской губернии 1853 г.	263
<i>М. Ф. Шумейко.</i> Из истории подготовки международных археографических публикаций (методические рекомендации	

по археографической обработке документов серии сборников «Восстание 1863 г.»).....

273

ПОСТАЦІ

<i>М. Ф. Шумейко.</i> Чтобы помнили: к 80-летию со дня рождения А. В. Воробьева (21.02.1930—4.06.2006)	292
<i>Д. В. Карев.</i> Э. М. Савицкий — историк, архивист, педагог	295
<i>Е. А. Макаренко.</i> Биографический очерк о Лихтенштейн Галине Николаевне.....	297
<i>Т. Г. Воронова.</i> К 70-летию со дня рождения А. Ф. Марковой	298
<i>Г. В. Запартыка.</i> Ганна Дзмітрыеўна Харавец. Жыццё і служэнне архіўнай справе (да 70-годдзя з дня нараджэння).....	300
<i>И. М. Воронко.</i> Почетный архивист Караськ Нина Витальевна	303
<i>С. В. Жумарь.</i> У. В. Фядосаву — 60 гадоў	304
<i>Е. Г. Бейнер.</i> К 60-летию со дня рождения О. А. Козак	305
Памяти Ф. Э. Савинской.....	306
<i>Р. Ф. Горячева.</i> Памяти Ольги Николаевны Синициной посвящается	307

РЭЦЭНЗІІ

<i>С. В. Жумарь.</i> Новая книга по истории права Белорусской ССР	310
<i>В. С. Іванова.</i> Даведнік па дакументах асабістага паходжання ў дзяржаўных архівах Рэспублікі Беларусь	312
<i>В. А. Невежін.</i> Архивы и имена	317
<i>В. А. Сабалеўская.</i> Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 — ліпень 1944).....	319
<i>В. Дз. Селяменеў.</i> Цікавая старонка ў гісторыі беларускага нацыянальнага руху	324
<i>В. С. Пазднякоў.</i> Новае археографічнае выданне па ваеннай гісторыі.....	327

РЭЗІЮМЭ .....

330

РЕЗЮМЕ .....

334

SUMMARY .....

338

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ .....

341

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

«Беларускага археографічнага штогодніка».....

343

ЗМЕСТ .....

345

CONTENTS.....

347

Адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак нясуць аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў.

CONTENTS

ARTICLES

- A. M. Zapartyka, G. V. Zapartyka. The Belarusian State Archives-Museum of Literature and Art. The beginning. (50th anniversary of the foundation)..... 5
- E. M. Savitsky. The bodies of the Union State of Belarus and Russia 32
- U. V. Fiadosau. Archival science in the interdisciplinary connections (historiographical review) 72
- M. M. Yalinskaya. Symbolism of the Cross in the territorial heraldry of Belarus..... 81
- A. B. Zhayvaronak. Sources on the establishment of a multiparty system in the Republic of Belarus..... 105
- Y. S. Malcheuski. Structure of system of the patent documentation..... 116
- V. M. Matoh. Documents of town councils as a source on the history of the Great Patriotic War (on materials of the State Archive of the Minsk Area) 125
- G. G. Karapuzava. Documents of gmina boards of Palesie Voivodship as a source on the history of the region in the years 1919—1939 (on materials of the State Archives of Brest Region) 132
- A. M. Lukashevich. Sources of the National Historical Archives of Belarus on the extent of material damage of the population of the Belarusian lands caused by the war in 1812..... 145
- I. P. Klimau. On the problem of functional stratification of Old Belarusian language in the Grand Duchy of Lithuania in 16th—18th centuries 157

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

- J. K. Anishchanka. On the preparation of legislation of the Russian Empire on the Pale of Jewish Settlement 171
- V. S. Ivanova. From the personal archive of I. Y. Sprogis (letters of D. I. Daugyala to I. Y. Sprogis at the Library of Vilnius University)..... 177
- D. V. Karau. Archives of medieval Russia and the Grand Duchy of Lithuania (10th—15th cc.) in the creative legacy of academician M. K. Liubavskii 190
- A. U. Matsuk. Features of the election of zemsky county advisers in the rule of August III (documents on the choice of Mazyr zemsky advisers as an example)..... 214
- G. G. Paulouskaya. The convent of sisters of St. Claire in Harodnia in «Chronology» written by Thomas Digon 226
- I. A. Synkova. Eastern Europe in the description of Wilibald Pirckheimer 250
- I. M. Shpileuskaya. Senatorial audit of the chief of Vitebsk province in 1853.... 263
- M. F. Shumeyka. From the history of the international archaeological publications (methodical guidelines for archaeological handling documents of documentary series edition «Uprising in 1863»)..... 273

PERSONALITIES

- M. F. Shumeyka. To be remembered: the 80th birthday of Uladzimir Varabiu (21.02.1930—4.06.2006) 292
- D. V. Karau. E. M. Savitsky — historian, archivist, educator 295
- E. A. Makaranka. Biographical sketch of Liechtenstein Galina Mikalaeuna 297
- T. G. Voranova. On 70th birthday of A. F. Markava..... 298
- G. V. Zapartyka. Ganna Dzmitrievna Haravets. Life and ministry of archival business (the 70th birthday) 300
- I. M. Varonka. Honorary Archivist Karas'k Nina Vitalieuna 303
- S. U. Zhumar. U. V. Fiadosau — 60 years 304
- E. G. Beyner. To the 60th anniversary of V. A. Kazak 305
- In memory of F. E. Savinskaya 306
- R. F. Garacheva. In memory of Volga Mikalayeuna Sinitsina dedicated 307

REVIEWS

- S. U. Zhumar. A new book on the history of law of the Belarusian SSR 310
- V. S. Ivanova. Guide to documents of a personal origin in the state archives of the Republic of Belarus 312
- V. A. Nyavezhyn. Archives and names 317
- V. A. Sabaleuskaya. The National Communities of Belarus during the German occupation (June 1941—July 1944) 319
- V. D. Selemenev. An interesting chapter in the history of the Belarusian national movement 324
- V. S. Pazdniakou. New archaeological publication on military history..... 327

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік
Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 11

Рэдактары *Т. М. Мальцава, Т. С. Трыгубовіч*
Карэктары *Т. В. Салавей, А. У. Хмялеўская*
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванова*
Тэхнічны рэдактар *Л. Д. Ламзіна*

Падпісана да друку 18.10.2010. Фармат 60×84¹/₁₆. Папера афс.
Рызаграфія. Ум. друк. арк. 20,28. Ул.-выд. арк. 22,14. Тыраж 100 экз. Заказ 6.

Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы
(БелНДЦДАС). ЛІ № 02330/0494378 ад 16.03.2009.
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.

